Князь Александр Невский
и его эпоха

МЭРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ЕГО ЭПОХА

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Под редакцией
Ю. К. БЕГУНОВА и А. Н. КИРПИЧНИКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГ
1995

Книга основана на материалах международной научной конференции, состоявшейся 28—29 июня 1990 г. в С.-Петербурге и посвященной 750-летию Невской битвы и Году Александра Невского. Читатель найдет в сборнике новые факты, касающиеся жизни и деятельности Александра Невского, а также материалы по военной истории Руси и Европы, по истории литературы, искусства и архитектуры XIII в. и т. д. В статьях рассматриваются как новые исторические концепции, так и традиционные взгляды историков на Невскую битву. Обращается внимание на исторические процессы, которые объединяли народы Европы, несмотря на существовавшие между ними различия и противоречия. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкого читателя, интересующегося историей Руси и Европы.

На форзаце: «Битва Александра Невского». Фрагмент мозаичного панно на станции С.-Петербургского метрополитена «Площадь Александра Невского-II». Художник — А. К. Быстров.

ISBN 5-86007-037-3

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ — ПОКРОВИТЕЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Князь Александр Невский — герой русской истории, деятельность которого намного опередила свое время. Стратегия Александра Невского заключалась в защите северных русских земель, сохранении доступа Руси к Балтике, к морским путям, свободной торговле, к беспрепятственным связям с европейским миром. Военные катастрофы и поражения в войнах время от времени разрывали и ослабляли контакты России с Западной и Северной Европой. Это приводило к культурной и технической изоляции страны, замедляло темп ее развития, обрекало на отсталость. Александр Ярославич это отчетливо понимал. Поэтому в своей государственной деятельности он придерживался балтийской геополитической идеи — присутствия русских в балтийских делах. Эта идея восходила к периоду Киевской Руси, но в XIII в., в период губительного монгольского нашествия, именно князь Александр стал выдающимся защитником Руси как открытой миру морской державы. Князь Александр не проиграл ни одной битвы и, будучи властителем Новгородской и Псковской земель, решающим образом способствовал выживанию народа, спасению его культуры и веры. Его рати обороняли северные рубежи страны не только в целях сохранения целостности и независимости государства, но и во имя достижения евробалтийского единства с участием Руси.

Деяния Александра Невского не были забыты. Когда Петр I задумал создать Санкт-Петербург и «ногою твердой стать при море», он опирался на опыт своего предшественника — князя Александра Ярославича. Создание Петром I в 1703 г. Санкт-Петербурга — новой столицы России и «окна в Европу» — было продолжением стратегической политики князя Александра Невского. Не случайно в 1713 г. Петр I заложил в устье р. Черной Александро-Невский монастырь — на том месте, где, как он считал, произошла в 1240 г. победоносная Невская битва со шведами. На самом деле битва состоялась в другом месте, в устье р. Ижоры, но ошибка царя несущественна. 12 сентября 1724 г. в монастырь были перевезены из Владимира останки князя Александра, а в 1990 г. по ини-

циативе патриарха Алексия II в Свято-Троицком соборе рядом с ними поместили ларец с землей, взятой с места битвы в Усть-Ижоре. Так Санкт-Петербург стал хранителем национальных святынь.

Заветы Александра Невского с новой силой исполняются в Петербурге на исходе нашего XX столетия. После длительного перерыва город вновь признается одним из культурных и просветительских центров мира. Возросла роль Петербурга как общероссийского порта. В городе на Неве мы ищем новые, нетрадиционные формы и пути выхода из кризиса, в котором находится наше общество. Петербург — самый крупный город на берегах Балтики — становится центром экономического и культурного сообщества стран этого региона. К пониманию такой роли Санкт-Петербурга приходят и наши западные соседи, интенсивно развивающие сотрудничество с городом. После успешно проведенных Игр Доброй воли Петербург словно «расправил плечи» и сегодня выступает инициатором различных международных выставок и конгрессов. Было бы неплохо вспомнить идею всемирных художественно-промышленных выставок. Такого рода выставки устраивались в Европе и США, но теперь о них почему-то забыли. На берегах Невы мы, едва ли не первые в России, создаем зону свободной торговли. Об этом говорили давно, но только теперь, преодолев немало бюрократических препятствий, удалось приступить к этому новому для нас делу. Санкт-Петербург самой своей судьбой предназначен стать хранителем мирового культурного наследия. С этой целью мы готовы создать под эгидой ЮНЕСКО в нашем городе службу экстренного спасения памятников истории и архитектуры, музейных и архивных собраний, библиотек. В этом направлении готовы работать наши специалисты высочайшей квалификации.

Отстаивая духовность народа, Александр Ярославич одновременно отличался веротерпимостью. И эта традиция возрождается сегодня. Невский проспект вновь становится «улицей всех вероисповеданий». Открыты православный, католический и лютеранский храмы, армянская церковь. Невскую перспективу замыкает Александро-Невская Лавра, которой постепенно передаются ее прежние здания. Площадь перед Лаврой — идеальное место для памятника Александру Невскому. Такого монумента в нашем городе, увы, нет. 12 сентября — день перенесения останков Александра Невского в С.-Петербург — церковь считает своим праздником. Полагаю, что этот праздник, день памяти святого благоверного князя Александра Невского, следует признать также общегородским, а возможно, и общероссийским.

Было бы полезно основать Фонд Александра Невского, который будет оказывать помощь ветеранам войны, а также учредить медаль Александра Невского и премии, но-

сящие его имя, которые присуждались бы горожанам за их выдающиеся труды на благо С.-Петербурга. Ведь кроме правительственных могут быть и городские поощрения и награды. Поддерживаю предложение о регулярном проведении в С.-Петербурге приуроченных к 12 сентября международных научных конференций, посвященных истории, культуре, экономике России и других стран. Выход в свет данного научного сборника, который включает доклады международной конференции, посвященной 750-летию Невской битвы, является важной вехой в исполнении нашего долга перед светлой памятью защитника Отечества святого князя Александра Невского. Эта конференция, привлекшая специалистов из разных стран, впервые была проведена с помощью администрации города.

Подвиги Александра Невского не должны быть забыты в раздумьях о судьбах нашей Родины. Мы храним память об этом великом деятеле — как покровителе и защитнике С.-Петербурга и всего Отечества.

А. А. Собчак,
мэр города Санкт-Петербурга

ОТ РЕДАКТОРОВ

1990 год, объявленный в нашей стране Годом Александра Невского, был ознаменован торжественным празднованием 750-летия Невской битвы. Чем памятно это сражение?

15 июля по старому стилю (22-го — по новому) 1240 г. русские воины под начальством князя Александра Ярославича, позже прозванного Невским, наголову разбили на реке Неве шведское войско. Тем самым была спасена от порабощения Новгородская республика. Русь сохранила свой свободный выход к Балтике.

То была первая судьбоносная победа двадцатилетнего полководца, вплоть до своей кончины в 1263 г. не знавшего поражений. Факт удивительный! Ведь в те годы русские земли постигла величайшая катастрофа: страна подверглась уничтожающему татаро-монгольскому нашествию. И вот в пору, казалось бы, безысходных поражений Русью был дан отпор сильнейшим европейским рыцарям: в 1240 г. — шведам, в 1242 г. — ливонским немцам, а в 1245 г. — литовцам. В те времена большие и малые военные столкновения происходили почти непрерывно. Полуразрушенная страна вынуждена была постоянно себя защищать. И русским наконец-то повезло: явился князь Александр, один из тех незаурядных людей, которые в годы невиданных для Русской земли испытаний сумели организовать ее оборону, сохранить самостоятельность государства и свободу народа.

Что же касается Невской битвы, то она не отличалась истребительной кровожадностью. В военном и морально-политическом отношении она явилась серьезным ударом по захватническим планам шведов. Победа воинов князя Александра на Неве напоминает не о торжестве воинственности: она обращена к защите свободы и независимости народа, к сохранению культуры и веры «светло-светлой» и «украсно-украшенной» Руси. Невская битва — пример торжества исторической правоты народа, достойный международной оценки и изучения. В сражении на Неве со всей очевидностью сказались бесполезность агрессии одного народа против другого. Какой бы ослабленной ни казалась жертва, как бы ни был велик соблазн поживиться за счет чужого, нападающий в конечном итоге принужден был убраться восвояси! Перед нами еще один поучительный урок истории, актуальный и в наше время.

Сказанное полностью определяет наш подход к 750-летнему юбилею Невской битвы как к великому российскому событию, получившему международную известность.

В годы после Невской битвы князь Александр Ярославич выдвинулся как вождь и защитник Руси. Он достаточно трезво оценивал сложившуюся военную ситуацию и избегал конфронтации с татаро-монголами. Несколько раз он ездил в Сарай и в Каракорум, что предотвратило и смягчило карательные акции татаро-монголов, но не спасло Северную Русь от переписи населения в 1257—1259 гг. и от обложения грабительской данью. Понимая невозможность и губительность длительной войны на два фронта — с Ордой и северо-западными соседями, князь Александр в 1262 г. заключил союзный договор с Литвой и договор о мире и торговле с Немецким Орденом и его союзниками. В этом, надо думать, был свой расчет: получить передышку, укрепиться, набраться сил для противостояния главному врагу. Эти планы были дипломатическим взлетом государственной мудрости Невского героя. От боевых действий он перешел к переговорам, очевидно, пытаясь найти будущих союзников среди прежних врагов. Для современников властитель Руси стал олицетворением проницательного международного политика. Автор Жития Александра Невского с полным правом писал: «...благ был домочадцам своим и внешним от стран приходящих кормитель». Под «внешними» разумелись, очевидно, не только купцы и путешественники, но и вообще близкие и дальние соседи Руси.

Русские люди в далеком от нас XIII в. жили ожиданием свержения татаро-монгольского ига, поэтому с симпатией относились к деятельности князя Александра. И он оправдал их ожидания. В своих победоносных сражениях 1240—1256 гг. Александр Невский заложил основы грядущего освобождения Руси. Можно думать, что у нашего князя действительно существовал план постепенной нейтрализации ее противников: были организованы боеспособные силы, осуществлялось строительство крепостей, городские цехи готовили оружие. Александр Ярославич как общерусский князь опирался на общенародную поддержку.

Однако действия Александра Ярославича настораживали монгольскую правящую верхушку Чингизидов. Она усмотрела в них потенциальную угрозу своему владычеству, скрытую за внешней покорностью. Не этим ли объясняется неожиданная смерть руководителя Руси в 1263 г. в Городце на обратном пути из Сарая? Летописец в некрологе по поводу кончины князя Александра справедливо записал: «...иже потрудися за Новгород и за всю Русьскую землю».

Подвиг князя-воина, который помог народу избежать поражения и подчинения своим соседям, поистине сверхчеловеческий. С веками он не забыт. Так, в 1547 г. Александр Невский был канонизирован в качестве святого благоверного князя — заступника Отечества.

Основатель Санкт-Петербурга и освободитель побережья Финского залива от шведского владычества Петр I справедливо считал, что продолжает дело своего великого предшественника. Не случайно именем святого Александра Невского был назван крупнейший городской монастырь, заложенный в 1710 г. у впадения речки Черной в Неву. Русские люди неверно указали царю место, где, по преданию, в 1240 г. произошла битва со шведами: устье реки Черной; на самом деле сражение было в устье реки Ижоры. Исторически эта неточность

несущественна. 12 сентября по новому стилю (30 августа по старому) 1724 г., в третью годовщину Ништадтского мира со Швецией, в новооснованный монастырь из Рождественского монастыря во Владимире был перенесен прах князя-победителя. С тех пор мощи святого хранятся в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры как почитаемая святыня нашего города и народа (в 1989 г. они вновь возвращены в Лавру из Казанского собора).

Традиция, связывающая Александра Невского с новой столицей и защитой родной земли, была подчеркнута еще и тем, что по синодальному указу в праздничную литургию по случаю перенесения мощей князя был вставлен особый пункт о борьбе со Швецией, а еще раньше Святейший Синод постановил изображать святого Александра Невского на иконах не как монаха, а как монарха — в короне, в богатом великокняжеском платье и доспехах. В 1725 г. был учрежден государственный орден святого и благоверного великого князя Александра Невского, возобновленный в 1942 г.

Наше время прибавило к памяти о непобедимом полководце новые детали. В 1990 г. по инициативе патриарха Алексия II земля, взятая на месте битвы в Усть-Ижоре, была освящена и в специальном ларце в сопровождении военного эскорта доставлена в Лавру, где и помещена в Свято-Троицком соборе рядом с мощами победителя шведов и немцев. Освящая усть-ижорскую землю, патриарх призвал помолиться за всех, кто погиб, защищая Родину. И это была достойная дань памяти погибшим от живых.

750-летие Невской битвы было торжественно отмечено в Ленинграде в июне—июле 1990 г. Состоялись собрания, концерты духовной музыки, воинские шествия, выступления общественных деятелей, ученых, представителей церкви и руководителей города. В наземной части станции метро «Площадь Александра Невского-II» открыли прекрасную мозаику «Битва Александра Невского» (художник А. К. Быстров). Александро-Невская церковь в Усть-Ижоре, возведенная на месте битвы, передана Ленинградской православной епархии. О деятельности святого князя вспомнили отечественные средства массовой информации. Об этом написала даже парижская газета «Русская мысль». Издаются книги, посвященные ему. Отметим вышедшую в 1990 г. книгу доктора исторических наук А. Я. Дегтярева «Заступник Отечества». Главный же итог Года Александра Невского — приобщение массовой аудитории к фактам великого события русской истории, к животворному русскому патриотизму. Этому же событию посвящен сборник научных статей «Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг.» (СПб., 1995).

Юбилей Невской битвы и Год Александра Невского прошел без свойственных такого рода праздникам воинственных призывов и восхваления силы победителей.

И в то же время, когда наша страна вступает в пору обновления, когда к России с надеждой и верой обращаются взоры народов всего мира, образ святого князя не только воинским, но и духовным своим существом побуждает нас оценить нравственные уроки прошлого. Герои Невской битвы через века словно обращаются к нам, к народам

Европы, со своим призывом: «Боже праведный! Ты положил пределы народам и повелел жить, не преступая чужих границ!». В этом мы видим великий исторический завет истинных защитников Руси.

Подвиг Александра Невского навечно останется в памяти народа, так как его исторический смысл жив и сегодня и обращен к будущему, будущему без войн.

Члены организационного комитета Ленгорисполкома по проведению Года Александра Невского и празднованию 750-летия Невской битвы под председательством А. А. Щелканова* пришли к убеждению, что разумно установить ежегодный день памяти Александра Невского, защитника Отечества и покровителя города, как общегородской, а может быть, и общероссийский праздник.**

Какую же конкретную памятную дату следует предпочесть? 22 июля 1240 г. (здесь и далее по новому стилю) произошла Невская битва. 16 ноября 1263 г. Александр Ярославич скончался в городе Городце (точная дата его рождения в 1220 г. не установлена). 30 ноября (или 6 декабря по церковному календарю) того же года состоялось его погребение во Владимире-на-Клязьме. 30 августа 1724 г., или 12 сентября по новому стилю, останки князя были перенесены из Владимира в Санкт-Питербурх. Святой Невский герой стал третьим — после апостолов Петра и Павла — небесным покровителем города. Наиболее значимыми датами почитания Александра Невского сейчас признаны именно 6 декабря (день погребения) и 12 сентября (день перенесения мощей). Эти дни отмечаются православной церковью в христианском мире. Стоит напомнить, что кроме России и государств СНГ храмы во имя святого князя действуют ныне во Франции, Германии, Австрии, Финляндии, Эстонии, Дании, Болгарии, Египте, Тунисе и США. С особой торжественностью празднуется день перенесения мощей князя.

Высказано также предложение пригласить в С.-Петербург в один из дней памяти Александра Невского, допустим 12 сентября, зарубежных представителей православной церкви — служителей храмов св. Александра Невского. Такая встреча в Санкт-Петербурге поможет объединению православных соотечественников, любящих свою Родину и желающих способствовать сохранению культурных ценностей и родного языка.

Мы уверены: день памяти святого Александра Невского будет способствовать соединению нарушенной связи времен, напомнит о целостности и защите державы, храбрости и мудрости народа, общеевропейской культурной миссии нашего города Санкт-Петербурга—Ленинграда.

В честь и память 750-летия Невской битвы впервые в Ленинграде 28—29 июня 1990 г. была проведена международная научная конференция «Александр Невский и его время». Ее устроителями стали

---

* Первым председателем упомянутого комитета, образованного 29.01.90 г., был В. Я. Ходырев. Он энергично организовал его работу.

** 6 января 1995 президентом России Б. Н. Ельциным подписан указ № 16 «О праздновании 775-летия со дня рождения Александра Невского». Согласно указу, в 1995 г. во Владимирской, Новгородской, Псковской, Ярославской и Ленинградской областях планируется праздник «Венок славы Александру Невскому».

Ленгорисполком, Ленинградский научный центр АН СССР, Государственный музей этнографии народов СССР. На конференцию собрались ученые Ленинграда, Москвы, Новгорода и Палеха, а также Брюсселя, Берлина, Копенгагена, Мюнхена и Праги. Среди участников конференции был и представитель, так сказать, «побежденной стороны» — шведский ученый из Стокгольма (профессор Андреас Шьёберг).

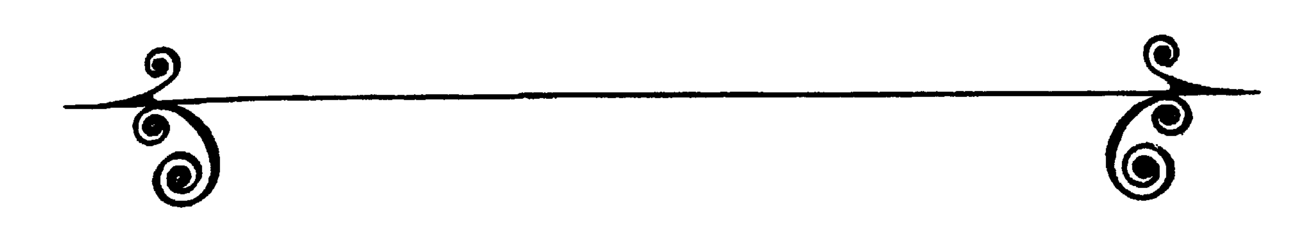
Сам состав специалистов, съехавшихся в Ленинград, показывает, что изучение эпохи Александра Невского имеет международный аспект. Конференции было присуще творческое начало. Удалось избежать национальных пристрастий и преувеличений. Были высказаны новые идеи, заново осмыслены исторические факты. Где бы ни находились участники конференции: в зале заседаний Государственного музея этнографии народов СССР или на экскурсии в первой столице империи Рюриковичей — Старой Ладоге, они соглашались в главном: обсуждение даже самых острых вопросов русской и европейской истории следует вести в спокойной, деловой обстановке, без эмоций и обязательных поисков «образа врага».

Доклады упомянутой научной конференции и представляются в настоящем сборнике. Они сгруппированы в четыре раздела: «Невская битва и защита Русской земли»; «Русь и ее соседи времени Александра Невского»; «Литература и культура Руси»; наконец, — «Источники и биография». Последний раздел добавлен для удобства читателей сверх программы конференции. Сведения о жизни и деятельности Александра Ярославича, зафиксированные памятниками письменности, скупы, но в большинстве своем составлены свидетелями и очевидцами событий, поэтому они с интересом вновь и вновь читаются как специалистами, так и массовым читателем.

К сожалению, далеко не все подробности жизни и деятельности князя Александра Невского нам известны. Научный поиск, в том числе и отраженный в настоящем издании, обогащает наши неполные знания новыми открытиями; ряд предлагаемых статей имеет дискуссионный характер. Коллективные усилия ученых в данном случае, по нашему мнению, увенчались успехом.

На конференции была принята резолюция о регулярном проведении в нашем городе международных научных форумов, посвященных истории и культуре города на Неве, России и всего европейского мира. Организаторами подобных встреч могли бы выступить ученые, деятели культуры, политологи, деловые люди. Будем надеяться, что в строительстве единой мирной Европы Санкт-Петербург еще скажет свое слово в науке, культуре и внесет достойный вклад в мировую цивилизацию.

Ю. К. Бегунов, А. Н. Кирпичников

Д. С. Лихачев

СЛОВО ОБ АЛЕКСАНДРЕ НЕВСКОМ

Множественность и разнообразие идеалов — знамение не только современности, но и знамение культурной жизни в эпоху Средневековья. Культура живет человеческими идеалами. К одному из таких идеалов принадлежал Александр Невский, переяславский, новгородский и владимиро-суздальский князь, защитник и спаситель Руси. Заступник народа, он рано был признан церковью святым: вначале местно (после кончины в 1263 г.), а потом, после 1547 г., ему было установлено общерусское церковное празднование.

Как тип святого Александр Невский весьма любопытен и поучителен. Он князь-воитель, святой, чьи поступки роднят его с другими народными заступниками, святыми.

Все русские святые в той или иной мере служат народу. Одни обороняют Русскую землю, другие основывают монастыри, трудятся. Поэтому большинство святых — либо князья-воины, либо монахи и церковные иерархи, но все труженики. Среди русских святых сравнительно мало аскетов, нет и нищенствующих. Сравните двух святых — русского Сергия Радонежского и итальянского Франциска Ассизского. Обоих объединяет, во-первых, общее отношение к природе и нищете и, во-вторых, желание проповедовать язычникам. Так, Сергий Радонежский дружит с медведем, а Франциск Ассизский совершает божественную службу для птиц. Природа сливается с истинно народной жизнью. Однако у них различное отношение к труду. Бедность Сергия — это бедность труженика-крестьянина. Он, даже голодая, запрещает себе и своим сподвижникам собирать милостыню. Франциск, напротив, смиренно собирает подаяние.

Сергий, как и многие другие святые, — защитник Руси, самое авторитетное лицо на Руси, к которому обращаются за моральной помощью именно потому, что он труженик.

Князь-воитель тоже может быть защитником от зла, если он праведный, благоверный, справедливый ко всем. Таким и был Александр Невский, заслуживший любовь народов. Он защищает не только Русь, но и Ижору! Это в традициях Древней Руси. Ведь самая главная тема древнерусской литературы — это оборона от зла, от врагов и нашествий, «дабы Свеча Рода не погасла!» Тема обороны Рода и Земли страстно звучит в «Слове о полку Игореве», со страниц летописей и повестей о татаро-монгольском нашествии.

Оба сражения Александра Невского — и Невское, и Ледовое — оборонные! Это победы над нападающими, наказание зломысленных во имя торжества веры, идеалов мира, добра и справедливости.

Отношение к Орде тоже вписывается в каноны житийных отношений: татары при нем не нападали на Русь, и потому князь Александр хорошо к ним относился.

Более всего он ценил Правду, земную — народную — и небесную — божественную и потому идеальную. «Не в силе Бог, но в Правде!», — говорил князь Александр своим дружинникам накануне Невского сражения. И он победил. Александр Ярославич обычно побеждает «силою крестною» и «с малою дружиною».

Русский народ издавна живет своими идеалами. Один из таких идеалов — идеал скромного воина, обороняющего Русь, каким был Александр Невский.

«На таковыя Бог призирает на мир щедротами: Бог бо мира не аггелом любит, но человеком си щедря ущедряеть, учить и показаеть на мир милость свою. Распространи же Бог землю его богатьством и славою, и удолъжи Бог лета ему», — говорит галицкий книжник в Житии Александра Невского. И мы ему верим, потому что жизнь временна, а деяния вечны, и о них судит народ и история.

Александр Невский очень важен для русской культуры.

НЕВСКАЯ БИТВА И ЗАЩИТА РУССКОЙ ЗЕМЛИ

И. П. Шаскольский

НЕВСКАЯ БИТВА 1240 ГОДА В СВЕТЕ ДАННЫХ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Сражение со шведами на Неве, происшедшее в 1240 г., было одной из крупнейших битв в многовековой истории нашей страны. Об этом сражении накопилась богатая литература и на русском языке, и на других европейских языках.

Автор настоящей статьи начал заниматься изучением Невской битвы полвека тому назад, во время очень скромно отмечавшегося тогда 700-летнего юбилея сражения. В незадолго до того основанном «Военно-историческом журнале» были опубликованы две юбилейные статьи — М. Н. Тихомирова о самом сражении [1] и наша статья о предыстории битвы.[2]

В нашей исторической литературе, особенно в общих и учебных сочинениях по истории феодальной Руси, Невская битва обычно изображалась как случайное событие, как неожиданное нападение с моря, не имевшее корней в предыдущей истории Северо-Западной Руси. Автор настоящей статьи поставил одной из главных своих задач изучение общей исторической обстановки на Северо-Западе Руси и в соседних областях на берегах Финского залива, изучение предыстории и последующей истории этого края, чтобы поставить битву на Неве в прямую связь с общим ходом военно-политической борьбы Новгорода и его соседей в XII—XIV вв. Результаты этих исследований нашли отражение в нескольких статьях автора [3] и в его обобщающих монографиях.[4] Только в результате углубленного изучения всего исторического материала за предшествующие и последующие столетия удалось ясно установить значение Невской битвы в ходе длительной борьбы Руси и Швеции.

Трудности, сразу вставшие на пути исследования, были вызваны прежде всего крайней ограниченностью источниковой базы. Источники, прямо свидетельствующие о Невском сражении, сохранились только с русской стороны; на русском языке — это краткое известие Новгородской I летописи и более пространный текст Жития Алексан-

дра Невского. В шведских источниках не сохранилось никаких данных об этом событии. И этому не следует удивляться. В средневековой Швеции до начала XIV в. не было создано крупных повествовательных сочинений по истории страны типа русских летописей и больших западноевропейских хроник. Только в 20-е годы XIV в. было создано первое большое повествовательное историческое произведение — «Хроника Эрика», написанная рифмованными стихами на основе устных воспоминаний, хранившихся в памяти населения (главным образом в памяти господствующего класса — рыцарства). От предшествующего XIII столетия в народной памяти более или менее сохранились лишь сведения о событиях конца века и только немногие воспоминания об отдельных событиях более ранних десятилетий. Поэтому неудивительно, что о Невской битве, происшедшей далеко от Швеции и почти за сто лет до времени написания хроники, информаторы автора хроники уже не помнили.

Однако на основе изучения всей совокупности источников и научной литературы оказалось возможным установить, что шведский поход на Неву в 1240 г. был звеном (хотя и очень важным звеном) в длившейся два столетия шведской агрессии на восточных берегах Балтики.

Началась шведская агрессия в середине XII в. и длилась до середины XIV в. Первой задачей своего наступления на восточные берега Балтики шведские рыцари ставили завоевание и покорение ближайшей к Швеции восточнобалтийской страны — Финляндии, где в то время жили финские племена сумь (suomi) и емь (heme), а также (в Восточной Финляндии) карелы, занимавшие и лежащее далее на восток Северное Приладожье. Из этих племен емь и карелы находились с XI в. под властью Древней Руси, ее крупнейшего центра на Северо-Западе — Новгорода. В течение второй половины XII в. шведским рыцарям удалось завоевать Юго-Западную Финляндию и подчинить себе жившее там племя сумь. Новгородское государство пыталось помешать наступлению шведских завоевателей, но не достигло успеха.

В первой половине XIII в. развернулась борьба за территорию племени емь, жившего в центральной части Южной Финляндии и подвластного с XI в. Новгородскому государству. Новгородцы вступили в борьбу за свои государственные интересы. В 20-е годы XIII в. шведам удалось, используя миссионерскую пропаганду, склонить знать племени емь к принятию распространенной с начала XI в. в Швеции католической религии и к переходу под влияние Шведского государства. Но как только шведы стали переходить от религиозной пропаганды к установлению политического господства, в 30-е годы XIII в. племя емь подняло восстание против шведской власти и вернулось под власть Новгорода. В этот напряженнейший момент русско-шведской борьбы за власть над наиболее крупным финским племенем емь и произошел в 1240 г. поход шведских рыцарей на Неву.

Напуганные восстанием племени емь и угрозой утраты своих владений в Юго-Западной Финляндии, шведские власти, обратились к папскому престолу с просьбой о помощи. Получив эту просьбу, римский папа Григорий IX 9 декабря 1237 г. направил в Швецию свою

буллу с призывом ко всему населению страны подняться на крестовый поход для покорения племени емь.

Шведские власти стали готовить большую военную экспедицию в Финляндию. Подготовка экспедиции потребовала времени, затянулась на два года. И готовящемуся походу было решено придать другое направление: из Руси пришли известия о чрезвычайных событиях, происшедших в этой стране и в корне изменивших международную обстановку во всей Восточной Европе.

В 1237 г. на Русь обрушилось грандиозное бедствие — нашествие полчищ татаро-монголов. Большая часть русских земель была опустошена, большинство городов и селений страны было взято штурмом, разорено, сожжено; в 1240 г. вражеские полчища обрушились на Киев, на южные и юго-западные русские владения. Лишь лежавшие на севере Новгород и Псков случайно уцелели. Опустошенная и обескровленная страна стала, как казалось, легкой добычей для враждебных соседей. Сложилась ситуация, когда Русь была до крайности ослаблена. Ею решили воспользоваться северо-западные соседи и давние враги Руси — шведские и немецкие рыцари; последние за несколько десятилетий до этих событий, в начале того же XIII в., завоевали восточную Прибалтику, эстонские и латышские земли и приблизились к границам Руси.

Важное участие в нападении на Русь должны были по первоначальному плану принять и рыцари из могущественного Датского королевства, незадолго до того овладевшего северной Эстонией. Но датский король Вальдемар II не смог в 1240 г. привести свои главные силы в Прибалтику, прислал лишь на помощь немцам отряд своих рыцарей из Таллинна.

Поскольку и шведские, и немецкие рыцари совершили свои походы на Русь почти одновременно, в одно и то же лето 1240 г., есть все основания полагать, что Швеция и Немецкий рыцарский Орден предварительно договорились о совместных действиях против русских земель. Шведские власти взяли на себя нанесение удара с моря через Неву на Ладогу и Новгород, немецкие рыцари стали наносить удар по суше — на Псков и Новгород.

Таким образом, чтобы использовать исключительно благоприятную ситуацию, единственный раз в истории объединились три силы западноевропейского рыцарства: шведы, немцы и датчане — для нападения на русские земли. Шведские рыцари в случае успеха своего похода рассчитывали захватить берега Невы — единственный для Новгорода и для всей Руси выход к морю — и взять под свой контроль всю новгородскую внешнюю торговлю. В случае максимального успеха предполагалось захватить всю Новгородскую землю — одну из немногих русских территорий, не разоренных татарами. Захват берегов Невы должен был также облегчить выполнение давней задачи шведской экспансии: завершить завоевание Финляндии. В случае если бы шведы овладели берегами Невы, финское племя емь было бы отрезано от Новгородской земли и лишено могущественной поддержки новгородцев, тогда шведам было бы легче покорить это племя.

В исторической литературе, особенно научно-популярной, долгие годы существовало некритическое отношение ко всем сохранившимся

источникам; все, что содержится в них, принималось многими авторами как бесспорная истина, без учета специфики каждого источника.

По сообщению Новгородской I летописи, в шведском походе участвовали шведы («свея»), норвежцы («мурмане») и финские племена сумь и емь. Новгородская IV летопись (в отличие от HIЛ) упоминает только первых три народа, и это более правильно. Мы уже говорили выше, что емь в середине 1230-х годов восстала против шведской власти и вряд ли стала бы помогать шведам в походе против своих союзников-новгородцев. Ошибочно и упоминание в составе шведского войска норвежцев: по сведениям норвежских источников, Норвегия в середине 1240 г. была во враждебных отношениях со Швецией. Следовательно, поход на Неву совершался только войском шведских рыцарей вместе с отрядами давно подвластного Швеции финского племени сумь.

Кто стоял во главе шведского похода? Ни летописи, ни Житие Александра Невского не называют имени шведского предводителя. Полтораста лет назад один из основателей финской исторической науки Габриэль Рейн высказал мнение, что, поскольку в Новгородской летописи упоминаются находившиеся в составе шведского войска «бискупы» (епископы), здесь подразумевался руководивший тогда шведской колонией в Финляндии энергичный и решительный епископ Томас; с тех пор и до первых десятилетий нашего века это мнение прочно вошло в финскую науку, где Невский поход 1240 г. стали называть «походом епископа Томаса».[5] Однако это мнение оказалось неубедительным; в летописи первым из видных персон в составе шведского войска назван не церковный иерарх, а представитель светской власти — князь.

В русской науке еще в начале прошлого века Николаем Михайловичем Карамзиным в качестве предводителя шведского войска было названо другое имя — Биргер. Карамзин обнаружил это имя в тексте нелетописного источника начала XV в. — «Рукописания Магнуша, короля Свейского».[6] Это апокрифическое завещание шведского короля Магнуса, будто бы написанное им перед смертью в 70-е годы XIV в. В нем Магнус перечисляет завершившиеся поражениями шведские походы на Русь XIII—XIV вв. (походы на Неву 1240, 1300 гг. и его собственный поход 1348 г.), считает попытки нападения на русские земли обреченными на неудачу и завещает «своим детем и своей братье и всей земле Свейской» никогда больше не нападать на Русь.

«Рукописание Магнуша» — не историческое сочинение, а созданный анонимным новгородским книжником начала XV в. памятник литературы; его анализ должен производиться по иным канонам, нежели анализ летописи. И еще 40 лет тому назад мне удалось доказать, что указываемое в «Рукописании» в связи с Невской битвой имя предводителя шведов — испорченное в передаче на русский язык имя Биргера («Бельгерь») — недостоверно.[7] Однако после Карамзина это указание используется многими историками как достоверное и предводительство приписывается крупнейшему шведскому государственному деятелю середины XIII в. ярлу Биргеру. Несмотря на то что

мною была убедительно показана ошибочность этого мнения, в научных и популярных сочинениях, в учебниках по отечественной истории руководство шведским походом 1240 г. по-прежнему приписывается Биргеру.[8]

Анализ текста «Рукописания» дает полную возможность установить, каким образом там появилось это имя. «Рукописание» — единственный во всей древнерусской литературе памятник, содержащий конкретные сведения, которые могли быть получены только из Швеции, причем источник сведений явно был устным; характер изложенных в этом произведении сведений по внутренней истории Швеции свидетельствует, что они отражают уровень представлений простых горожан и крестьян о главных событиях жизни своей страны в конце царствования короля Магнуса. Подобные сведения новгородский книжник — автор «Рукописания» — мог получить только от побывавшего в Новгороде жителя Швеции, современника событий или знавшего о более ранних событиях от их современников. И все это — самые общие сведения, известные каждому шведу и сохранявшиеся народной памятью в течение нескольких десятилетий после случившейся в 1374 г. смерти короля. Автор «Рукописания» не сообщает ни одной мелкой подробности из жизни Магнуса, которая могла бы быть заимствована из письменного источника.

В «Рукописании» сообщается, что с того времени, как Магнус после неудачного похода в Россию вернулся в Швецию «со останком рати», на него и на его страну обрушились разные беды («наиде на землю нашу Свейскую погыбель»): на страну обрушились «потоп, мор, голод и сеча межи собою», т. е. наводнение (видимо, какой-то большой разлив рек или озер внутри страны), эпидемия черной оспы, охватившая Швецию и всю Европу в 1360-е годы, а также голод из-за тяжелого неурожая и междоусобная борьба; у короля произошел приступ помешательства («у мене Бог ум отъят»), и он на год был заключен в тюрьму. Сообщается также, что сын Магнуса, норвежский король Хакон (в «Рукописании» дается искаженная транскрипция его имени — «Сакун»), освободил короля из заключения и повез на корабле к себе в Норвегию (в «Мурманьскую землю»).[9] По-видимому, народная память далее не сохранила последовательности хода событий; из текста получается, что это плавание Магнуса на корабле со своим сыном окончилось кораблекрушением во время морской бури; в действительности же Магнус погиб при кораблекрушении во время другого морского путешествия, три года спустя (в 1374 г.). Здесь мы видим лишь отголосок сведений о реальном событии — о гибели Магнуса в водной пучине. Автор «Рукописания», развивая уже чисто литературный сюжет, перенес место крушения корабля Магнуса с Норвежского моря на Ладожское озеро, где король будто бы чудом спасся на острове Валаам и там попал в руки монахов и принял русскую веру.

Автор «Рукописания» явно был знаком с текстом Новгородской I летописи, откуда заимствовал сведения о трех предшествующих шведских походах на Русь. О знакомстве с летописным текстом свидетельствует употребленная только в Новгородской летописи и в «Рукописании» испорченная русская транскрипция шведского слова

«марск» («маршал») — название должности руководившего походом 1300 г. фактического правителя Швеции Торкеля Кнутссона; и в летописи, и в «Рукописании» его называют «Маскалка».

Говоря о трех шведских походах на Русь, анонимный автор должен был обратить внимание на то, что летопись не называет по имени руководителя первого из походов, сражавшегося с Александром Невским. И поскольку, рассматривая текст «Рукописания», мы имеем единственный случай, когда древнерусский книжник явно брал устную информацию у жителя Швеции, есть все основания полагать, что анонимный автор решил использовать эту редкую возможность и попытаться узнать имя предводителя первого шведского похода на Неву. И получил в ответ испорченное в русской транскрипции имя Биргера.

Увы, вопреки мнению многих российских историков, эти сведения недостоверны. Нам точно известен из текста рифмованной «Хроники Эрика» конкретный объем сведений о событиях истории Швеции XIII в., сохранявшихся в памяти шведского правящего класса (наиболее информированной части населения) в 20-е годы XIV в.; о Невском походе тогда уже не помнили; тем более не могли помнить и сто лет спустя. В памяти населения сохранялось лишь неясное представление о том, что Биргер в годы своего правления совершил какой-то поход на восточные берега Балтики: подразумевался поход 1249 г. в Финляндию. Доказательной силы это туманное воспоминание не имеет.

По шведским государственным порядкам XIII в., морской поход должен был возглавляться руководителем государственной администрации — ярлом. Но нам точно известно по архивным данным, что в 1240 г. Биргер еще не был ярлом, должность ярла он получил позднее, в 1248 г.; в 1240 г. он был еще просто молодым рыцарем, а должность ярла занимал его родственник Ульф Фаси. Весьма вероятно, что именно Ульф Фаси был организатором и руководителем похода 1240 г. на Неву. С Биргером нам пора расставаться.

Морской поход через Балтийское море был и в то время довольно сложной военно-морской операцией, требовавшей большой подготовки. У Швеции, как и у других европейских государств, не было своего регулярного военного флота, как не было и регулярной армии. В случае необходимости организации морского похода с прибрежных областей Шведского государства собиралось морское ополчение — «ледунг»; каждая прибрежная область должна была снарядить, оснастить и снабдить провиантом и мореходами определенное число кораблей. Ледунг большей частью собирался в Стокгольме и, как уже говорилось, руководился ярлом. Поскольку в походе 1240 г., по всей видимости, участвовал ярл, эта морская экспедиция, скорее всего, также была отправлена из Стокгольма. По дороге шведский флот должен был зайти в одну из гаваней юго-западной Финляндии (скорее всего, в центр шведской колонии город Турку), чтобы взять на корабли вспомогательный отряд воинов из племени сумь (отряд должен был быть готов ко времени прибытия шведского флота). На переход через море, на заход в финскую гавань, погрузку на корабли финского отряда и на переезд от юго-западной Финляндии до Невы

должно было потребоваться время. Поскольку сражение на Неве произошло 15 июля, начало морского похода (отплытие из Швеции) надо относить к началу июля или даже к концу июня.

Внезапность нападения на шведский лагерь была важнейшим условием успеха русского войска. Александру Невскому было необходимо остановить вражеское продвижение еще на Неве, не дать противнику углубиться внутрь Русской земли. Для этого Александр не мог производить длительный и планомерный сбор военных сил со всей территории Новгородской республики, он должен был двинуться на врага с минимально возможными силами — с тем количеством воинов, которое можно было в считанные дни собрать в Новгороде и ближайших окрестностях и в Ладоге, через которую проходил водный путь по Волхову к Неве. Весьма вероятно, что спокойно и планомерно подготовленное шведское войско численно превосходило русское и было лучше вооружено (рыцари, скорее всего, имели полное рыцарское вооружение).

Поэтому представляется весьма вероятным такой маршрут движения русского войска, какой предположил Г. Н. Караев. Значительную часть русского войска составляли пешие дружины, которые для скорости переправлялись к месту сражения на речных судах (это явствует из текста летописи) по течению Волхова и Невы. Но на последнем участке пути от верховьев Невы до устья Ижоры (до места расположения шведского лагеря) находился широкий прямой плес Невы, создававший от устья Ижоры прекрасный обзор всего течения реки на много километров вверх по течению. Если речные суда с пешей частью русского войска пошли по этому плесу, они были бы обнаружены шведскими караульными еще на далеком расстоянии от устья Ижоры и тогда внезапное нападение стало бы невозможным. Поэтому Г. Н. Караев предположил, что русские суда вошли в реку Тосну, впадающую в Неву выше устья реки Ижоры, и прошли вверх 6 км до места наибольшего сближения с течением притока Ижоры — речки Большой Ижорки, по суше дошли до Большой Ижорки и спустились вдоль лесистого берега к ее устью, находившемуся вблизи места впадения реки Ижоры в Неву. Таким образом, русскому войску удалось неожиданно напасть на шведский лагерь не с Невы (откуда шведы могли скорее всего ожидать нападения), а с суши.[9]

Неожиданность удара обеспечила русскому войску важное стратегическое преимущество и позволила закончить сражение полной победой. На самом ходе сражения мы останавливаться не будем, отнеся читателя к нашей книге, где об этом говорится достаточно подробно.[10] Отметим лишь большую вероятность высказанного в статье А. Н. Кирпичникова, помещенной в настоящем сборнике, предположения, что битва на Неве, как и другие сражения Средневековья, проходила не в виде сплошного противоборства двух враждующих воинских масс, а в форме отдельных столкновений (стычек, нападений) отдельных отрядов. Кстати, такое же мнение высказано недавно в польской исторической науке о характере битвы при Грюнвальде 1410 г.

Поражение шведского рыцарского войска в сражении на Неве явилось первым ударом по всей крестоносной коалиции, наступавшей на Северную Русь, и во многом подготовило разгром немецко-датской экспансии 1240—1242 гг., обеспечив победу над всей коалицией феодального рыцарства Западной Европы. Как уже говорилось выше, рыцарская агрессия 1240—1242 гг. была организована в момент наибольшего в средние века ослабления Русского государства, потерпевшего чудовищное разорение от нашествия татар, но русский народ и в этот тягчайший момент своей истории нашел в себе силы, чтобы остановить самое крупное в период Средневековья объединенное наступление западноевропейского рыцарства.

Невская битва 1240 г. была отражением очередной попытки феодальной Швеции захватить берега Невы — важнейший для Руси выход к морю. Аналогичные попытки Швеции затем повторяются. В 1293 г. была захвачена шведами Западная Карелия с побережьем Выборгского залива, и шведские владения совсем близко подошли к устью Невы. В 1300 г. шведские рыцари захватили устье Невы и попытались закрепиться здесь, построив замок в устье Охты, но были изгнаны оттуда сыном Александра Невского Андреем Александровичем. В 1348 г. шведский король Магнус временно захватил берега Невы со стоявшей в истоке реки крепостью Орешек, но в том же году русские войска вновь вернули их. В 1555 г. шведы снова попытались захватить невские берега, но неудачно. В 1580—1583 гг. ими было захвачено южное побережье Финского залива, и у русских до 1590 г. оставалось только самое устье Невы. Наконец, в 1611 г., во время Смуты, берега Невы были надолго захвачены шведами и оставались в их руках до 1702—1703 гг. — до Северной войны. И только победы Петра I окончательно вернули России Неву, а с нею — и выход к важнейшему в то время для развития страны Балтийскому морю.

---

[1] Тихомиров М. Н. Сражение на Неве // Военно-исторический журнал. М., 1940. № 7. С. 96—102.

[2] Шаскольский И. П. Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой // Там же. С. 90—95. Накануне дня 700-летнего юбилея сражения, 14 июля 1940 г., в ленинградской молодежной газете «Смена» была опубликована научно-популярная статья того же автора «Невская битва». История и предыстория Невской битвы рассматривалась также в более общих работах того же автора, вышедших в том же году: Шаскольский И. П. 1) Борьба русского народа за Невские берега. М., 1940. С. 11—14; 2) Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII—XIV века) // Исторический журнал. М., 1940. № 4—5. С. 107—108.

[3] Шаскольский И. П. 1) Емь и Новгород в XI—XIII веках // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1941. Вып. 10. С. 93—115; 2) Сигтунский поход 1187 года // ИЗ. 1949. № 29. С. 135—163; 3) Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII веке // Известия Карело-Финского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1951. № 2. С. 3—23; 4) Новые материалы о шведском походе 1240 года на Русь // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1951. № 3. С. 267—276; 5) Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40-х—50-х годов XIII века // ИЗ. 1953. № 43. С. 182—200; 6) Venäjan ja Itämeren kysymys 1100—1400-luvulla // Historiallinen arkisto. Helsinki, 1973. N 66. S. 6—25.

[4] Шаскольский И. П. 1) Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII веках. Л., 1978; 2) Борьба Руси против шведской экспансии

в Карелии: Конец XIII—начало XIV веков. Петрозаводск, 1987; 3) Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.

[5] Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans fid. Helsingfors, 1839.

[6] Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Т. 4. Стб. 17 и прим. 24.

[7] Шаскольский И. П. Новые материалы о шведском походе 1240 года на Русь // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1951. № 3. С. 267—276. В тексте того же памятника в разных летописях дается также чтение «Бергель», «Белгер». Это имя содержится также в одном списке Жития Александра Невского. Все это поздние тексты в списках конца XV и первой половины XVI в., повторяющие текст ранней редакции «Рукописания».

[8] Это утверждение поддерживали в русской науке Устрялов, Беляев, Соловьев, Костомаров, в шведской и финской науке — Шюкк, Антони, Галлен, в советской историографии — Тельпуховский, Бочкарев, Беляев, Строков, Бущик, Епифанов и др. Даже наш известный исследователь жизни и деятельности Александра Невского В. Т. Пашуто не смог удержаться от соблазна упомянуть Биргера в качестве одного из руководителей шведского войска. Подробнее см.: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 171, 174, 178.

[9] Караев Г., Потресов А. Путем Александра Невского. М., 1970. С. 115—117, 125—127. Правда, Караев, как и большинство авторов, писавших об этих событиях, предполагал, что шведский лагерь находился на правом берегу Ижоры и что русские отряды прошли вдоль правого берега Большой Ижорки прямо к шведскому лагерю. Поскольку же шведский лагерь в действительности находился на левом берегу Ижоры, нужно предположить, что русские отряды должны были, дойдя по суше до Большой Ижорки, где-то по пути переправиться через эту речку и через неширокую в верхнем течении реку Ижору.

[10] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 188—194.

А. Н. Кирпичников

НЕВСКАЯ БИТВА 1240 ГОДА И ЕЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Источники о Невской битве, как известно, немногочисленны и неравноценны. Главнейшими являются Новгородская I летопись старшего извода и Житие Александра Невского в его наиболее достоверной первой редакции. В летописном сообщении о самом сражении сказано только, что «ту бысть велика сеча Свеем»,[1] зато подготовка к столкновению и его последствия сопровождены ценными пояснениями, записанными явно по свежим следам события. Независимо от летописного известия сложилось Житие Александра Невского. Оно создано в 1280-е годы.[2] Важно, что подробности Жития основаны на рассказах очевидцев и свидетелей, знавших и наблюдавших Александра Невского как полководца. В Житии сохранены документальные сведения о Невской битве и действиях отдельных ее героев. Правда, эти данные отрывочны, автор Жития не стремился осветить военную сторону события. Недостаток этих сведений объясняется еще и тем, что описание битв в древнерусских письменных источниках часто почти не пояснялось. Многие их детали были шаблонными и для читателя того времени сами собой разумеющимися. При всем лаконизме наших основных источников они содержат достоверные, хотя и неполные, данные о ходе русско-шведской войны 1240 г.

Целостная реконструкция хода Невской битвы невозможна. Это мнение разделяют все писавшие о ней исследователи. Задача настоящей статьи — привлечь внимание к малопроясненным тактическим особенностям упомянутого сражения. Их расшифровка стала возможной на основании тех знаний о военном деле на Руси, которые достигнуты современной наукой.

Шведский поход на Северо-Западную Русь был задуман с далеко идущими захватническими целями. Словами летописи (сказанными, может быть, с долей преувеличения): «хотяче восприяти Ладогу, просто же реку и Новгород, и всю область Новгородьскую».[3] То была явная попытка отторгнуть от страны выход к Балтике, отрезать доступ к карельским и финляндским землям, закрыть торговые пути на Запад, покорить если не всю, то жизненно важную часть Новгородской земли. Момент выступления был выбран не случайно: бóльшая часть Руси была разгромлена монголо-татарами, а ее западным границам угрожали ливонские соседи; казалось, что новгородцы не смогут дать отпор еще одному противнику.

Морской поход шведов развернулся в первой половине июля 1240 г. В армии вторжения, кроме «свеев», по летописному известию, участвовали норвежцы, сумь, емь. Не вижу оснований полностью отрицать участие в качестве вспомогательных войск финских контингентов.[4] Вспомним, что в 1242 г. в Ледовом побоище ливонцев сопровождала местная чудь. Среди военных отмечены «пискупы», что придавало нашествию крестоносный характер. Видимо, этот поход, как справедливо думают некоторые историки, следует рассматривать в качестве первого крестоносного вторжения шведов в пределы собственно Руси.

Значимость военной операции подчеркивалась тем, что шведами предводительствовал правитель шведского государства Ульф Фаси.[5] В источниках он назван королем или князем. Упомянут еще воевода. «Двуначалие» князя и главного воеводы было обычной походной практикой в средневековых странах Европы, не исключая и Руси.

Весть о выступлении шведов против Новгорода, согласно Житию, будто бы подал сам «король» в тот момент, когда его войско достигло Невы. Однако примерно в то же время (или несколько раньше) движение шведской силы устерег ижорский старейшина Пелгусий, которому, по словам Жития, была поручена «морская стража» в районе дельты Невы. В его задачу входило, «уведав силу ратных, иде противу князя Александра, да скажет ему станы».[6] Далее в Житии неожиданно прибавляется, что Пелгусий увидел не «ратных», а плывущих в насаде святых мучеников князей Бориса и Глеба. Об этом он рассказал Александру Ярославичу. Последний почему-то просил Пелгусия сохранить все в тайне. Если бы неразглашение касалось только видения, носившего благоприятный для новгородцев смысл, то оно было бы непонятным.[7] Читателю Жития остается догадываться о том, что Пелгусий передал князю свои секретные разведывательные наблюдения. Недоговоренность этого эпизода, впрочем, неудивительного для агиографии, объясняется, видимо, его вставным характером. Подтверждение этому мы находим в истории Василия Никитича Татищева, где ясно говорится, что Пелгусий устерег «насады ратных гребуща».[8] Как бы то ни было, русская сторона была предупреждена о появлении противника, как только он подошел к устью Невы.

Реакция новгородцев на военную угрозу была незамедлительной. Шведы успели продвинуться до устья реки Ижоры, где расположились станом, что примерно соответствовало одному дневному переходу гребных судов. За необычайно короткое время, вероятно всего за один день, Александр Ярославич собрал войско, «пойде на них в мале дружине, не съждався с многою силою своею».[9] Спешные сборы новгородцев переданы Татищевым, думаю, вполне достоверно, в следующих словах: «Егда же снидошася неколико от воинства, и абие всед на конь, иде противу ратных и ко отцу (владимирскому великому князю Ярославу Всеволодовичу. — *А. К.*) не успе вести послати, приближиша бо ся ратные».[10] Здесь угадывается план молодого полководца: не допустить шведов до Ладоги, воспрепятствовать разорению прилегающих к реке Неве мест (по словам Татищева, противник, придя на реку, «начат ижору и воты пленити» [11]) и внезапно

напасть на них во время остановки в полевом лагере у устья реки Ижоры.

Судя по упоминанию в Синодике новгородской церкви святых Бориса и Глеба в Плотниках погибших «на Неве от немец» «княжих воевод и новгородских воевод», в составе снаряженного в Новгороде войска находились воины княжого двора [12] и новгородские ополченцы. Войско по преимуществу было конным и дополнялось пехотой, передвигавшейся, надо думать, также на конях.

Маршрут движения новгородцев неизвестен. Утверждение, что они ехали до г. Ладоги водным путем по Волхову, а затем по Ладожскому озеру и Неве, маловероятно. Этот путь составлял около 340 км. С учетом преодоления волховских порогов и исходя из расстояния дневного перехода судов он занял бы около 5—7 дней. К тому же на речных судах, насколько известно, невозможно было транспортировать лошадей, а дороги вдоль реки Волхов, по которой бы вместе с судовой ратью могли передвигаться верховые, в тот период, видимо, еще не было. Невыгода передвижения по водному пути заключалась еще и в том, что утрачивалась внезапность и скрытность нападения: шведские посты еще издали могли заметить приближающиеся от Ладожского озера русские корабли.

Для ускоренного передвижения войска к месту сражения на Неве более предпочтительной была сухопутная дорога от Новгорода через Тесово к реке Неве. Ее протяженность составляла примерно 150 км. Форсированным маршем рать могла преодолеть такое расстояние за 2 дня.[13]

К месту схватки войско подошло дополненное, по сообщению летописи, отрядом ладожан. Для этого вовсе не обязательно было следовать через город Ладогу, его ополчение могло присоединиться к новгородцам на каком-то отрезке сухопутного пути. По данным XVI—XVII вв., известна старинная сухопутная дорога, которая вела из Ладоги в Водскую землю через Лопский край. Возможно, что эта дорога существовала и в XIII в.

О численности противоборствующих сил, сошедшихся в устье реки Ижоры, судим лишь по косвенным данным, и прежде всего по указаниям о потерях. Синодальный список Новгородской I летописи сообщает, что шведы после битвы вывезли на двух кораблях своих погибших «вятших людей», а прочих «ископавше яму, вметаша». Нет оснований сомневаться в этих известиях. Речь во всех этих случаях идет, по-видимому, о десятках, а не сотнях убитых. Тот же источник приводит новгородские потери: «всех 20 муж с ладожанами, или мне, Бог весть».[14] Даже если число жертв с русской стороны преуменьшено, оно было относительно небольшим. Судя по умеренным жертвам, численность участников Невской битвы была относительно небольшой и измерялась не тысячами, а сотнями человек. Именно такими силами велись многие феодальные войны. Они поэтому не сопровождались крупными потерями. Чувствуя свою слабость, один из противников предпочитал не продолжать борьбы, а ретироваться с поля боя. Похоже, что Невская битва также не отличалась грандиозностью и большим числом участвовавших в ней людей, что, однако, не снижает ее исторического значения.

Войско Александра Ярославича подступило к шведскому лагерю 15 июля 1240 г., а в 6-м часу дня, т. е. в 11 часов, началось сражение: по словам летописца, «ту бысть велика сеча Свеем».[15] Сражение, судя по всему, отличалось упорством, отвагой и отчаянной смелостью его новгородских участников. С самого начала битвы им принадлежала боевая инициатива. Можно думать, что ожесточенное сопротивление оказали и шведы, тем более что их отступление было до крайности затруднено. В тылу была вода, а посадка на корабли, если бы она сопровождалась паникой, означала бы верную гибель войска.

Представить Невскую битву можно лишь в отдельных моментах, используя сведения Жития Александра Невского, в особенности посвященные шести мужам-воинам — героям битвы. Сведения эти достаточно документальны и надежны. Агиограф по этому поводу выразительно пишет: «Си вся слышахом от господина своего Олександра и инех иже в то время обретошася в той сечи».[16]

Сохраненные в упомянутом источнике детали позволяют считать, что сражение 1240 г. развертывалось во многом по тактическим правилам боя, принятым в Средневековье. В такого рода схватках участвовали сплоченные отряды, построенные в эшелонированный боевой порядок. Под водительством своих воевод эти отряды на поле боя, если первый натиск не приводил к немедленному результату, сходились и расходились, т. е. сшибки враждующих повторялись и развертывались как бы волнообразно.[17] Так, видимо, происходило и во время Невской битвы, что подтверждается использованием в тексте Жития терминов: «наехал», «наскочи», «наеха многажды». Многократное участие в схватке возможно в случаях, когда тактические подразделения сохраняют боевой порядок и, сохраняя строй, способны к сближению, маневру, отходу, послушны управлению. Действительно, в Невской битве главнокомандующие руководили боем: шведский — из своего златоверхого шатра, русский — из необозначенного места мог, в частности, ободрять воинов («похвали его князь»).

Поотрядное членение русских войск, названных полками, подтверждается Житием. К их числу относились воинские подразделения: княжеского двора, несколько новгородских (указано, в частности, что один из новгородцев — Миша — имел свою дружину), ладожское. Среди шести мужей в Житии упомянуты двое знатных новгородцев: Гаврила Олексич и Сбыслав Якунович. Эти люди, несомненно, руководили своими дружинами. Таким образом, русское войско насчитывало не менее 5 отрядов. Разделение на тактические единицы было, видимо, присуще и шведскому войску, которое включало и состоятельных и простых воинов. Последние входили в окружение рыцарей, выступавших в определенных построениях.

Битва, как обычно было принято в то время, началась с атаки конных копейщиков. Это устанавливается на основании следующей фразы Жития: «и самому королю възложи печать на лице острым своим копием».[18] Эти слова буквально переводят в смысле того, что сам король был ранен в лицо. Такое понимание, думаю, неверно. «На лице» в данном случае означает переднюю сторону строя шведских войск. В воинских описаниях «сташа в лице» значит расположиться

передней стороной или стать напротив перед войском.[19] «Печать на лице» можно трактовать как знак, отметина, урон, нанесенный шведскому войску ударом конных копейщиков. Следовательно, уже, по-видимому, в первом соступе новгородцы причинили ущерб построению шведов. Что касается непосредственного участия в сече шведского предводителя — «короля», то вряд ли он находился в передовых порядках. Какое-то время «король» руководил боем, как упоминалось, из своего командного пункта — шатра. К тому же летопись, в отличие от Жития, упоминая о гибели в битве шведского воеводы и епископа, ничего не говорит о ранении главного шведского полководца ярла Фаси.

Особую похвалу, согласно Житию, заслужили бойцы, которые в бою действовали с необычайной смелостью, вне строя вступали в единоборство с врагами, в рукопашной использовали не меч, а топор, подсекли столп златоверхого шатра — пристанище полководца. Падение шатра, как и знамени, оказывало на войско деморализующее воздействие.

Обращают на себя внимание действия шести храбрецов. Они рубились в середине вражеского войска, проникли до шатра командующего, прорвались к стоянке кораблей и уничтожили три из них. Все это свидетельствует о том, что во время завязавшейся рукопашной схватки ряды шведов были расстроены и прорваны, а их отряды боролись не вместе, а, возможно, были разъединены. Таким образом, в схватке после удачного тарана копейщиков превосходство оставалось за новгородскими отрядами и привело их к победе. Согласно Житию, уцелевший в сече остаток шведов «побеже». Мертвых неприятелей потом находили даже на противоположном берегу реки Ижоры.

Некоторые авторы, касавшиеся Невской битвы, объясняют успех русских войск их прорывом в тыл к шведам, отсечением их сил от кораблей.[20] Решительность, смелые действия, способность к прорыву и фланговому удару новгородцев и ладожан сомнений не вызывают. Однако непреложен ли был только такой финал битвы? Важно напомнить, что основной результат многих феодальных сражений достигался не окружением, обходом, ударом в тыл, тотальным уничтожением на месте живой силы, а прекращением организованного сопротивления одного из противников в открытой рукопашной схватке, в столкновении лицом к лицу. Думаю, нечто подобное произошло в ходе Невской битвы, что, конечно, не исключает всякого рода искусных маневров групп бойцов в решающий момент боя.

Сражение в устье реки Ижоры, по-видимому, затянулось до вечера. К ночи рати расступились. Судя по летописным замечаниям, шведское войско, несмотря на поражение, не было уничтожено. Побежденные захоронили своих в братской могиле («много их паде»), а павших знатных, сложив на корабли, пытались увезти. По Житию, эти корабли затопили в «море». К утру неприятель, не в силах продолжать борьбу, полностью очистил поле битвы, отплыв на судах. Уходу остатков шведского войска не препятствовали. Сказались ли здесь рыцарские приемы ведения боя, позволявшие во время передышки своим хоронить своих, или новгородцы сочли дальнейшее кро-

вопролитие напрасным, или Александр Ярославич не хотел рисковать своим немногочисленным войском? Нельзя исключить ни одно из этих объяснений. Свершилось главное: неприятель был сокрушен, оставил поле битвы и затем убрался восвояси. Целостность страны и свободный выход к Балтике были сохранены. Победа в Невской битве вновь доказала торжество священного принципа мировой истории, ставшего, кстати, особо популярным на Руси в XIII в. — «жити не преступающе в чужую часть».[21]

Победа на Неве явилась первым военным успехом Александра Ярославича как талантливого полководца. Это проявилось на всех стадиях операции, включая разведку Пелгусия, быстрые и внезапные действия войск, организацию первого натиска и действий отрядов, разорвавших построение вражеского войска. Умелые действия новгородцев и ладожан, точное управление походом и боем самого Александра Ярославича, высокий моральный дух воинов — все это в немалой степени обеспечило достижение победы. Отпор шведам укрепил решимость Северо-Западной Руси защищать единство и целостность своей территории. Невское побоище отрезвило шведских феодалов, до 1256 г. они не покушались на земли Великого Новгорода. Невская битва запала в душу современникам как общенародный подвиг, придала жителям Новгородского государства бóльшую уверенность в борьбе с врагами Руси, не только западными, но и восточными. Впереди у князя Александра будут новые победы в битвах с немцами, литовцами, некоторыми чудскими племенами и посмертная слава защитника страны в критический момент ее истории, когда под вопросом стояло само выживание народа. Может быть, поэтому князя Александра с XV в. стали именовать Невским, а память о нем запечатлелась в словах Жития: «побежая, а не победим».[22]

Невская битва — поучительный урок не только русской, но и общеевропейской истории. Она со всей силой обнаружила бесцельность, бесполезность агрессии одного народа против другого. Таково значение этого события, память о котором пережила века и нравственно укрепляет новые поколения людей.

---

[1] НПЛ. С. 77.

[2] Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. Благодарю Ю. К. Бегунова за консультации по письменным источникам, содержащим сведения о Невской битве.

[3] НПЛ. С. 77.

[4] Ср.: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.

[5] Это доказал И. П. Шаскольский (см.: Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 178).

[6] Бегунов Ю. К. Памятник... С. 165.

[7] Бегунов Ю. К. Древнерусские источники об ижорце Пелгусии-Филиппе, участнике Невской битвы 1240 года // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984. С. 79.

[8] Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 31.

[9] Бегунов Ю. К. Памятник... С. 163.

[10] Татищев В. Н. История Российская. С. 31.

[11] Там же. С. 30—31.

[12] Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 91.

[13] Форсированная скорость суточного марша конных воинов, равная 60—85 км, отмечается в военных действиях русских войск в XIII и XIV вв. (см.: Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 37).

[14] НПЛ. С. 77. В источниках, продолжающих традицию Новгородской Первой летописи старшего извода, потери шведов обозначены большими, чем были записаны первоначально. Ср.: НПЛ. С. 294, 448—449.

[15] НПЛ. С. 77.

[16] Бегунов Ю. К. Памятник... С. 168.

[17] Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 53 и сл.

[18] Бегунов Ю. К. Памятник... С. 166.

[19] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1902. Т. 2. С. 31—33; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 256.

[20] Ср.: Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1974. С. 64 и сл.

[21] Бегунов Ю. К. Памятник... С. 163.

[22] Там же. С. 161.

А. В. Шишов

ПОЛКОВОДЧЕСКОЕ ИСКУССТВО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА В НЕВСКОЙ БИТВЕ

Дошедшие до нас источники и достигнутый уровень военно-исторической мысли позволяют, на наш взгляд, провести реконструкцию событий похода войска князя Александра к месту Невской битвы и самого сражения. Конечно, предлагаемая реконструкция гипотетична, о ее деталях можно спорить. Свое построение пытаюсь изложить, опираясь на военно-тактические особенности изучаемой эпохи. К сожалению, приходится констатировать следующий факт: в то время как в зарубежных военно-теоретических работах полководческий талант Александра Невского не подвергается сомнению, в нашей стране некоторыми историками в последнее время делаются попытки умаления личности и заслуг национального героя России.

Шел 1240 год. Еще не зажили на Руси раны от людских потерь и пожарищ после страшного нашествия Батыевых полчищ в 1237—1238 гг. Тогда заметно поредевшее в сражениях войско захватчиков, не дойдя до Новгорода 200 км, повернуло вспять и ушло в степи. Русские княжества, так и не сумевшие в грозный час объединиться против общего врага и дать достойный отпор, не смогли сохранить свою независимость. Свободными от монгольского ига остались лишь Великий Новгород, Псков и северо-западные земли.

Удобным случаем поживиться за счет неразоренных северо-западных земель Руси решили воспользоваться немецкие и шведские рыцари-крестоносцы, осуществлявшие планомерную экспансию на Восток и поспешившие вторгнуться в новгородские и псковские пределы. Сам папа римский Григорий IX благословил немецко-шведский «крестовый» поход.[1] Он же еще раньше утвердил объединение в 1237 г. Тевтонского и Ливонского Ордена, объявив «прощение грехов» всем участникам завоевательных походов на Восток.

Первыми отправились воевать русские земли шведы. Король Эрик Эриксcон, по прозвищу «Картавый», рыцари-феодалы и католические епископы Швеции, узнав о нашествии монголо-татар, перенацелили «крестовый» поход против финского племени тавастов (русское название «емь») на своего главного противника — Великий Новгород.

О значении для Швеции этого завоевательного похода можно судить хотя бы по двум фактам: во-первых, к нему готовились почти

два года; во-вторых, войско крестоносцев возглавляло второе лицо в государстве после самого короля — ярл (правитель) Ульф Фаси.

План похода рыцарского воинства заключался в следующем: высадившись на берегах Невы, напасть на город Ладогу, стоявшую недалеко от впадения реки Волхов в Ладожское озеро.[2] Шведы уже делали в 1164 г. безуспешную попытку овладеть Ладогой, с севера прикрывавшей Новгород. Одновременный захват невских берегов и закрепление на них лишали Русь «окна в Европу».

В завоевательный поход к восточным берегам Балтики отправилась внушительная королевская флотилия. В ее составе насчитывалось примерно сто одномачтовых шнеков, ходивших на веслах (15—20 пар) и под парусами. Каждый шнек вмещал от 50 до 80 воинов и корабельщиков, мог перевезти и 8 рыцарских коней. Считается, что общая численность крестоносного войска составляла примерно пять тысяч человек.[3]

Защита северо-западных русских границ была поручена Новгородской республикой молодому новгородскому князю Александру Ярославичу. Против возможного вторжения немецких рыцарей и литовских воинов он создает линию крепостей на реке Шелони. Чтобы обезопасить Русь от неожиданного нападения шведов и датчан, юный князь предусмотрел дозорную службу — «морскую стражу». Она устанавливалась вдоль берегов Финского залива и реки Невы. Места там были труднопроходимые, сильно заболоченные, и потому дороги пролегали по самому удобному пути — водному. Их охрану несли воины небольшого финского племени ижорян, дружественного новгородцам.[4] «Бережение» путей к Новгороду с моря поручалось «мужу-старейшине в земле Ижорской» Пелгусию (по-фински Пелконену, принявшему при крещении имя Филипп).

На рассвете 7 июля 1240 г. старейшина Пелгусий, увидев подход к устью Невы шведской военной флотилии, отправил гонцов в Новгород. Гонцы, преодолев на сменных лошадях около 180 км за 8—10 час., принесли полководцу тревожную весть.

Александр Ярославич поступил строго по сложившейся на Руси традиции: княжеская дружина во всеоружии пришла в Софийский собор, выслушала напутственный молебен на правое ратное дело, получила благословение архиепископа. Он не колебался в выборе решения. Вечевое собрание поддержало его: действовать без промедления,[5] объявить экстренный сбор ратников-горожан и рано утром следующего дня выступить навстречу врагу.

Полководец намеревался упреждающим стремительным ударом разбить шведское войско, не допустив его к Ладоге. В поход он взял с собой небольшое войско: княжескую дружину в 300 всадников, 500 отборных городских конников и 500 пеших ополченцев.[6]

На рассвете 8 июля новгородское войско вышло в поход. Оно двигалось без обозов, быстро, с короткими привалами и ночлегами. Путь лежал через Ладогу к невским берегам, где могли стать лагерем шведы. Пехота на ладьях-насадах спускалась вниз по Волхову. Она двигалась значительно быстрее конницы (ей помогали течение реки, весла и паруса) и смогла преодолеть расстояние в 224 км от Новгорода до Ладоги за двое суток. Такая спешка понятна: князь Александр

стремился укрепить крепостной гарнизон на случай появления шведов под Ладогой.

И еще одно: русский полководец был готов сразиться с неприятелем на воде, будь то Волхов, Ладожское озеро или Нева. Для этого он и пошел на определенный риск, разъединив свою конницу и пехоту. Последняя выполняла роль передового полка, она же была и «сторожей» (боевым охранением) новгородского войска. Конница, продвигаясь вдоль берега реки по 80 км в день, прибыла в ладожскую крепость 11 июля. Чтобы ускорить движение конных воинов, часть их вооружения и доспехов, по-видимому, везли на судах. Можно утверждать, что Александр Ярославич разгадал план и цели шведских захватчиков, решивших в первую очередь овладеть крепостью Ладога. Надо отметить, что ее небольшой гарнизон уже готовился к отпору ожидавшегося нападения врага.

Как вел себя противник, достигнув пределов Новгородской земли? После трудного морского перехода армада шнеков пришвартовалась к берегу Невы при впадении в нее реки Охты. Берег позволял морским судам подойти близко к суше. Шведы стали на отдых. 10 июля, после двухдневной стоянки, не дождавшись попутного ветра, вражеская флотилия пошла вверх по реке. Шнеки двигались медленно, около 3 км в час, на веслах, с трудом преодолевая сильное встречное течение полноводной Невы. После примерно 10-часового перехода, пройдя немногим более 30 км, уставшие гребцы стали подводить корабли к левому берегу Невы в поисках удобной якорной стоянки. Шведы высадились там, где в Неву впадает река Ижора.[7] Эта стоянка также была временной и вынужденной. Можно высказать два наиболее вероятных предположения, почему королевские полководцы решили разбить походный лагерь именно в этом удобном для стоянки большого числа судов месте.

Первое. Переход по неспокойной Балтике шведской флотилии утомил воинов, особенно гребцов. Решено было дать войску возможность хорошо отдохнуть. Не исключается, что ожидался подход отставших по разным причинам воинов или прибытие еще каких-либо воинских сил.

Второе и, вероятно, самое главное. Впереди на Неве имелись пороги, мешавшие движению глубоко сидящих в воде морских судов. Шнеки же являлись кораблями, специально строившимися для морских плаваний. В те времена известняковые кряжи (речные рифы) делили глубокую Неву на два русла и сильно затрудняли судоходство по ней. Скорость течения воды в извилистых протоках достигала 15 км в час. Пороги обычно преодолевались лишь при хорошем попутном ветре и на веслах. Шведы о таком препятствии были осведомлены, хотя длительная стоянка в ожидании попутного ветра, конечно же, не входила в их расчеты.

В Ладоге состоялся военный совет, на котором Александр Ярославич, обладая достоверной информацией о действиях противника, предложил одним ударом разгромить его на Неве. Внезапность атакующих действий могла быть достигнута, по его мнению, сохранением в тайне подхода новгородского войска, решительностью нападения, умелым использованием условий местности.

Князь взял из крепостного гарнизона 150 конных воинов-ладожан [8] и 12 июля выступил из крепости. Пехота на ладьях вновь заметно опередила конницу, вышла из Волхова на просторы Ладоги и подошла к Неве у острова Ореховый, готовая, очевидно, в случае необходимости перекрыть невский фарватер, если неприятельская флотилия попытается прорваться на озеро.

Пока новгородское войско спешило к Неве, старейшина Пелгусий вместе со своими воинами (дружина его племени насчитывала около 50 человек) продолжал незаметно вести наблюдение за шведами. Ижоряне прекрасно знали местность, и в пути князь своевременно получал сведения о противнике. Это позволяло ему действовать уверенно и инициативно.

Преодолев свыше 120 км трудного пути, русская конница утром 14 июля подошла к порогам, которые уже прикрывала судовая рать. В том месте, где перед речными рифами в Неву впадает Тосна, у крутого поворота левобережья, конники соединились с пешими воинами. Дальше двигаться по Неве было опасно: за порогами открывался широкий речной плес, а шведские дозорные внимательно наблюдали за рекой со шнеков и из лагеря. Здесь князь Александр получил новое известие: шведское войско стоит в неукрепленном временном лагере. Реально оценив обстановку, новгородский полководец принял решение: атаковать лагерь противника с «поля», использовав в полной мере неведение шведов относительно местонахождения русского войска.

Новгородцы знали многое о противнике. Шведы были опытными воинами. Обычно их боевое построение выглядело так. В первой линии становились лучники, которые, не доходя до вражеских рядов метров 100, начинали их обстреливать. Затем вступала в бой тяжеловооруженная пехота, стремившаяся сковать действия противника. Конница, состоявшая из рыцарей в тяжелых доспехах, находилась в резерве. В разгар сражения она наносила внезапный сильный удар. Такая тактика много раз приносила успех шведам.

Проводники-ижоряне повели русскую рать вверх по Тосне. Отойдя от устья 6 км, в том месте, где ныне в реку впадает ручей Широкий, конные и пешие воины соединились. Походная колонна резко изменила маршрут и густым лесом, по едва заметным лесным тропам, двинулась к шведскому лагерю. Князь Александр, строго следуя «Поучению» своего пращура Владимира Мономаха,[9] выслал вперед боевое охранение — «сторожи» из надежных, смекалистых дружинников. Он исходил из того, что и шведы могли время от времени проверять конными дозорами дальние подступы к стоянке флотилии. Но этого они не сделали, надеясь, по-видимому, что глухие ижорские леса и непролазные болота лучше всего охраняют их лагерь от нападения с суши.

Пройдя 18 км, новгородское войско остановилось на привал. Последняя часть пути пролегала по берегу Большой Ижорки. Теперь русских и шведов разделяло всего 7 км. Выслушав в последний раз наблюдателей-ижорян, Александр Ярославич вечером 14 июля составил план битвы.

Весьма удачно был осуществлен выбор времени для нанесения удара по врагу. Князь решил атаковать шведов около полудня, когда по всему лагерю начнется приготовление к обеду, а бо́льшая часть коней рыцарей будет пастись на лугу. Сам же удар предусматривалось осуществить следующим образом. Все войско делилось на три части. Княжеская конная дружина и часть конников-новгородцев должны были атаковать центр вражеского лагеря, где возвышался златоверхий шатер шведских полководцев. Другая часть конных новгородских ополченцев вместе с ладожанами устремлялась на правый фланг неприятеля, где шведы, защищенные глубокой Ижорой и впадавшей в нее Большой Ижоркой, чувствовали себя в наибольшей безопасности. Вдоль берега Невы на левый фланг шведского войска предстояло наступать пешей рати городских ополченцев.[10] Ей надлежало отсечь находившихся на берегу рыцарей и их прислугу от воинов и корабельщиков, которые располагались на шнеках.

Около 11 часов 15 июля конные русские дружины и пешая рать, имея впереди проводников-ижорян и ближние «сторожи», используя лесные заросли, незаметно подошли к шведскому лагерю, где царило полное спокойствие. Дружину ижорян князь отправил на другой берег Ижоры с целью перехватить тех шведов, которые могли бежать с поля боя через реку. По условному знаку русская конница и пешая рать устремились на врага.

Во вражеском лагере дали сигнал боевой тревоги. Но было уже поздно. На берегу развернулась ожесточенная сеча, которая втягивала в себя все больше и больше воинов. Рыцари со своими оруженосцами приняли на себя удар русских, которые же явно уступали им числом. Но построиться в привычный боевой порядок шведы не успели. Часть из них оказалась без доспехов, тогда как дружинники и ополченцы князя Александра были во всеоружии.

В самый разгар яростной, кровопролитной сечи сошлись два предводителя войск — Александр Ярославич и Ульф Фаси.[11] Новгородский князь смело направил коня на выделявшегося в рядах шведов полководца. И тот и другой славились искусством в поединках. Умело отбив удар соперника, князь Александр метко ударил копьем в смотровую щель опущенного забрала шведа. Острие копья вонзилось в лицо шведского полководца, кровь залила ему глаза. Битвой руководить он уже не мог. Его оруженосцы и слуги поспешили увести раненого на ближайший шнек. Шведское войско по существу осталось без предводителя.

А тем временем по всему шведскому лагерю шла жестокая битва. Боевой клич русских воинов разносился над Невой. Шведы, сомкнув кое-как ряды, стали с боем отходить к берегу Невы, к спасительным шнекам. Новгородские ратники все усиливали напор на врага.

Внезапность нападения новгородского войска, стремительное развитие событий во время битвы, ее скоротечность, полководческий дар князя Александра склонили чашу весов в пользу русских. Несмотря на заметное численное превосходство, рыцари-крестоносцы вынуждены были отступить к стоящим у берега шнекам. Они надеялись на помощь тех, кто находился на бортах судов. Ожесточенная битва продолжилась у самой воды. Но ранение ярла Фаси, гибель многих

знатных рыцарей, захват и потопление пешей ратью трех кораблей неприятеля в конце концов привели к панике в рядах шведов. Не сумев сдержать натиска русских, крестоносцы стали поспешно садиться на корабли, в беспорядке отходя от береговой черты на расстояние полета стрелы. Но не всем шведским воинам удалось оказаться на палубах шнеков. Часть пыталась перебраться через Ижору, но на ее противоположном берегу в засаде их поджидала дружина ижорян. Здесь и нашли свою погибель бежавшие с поля битвы.[12]

Так 15 июля 1240 г. закончилась знаменитая Невская битва. С наступлением ночи основательно потрепанное войско короля Швеции бесславно покинуло берега Невы. Флотилия завоевателей-крестоносцев направилась к устью реки.

Разгром противника был полный. Победа досталась ценой малой крови. Пало всего 20 русских воинов. В Невской битве ярко раскрылся полководческий талант Александра Ярославича. Из западной антирусской коалиции выпало сильное звено — воинственное шведское рыцарство. После такого сокрушительного разгрома шведы заключили мир с Великим Новгородом. Опасность вторжения на Русь с Северо-Запада была ликвидирована на многие годы.

Полководческое искусство князя Александра было высоко оценено народом, который прозвал его Невским. Под этим именем он вошел в ратную летопись государства Российского. Александр Невский добился победы путем разработанной им тактики по отражению вражеского нашествия. Ее отличительными чертами были следующие.

Тщательная организация разведки — «морской стражи» ижорян на побережье Финского залива и в устье Невы, ведение наблюдения за действиями шведской военной флотилии. Получив известие о вторжении врага в пределы земли Русской, новгородский князь за короткий срок (менее чем за сутки) собрал необходимое количество войск и без промедления выступил в поход. Князь Александр дал для военной истории образец вождения войск. Умелая организация похода новгородского войска по всему маршруту его движения во многом способствовала успешному отражению нападения шведов. Кроме того, он проявил новаторство в традиционном военном искусстве того времени, возложив функции передового полка и «сторожи» на судовую рать, умело использовав преимущества внезапности при нанесении удара по превосходящим силам противника. Ему удалось сохранить в полной тайне поход русской рати из Новгорода к Ладоге, а от нее — к месту Невской битвы. Нападение на шведский лагерь не со стороны реки, а с «поля» стало полной неожиданностью для врага.

В ходе Невской битвы Александр Ярославич проявил инициативу, изменив привычное построение русского войска для битвы.[13] Он поставил пехоту на правый фланг, а ее привычное место на «челе» (в центре) заняла конница, основу которой составила княжеская дружина. Умелое построение боевого порядка способствовало разгрому врага, лишило его возможности оказать организованное сопротивление по всему лагерю. Более того, русские сумели разъединить силы противника: рыцарей, расположившихся в лагере на берегу, и вои-

нов, находящихся на шнеках. Таким образом, Александр Невский блестяще осуществил на поле брани свой замысел, рассчитанный на быстроту действий русского войска.

Все это стало важной вехой в развитии отечественного военного искусства. Талант русского полководца получил высокую оценку современников и потомков.

---

1 Шаскольский И. П. Папская курия — организатор агрессии в 1240—1242 гг. // ИЗ. 1951. Т. 37. С. 187—188.

2 Строков А. А. Общий курс истории военного искусства. М., 1951. С. 257.

3 Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1974. С. 63.

4 НПЛ. С. 77.

5 Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 262.

6 Военно-исторический журнал. 1985. № 11. С. 83—84.

7 Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978. С. 115.

8 Военно-исторический журнал. 1985. № 11. С. 84.

9 ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 354—358.

10 НПЛ. С. 293—294.

11 Там же. С. 293.

12 Страницы боевого прошлого: Очерки военной истории России. М., 1968. С. 27—28; Пашуто В. Т. Александр Невский. С. 65—66; Лурье А. Я. Александр Невский. М., 1939. С. 19—22.

13 Бескровный Л. Г. Атлас карт и схем по русской военной истории. М., 1946. С. 4.

Ю. Ф. Соколов

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ И ТРАДИЦИИ

Князь Александр Ярославич Невский жил и действовал в чрезвычайно сложной исторической обстановке. Тяжкие испытания выпали на долю русского народа в конце 30-х—начале 40-х годов XIII в. То было время кровопролитной борьбы с монголо-татарами, немецкими и шведскими крестоносцами. В этих условиях формировался характер Александра Ярославича, выдающегося полководца, государственного деятеля и дипломата Древней Руси.

Что мы знаем о жизни князя Александра, как прошло его детство и юность, где закладывались основы характера будущего ратоборца и предводителя войск? На первый взгляд источники как бы молчат, настолько их сообщения лаконичны. Но это не так. К счастью, детали прошлого реконструируются. И недаром летописцы советовали: «Аще хощеши распытовати, разгни (т. е. раскрой. — *Ю. С.*) Летописец Великий Руський и прочти от Ярослава Великого до сего князя нынешнего».[1] Обращаясь к первоисточникам, мы открываем для себя духовный мир наших предков, их мировоззрение, чувство ответственности перед обществом и Отчизной. Ведь даже в эпоху феодальной раздробленности XIII в. русские княжества полностью не обособились, не разорвали экономических, политических и торговых связей. И если князья русских земель в определенные моменты противостояли друг другу, то население княжеств стремилось к объединению. Мысль о единстве продолжала жить в сознании русского народа. В его понятии защита княжества отождествлялась с обороной всей Русской земли. Поэтому в минуту опасности чаще всего звучал призыв: «Братья, моя милая Русь! Потягните за едино сердце!». Наиболее дальновидные князья использовали это стремление и поддержку населения в деле объединения Руси, ее защиты от натиска агрессоров. А ведь Александр Невский являлся потомком великих князей киевских Ярослава I и Владимира II Мономаха, имевших родственные связи с Византийской империей и правящими домами Европы. Из славной ветви Мономашичей вырастали князья властные, могущественные, стремящиеся к собиранию русских земель. Несомненно, традиции предков оказывали сильное влияние на формирование характера Александра Ярославича.

Александр Невский родился в городе Переяславле-Залесском, возможно, около 30 мая 1220 г. В возрасте четырех лет он был посажен

на коня и опоясан боевым мечом — так состоялся древний обряд «пострига», посвящения в воины. С этого времени княжич мог руководить дружиной. В пятилетнем возрасте начиналось обучение грамоте. Владимирские князья заботились о просвещении своих детей. Они имели богатое собрание древних латинских, греческих и русских книг. Известно, что дядя Александра — князь Ростовский Константин Всеволодович — владел огромной коллекцией рукописей и книг, более 1000. В то время на Руси не только князья, но горожане и крестьяне были грамотными, о чем свидетельствуют берестяные послания, открытые археологами в Новгороде, Смоленске, Старой Руссе и других древних городах. В жизнеописании Александра говорится, что «родители святым книгам научиша его». Православная церковь способствовала развитию этических норм, поддерживала идею единства народа, поощряла тягу к грамотности и просвещению.

Духовные наставники учили, что в душе нашей три силы. Первая из них — разум, он выше других сил. Им мы отличаемся от животных, «познаем небо и прочия творения». Вторая сила — чувство, оно обязано стремиться к доброте и справедливости, но иногда под влиянием дурных склонностей ведет к злобе и зависти. Третья сила — воля, она помогает преодолевать все трудности в жизни.[2] Воспитание было направлено на выработку таких черт характера, как рассудительность в жизненных ситуациях и решительность в действиях.

Изучал княжич латинский и греческий языки и «вскоре извыче вся грамматика». Читал юный Александр византийские хроники о событиях далекого прошлого. Он восхищался подвигами Александра Македонского — героя античного мира и Востока. И все же любимым его занятием оставалось изучение военного опыта предков и событий родной старины. В этом отношении русские летописи являлись неоценимой сокровищницей военной мысли. Внимательно вчитывался Александр в текст «Поучения» своего знаменитого пращура Владимира Мономаха: «На войну выйдя; не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не потворствуйте, ни сну; сторожевую охрану сами наряжайте, и ночью, расставив воинов со всех сторон, ложитесь, а рано вставайте; а оружия снимать с себя не торопитесь, не оглядевшись, из-за лености, внезапно ведь человек погибает».

Владимир Мономах, победитель половцев, обращал особое внимание на то, чтобы предводитель войска был бдительным, держал своих ратников в боевой готовности и подавал пример дисциплинированности. Если от командира Мономах требовал умения организовать победу, то от младших воинов — беспрекословного выполнения приказаний: «...при старших молчать, мудрых слушать, старейшим повиноваться, с равными себе и младшими в любви пребывать». В «Поучении» Мономаха, помимо чисто практических советов, содержались понятия о ратном побратимстве и кодекс чести русского воина. Давши клятву (поцеловав крест), «блюдите, как бы, преступив, не погубить души своей», — предупреждал Владимир Мономах.[3]

Быстро летело время, а в ту пору не признавали долгого взросления. Помимо книжного обучения, большое внимание уделялось воинской подготовке княжича. Под руководством опытных дружинников Александр постигал ратное умение — действовать копьем, вла-

деть мечом и метко стрелять из лука. К 12 годам русские княжичи уже могли обращаться с боевым оружием. Будущий князь — это и правитель, и воин-профессионал. Поэтому неудивительно, что почти все древнерусские князья лично участвовали в битвах, вступали в единоборство с предводителями нападавшей стороны.

В 1234 г., в возрасте 14 лет, Александр принял участие в походе новгородского войска под руководством отца против рыцарей-меченосцев, захвативших город Юрьев (Дерпт). Русское войско подошло к городу и осадило его. Небольшие отряды русских воинов начали действовать в окрестностях Дерпта. Они рассеяли немецкие дозоры и громили имения немецких феодалов. Рыцари вынуждены были выйти из-за крепостных стен навстречу русской рати. В ожесточенной битве немецкое войско потерпело сокрушительное поражение. Немцы срочно отправили послов к князю Ярославу Всеволодовичу, отцу юного Александра, и он «взял с ними мир на всей правде своей», т. е. на своих условиях. Участие в этом походе обогатило практически военные знания Александра.

В 1236 г., в возрасте 16 лет, Александр стал князем-наместником в Новгороде. Его отец отъехал в Киев, чтобы занять там стол великого княжения. Для Александра Ярославича началась трудная школа самостоятельной политической жизни в предгрозовую для всей страны пору.

За время пребывания с отцом в Новгороде Александр изучил нравы и обычаи новгородцев. Он знал, что новгородские бояре, владевшие большими городскими усадьбами и земельными угодьями, определяли политическую жизнь феодальной республики. На новгородском вече властвовали 300 «золотых поясов» — богатейших бояр. Из своей среды они выбирали двух посадников, наблюдавших вместе с вечем и «советом господ» за деятельностью князя.

Перед угрозой нападения противника или выступлением в поход собиралось народное вече, на котором определялись численность войска и маршруты движения. По древнему обычаю, каждая семья посылала своих сыновей, за исключением младшего, на бой. Отказ выйти на защиту родной земли считался позором. Дисциплина войска поддерживалась устным обещанием-клятвой, в основе которой лежали решения веча. Преобладающая роль во время общевойскового сбора оставалась за трудовым людом Новгорода.[4]

В среде русских воинов было высоко развито чувство товарищества: трудно сражаться, если нельзя положиться на собрата по оружию. Обычно на вече давали клятву: до принятия христианства — на оружии, а после — крестоцеловальную. Слово чести высоко ценилось в Древней Руси. Нарушавшие его члены общества «выбивались» из земли вон, т. е. изгонялись с территории рода, общины, племени.[5] «Пусть будет мне стыдно, если я нарушу слово», — клялись русичи. Понятие о чести вошло в кровь и плоть каждого воина — от князя до простого ополченца. Русские князья воевали с «крайним соблюдением воинских правил».[6] Исключения были, но не они характеризовали взаимоотношения людей.

Молодой князь Александр внимательно изучал боевой опыт новгородцев. Он не раз обращался к летописным источникам, повеству-

ющим о характерных особенностях ведения боевых действий новгородским войском. Его внимание привлек летописный рассказ времен Ярослава Мудрого. Не случайно впоследствии, выступая против крестоносцев, он сказал: «Помози ми, Господи, яко... прадеду моему великому князю Ярославу на окаянного Святополка».

В 1015 г. сын киевского князя Владимира Святославича Ярослав правил в Новгороде. Будучи в распре со своим отцом, он заручился поддержкой варягов-наемников. Последние вели себя нагло по отношению к новгородцам. Горожане возмутились и перебили многих наемников. Ярослав с остатками варягов бежал в загородную резиденцию. Затем пригласил туда знатных представителей-новгородцев и перебил их. На следующий день он узнал, что князь Владимир умер, а брат Ярослава Святополк [7] убил своих братьев — Бориса, Глеба, Святослава — и захватил с помощью печенегов стол Киева. Единство Древнерусского государства было поколеблено. Ярослав обратился к новгородцам с повинной и за помощью. Новгородское вече помирилось с князем и выделило ему воинов-новгородцев; присоединились к ним и оставшиеся варяги. Новгородское войско двинулось к Киеву. Святополк со своей дружиной и крупным отрядом печенегов двинулся ему навстречу. Соперники встретились у города Любеча и стали на противоположных берегах. Противники не решались начать битву и выжидали три недели.

Долгое стояние и превосходство сил притупило бдительность Святополка. Ярослав имел хорошую разведку и однажды был уведомлен о начавшемся пире в лагере Святополка. На военном совете новгородцы высказались за битву. Они были настроены решительно, а чтобы наемники-варяги не подвели их в сражении, новгородцы договорились после форсирования Днепра лишить себя средств переправы. Ранним утром, в темноте, воины Ярослава переправились на берег противника и оттолкнули ладьи. Неожиданный удар по дружине Святополка застал ее врасплох. Конница печенегов бездействовала. Она не могла развернуться для атаки, будучи отрезанной терпящими поражение воинами Святополка.[8]

Александр учел воинский опыт своих предшественников, особенно что касалось разведки и внезапности удара новгородцев. Не менее поучительна оказалась и другая битва новгородцев — с суздальцами и смолянами в 1096 г. у города Суздаля. Новгородцы применили принцип неравномерного распределения сил по фронту. Они сошли с коней и построили свой боевой порядок следующим образом: два полка новгородской пехоты стали против двух конных полков суздальцев. Свой правый фланг новгородцы усилили отрядом «пешцев», создав глубокую колонну. За ней в резерве находился отряд конницы. «И двинулись в бой обе стороны». Правое крыло новгородцев начало теснить суздальцев. Конный отряд, воспользовавшись этим, провел атаку, охватывая левый фланг противника. Суздальские полки бежали с поля боя.[9]

Новгородцы спустя более чем столетие в деталях помнили эту битву, что свидетельствовало о сохранении ими боевых традиций.[10] И Александр оценил по достоинству форму маневра — охват, который создавал угрозу тылу противника, а также умелое применение

ударной колонны «пешцев» на одном из флангов. Так накапливался опыт ратной науки, обязательной для княжеских сыновей того времени, и молодой князь Александр не был исключением. Анализируя сведения о новгородском войске, он убедился, что новгородцы сильны и упорны в пешем сражении. Наряду с традиционным боевым порядком (полки правой и левой руки, «чело» — центр) они применяли самые разнообразные построения, позволявшие им в ходе сражения маневрировать пехотой и конницей. В дальнейшем Александру предстояло на практике использовать характерные приемы новгородцев.

В полководческой деятельности Александра Невского проявились такие важнейшие признаки русского военного искусства, как широта стратегических замыслов, решительность в достижении целей, высокий боевой дух войска, разгром противника по частям, решающая роль народного ополчения. Выступление Александра Ярославича против шведских феодалов в 1240 г. было обеспечено хорошо налаженной разведкой, благодаря которой русской войско, используя элемент внезапности, разгромило противника на реке Неве. Александр Невский опирался на опыт, выработанный предшественниками, и совершенствовал его. В Ледовом побоище 1242 г. он отказался от равномерного распределения сил, расположив на флангах наиболее сильные полки пехоты, создал ударные колонны. Русская конница, находившаяся позади боевых порядков «пешцев», в ходе сражения окружила рыцарское войско и, нанеся удар по тылу, завершила его разгром.

Военный талант Александра Невского оказал огромное влияние на развитие русского военного искусства. Он широко применял новшества в военном деле, действовал инициативно, исходя из конкретных условий. Александр Невский пользовался в борьбе с агрессорами поддержкой народа, опирался на национальные качества русского ратника — храбрость, стойкость и выносливость.

Преемственность боевых традиций на Руси проявлялась во многих сражениях. Русских воинов отличали дисциплинированность и самоотверженность в бою, презрение к трусам и изменникам. Недаром польские, венгерские и немецкие военачальники ценили «русский бой».[11] Так же и русские князья предпочитали погибнуть, но не изменить обычаям своих предков. Так, в битве с монголо-татарами в 1238 г. ростовский князь Василько Константинович сражался до последней возможности, но, будучи израненным, попал в плен. Он гордо отверг предложения врага перейти в иную веру и был убит. Князь Михаил Черниговский, находясь в Орде, отказался пройти ряд унизительных обрядов и был зверски умерщвлен. Александр Невский, приехав впервые в Орду, рискуя жизнью, не выполнил требования завоевателей, чем неожиданно для всех произвел большое впечатление на хана Батыя.

Такое упорство объясняется не только особой приверженностью к православию. Для русских людей в то время отступничество от православной веры означало прежде всего измену нравственным устоям, традициям и духовной жизни своего народа. Вот почему Александр Невский обратился к псковичам после Ледового побоища 1242 г. с речью, наполненной укорами в их адрес. В 1240 г. горожане Пскова

пошли на уговоры предателя и открыли ворота города немецким рыцарям.[12] Князь Александр в своем обличении не совсем был прав: немецкие рыцари действовали изуверски. Они не смогли взять штурмом Псков, но захватили в заложники детей псковичей из разгромленного посада. И тем не менее князь не удержался от упрека горожанам. Следует отметить, что псковичи учли урок: с тех пор нога противника не ступала в город-крепость. Так, в 1343 г. отряд ливонских рыцарей напал на Изборск. Накануне сражения псковичи, собрав вече, дали клятву: «Братья, мужи псковичи, не посоромим отцов своих и дедов, кто стар то отец, а кто млад то брат; се же братья предлежит нам живот и смерть, потягнем за святую Троицу и святые церкви, за Отечество».[13] Ливонцы были разбиты и отброшены от русской границы.

Существуют такие традиции, которые не подвластны времени. История свидетельствует: эстафету подвига русских ратников подхватили советские воины. Советский народ в смертельной схватке с фашизмом, как и наши предки в борьбе с иноземными захватчиками, отстоял независимость Отчизны. Имя Александра Невского и ратные подвиги защитников Родины навечно останутся в памяти народной.

---

[1] Цит. по: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 438.

[2] См.: Хитров М. И. Святый благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. М., 1893. С. 13.

[3] См.: ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 354—358.

[4] Свердлов М. Б. К истории новгородского веча // Новгородский край. Л., 1984. С. 181.

[5] Шпилевский С. Союз родственной защиты у древних германцев и славян. Казань, 1866. С. 32, 49; Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945. С. 23.

[6] Цит. по: Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960. С. 131.

[7] За убийство братьев и разжигание междоусобиц он получил прозвище «Окаянный».

[8] ПВЛ. Ч. 1. С. 296.

[9] Там же. С. 372.

[10] Там же. Ч. 2. С. 24.

[11] Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976. С. 9.

[12] НПЛ. С. 77.

[13] Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 97.

Д. Г. Линд

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О НЕВСКОЙ БИТВЕ И ЕЕ ЗНАЧЕНИИ

Боюсь, что содержание нашей работы о дате или, скорее, о событии, которое мы отмечаем, может показаться довольно спорным. Мы не можем, однако, признать, что битва на реке Неве действительно имела такое значение, какое ей традиционно приписывает русская историография. Вместе с тем в последней части работы — об обстановке в Швеции во время военной кампании — мы изложим доводы в пользу того, что шведская военная экспедиция могла бы иметь более честолюбивые цели, если бы она состоялась на самом деле. К сожалению, и это мнение не соответствует взглядам русских историков.

Прежде всего, мы желали бы подчеркнуть, что не будем спорить относительно того, что кампании против Новгорода со стороны его западных соседей в тот период были результатом скоординированного общего плана, контролируемого Папской курией и направленного на то, чтобы использовать ослабление Руси, вызванное татаро-монгольским нашествием. Такова, в сущности, теория, оспариваемая финским историком Г. А. Доннером, которую русские историки, такие как Б. Я. Рамм и И. П. Шаскольский, позднее поддерживали.[1] Могло быть и так, что эти экспансионистские планы, отличающиеся грандиозностью, если и были составлены Папской курией, то, несомненно, использовались бы местными монархами, что объясняет большое число дошедших до нас папских булл. Мы, однако, сомневаемся в том, что местные монархи действительно желали выполнения таких планов.

Наши наблюдения подсказаны удивительным несоответствием в оценке характера и роли Невской битвы в шведской и русской историографии. На этой конференции нет необходимости подчеркивать главное значение, приписываемое Невской битве в русской историографии, которое явно усиливается под влиянием более поздних событий. Укажем для сравнения на то, что шведская кампания и битва на Неве вовсе не упоминаются в шведской историографии, например в ставшей уже классической современной книге по шведской истории — в учебнике Йеркера Розена и Стена Карлсона, впервые опубликованном в 1962 г.[2]

Эта ситуация, как нам кажется, ставит нас перед необходимостью пересмотреть вопрос о значении битвы, чтобы найти общее основание

для исследования исторически достоверных шведско-новгородских отношений того периода.

Прежде всего, оценка роли Невской битвы в цепи исторических событий зависит от качества сохранившихся источников. Таким образом, наше первое исследование касается того, что можно было бы назвать спектром русских источников о битве.

* * *

Описания кампании и битвы, которые доминируют в современной русской историографии, берут начало в Житии Александра Невского, включающем свидетельства очевидцев подвигов Александра Невского и его шести храбрецов. Это жизнеописание, предположительно составленное в 1280-е годы, вскоре было включено в летописи,[3] прежде всего в Лаврентьевскую летопись, после описания смерти Александра в 1263 г.,[4] и в переработанном виде в большинство поздних летописей (под 1240—1242 гг.) в форме повествований о Невской битве и битве на Чудском озере. В последней группе текстов, иногда называемой «Летописной редакцией», детали, которые нельзя найти в более ранней версии жизнеописания, были добавлены. Эта группа текстов в основном присутствует в летописях XV в. новгородского происхождения: Новгородская Первая летопись (НIЛ) младшего извода, Новгородская Четвертая летопись (НIVЛ) и — с некоторыми дальнейшими добавлениями — Софийская Первая летопись (СIЛ) вместе с многочисленной семьей летописей, основывающихся на СIЛ.

Жизнеописание, по версии этих летописей, после сообщения фактов о семье князя Александра и его воспитании, описывает шведскую военную кампанию на Неве, указывая на легендарную смелость Александра Ярославича: король католического Севера решает завоевать землю новгородского князя Александра и собирает огромную армию шведов, включая короля и его епископов, норвежцев (мурманов), финнов (сумь) и тавастов (емь). Они входят в реку Неву и с устья Ижоры «король части Римской» бросает вызов Александру. С благословения новгородского архиепископа Спиридона Александр выступает с малочисленной дружиной, и ему удается скрытно напасть на военный лагерь шведов. Далее описываются подвиги шести храбрецов. Во время первого из этих эпизодов воевода Спиридон оказывается убитым вместе с епископом. Шведы, обнаруженные на берегу Ижоры, куда войско Александра Ярославича не могло проникнуть, считались убитыми Божьими ангелами. Трупы знатных шведов, погруженные на три корабля, были утоплены в Неве, а остальные похоронены в ямах. Только 20 новгородцев (пять названы по имени) были убиты, не считая некоторых ладожан.[5]

Мы должны сразу же оговориться, что не принадлежим к той школе историков, которая доминирует в среде скандинавских ученых и отрицает ценность жизнеописаний святых как исторических источников.[6] С другой стороны, тот факт, что событие упомянуто в Житии, может оказать влияние на приоритетное восприятие факта Невской битвы по сравнению с другими событиями, описанными в обычной сухой манере русских летописей.

Здесь мы должны прежде всего задать вопрос: какие же другие источники существуют помимо жизнеописаний? Существовало ли оригинальное хронологическое описание Невской битвы, независимое от текста Жития?

Интересно отметить, что эта битва не описана ни в подлинном тексте Лаврентьевской летописи, ни в реконструкции Троицкой летописи, хотя обе эти хроники содержат под 1242 г. краткое описание битвы на озере Пейпус.[7] Владимирский летописец, ценный тем, что представляет собою раннюю общерусскую компиляцию, также не содержит описания битвы на Неве, хотя в нем есть более полные описания Ледового побоища, чем в двух предыдущих.[8] Это, несомненно, указывает, на то, что летописцы XIII в. из Северо-Восточной Руси придавали немаловажное значение событиям 1241—1242 гг.

Хотя в статье невозможно провести полный текстологический анализ хронологических текстов, существует, насколько нам известно, только один хронологический вариант, который нет необходимости с первого взгляда подозревать в зависимости от версии, найденной в Житии. Это версия ПIЛ. Она очень коротка и содержит следующее известие: «Приидоша Свейа в реку Неву, и победи их князь Александр с мужи новгородцы, месяца мая, в 15 день».[9] Ряд летописей, связанных с Псковом, — например, Псковская Третья летопись (ПIIIЛ), Летописец Рогожский, Летописец Авраамки и Сокращенная Новгородская летопись — имеют более информативные тексты: «Приидоша Свейа в Неву, и победи а́ Александр Ярославич с новгородцы, июля 15. И паде новгородцев: Константин Лукинич, Гуриата Пинешкинич, Наместь Дрочила, а всех 20, а Немец накладеша две ямы, а добрых повезоша два корабля; а заутра побегоша».[10]

Перед нами подлинный хронологический текст. Лишь одно чтение в Летописце Рогожском («Зде обретоша много множество избиенных от ангела Господня, останок же побежа заутра»), несомненно, взято из Жития.[11] Было ли оно добавлено к Летописцу Рогожскому или взято из общего источника псковских летописей — не может быть здесь решено.

Так как написание летописей началось в Пскове в XIV в., то псковские летописи, конечно, не содержат оригинальный материал XIII в. Ранние псковские летописцы, однако, брали новгородский летописный материал как отправную точку. Природа источника этой Новгородской летописи не была полностью выявлена, несмотря на исследования А. Н. Насонова и Ханса-Юргена Грабмюллера. Однако много повторений того же события в разных версиях указывает на существование по крайней мере трех разных источников псковских летописей.[12]

Особую важность при рассмотрении русских источников о Невской битве имеет, однако, отношение между Синодальной рукописью, НIЛ младшего извода и Житием. Кажется, стало общим мнением историографов то, что версия в Синодальной рукописи является как современной событию,[13] так и независимой от версии Жития. Так, Ю. К. Бегунов на основании текстологического изучения считает, что текст Синодальной рукописи не послужил источником для Жития, а Житие не было источником для Синодальной рукописи.[14]

С этим утверждением, однако, невозможно согласиться. Текст Синодальной рукописи имеет очень много общего с Житием, и не только по фактическому материалу, но и по способу его описания: не менее чем половина всех текстов в Синодальной рукописи идентична НІЛ младшего извода.[15]

Кажется, существуют два пути для объяснения этого. 1) Обсуждаемый текст в Синодальной рукописи был заимствован или перенесен с сокращениями из версии, теперь обнаруженной в НІЛ и др. С хронологической точки зрения это не представляет проблемы, так как эта часть Синодальной рукописи была написана третьей рукой, а период написания датируется второй четвертью XIV в.,[16] т. е. временем, когда Житие Александра Невского уже существовало. 2) Версия в НІЛ и в более поздних новгородских летописях — это перенос версии Жития на основе текста, теперь обнаруженного в Синодальной рукописи.

В защиту последнего мнения мы можем указать на тот факт, что самая ранняя из известных рукописей Жития — Лаврентьевская летопись — опускает точно те части текста, которые связаны с Синодальной рукописью НІЛ, кроме датировки.

С другой стороны, текст, являющийся общим в Синодальной рукописи и в НІЛ, содержит несколько неоднозначных в современной Новгородской летописи черт. Прежде всего, это предположение о том, что шведский епископ был убит.[17] Все шведские епископы, кажется, пережили 1240 год: Ярлер из Упсалы, Лаурентиус из Линчепинга, Лаурентиус из Скара, Николаус из Стренгнеса, Магнус из Вестероса, Грегориус из Вехье, Томас из Або. Автор современной летописи в Новгороде, несомненно, знал бы такого выдающегося участника шведской экспедиции, как епископ; если бы он был убит, то этот факт тоже был бы известен.

Путаница в имени шведского воеводы, которая характерна для описаний летописи и для Жития в НІЛ, является подтверждением того, что Синодальная рукопись должна была базироваться на более позднем тексте.[18] В обоих текстах — и в Синодальной рукописи, и в Житии — воевода носит имя Спиридон, т. е. то же самое имя, что и имя новгородского епископа в 1240 г. Это имя невозможно в шведском тексте. Очень трудно предположить, что хронист, который описывал событие вскоре после того, как оно произошло, мог бы сделать такую ошибку. Также невозможно поверить в то, что такая ошибка могла быть сделана независимо дважды. Это дает возможность предположить, что ошибка возникла тогда, когда оригинальная летописная версия в Новгородской Архиепископской летописи была переделана для того, чтобы включить в Синодальную рукопись (что произошло до 1330 г.) известия о Невской битве из Жития Александра Невского. Позднейшая датировка подтверждается также и неправдоподобной вставкой при описании состава шведской армии: там норвежцы (этноним «урмане») упомянуты наряду с сумью и емью. Хорошо известно, что в это время норвежцам было не до заграничных походов. Перед самым началом битвы на Неве норвежский король Хакон Хаконссен был занят подавлением восстания герцога Скуле

Бардссона. «Сага о короле Хаконе» подробно рассказывает о событиях с конца 1239 г. до смерти Скуле 24 мая 1240 г.[19]

Невероятно, чтобы одна из воюющих сторон отпустила отряд на помощь шведам, идущим на Новгород.

Очевидно, что новгородский летописец середины XIII в. не мог включить в свое описание битвы упоминание о норвежцах, которые там никак не могли участвовать. Другое дело поздний летописец, писавший в 1320—1330-е годы. Для него было все возможно, так как подлинных событий он не знал. Как раз в то время Норвегия и Швеция управлялись одним и тем же королем, молодым Магнусом Эрикссоном, от имени которого и Швеция (1323) и Норвегия (1326) заключили договоры с Новгородом. Кроме того, тот период совпадает с датой, когда текст о Невской битве вошел в Синодальную рукопись.

Тем не менее Синодальная рукопись, возможно, сохранила информацию из оригинальной летописи о битве. Это особенно относится к описанию как шведских, так и норвежских потерь. Ранняя версия Жития, кажется, интерполирована в сравнении с Синодальной рукописью. Включение в Житие Ассирийской легенды, касающейся утра после битвы, когда были найдены неисчислимые жертвы вражеского войска, убитые Господним ангелом, и более поздняя новгородская версия о том же дает читателю представление, что шведские трупы были похоронены новгородцами в общих могилах и что победа новгородцев была всеобщей. Только наличие слова «своих» во фразе «мертвых своих наметаша корабля» в Житии выдает, что сами шведы, как это указано в Синодальной рукописи, собирали свои жертвы.[20]

Однако автор Жития, включив в свой текст Ассирийскую легенду, рассчитывал на усиление художественного впечатления от поражения шведов. Впечатление полного разгрома шведского войска остается и при чтении аналогичного рассказа Синодальной рукописи. Это такой полный разгром, после которого шведские воины, однако, смогли отступить, сохраняя порядок, незамеченные новгородцами, позаботившись об убитых: аристократы были похоронены с лодок в море (?). Это описание шведских потерь вместе с числом убитых новгородцев предполагает небольшое сражение, а не всеобщую битву.[21]

Из общего анализа русских источников о битве кажется, что шведская кампания и битва на Неве были раздуты. В действительности, возможно, имело место не более чем нападение небольшого отряда, даже меньшее, чем нападение в 1164 г. на Ладогу, описанное детально в новгородских летописях, а с 1330 г. оно выросло в событие национального значения, затмевающее собою даже Ледовое побоище.

Первая стадия усиления значения заключалась во внимании, уделяемом сражению в ранних версиях Жития Александра Невского, широко потом почитаемого как святого. Затем это Житие было включено в летописи, вначале, возможно, в Новгородскую Архиепископскую. На основе этого автор Синодальной рукописи переносит в первоначальное летописное описание взятые из Жития сведения, а именно: 1) об участии норвежцев в шведской армии; 2) об убийстве воеводы Спиридона и 3) о предполагаемом убийстве епископа; слова же «в иные творяху, яко и пискуп убиен бысть» в рукописи могут относиться к версии Жития.

Побуждение включить Житие в Архиепископскую летопись, усиливая описание Невской битвы, возможно, возникло из-за серьезного кризиса, переживаемого Новгородом на Неве в начале XIV в. Период 1293—1323 гг. отмечен распространением шведских военных отрядов в западной части Карелии с повторяющимися попытками завоевать плацдармы по берегам рек Вуоксы и Невы от Ладожского озера до Финского залива. Если бы им это удалось, они могли бы контролировать водные пути в Новгород и из него, серьезно угрожая безопасности и даже существованию Новгорода. Эта стадия шведской экспансии была остановлена строительством крепости на о. Ореховец в истоке Невы новгородцами в 1322 г. и заключением мирного договора здесь годом позднее. Попытка короля Магнуса завоевать Ореховец в 1348—1350-е годы осталась только эпизодом.

В этот период нестабильности победа Александра в Невской битве 1240 г. могла иметь символическое значение, которое она в дальнейшем и сохраняла. Симптоматично и то, что Александр для новгородцев был «Храбрым», прежде чем стал «Невским».[22]

Ничто в истории текстов новгородских летописей, касающейся взаимозависимости летописей и Жития в их различных редакциях, не противоречит нашему предположению, изложенному здесь.

Прежде чем обратиться к событиям в Швеции во время предполагаемого военного похода на Неву, необходимо рассмотреть один любопытный факт. Написание Новгородской летописи, конечно, как было указано, состояло в воспроизведении оригинального описания кампании. Отражение этого, может быть, имеется в Псковской летописи и частично в Синодальной рукописи. Дальнейшее описание этого события может быть найдено, так как существует дополнительный новгородский источник о Невской битве. Это любопытное апокрифическое «Завещание» шведского короля Магнуса, включенное в некоторые летописи начиная с XV в. Утверждается, что этот текст является завещанием короля Магнуса Эрикссона, написанным им перед смертью. Здесь говорится, что король умер в русском монастыре, в то время как в действительности он умер в Норвегии в 1374 г., после того как его туда выслали в 1364 г.

Король Магнус в 1347—1350-е годы пытался путем религиозных дискуссий обратить новгородцев в католичество. Когда же эта попытка потерпела неудачу, он решил крестовыми походами принудить Новгород к подчинению. Во время одной кампании ему удалось завоевать и удерживать Ореховец в течение шести месяцев.

В «Завещании» содержится совет-предостережение своему народу — не нападать на Новгород. При этом король Магнус коротко рассматривает предшествующие шведско-русские отношения начиная со времени Невской битвы: «Первее сего поднялся князь Бергер и вшел в Неву, и срете его князь Александр на реце на Ижере и самого прогна, а полки поби».[23]

Это единственный источник, называющий имя предводителя шведской армии. Традиционно русская историография воспринимала эту информацию, хотя не всегда правильно оценивала источник.[24]

Недавно И. П. Шаскольский опроверг достоверность «Завещания» в этом вопросе и назвал герцога Ульфа Фаси предводителем швед-

ской экспедиции, хотя он не упомянут как таковой ни в одном из источников. В 1240 г. Ульф Фаси, а не Биргер Магнуссон, был герцогом, следовательно, как считает И. П. Шаскольский, Ульф Фаси возглавил поход на Неву.[25]

Утверждая ценность «Завещания» как исторического источника, надо помнить, что, подобно Житию, оно вначале не имело целью историческое описание, а только предостережение, что, однако, не исключает наличия у «Завещания» надежных источников. Очевидно, что кроме двух уникальных фактов, относящихся к шведско-русским отношениям, автор имел весьма смутное представление о событиях в Швеции во время правления короля Магнуса, не обнаруживаемое в других русских источниках. Как мы предположили, автор мог бы это узнать от шведского гостя, приехавшего в Новгород.[26] Помимо имени «Бергер» в связи с Невской битвой, другая уникальная информация, касающаяся крестового похода короля Магнуса в 1347—1350-е годы, была, возможно, взята из русской летописи.

Автор «Завещания», подобно другим летописным источникам, рассказывает о том, как король Магнус завоевал Ореховец, который новгородцы потом отвоевали. Согласно «Завещанию», король Магнус годом позже возглавил новую экспедицию на Ореховец, во время которой узнал, что новгородцы уже там, и отступил в Копорье, откуда, узнав о приближении новгородцев, убежал морем. Во время шторма в Хольмгардском заливе недалеко от устья Невы он потерял большую часть своей армии, утонувшую в водной пучине.

Хотя только «Завещание» упоминает эту вторую кампанию, подробности кампании находят косвенное подтверждение в двух источниках. Один из них — HIЛ, в которой под 1350 г. (6858) мы читаем: «А рать немецкая истопе в море».[27] Только HIVЛ имеет это описание. Оно исчезает при дальнейшей переписке, возможно потому, что не имеет смысла отдельно от контекста. Другой источник — так называемая «Поэма соединения» шведской рифмованной летописи. Этот источник рассматривает всю кампанию как одну экспедицию, но его описание заканчивается двумя строчками: «Он выкопал себя из рта Луги (или они бы его там поймали)».[28] Это согласуется с известием в «Завещании» о побеге короля Магнуса из Копорья перед тем, как он потерпел кораблекрушение в заливе.

Располагая двумя независимыми источниками, подтверждающими каждый в отдельности детали описания в «Завещании», мы не имеем никакой причины сомневаться в их достоверности.[29] Что же было источником «Завещания»? Тот факт, что HIVЛ с 1350 г. включает вычеркнутое прежде описание кораблекрушения, которое, чтобы сохранить смысл, должно было бы составлять часть более общего целого, предполагает наличие летописного источника, теперь утерянного. Мы раньше обращали внимание на связь между HIVЛ и НКаЛ. Теперь существует общее мнение, что два сборника выдержек, из которых состоит НКаЛ, были использованы как источники. Однако если мы изымем текст НКаЛ из текста HIVЛ, то остается третий сборник основных коротких описаний с 1117 г. и далее, имеющих отношение к внутренней политической жизни Новгорода. Этот слой описаний, к которым относится известие, описанное под 1350 г.,

так же как и описание Матфеем Михайловым его семьи, свидетельствует в пользу предположения, что Матфей принимал участие в переписке этого третьего источника HIVЛ.[30]

В таком случае у нас есть все основания верить, что ныне потерянная новгородская летопись, в основном имеющая отношение к политической жизни города-государства, существовала до того, как была составлена в середине XV в. HIVЛ. Из этого источника автор «Завещания» мог позаимствовать дополнительную информацию не только о короле Магнусе и его второй экспедиции, но также имя «Бергер» — имя предводителя шведской экспедиции на Неву.[31]

Как отразился факт Невской битвы в шведских источниках и скандинавско-финляндской историографии?[32] Следует признать, что поход на Неву в 1240 г. в шведских источниках никак не отмечен. В противоположность Руси в Швеции для данного периода источники вообще малочисленны. Располагаем «Хроникой Эрика» — рифмованной летописью, которая, возможно, написана в 1320—1330-е годы. Главное в ней — повествование о роде Биргера Ярла Магнуссона и династии, которую он основал. Невская битва здесь не упомянута, быть может потому, что представлялась недостаточно значимой.

Возможность для шведов вести боевые действия на Неве в 1240 г. была связана со Вторым шведским крестовым походом в Финляндию. Точную дату похода Хроника Эрика, однако, не сообщает. По ее свидетельству, шведский король Эрик Эрикссон Леспе (1222/3—1250 гг.) организовал поход в регион языческой Тавастии. Предводителем войска назначается зять короля Биргер, «который стал герцогом до того, как умер». Во время похода и в отсутствие Биргера король умирает, и преемником с помощью некоего Иоара Бла становится сын Биргера Вальдемар.[33] Сопоставление всех этих событий, по мнению многих историков, определило дату крестового похода как 1249—1250 гг.

В противоположность этому суждению финский историк Ярл Галлен пришел к заключению о том, что упомянутый поход не происходил в 1249 г.[34] Галлен, опираясь на норвежскую «Сагу короля Хакона», обратил внимание на то, что в 1249 г. Биргер Ярл находился не в Финляндии, а в западной части Швеции, близко к границе с Норвегией. По сравнению с «Хроникой Эрика» эта сага — более ранний и достоверный источник. Галлен, ссылаясь на папскую буллу 1237 г., в которой папа Григорий IX призвал шведское духовенство благословить крестовый поход против тавастов, определяет дату этого похода 1238-м, может быть, 1239-м годом. В таком случае военная экспедиция на Неву годом позже являлась продолжением упомянутого похода.

Некоторые историки признали датировку и толкование шведских военных действий, выдвинутые Галленом, другие, в том числе Мауно Йокили и И. П. Шаскольский,[35] придерживаются прежней, традиционной точки зрения. Отмечу, что, по мнению шведского историка литературы Гизеллы Нордстранд, крестовый поход в Финляндию может быть датирован ранее 1248 г., т. е. в период, предшествующий смерти короля Эрика.[36]

Вслед за Галленом мы склонны считать, что упомянутый крестовый поход может рассматриваться как результат папской буллы 1237 г.[37] Он был предпринят вскоре после призыва папы Григория IX. В этой связи шведская военная экспедиция на Неву в 1240 г. — звено шведской экспансии на Восток, что особенно активно проявится в начале XIV в. и будет преследовать цель установления контроля над водными путями в регионе Ладожского озера, рек Невы и Волхова.

---

[1] Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina. Helsingfors, 1929; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.; Л., 1959. С. 85—179; Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 152 и сл.

[2] Svensk historia. 4 ed. Lund, 1978. Bd 1. S. 164 et al.

[3] Охотникова В. И. Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI—первая половина XIV в. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. С. 354—363.

[4] ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. 2-е изд. С. 477. Лаврентьевская летопись — копия «ветхого» Летописца 1305 г. с дополнениями.

[5] НПЛ. С. 289—294.

[6] Таким было, например, мнение ученых Вейбуллской школы, т. е. учеников Курта Вейбулла (Швеция).

[7] ПСРЛ. Т. 1. С. 470; Троицкая летопись / Реконструкция текста М. Д. Приселкова. М., 1950. С. 321.

[8] Единственное отражение Невской битвы — это эпитет «Невский», присвоенный князю Александру при описании Ледового побоища. См.: ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец. М., 1965. С. 90. Его источник — неизвестная новгородская летопись. См.: Муравьева Л. Л. Новгородские известия Владимирского летописца // Археогр. ежегодник за 1966 г. М., 1967. С. 37—40.

[9] Псковские летописи. М., 1941. Вып. 1. С. 13 (рукопись А2).

[10] Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 80; ПСРЛ. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889. С. 61; Сокращенная Новгородская летопись // Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836. С. 31 и сл.

[11] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. С. 29 и сл. Ср.: ПСРЛ. Т. 1. С. 480.

[12] Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ИЗ. 1946. Т. 18. С. 255—294; Grabmüller H.-Ju. Die Pskover Chroniken: Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik in 13.—15. Jahrhunderten // Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa. Wiesbaden, 1975. N 10. S. 76—114.

[13] И. П. Шаскольский считает, что точное указание в летописи месяца, недели и дня битвы может свидетельствовать в пользу идентичности известия. (Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 179). Но в Житии Александра Невского по списку Лаврентьевскому имеются такие же подробности (ПСРЛ. Т. 1. С. 479).

[14] Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 230.

[15] Сравните следующие отрывки из Синодальной рукописи: «Свеи в силе велице, и Мурмане, и Сумь, и Емь... Свеи с князем и пискупы своими; и сташа... устье Ижера, хотяче восприиати Ладогу... Новгород и всю область Новгородскую... на память святого Кирика и Улиты, в Неделю на сбор святых отець 630, иже в Халкидоне; ... и ту убиен бысть воевода их ... Спиридон... и бискуп убиен бысть ту же... накладше корабля... а прок их, ископавше яму, вметаша в ню бесчисла; а иннии мнози язвени быша; ... Новгородець же ту паде: Константин Луготиничь, Гюрята Пинешинич, Намест, Дрочило Нездылов, сын кожевника, а всех 20 мужь с ладожани, или мне — Бог весть. Князь же Олександр с новгородци... придоша вси здрави в свояси, схранени Богом и святой Софией...», — с соответствующим текстом в НIЛ (НПЛ. С. 291—294). Об этом Бегунов не знает. Кажется, что он априори решил, что любые заимствования Сино-

дальной рукописью и НIЛ младшего извода не принадлежат версии Жития в НIЛ, что делает результат сличения предрешенным и, соответственно, бессмысленным занятием. Жития, подобные НIЛ по содержанию, были переписаны вне летописей. Ср.: Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты // ПДПиИ. СПб., 1913. Т. 180. С. 33 и сл.; с. 49 и сл.

[16] Третья рука появляется со статьи под 6742-м годом и потом продолжается до последнего описания под 6838-м годом. Ср.: НПЛ. С. 5, 73, 99.

[17] Синодальная рукопись: «...а иные творяху яко и пискуп убиен бысть», что может означать: «и другие придумали, что епископ убит», но также: «и другие заявляли, что епископ убит». Если НIЛ зависит от Синодальной рукописи, то текст понят в первом значении. Если нет, то Синодальная рукопись является вторичной.

[18] Ни один из видных представителей шведской аристократии, который мог бы носить звание «воевода», не умер в 1240 г. Биргер Магнуссон, который когда-то считался лидером, несомненно выжил, так же как Ульф Фаси, которого современные русские историографы считают предводителем войска шведов в битве на Неве.

[19] Hákonar Saga // Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores: Icelandic Sagas. London, 1887. T. 2. P. 173—235.

[20] ПСРЛ. Т. 1. С. 480.

[21] НПЛ. С. 31; ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, 1. С. 160.

[22] Список новгородских князей в описях или связанных с ними описаниях в НIЛ (с. 163, 471, 560). Хотя эти списки найдены в рукописях с XV в., «Храбрый», несомненно, представляется более ранним новгородским прозванием, чем «Невский». Александр, однажды названный «Невским», и при наличии Жития не мог быть переименован в «Храброго», и наоборот.

[23] Лучший текст «Завещания» — в неопубликованной Новгородской Карамзинской летописи (ркп. ГПБ, F. IV. 603. Л. 346—347). Основными являются версии НIЛ и СIЛ. В них и в более поздних хрониках, основанных на них, имя «Биргер» было искажено в «Бергель» или «Белгер», и в этой форме некоторые более поздние жития Александра Невского заимствовали его из «Завещания».

[24] Ср.: Сахаров А. М. Невская битва // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. Стб. 92—93. По контрасту шведские историки, которые знали только «Завещание» в переводе из пространной версии Новгородской летописи, не приняли этой информации. См., например: Ingström S. Birger // Svenskt Bibliografiskt Lexikon. Stockholm, 1924. T. 4. S. 419.

[25] В то время как предположение И. П. Шаскольского о том, что Ульф Фаси возглавлял поход, выражено осторожно, его утверждение, что Биргер не возглавлял похода, выглядит более определенным. (ср. Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 171—178). В комментарии Ю. К. Бегунова к Житию это предположение становится уже фактом: «поход возглавил Ульф Фаси» (ср.: За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI—XV веков. М., 1981. С. 482). И. П. Шаскольский демонстрирует несколько упрощенную точку зрения на политические государственные отношения короля с ярлом Швеции того времени. Попытка И. П. Шаскольского умалить политическую роль Биргера до того, как он стал ярлом, также совершенно неправомерна (ср.: Ahlund D. Den svenska utrikespolitikens historia. Stockholm, 1956. Bd 1. S. 20). Уже в 1230-е годы Биргер действует в пользу короля во внутренних делах, а с 1241 г. — в международных (ср.: Ingström S. Birger. S. 419; Hákonar Saga. P. 237). Ничто в таком случае не мешает предположению, что Биргер действовал в пользу шведского короля в 1240 г., хотя он и не был ярлом; точно так же он поступил и во время Второго крестового похода в Финляндию.

[26] Это предположение полностью объясняет содержание «Завещания» (ср.: Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 176).

[27] ПСРЛ. Т. 4, 1. С. 280.

[28] Svenska medeltidens Rim-krönikor / Ed. G. E. Klemming. Stockholm, 1865. Bd 1. S. 177.

[29] И. П. Шаскольский также отрицает достоверность этих свидетельств «Завещания» (Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 145 и сл.). Текст «Förbindelsedikt» был, очевидно, ему неизвестен. См.: Lind J. H. 1) Nygammelt om Nødeborgsfredens graense // Historisk tidskrift för Finland. Stockholm, 1990. T. 75. S. 83 et al.; 2) The Russian Sources of King Magnus Eriksson's Campaign against Novgorod 1348—1351 — Reconsidered // Mediaeval Scandinavia. Odense, 1988. T. 12. P. 248—272; 3) Magnus Erikssons som birgittinsk konge i lyset af russiske kilder // Birgitta, hendesvaerk og hendes klostre i Norden / Nordiskt Birgitta-Symposium i Mariager. 1990.

[30] Lind J. H. In the Workshop of a Fifteenth Century Russian Chronicle Editor. The Novgorod Karamzin Chronicle and the Making of the Fourth Novgorod Chronicle // The Mediaeval Text: Editors and Critics. Symposium at Odense, 21 November 1989. Odense, 1990. Матфей Михайлов работал над своей летописью с 1403 по 1411 г. См.: Словарь книжников и книжность Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. Часть 2. С. 109 (статья Я. С. Лурье).

[31] Мы имеем все основания быть уверенными в том, что источник летописи был использован при составлении «Завещания», иначе имя предводителя следующего похода на Охту в 1300 г. «Маскалка» было бы трудно объяснить.

[32] Далее статья Д. Линда дается в сокращении. Подробно эта тема изложена автором в отдельной работе. (*Прим. ред.*).

[33] Erikskrönikon / Ed. by Rolf Pipping. Uppsala, 1921. S. 2—11.

[34] Gallén J. Kring Birger jarl och andra korståget till Finland // Historisk tidskrift för Finland. Stockholm, 1946. S. 55—70; то же в отдельном издании: Gallén J. Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968. P. 87—102.

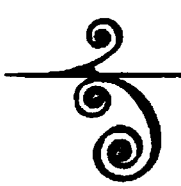
[35] Jokipii M. Hämeen ristiretki // Suomen kirkkonhistoriallisen Seuran vuosikirja. Helsinki, 1965. N 52—53. S. 12—43; Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 19 и сл.

[36] Nordstrand G. En kritisk läsning av Erikskrönikans första korstågsepisod // Historisk tidskrift för Finland. Stockholm, 1900. N 1. S. 9—31.

[37] Папа Григорий IX писал архиепископу Упсалы следующее: «Nam sicut transmisse ad nos vestre littere continebant, illorum qui Tauesti dicuntur nacio, que olim multo labore ac studio vestro et predecessorum vestrorum ad fidem catholicam conversa extitit, nunc procurantibus inimicis crucis prope positis ad antiqui erroris reversa perfidiam cum quibusdam barbaris novellam ecclesie Dei plantationem de Tauestia funditus dyabolo coadiuvante subvertunt ... fraternitati vestre per apostolica scripta mandamus, quatinus viros catholicos in regno predicto et vecinis insulis positos, ut contra eosdem apostatas et barbaros crucis signaculum assumentes ipsis (?) viriliter et potenter expugnent, preceptis salutaribus inducatis» (Finlands medeltidsurkunder. Helsingfors, 1910. T. 1. N 82).

Перевод Александра Иосифовича Зайцева (Санкт-Петербургский университет): «Поскольку, как это следует из содержания присланных нам ваших писем, народ, который называется тавасты, который в свое время великим трудом и рвением вашим и ваших предшественников был обращен в католическую веру, сейчас под воздействием рядом живущих врагов креста, вернувшись к неверию прошлого заблуждения, вместе с некоторыми варварами при содействии дьявола полностью разрушает новый посев Церкви Божьей в Тавастии... мы предписываем вам, брат наш, настоящим апостолическим посланием, чтобы вы спасительными предписаниями побудили католических мужей, сколько их живет в упомянутом Королевстве (т. е. в Швеции. — *А. И. Зайцев*) и на соседних островах, чтобы они, взяв на себя знак креста, против этих отступников и варваров мужественно и мощно выступили (дословно: «напали на них». — *А. И. Зайцев*)».

Прим. ред. *Исключительно важный текст, объясняющий побудительные причины шведской агрессии.* Благодарим профессора А. И. Зайцева за помощь в уточнении текста источника (в статье Д. Линда он был приведен с пропусками) и за его перевод.

Ю. К. Бегунов

РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ О НЕВСКОЙ БИТВЕ

Несколько замечаний по поводу доклада Джона Линда

29 июня 1990 г., во время международной конференции, посвященной Александру Невскому, возникла дискуссия в связи с докладом Д. Линда.[1] В. Л. Янин и Ю. К. Бегунов выступили с возражениями в связи с его негативной оценкой достоверности русских источников о Невской битве, а именно: 1) рассказа под 1240 г. НIЛ старшего извода (Синодальный список), сохранившегося в единственной новгородской рукописи 30-х годов XIV в. (рукопись ГИМ, Синодальное собрание № 786; 2) Жития Александра Невского, написанного в 1282—1283 гг. во Владимире, в Рождественском монастыре, неизвестным иноком, младшим современником князя Александра.[2]

Обращалось внимание на то, что Д. Линд, вопреки известным и никем не опровергнутым фактам истории новгородского летописания XI—XV вв., свидетельствующим о независимости текста НIЛ старшего извода от Жития Александра Невского,[3] утверждает обратное без приведения добротных текстологических аргументов.

Ошибочными выглядят высказывания Д. Линда о связи Лаврентьевской летописи с новгородским летописанием. Вопреки мнению датского исследователя, Жизнеописание Александра Невского не было включено в протограф Лаврентьевской летописи после смерти князя в 1263 г., так как оно отсутствовало в основном источнике Лаврентьевской летописи — общерусском Летописце 1305 г., переписанном Лаврентием, мнихом Рождественского монастыря во Владимире, в 1377 г.; в свою летопись Лаврентий вставил Житие Александра Невского из монастырского сборника.[4] Вторая, или Летописная редакция Жития, как это было показано в наших статьях, сложилась под пером новгородского книжника в летописном своде 1430-х годов (в протографе Комиссионного списка НIЛ) на основе двух источников: старшего Архиепископского свода, подобно НIЛ по Синодальному списку и Жития Александра Невского 1-й редакции.

Вряд ли целесообразно предложение Д. Линда «проводить полный текстологический анализ текстов Второй редакции Жития». Такой анализ уже нами проделан, и его результаты были опубликованы в польском славистическом журнале еще в 1969 г.[5] Точно так же совершенно невозможно сегодня игнорировать работы А. Н. Насонова

и Г.-Ю. Грабмюллера.[6] Они досконально изучили историю живого псковского летописания начиная с предполагаемого протографа всех псковских летописей, восходящего к 50—60-м годам XV в. и опирающегося на новгородско-московский свод 1448 г. (главный источник СIЛ). Ими была показана вторичность тех текстов, которыми оперирует как первоначальными Д. Линд в своей статье. Речь идет о псковском известии о Невской битве в ПIЛ и ПIIIЛ, которое не зависит от текста Жития и восходит к новгородскому своду типа НIЛ старшего извода. Таким образом, Д. Линд не имеет опоры в источниках для противопоставления псковских известий новгородским летописным известиям как более интересных или аутентичных.

Согласно всем имеющимся древнерусским источникам, у нас нет никаких фактических данных для сближения текстов о Невском сражении НIЛ старшего извода и Жития Александра Невского. Между тем Д. Линд утверждает, что «текст Синодальной рукописи имеет много общего с Житием». «Половина всех текстов в Синодальной рукописи идентична текстам НIЛ младшего извода» по весьма простой причине: протограф НIЛ старшего извода был прямым источником НIЛ младшего извода. Поэтому нельзя оперировать текстами НIЛ младшего извода как аутентичными для XIII и XIV вв., потому что они испытали влияние и других источников, а не только одного старшего Архиепископского летописания (это, кстати сказать, убедительно показано А. А. Шахматовым [7] и Д. С. Лихачевым [8]). И наконец, «с хронологической точки зрения» мнение Д. Линда также оказывается неверным, так как часть Синодальной рукописи под 1240 г. написана рукой третьего писца не во второй четверти XIV в., а во второй половине XIII в. Этот почерк принадлежит вполне конкретному книжнику — пономарю Тимофею из церкви святого Якова, что на Добрыне улице в Людином конце Новгорода Великого.[9] Именно об этом и сообщил В. Л. Янин присутствовавшим на дискуссии в Ленинграде ученым, что убедило всех в том, что в живом новгородском летописании Софийского владычного двора и новгородских церквей XIII в. не было ни малейших следов текста Жития Александра Невского.

Таким образом, рассказ Синодального списка под 1240 г. является достаточно цельным, современным событиям и аутентичным источником, опирающимся на устные рассказы участников Невской битвы. Что же касается сообщений об убитых — шведском воеводе Спиридоне и шведском епископе (без имени), то эти сведения могли быть даны понаслышке: шведы сами увезли трупы своих «вятших мужей», и новгородцы не могли проверить, кто же действительно пал в этой битве из числа врагов; что же касается своих павших воинов, то все их имена были перечислены в летописи. Сейчас нельзя сказать, насколько достоверны эти сообщения, так как их нельзя ничем подтвердить и ничем опровергнуть. То же самое необходимо признать в отношении участия в битве норвежцев: был их отряд или не был на Неве? Во всяком случае Синодальный список заслуживает доверия. Д. Линд и сам был вынужден признать, что «Синодальная рукопись, возможно, сохранила информацию из оригинальной летописи о битве».

Итак, совершенно немотивированным выглядит сейчас главный вывод датского исследователя, который звучит так: «Из общего анализа русских источников о битве кажется, что шведская кампания и битва на Неве были раздуты. В действительности, возможно, имело место не более чем нападение небольшого отряда, даже меньшее, чем нападение в 1164 г. на Ладогу, описанное детально в новгородских летописях, а с 1330 г. оно выросло в событие национального значения, затмевающее собою даже Ледовое побоище». При чем здесь 1330 год? Отмеченный выше 1330 год не имеет никакого отношения к возникновению в XIII в. двух различных, не зависящих друг от друга текстов о Невской битве. «Побуждение включить Житие в Архиепископскую летопись, усиливая описание Невской битвы, — продолжает Д. Линд, — возможно, возникло из-за серьезного кризиса, переживаемого Новгородом на Неве в начале XIV в.». Здесь, во-первых, излишне категоричным выглядит заявление о кризисе новгородской политики на Неве в начале XIV в.: никакого кризиса не было, когда рать великого князя Андрея Александровича, сына Невского героя, разбила у Ландскроны шведское войско в 1300 г. и срыла до основания эту крепость. Во-вторых, Д. Линд перепутал XV век с XIV-м: включение Жития Александра Невского в состав летописи Софийского владычного двора произошло в 30-е годы XV в. и никак не раньше! В-третьих, «побуждение» летописца еще не означало, что он немедленно приступил бы к переписке Жития в летопись. Для этого были необходимы соответствующие основания и условия. А в Новгороде начала XIV в., в условиях ожесточенной борьбы различных групп боярской олигархии за власть, еще не возникала возможность почитания святого благоверного и великого князя Александра Ярославича Невского.[10]

Одним словом, появление двух источников о Невской битве в XIII в. не имело никакого отношения к событиям XIV в. и не может быть исходя из них объяснено. Другое дело — победа Александра Ярославича на реке Неве. Она «в этот период нестабильности могла иметь символическое значение» (Д. Линд) и, мы бы добавили, громадное практическое, оказав сильное влияние на политику западных соседей Руси на протяжении столетий.

Высказанное Д. Линдом сомнение относительно достоверности рассказа о Невской битве под 1240 г. НIЛ старшего извода входит в противоречие с реальной историей новгородского живого летописания XIII в. и владимирской агиографией того же века, которые со всей очевидностью показывают несостоятельность концепции датского исследователя.

---

[1] См. в настоящем сборнике.

[2] Оба интересующих нас текста см. в настоящем сборнике.

[3] Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ч. 238, № 11. С. 52—80; 2) Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 128—132; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Л., 1947. С. 440—443; НПЛ. С. 5—7; Бегунов Ю. К. 1) Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской

1-й летописей // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 229—238; 2) Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts // ZS. 1971. Bd 16. S. 88—109; 3) Utwory literackie o Aleksandrze Newskim w składzie latopisów ruskich // SO. 1969. Rocz. 18. N 3. S. 293—308; Подвигина Н. Л. К вопросу о месте составления Синодального списка НIЛ // Вестник МГУ. Серия 9: История. М., 1965. № 1. С. 67—75; Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка НIЛ в русском летописании XV века // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 153—181.

[4] Бегунов Ю. К. Когда Житие Александра Невского вошло в состав Лаврентьевской летописи? // WS. 1971. Bd 16. S. 111—120. Кстати сказать, весьма странным выглядит рассуждение Д. Линда, что «Лаврентьевская летопись опускает точно те части текста, которые связаны с Синодальной рукописью НIЛ, кроме датировки». О какой датировке здесь идет речь? Текст Лаврентьевской летописи, как известно, не зависит от новгородского летописания и не имеет никакого отношения к Синодальному списку, поэтому монах Лаврентий не мог ничего из этого списка опускать. Зато Тверской свод Летописца 1305 г. зависит от владимиро-ростовского летописания XII—XIII вв., которое не включало в свой состав Жития Александра Невского. Подробнее см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 17—36.

[5] Biegunow Ju. Utwory literackie... S. 293—308.

[6] Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ИЗ. 1946. Т. 18. С. 255—294; Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1; М.; Л., 1955. Вып. 2; Grabmüller H.-Ju. Die Pskover Chroniken: Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.—15. Jahrhunderten. Wiesbaden, 1975.

[7] Шахматов А. А. Обозрение... С. 128—132.

[8] Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 440—443.

[9] Подвигина Н. Л. К вопросу о месте составления Синодального списка НIЛ. С. 67—75; Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка НIЛ... С. 153—181.

[10] Любопытно учесть мнение, высказанное в Летописце великорусском 1392 г. о новгородцах XIII—XIV вв.: «Такой бо есть обычай новогородцев: часто правают ко князю великому и паки рагозятся, и не чудится тому: беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни... Кого от князь не прогневаша, или кто от князь угоди им, аще и великий Александр Ярославич не унорови им?» (см.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 438—439).

РУСЬ И ЕЕ СОСЕДИ ВРЕМЕНИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

С. Матхаузерова

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ЕГО ЭПОХА

Ученого-слависта всегда интересует не только история общих начал славянских культур собственно славянского литургического языка как первого славянского литературного языка вообще, но и вопрос некоего славянского имманентизма, если он в действительности существует. Возможно, что имманентизм действует в истории беспрерывно, но есть времена, когда славянское самосознание внезапно вспыхивает и потом опять на долгое время затухает.

Нам кажется, что деятельность Александра Невского, защищавшего интересы не только родовые, но и народные, содержит в себе также чувство принадлежности к более широкому содружеству, объединенному общим славянским языком и его письменной культурой.

Эпоха Александра Невского была уже *вторым периодом* активного взаимодействия славянских обществ. *Первым был период христианизации славян,* с которым связано образование государств нового типа. В этом первом периоде можно обнаружить примеры сознательной взаимопомощи славянских князей; правда, в плане военных действий она иногда вырождалась в братоубийственные бои, но в плане идеологически-культурном (имеются в виду передачи литературных памятников — княжеских житий и богослужебных книг) взаимообмен был бескорыстным и общеполезным. Доказательством такого общения было, например, почитание чешских святых Вячеслава и Людмилы на Руси и почитание русских святых Бориса и Глеба в Чехии XI в.

Третьим периодом славянского имманентизма, как нам кажется, было время барокко XVII—XVIII вв., когда стал развиваться интерес отдельных славянских культур к культурам соседних стран, интерес настолько сильный, что он преодолевал идеологические преграды религиозно-догматического характера. Это было явление, содержащее в себе разные виды реализации, — от простых переводов западных рыцарских романов до утопических представлений (например, Юрия Крижанича — о новом соединении славян). Все это получило название «барочный славизм».

Четвертым периодом активизации славянской мысли можно считать национальное Возрождение славян в XIX в., в особенности тех, которые испытали османское иго или другие социальные притеснения от нетолерантных соседей; и в нашем веке, после Второй мировой войны, славянам был дан шанс показать себя и создать образец общества нового типа. Но этот шанс был, к сожалению, упущен и вдребезги разбит бесчувственной идеологией сталинского тоталитаризма.

Возвращаясь к эпохе Александра Невского, к XIII в., мы хотели бы напомнить, что это был век не только татаро-монгольского нашествия, но также и век подъема некоторых славянских княжеств, век великих личностей. Князь Даниил Романович Галицкий из русских Мономашичей первым поднял западнорусские области на высокий политический и экономический уровень. У южных славян — сербов — Стефан Урош (1243—1276) из династии Неманичей получил прозвание «Великий король». Он был не только видным государственным деятелем на сербском престоле, но и замечательным политиком международного типа. На венгерском престоле сидел Бела IV (1239—1270), пользовавшийся помощью русских князей и предлагавший им свою помощь. Чешским королем был тогда Пшемысл Оттокар II (1253—1278), прославленный при жизни прозванием «Железный» или «Золотой». Он обладал территорией «Срединной Европы» от Средиземного до Балтийского моря. В Новгородской же и Владимиро-Суздальской землях князем был тогда Александр Невский, знаменитый полководец и политик.

Все эти князья и короли добились от своих народов уважения и имели большой авторитет у своих непосредственных соседей. Несмотря на отдаленность их стран друг от друга, они были связаны между собой как бы невидимыми узами, что заставляло их не только искать взаимопомощи, но и, конечно, вступать в конфронтации, если появлялась возможность унаследовать какое-либо из осиротевших княжеств.

Совершались и некоторые параллельные политические шаги. Так, чешский король Пшемысл Оттокар II и русский князь Александр Невский сумели пойти навстречу требованиям времени и сделать поправки в старых правовых обычаях. Пшемысл Оттокар II основал много новых городов и дал им большие права по магдебургскому образцу. И Александр Невский также понял выгодность активизации городского населения, дав помощь городам. Процветающий впоследствии Новгород подтвердил правильность его политики.

Учитывая, что в Средневековье процесс взаимопонимания заключал в себе и конфронтацию, мы можем даже конфликт считать своеобразной формой коммуникации. Пшемысл Оттокар II два раза предпринимал крестовые походы на восток, т. е. против прусских и литовских язычников. На месте гибели чешского подвижника святого Войтеха (Адальберта) он воздвиг в 1255 г. город Краловец (Кёнигсберг). Чешский король организовывал крестовые походы по призыву римского папы и боролся на стороне противников Александра Невского — немецких рыцарей. Один такой поход состоялся в 1255 г. Но уже в 1261 г. Пшемысл Оттокар II женился вторым браком на рус-

ской княжне Кунгуте Ростиславне, внучке венгерского короля Белы IV, которая была в то же время внучкой русского князя Михаила Черниговского, погибшего в 1246 г. в Большой Орде. Михаил Черниговский, впоследствии канонизированный, был дальним родственником Александра Невского.

Чем был вызван такой поворот в политике чешского короля Пшемысла Оттокара II? Опасностью ли иноземного нашествия? О татаро-монгольской опасности чехи знали уже с 1238 г., и скоро они вместе с Моравией были затронуты трагическими событиями нашествия. Интересно, что францисканец Плано Карпини в свою экспедицию в Империю монголов взял с собой одного чеха по имени Стефан Богеме. В других предприятиях во главе с папой Иннокентием IV, также касавшихся активной помощи западных христиан, и на соборе в Лионе в 1245 г., где говорилось о татаро-монгольской опасности, чехи принимали активное участие. Крестовый поход так и не осуществился. Но если взять записи в чешских хрониках, то в них встречаются сочувственные отклики о страданиях христиан в Киеве, в Чернигове, в Галицком княжестве и во многих других русских городах.

Бракосочетание Пшемысла Оттокара II с галицкой княжной Кунгутой Ростиславной было не только актом примирения после «рыцарских» походов князя Даниила Романовича Галицкого и венгерского короля Белы IV на чешского короля, но имело еще и другой подтекст. Он вскоре выявился. Этот брак вызвал негодование западных родственников Пшемысла. Они невзлюбили новую королеву, тем более что король перед этим браком должен был развестить со своей первой женой — бесплодной Маргаритой Бабербергской. Разрыв еще и с австрийскими соседями был потом причиной смерти Пшемысла, погибшего в сражении с Рудольфом Габсбургом в 1278 г.

После смерти короля последовали гонения на его жену королеву Кунгуту и ее детей, что вызвало сопротивление чешской партии. Таким образом, королева Кунгута оказалась во главе чешской оппозиции против бранденбургского засилья. Этой оппозиции в конце концов в 1283 г. удалось возвести на чешский королевский престол сына Пшемысла Оттокара II и Кунгуты Вацлава II. И хроники о нем пишут, что он был правнуком святого Михаила Черниговского и приглашал к себе в Прагу духовных лиц не только из Франции, Италии и Германии, но также из Греции и Руси.[1] Так в Праге при дворе Вацлава II (1278—1305) появились духовные лица с бородами и длинными волосами, которые совершали богослужения на греческом или даже на славянском языке. Надо напомнить, что внук короля Вацлава II и праправнук святого Михаила Черниговского, знаменитый король чешский и римский цесарь Карел IV (1346—1378), основал в XIV в. в Праге особый монастырь, где возобновилось на тогда уже латинской культурной почве богослужение на славянском языке. Монастырь до сих пор называется «На Слованех». Он продолжил традиции славянского Сазавского монастыря, основанного святым Прокопом Сазавским в XI в.

Таким образом, мы подошли еще к одному примеру определенного славянского имманентизма, который дал о себе знать в XIII в. Помимо княжеских контактов и рыцарских поединков существовало

в XIII в. еще одно межславянское общение — обмен духовными ценностями, в особенности традиционными нравственными идеями. Славянская азбука, славянский литературный язык не прекращали быть объединяющим звеном земель, заимствовавших древнеславянское наследие святого Кирилла и святого Мефодия.

Показательна в этом отношении чешская история. Славянская письменная культура Великоморавии IX в. была заимствована чешскими Пшемысловичами и развивалась в Чехии X—XI вв. Будучи подавлена латинской письменностью и литургией, она вновь возродилась в Сазавском монастыре, основанном упомянутым уже святым Прокопом Сазавским. Два раза прогоняли оттуда славянских монахов, но они опять возвращались. Но в 1097 г. им уже не удалось вернуться. На просьбу чешского короля Вратислава II о разрешении славянской литургии, которую в Чехии понимали все, папа ответил, что простому народу должны оставаться непонятными некоторые статьи вероучения.

Но тяготение к славянскому началу чешской культуры продолжалось у нас и после латинизации Сазавского монастыря. Авторитет Прокопа Сазавского сказался в том, что он был в 1204 г. канонизирован официальными духовными властями (латинскими) как святой и упоминался католическими миссионерами, работавшими среди восточных славян, в Киеве например; не исключалось, конечно, и почитание чешскими сторонниками святого Прокопа как представителя славянской литургии. Отсюда вытекало стремление наладить контакт с Русью, которая тогда считалась средоточием славянского православного богослужения. Даже святой Мефодий в чешской Далимиловой хронике считается «русином». Но здесь мы прикасаемся к еще не изученным вопросам истории. Неизвестно, например, каким образом распространялся культ святого Прокопа Сазавского у восточных славян и каковы были его следствия.

Но все-таки, если принять во внимание, что, например, в Грамоте великого князя Владимирского Андрея Александровича 1301 г. дано разрешение трем торговым людям из западных стран на пребывание в Новгороде и его окрестностях, и если допустить, что факты, приведенные А. В. Флоровским, о том, что часто приезжали в Новгород купцы «де Бегем», «де Богемия»,[2] нельзя исключить предположений о более активном обмене также и духовными ценностями.

Хотелось бы коснуться одного такого предположения. Есть что-то общее между культом святого Прокопа Сазавского и культом святого Прокопия Устюжского. Прокопий Устюжский, по преданию, умер в 1302 г. в Великом Устюге. Значит, он был младшим современником Александра Невского. Купец по своему происхождению, пришедший из западных, «немецких», земель (какой считалась тогда Чехия), на иконах он изображался в западной одежде, а на иконах XVII в. — даже на фоне барочного западного ландшафта. В отношении веры подчеркивается, что он был воспитан в латинской вере, но от нее отказался и, приняв православие, начал усердно изучать славянскую письменность. Из Новгорода, где он добился уважения и где его стали прославлять, он ушел в Великий Устюг, чтобы здесь продолжать подвижническую жизнь под видом юродивого. Устюжане, наконец, убе-

дились в том, что ему помогает Бог, и стали считать его «человеком Божьим», но без рассудка. Только однажды, когда был уж очень сильный мороз, его пригласил к себе клирошанин Симеон, и Прокопий доверил ему тайну своей жизни. Какова была эта тайна, осталось сокрытым молчаливой историей. Известно лишь то, что святой Прокопий был не простым человеком, а, напротив, очень образованным.

В чем состояла тайна жизни этого пришельца из западных стран, отказавшегося от латинской и принявшего православную веру? Почему чудеса, приуроченные к его Житию, напоминают не византийского, а чешского его соименника?

Есть несколько общих примет, одинаковых атрибутов обоих святых. Оба они одерживают верх над бесами: святой Прокоп Сазавский заставил их пахать землю; он и святой Прокопий Устюжский имели дар лечения от бесов (лучше всего это показано в Повести о Соломонии Бесноватой). Святой Прокоп Сазавский устроился жить в каменной пещере над рекой Сазавой, а святой Прокопий Устюжский проводил целые дни на камне над рекой Сухоной, как это блестяще изобразил художник Н. К. Рерих. Оба святых были покровителями всех плавающих по реке, к ним обоим приезжали люди на лодках за благословением или за лечением.

Нельзя, конечно, делать окончательный вывод. Пока можно только указать на общие атрибуты. Но интересным в Житии святого Прокопия Устюжского нам кажется еще следующее чудо: он предсказал девочке Марии, что она станет матерью святого Стефана Пермского. Почему именно его? Нет ли тут намека на то, что святой Стефан дал азбуку зырянам, чтобы они славили Бога на своем языке, так же как это когда-то сделали святой Кирилл и святой Мефодий, давшие азбуку славянам, и как этого требовали западные славяне, которым к тому времени уже было отказано в этом праве?

Возвращаясь к нашей теме, заметим, что Александр Невский возглавлял пограничное княжество. С западными соседями он не только вступал в военные конфронтации, но и вел мирные переговоры. По житию Александра Невского, приходил к нему из немцев «Божий слуга Андриаш» (вице-магистр Ливонского ордена Андреас Фельвен), чтобы высказать доблестному русскому князю свое глубокое уважение. И папа Римский присылал к нему своих послов — Галда и Гемонта. Торговые связи Новгорода с Западом были настолько активными, что они могли обеспечить Новгородской земле жизнь более спокойную, чем та, которой жила тогда остальная Русская земля.

Итак, мы в начале поставили вопрос о колебании славянской мысли между ослаблением и актуализацией. Если взять личность Александра Невского, который находится в центре нашего внимания, то в нем мы можем наблюдать как будто сгущенный процесс интеграции и дезинтеграции. Есть моменты в его политике, которые указывают на определенную дифференциацию и отклонение от общих начал. Александр Невский был рыцарь европейского покроя; с западными соседями он не только воюет, но также и развивает мирные отношения. Но есть, наоборот, решающие кризисные моменты, которые подтверждают коренную связь Александра Невского с Русью. Чтобы заступаться в Большой Орде за русских князей, он принимает на себя

сюзеренитет над Русской землей как великий князь Владимирский. Таким образом, он демонстрирует свою принадлежность к целому духовному контексту, объединяющему Русь: к русской традиции, славянской азбуке и письменности, к первым славянским и русским святым. Этот факт позволяет нам считать XIII век временем духовного подъема, временем уважения к традициям и корням общеславянской культуры.

---

[1] Надо помнить, что официальная католическая церковь относилась тогда к православным весьма отрицательно, называя их схизматиками.

[2] Более подробно о чешско-русских связях см.: Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Praha, 1935—1947. Т. 1—2.

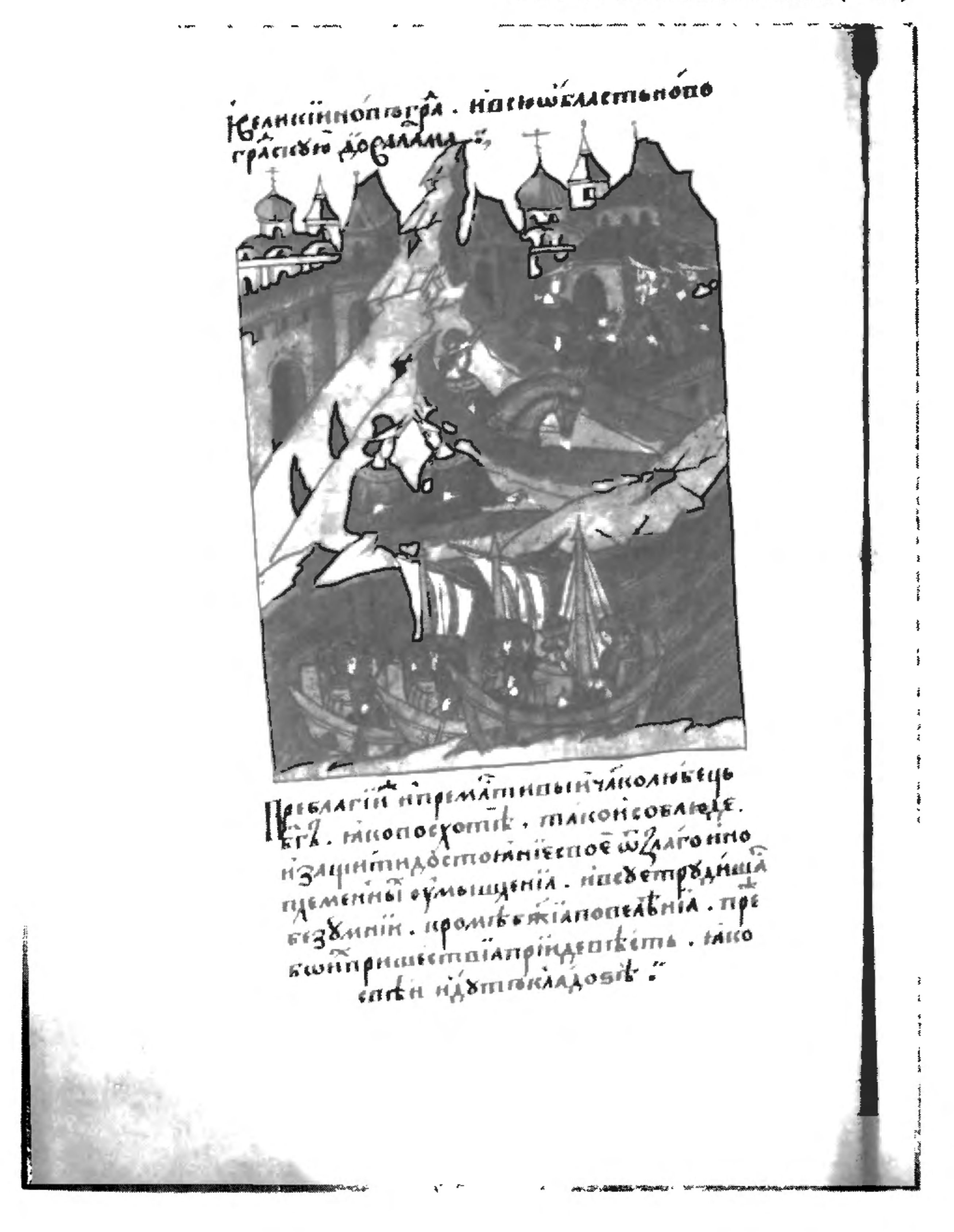

Сїажепохвалныясловеса. томужеслыша
иразумѣблаженнагоалеѯандра. слыша
кральчастиримскиа. иѿполунощныя
страны. иисполнисязавистиинена
висти. ипогордѣсясилысвоеянепосл
икопремясноулучи. пѣдащебоѿниже
тогдаѿнпудубатыепоплѣнениепрѣден.
кральжеѿсвоеястраныинадѣяшеся
стапишуирѣкпоглотити. игордости
своеиглаголашесице. иоидуипоплѣнюве
лікиинов[г]рд. ипрочаяграды ивсялю

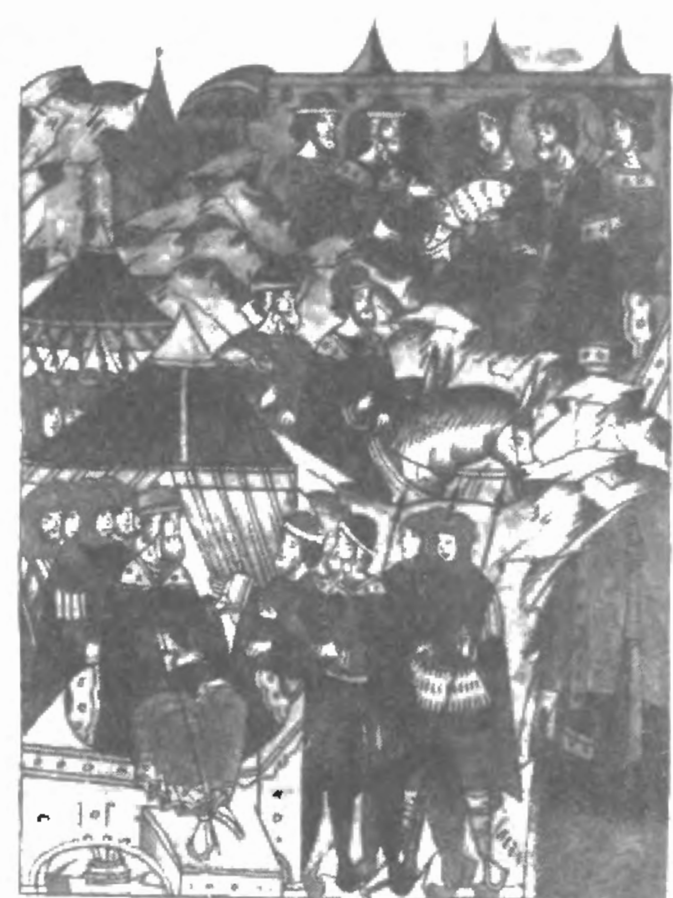
Шведский король собирается в поход на Новгород Великий летом 1240 г. Московский Лицевой летописный свод XVI в. Лаптевский том. Л. 904 об.

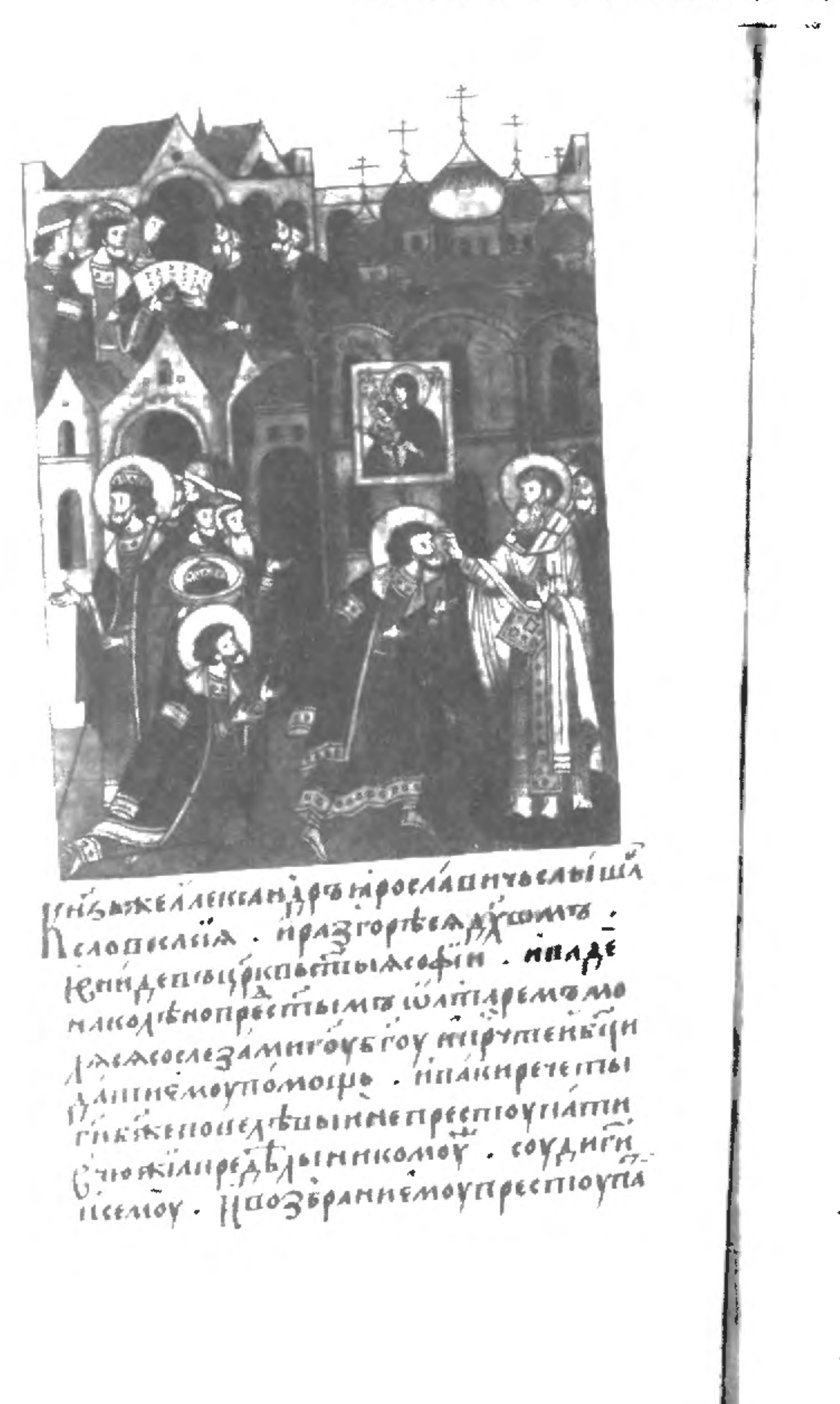
Шведский король с войском на кораблях приплывает в реку Неву. Там же. Л. 905.

Новгородцы узнают о приходе шведского войска. Там же. Л. 905 об.

Шведский король посылает послов в Новгород. Там же. Л. 90б.

Князь Александр молится пресвятой Богородице в храме св. Софии в Новгороде. Там же. Л. 906 об.

К статье И. П. Шаскольского (с. 15)

Князь Александр с дружиной выступает в поход. Там же. Л. 907.

пропиноу и въскорѣ. и прииде на Не
ву в лѣто … мѣсяца июля в 15 дня, на собо
рѣ святых отецъ 630, иже в Халкидонѣ,
и на память святых мученикъ Кирика и Оули
ты, и святаго великого князя Владиме
ра, крестившаго всю роускоую землю,
нареченнаго во святемъ крещении Василиа.

…пелгоуси ижерянин. Бѣ же нѣкто
от воеводъ Александровых старѣй
шина земли Ижерской, именемъ
Пелгоусий. Сей крещение приятъ.
Емоу порочена бысть стража морская

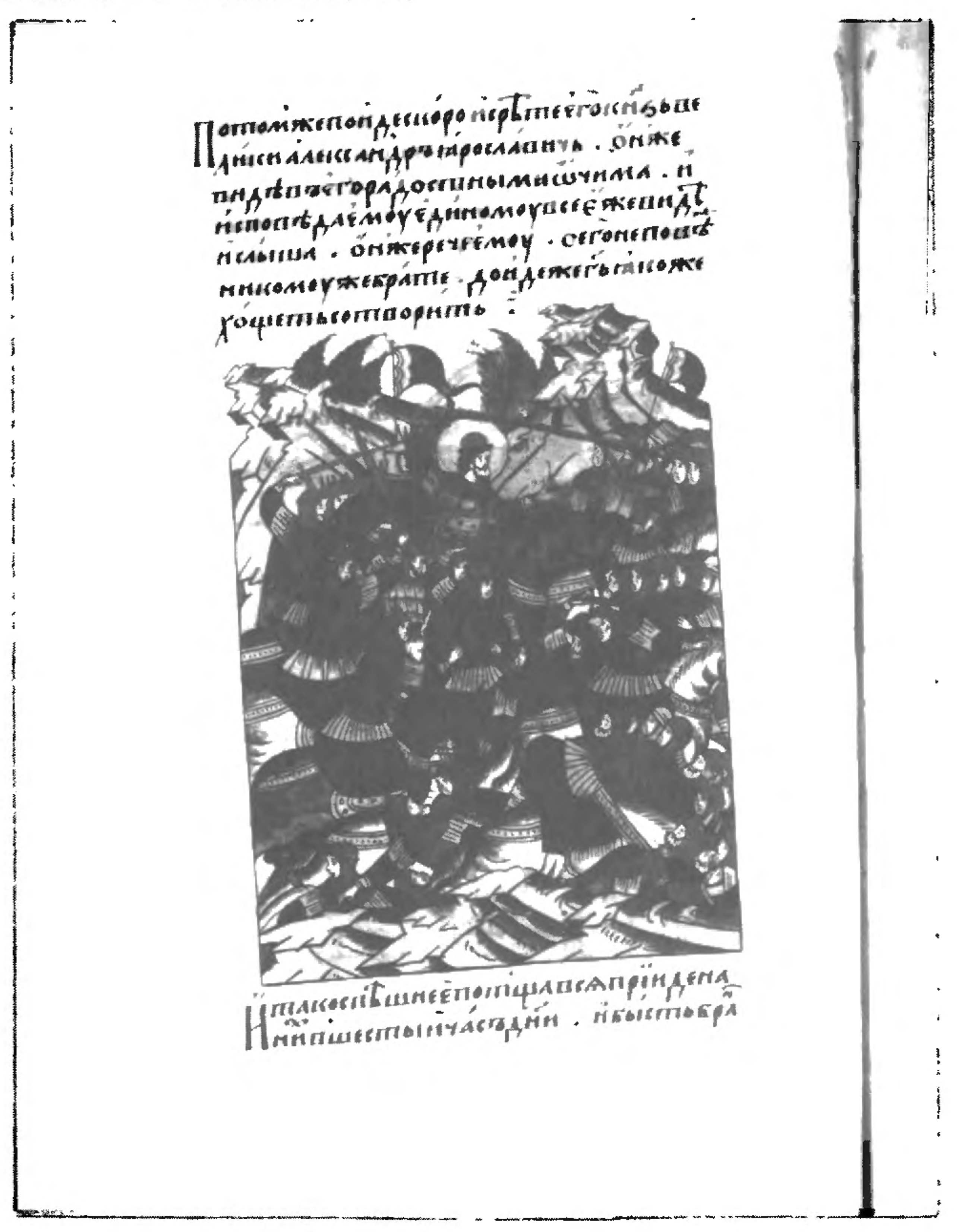
Пелгусий Ижорянин, начальник новгородской разведки на Неве, молится святым мученикам Борису и Глебу. Там же. Л. 907 об.

Видение Пелгусием святых мучеников князей Бориса и Глеба. Там же. Л. 908 об.

жаща на рамѣхъ своих . гребцы же в на
садѣ седяху яко мглою одѣни . и рече
борисъ к глѣбу . брате глѣбе вели гре
сти не спѣшно . да поможем сродни
ку своему великому князю александро
ярославичю . видѣв же пелгусие та
ковая видѣния . и гласы слыша таковы
от святых мученик бориса и глѣба . стояш
трепетенъ во оужасѣ велицѣ . донде
насадъ отиде от очию его на валахъ .

Пелгусий сообщает князю Александру о своем видении. Там же. Л. 909.

Невская битва. В центре в нимбе — св. князь Александр. Там же. Л. 909 об.

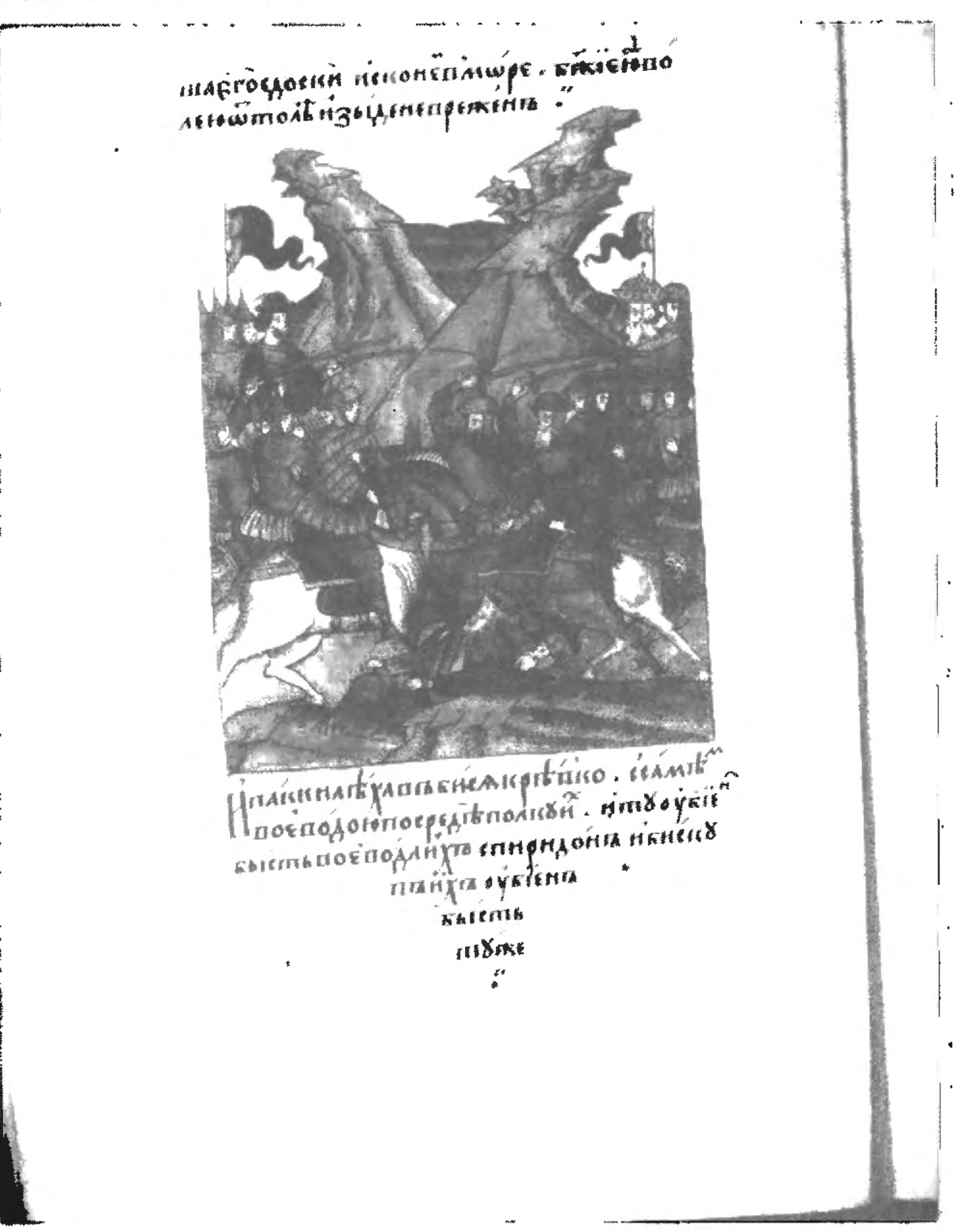
пелика на римляны. и избиша множество
бесчисленое римлянъ. и самому королю
положи печать на лицы острымъ своимъ копиемъ.
Здѣ же явишася в полку великаго князя Але-
ксандра Ярославича 6 мужи храбри и
с нимъ крѣпко мужьствоваху.

Первый именемъ Гаврило Олексичь. Сей наѣха
на шнекъ и видѣ королевича мчаща
под руки. и възъѣха по доскѣ до самого
корабля по ней же схождаше. и текоша въ ко-
рабль пред ним. и пакы обратишеся. и сверг-

Невская битва. Из подвигов шести храбрецов: Гаврила Олексич. Там же. Л. 910.

К статье И. П. Шаскольского (с. 15)

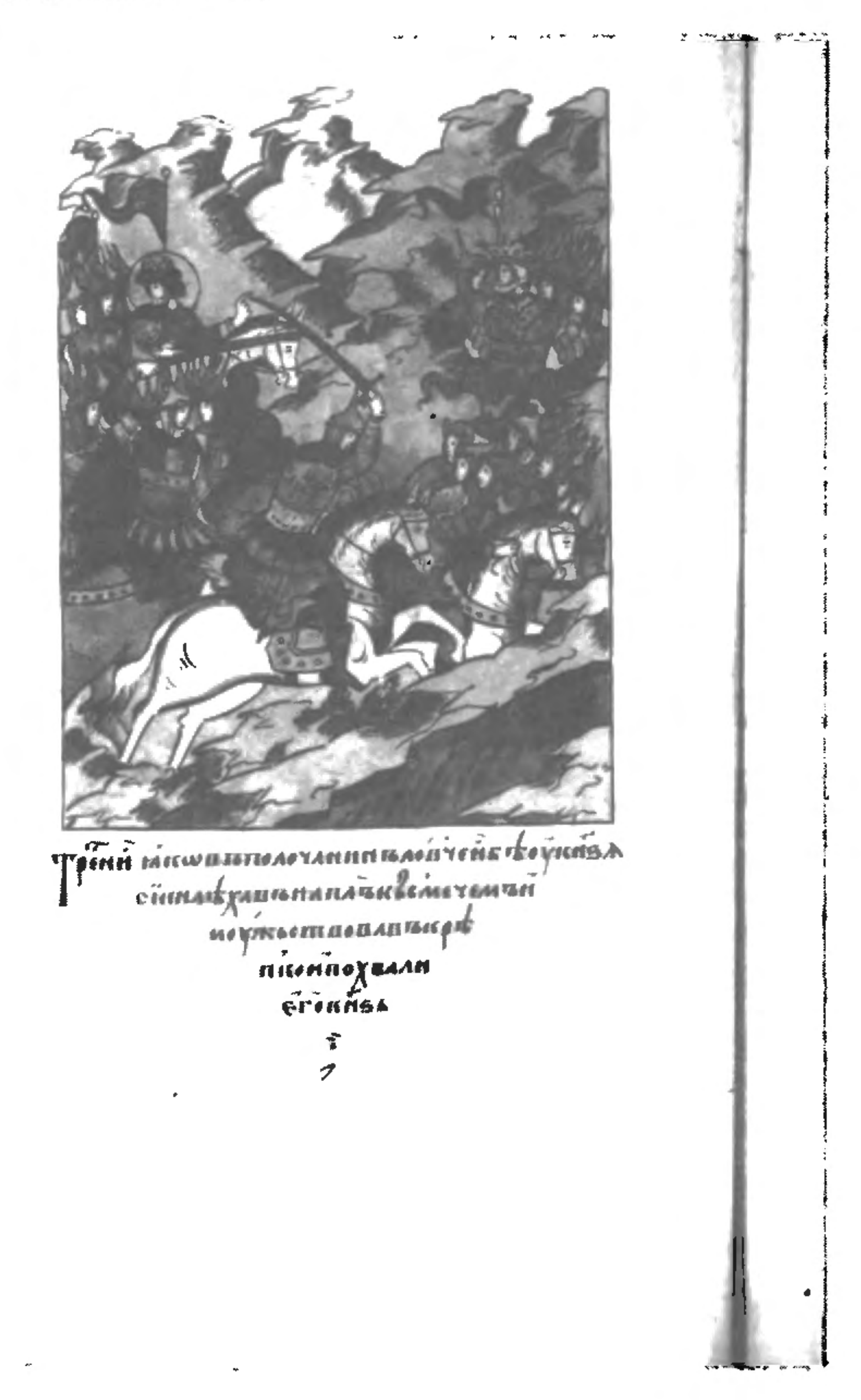

Невская битва. Из подвигов шести храбрецов: Гаврила Олексич сражается со шведским военачальником. Там же. Л. 910 об.

Невская битва. Из подвигов шести храбрецов: Сбыслав Якунович. Там же. Л. 911.

К статье И. П. Шаскольского (с. 15)

Невская битва. Из подвигов шести храбрецов: Яков Полочанин. Там же. Л. 911 об.

Невская битва. Из подвигов шести храбрецов: Миша. Там же. Л. 912.

Невская битва. Из подвигов шести храбрецов: Ратмир. Там же. Л. 913.

К статье И. П. Шаскольского (с. 15)

Чудо за Ижорой. Там же. Л. 913 об.

К статье И. П. Шаскольского (с. 15)

Бегство шведских воинов. Там же. Л. 914.

Похороны шведских воинов. Там же. Л. 914 об.

Павшие в битве новгородские воины. Там же. Л. 915.

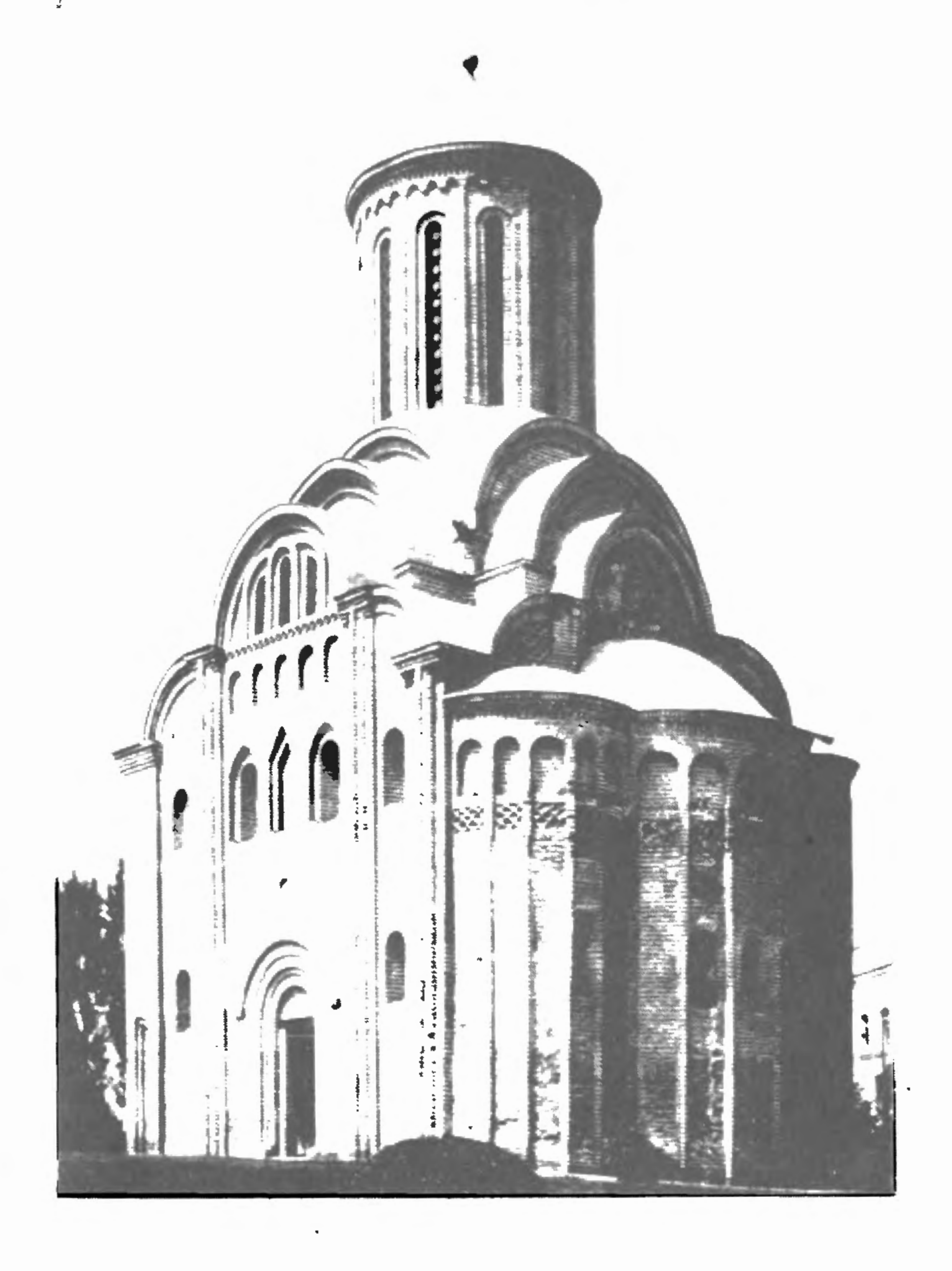

Возвращение князя Александра с победой. Там же. Л. 915 об.

К статье О. М. Иоаннисяна (с. 151)

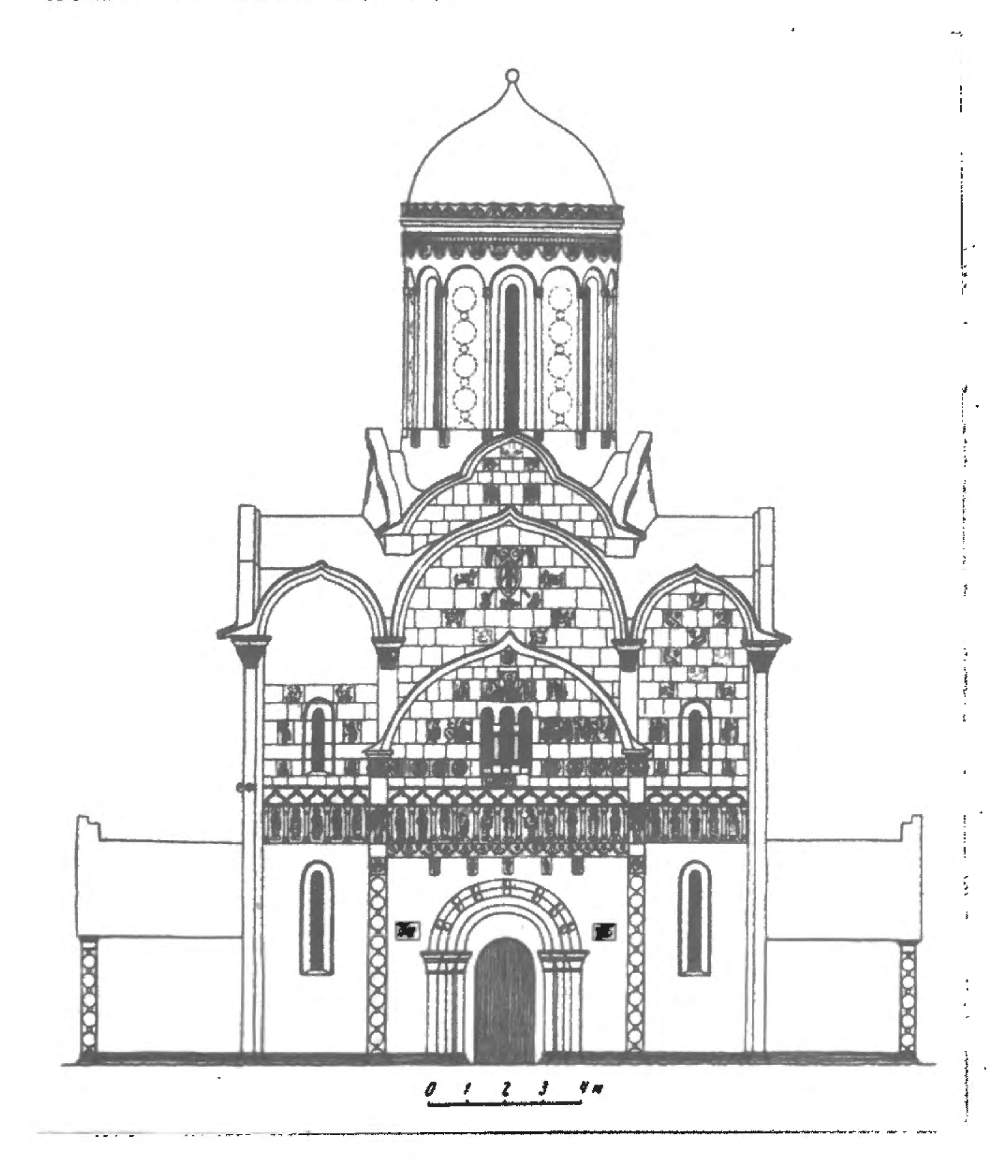

Церковь св. архангела Михаила в Смоленске. Конец XII в. Реконструкция С. С. Подъяпольского.

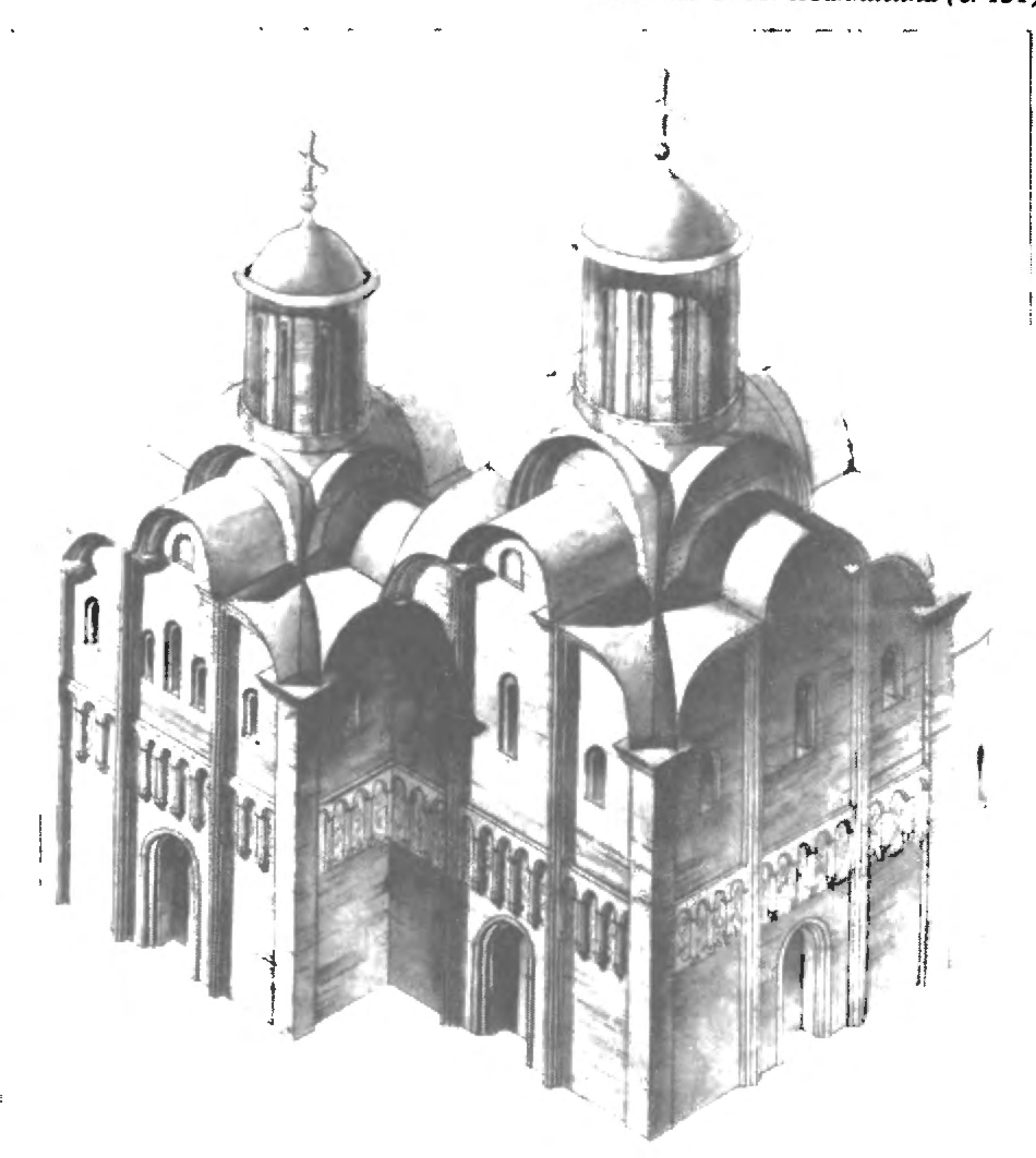

Церковь св. Параскевы-Пятницы в Чернигове. Начало XIII в.

К статье О. М. Иоаннисяна (с. 151)

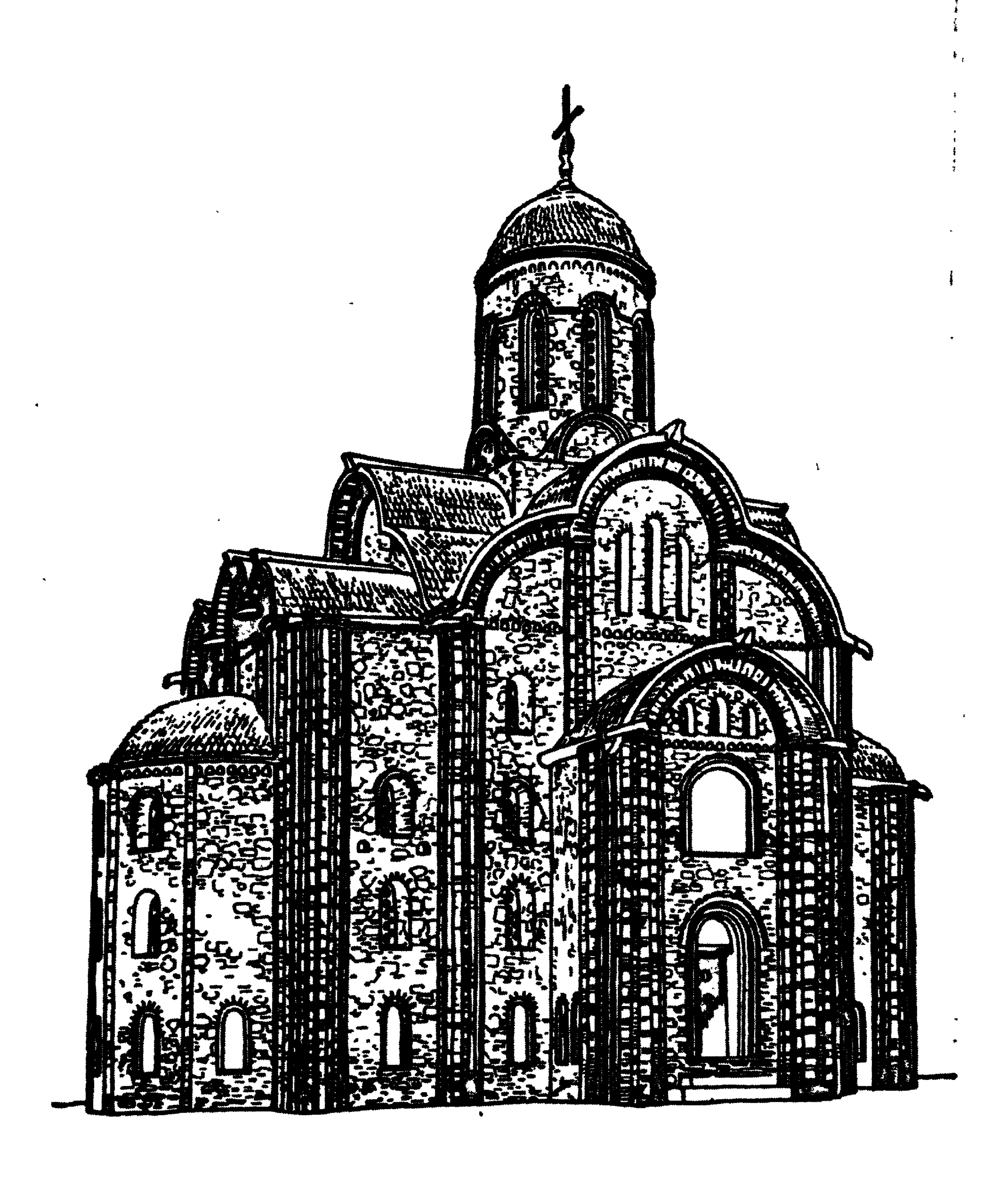

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. 1230—1231 гг. Реконструкция Г. К. Вагнера.

Спасо-Преображенский собор (1216—1224) и Церковь Входа Господня в Иерусалим (1218—1221) в Ярославле. Реконструкция Е. Ю. Алексеевой, П. Л. Зыкова и О. М. Иоаннисяна.

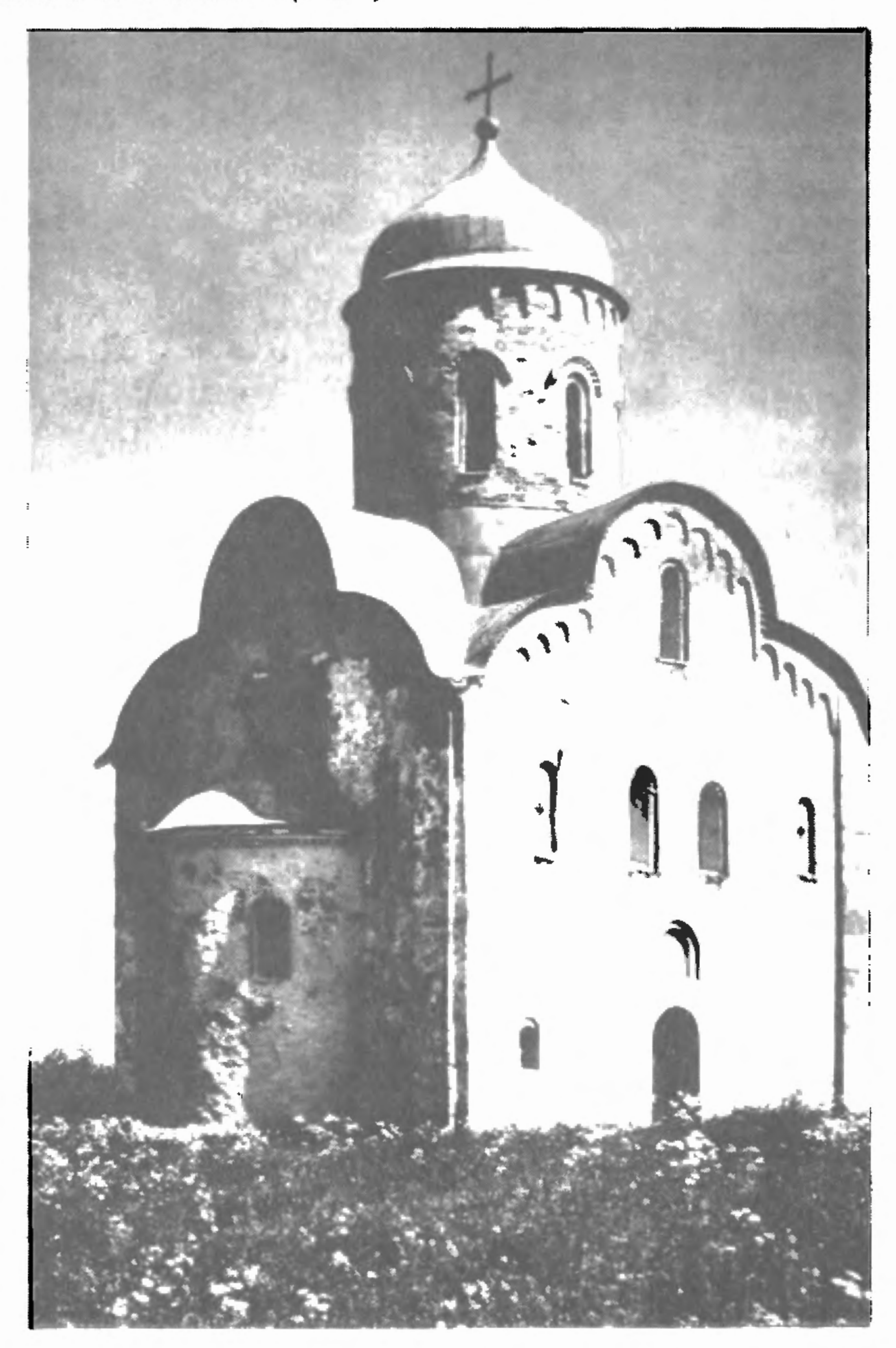
К статье О. М. Иоаннисяна (с. 151)

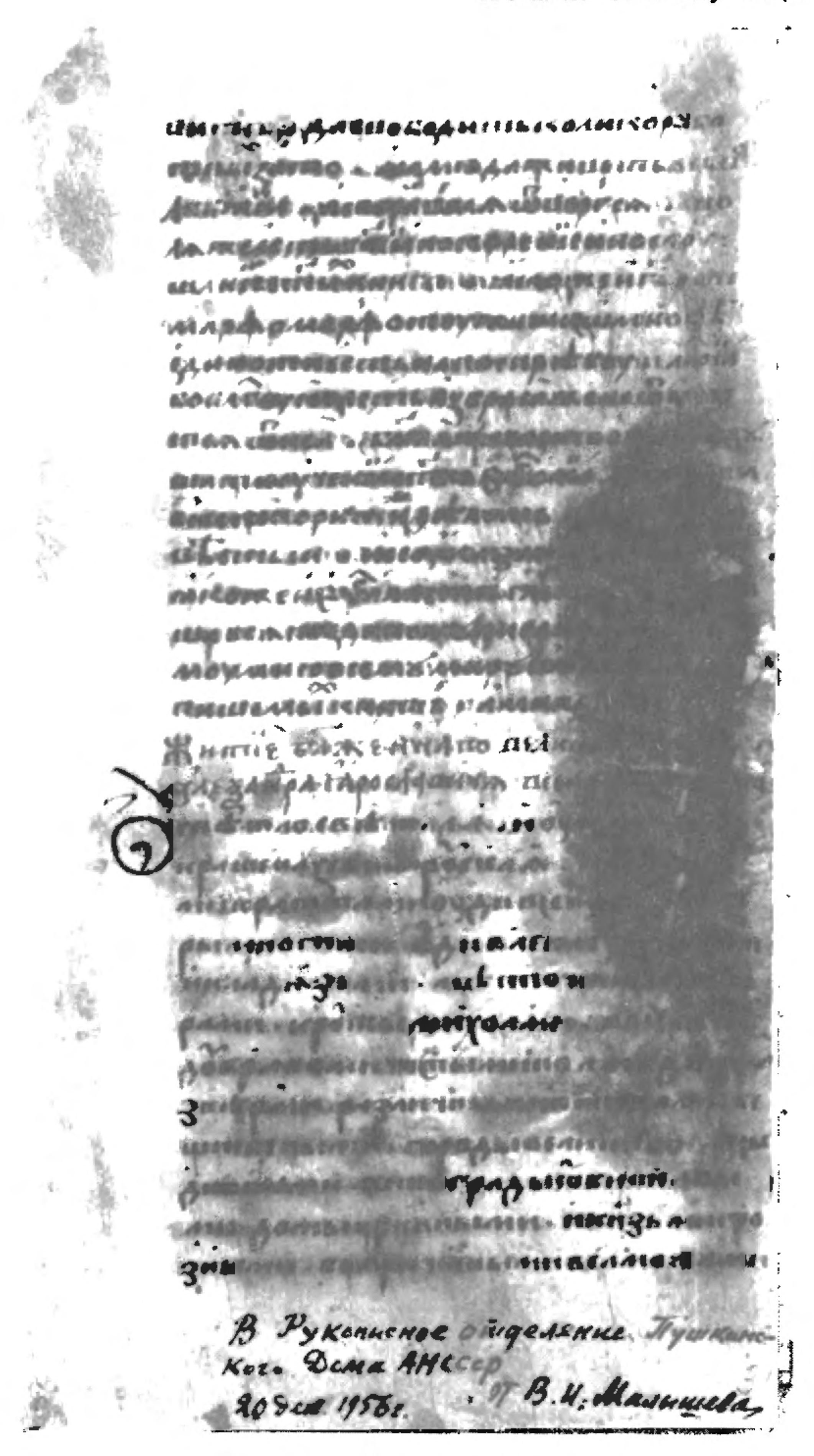
Церковь св. Параскевы-Пятницы в Новгороде. 1207 г. Реконструкция Г. М. Штендера.

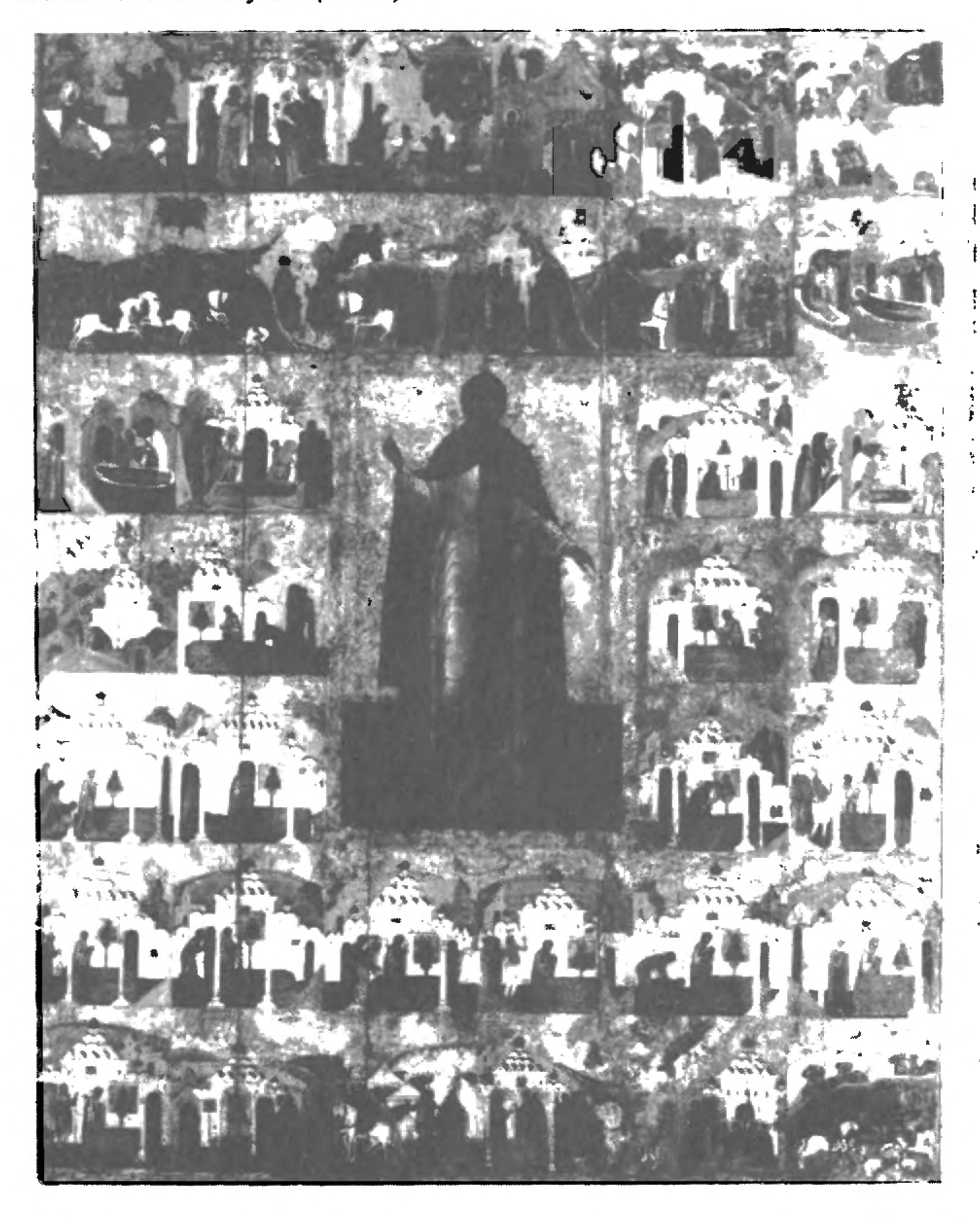
Церковь Рождества пресвятой Богородицы в Перыни. Первая половина XIII в.

Церковь св. Николы на Липне. 1292 г.

Житие Александра Невского. XVI в. Рукопись Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины. Ныне — в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

Икона «Св. Александр Невский с деянием». Начало XVII в. Филиал ГИМ. Покровский собор (церковь Василия Блаженного). Входоиерусалимский предел.

К статье Ю. К. Бегунова (с. 172)

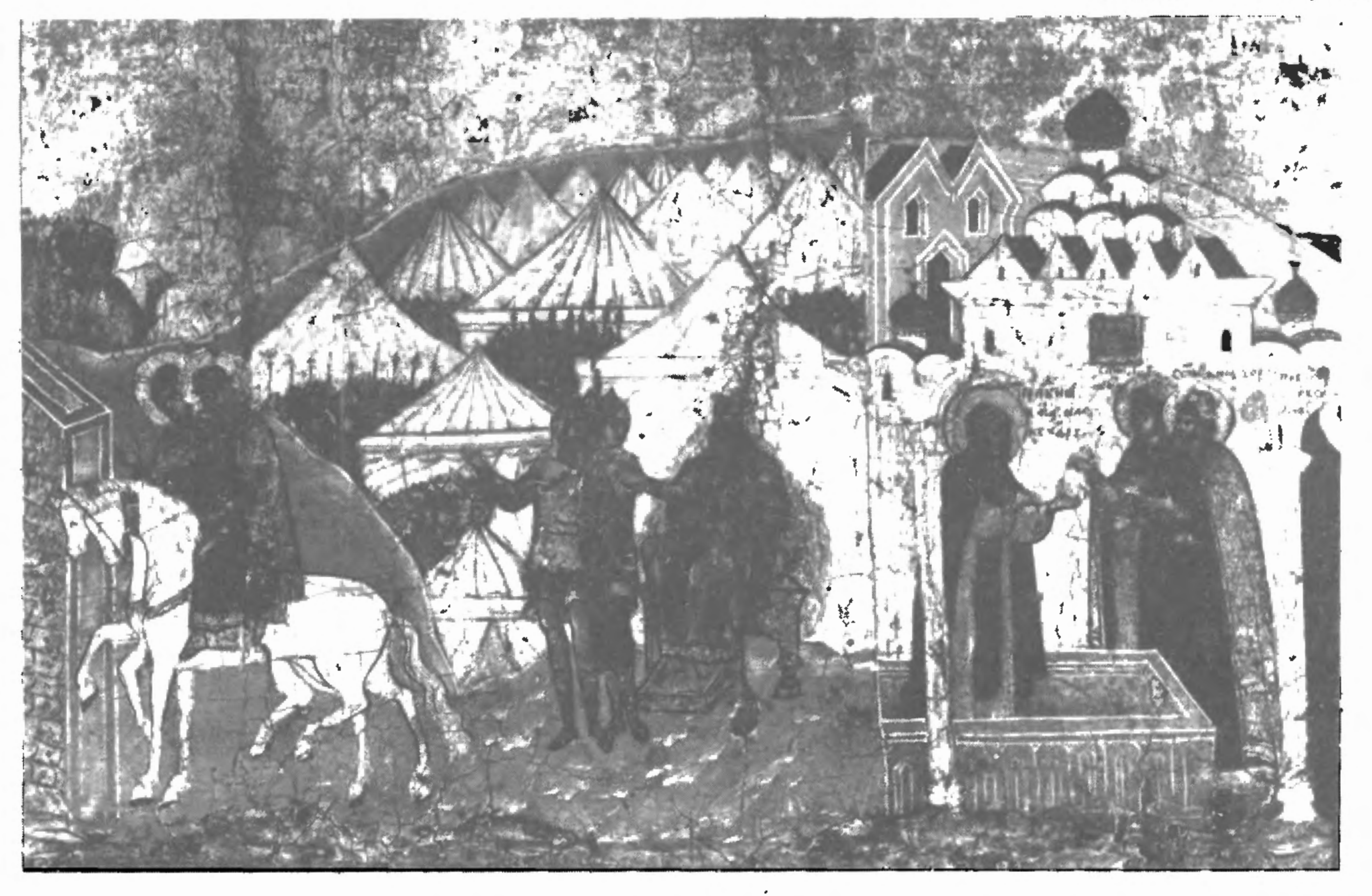

**Изображение древней поясной надгробной иконы св. Александра Невского.
С клейма иконы «Св. Александр Невский с деянием».**

Клейма иконы «Св. Александр Невский с деянием».

К статье Ю. К. Бегунова (с. 172)

32-е клеймо иконы «Св. Александр Невский с деянием».

Мозаичный портрет св. Александра Невского. Мозаика М. В. Ломоносова. ГРМ.

Икона «Св. Василий Великий и избранные святые». XIX в. Палехских писем. ГМПИ.

Икона «Св. благоверный князь Александр Невский». XIX в. Пошехонских писем. ГМПИ.

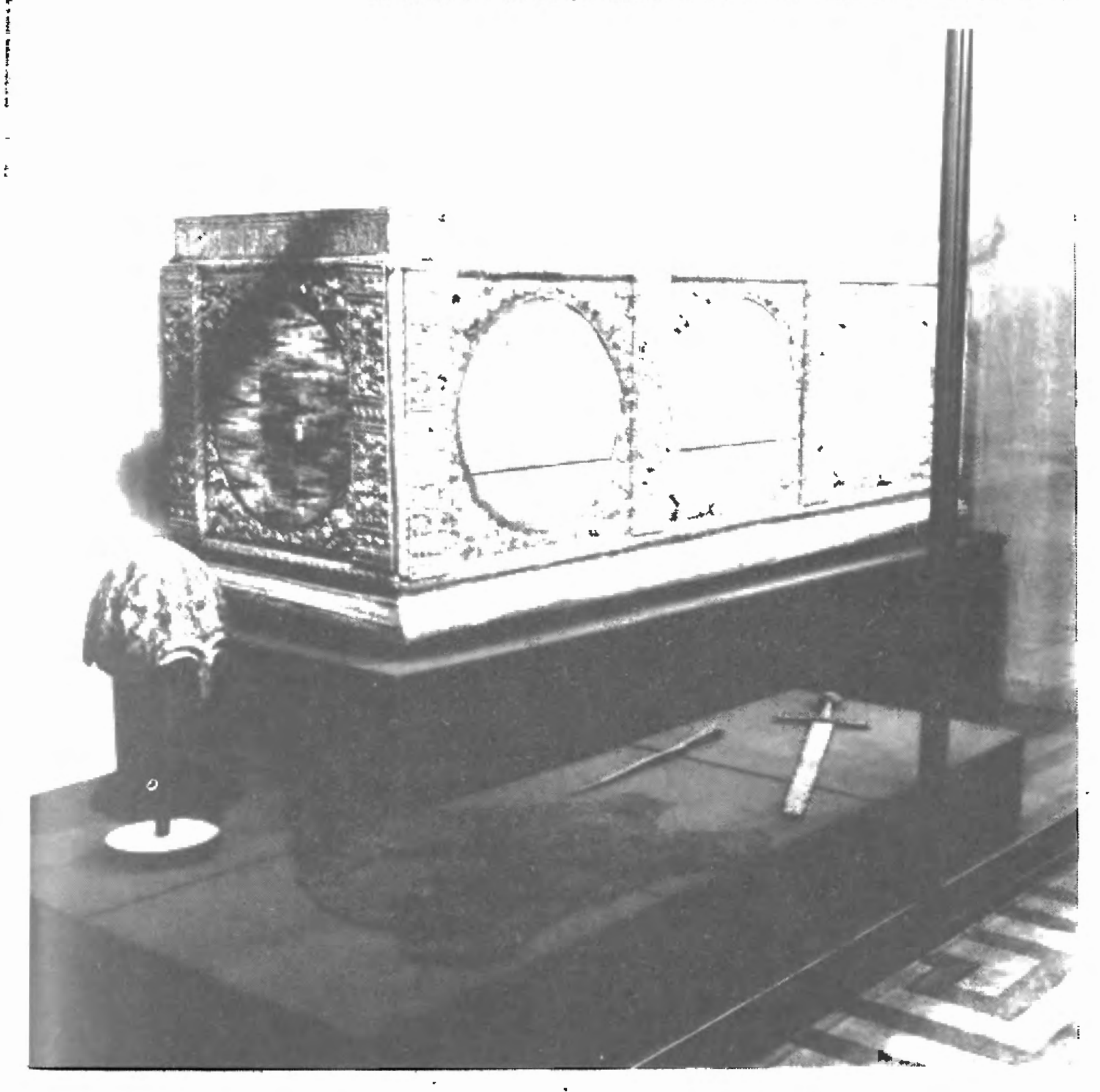
Стенная композиция Грановитой палаты Московского Кремля. 1882 г. Палехских писем.

К статье Е. К. Братчиковой (с. 181)

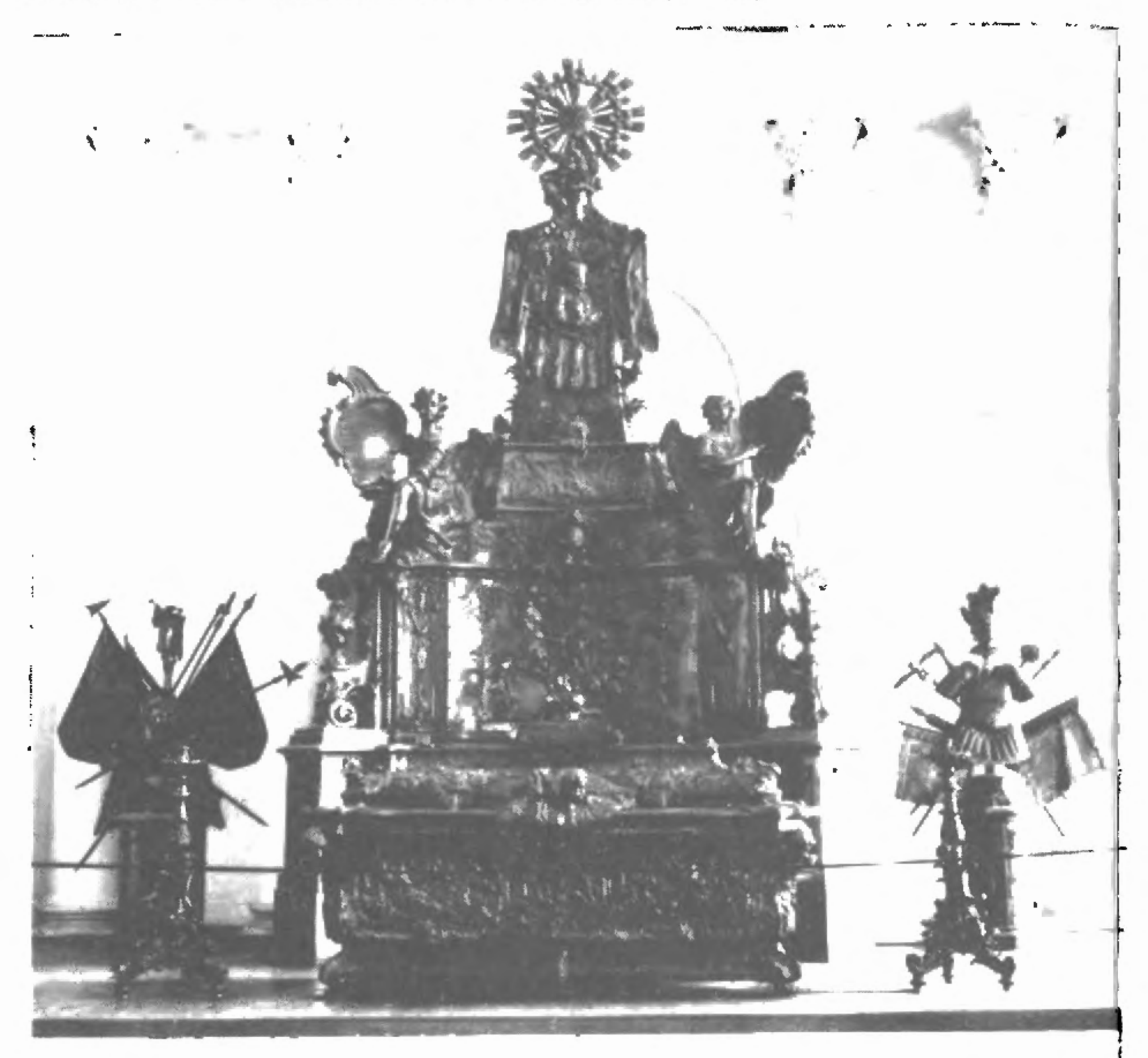

Икона «Св. князь Александр Невский». XIX в. Палехских писем. Палех. Церковь св. пророка Илии. Письмо Дыдыкиных.

К статье О. М. Иоаннисяна, С. В. Томсинского (с. 185)

Рака конца XVII в. св. Александра Невского.

Серебряная рака св. Александра Невского. 1752 г.

Э. Хёш

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА В XIII ВЕКЕ

Случаю было угодно сделать так, что одновременно с торжественным празднованием в Ленинграде памяти Александра Невского в Германии, в Немецком музее Нюрнберга, открылась выставка, посвященная 800-летию Немецкого Ордена. (См.: 800 Jahre Deutscher Orden. Ausstellung des Germanischen Museums Nürnberg in Zusammenarbeit mit der Internationalen Historischen Kommission zur Erforschung des Deutschen Ordens. Gütersloh / München, 1990. 592 S.).

Юбилейные даты служат для того, чтобы приблизить исторически значительные события к широкой общественности. Но они также должны послужить желательным поводом для историков к перепроверке имеющихся толкований событий прошлого с учетом дошедших до нас источников и к критическому переосмыслению прежних оценочных критериев.

Дата «1242 год» предоставляет нам возможность подумать о связи между двумя событиями. Легендарную победу князя Александра на льду Чудского озера часто причисляют к судьбоносным битвам в мировой истории. Она и в самом деле получила высокую оценку в историографии обеих стран со времени пробуждения национального исторического самосознания и постоянно вновь и вновь будила фантазию потомков. Но из этого средневекового пограничного конфликта между Востоком и Западом вплоть до сегодняшних дней в угоду прежде всего идеологическим или пропагандистским целям делаются весьма далеко идущие выводы и обобщения относительно немецко-русской конфронтации в истории взаимоотношений народов-соседей. И поэтому читатель, конечно, будет снисходителен к немецкому историку, если он вновь обратится к тому примечательному событию XIII в., которое странным образом привело героя-воина Александра Невского к повлекшему за собой большие последствия военному конфликту с «немцами».

Наступление флотилии западных рыцарей по Неве в 1240 г. и походы через лифляндскую восточную границу в 1241—1242 гг. обычно истолковываются как неудачные попытки латинизированного Запада с помощью собранной в кулак военной силы поставить на колени русское православие [1] или, по словам С. М. Соловьева, «подчинить русскую жизнь чуждому ей началу».[2] В русском национальном понима-

нии истории тогдашнее поведение Запада получало горький привкус под влиянием одновременного бедственного положения, в которое повергло русские княжества татарское нашествие 1237—1241 гг.[3] Уже автор историко-агиографической Повести о житии Александра Невского считал, что его герой представляет собой всю страну, подверженную этому угрожающему двойному испытанию враждебных сил Запада и Востока. К вящей славе своего воина-героя, имя которого, по словам автора, можно услышать во всех землях, вплоть до Египетского моря и Араратских гор, на другом берегу Эгейского моря — вплоть до великого Рима, автор сознательно акцентирует всемирно-историческое значение решающей ситуации того времени. Эти сказанные им хорошо запоминающиеся слова способствовали тому, что из Александра — борца за веру сделали национального героя.

Но не все современники автора следовали его экстенсивной интерпретации. Даже в русских местных летописях 1240—1242 гг. можно найти довольно много более сдержанных записей, немногословность которых вряд ли отражает всерусское ликование. Это объясняется скорее сдержанным отношением к этим событиям со стороны отдельных русских княжеств.[4]

В действительности исправления на историческом монументальном полотне в соответствии с сегодняшним уровнем знаний нанесены, и они необходимы. Они касаются как той роли поборника единства Руси, которая приписывается Александру Невскому среди князей того времени, так и стратегических планов и намерений шведских и немецких агрессоров. В дифференцированном подходе нуждается также вопрос об участии Немецкого Ордена в этих событиях. Джон Феннел попытался недавно нарисовать портрет великого князя Александра Невского, который, без сомнения, произведет шокирующее впечатление на русских читателей.[5] Он также не оставляет без внимания далеко не безупречные страницы в политической карьере князя Александра — его почти капитулянтскую политику уступок по отношению к татарскому хану, посредством которой он был вынужден покупать для себя относительную свободу перемещения.[6]

В этой связи Д. Феннел также приближается к истине в оценке военных столкновений на северо-западных русских рубежах в начале 1240-х годов. Он низводит их до локальных пограничных конфликтов, которые не оказали существенного влияния на многообразные отношения. Они лишь заметно притормозили оживленный и выгодный двусторонний обмен между Востоком и Западом.

Толчком к такому новому осмыслению процессов послужили результаты балтийских исследований на Западе и изучение Немецкого Ордена в последние десятилетия.[7] Это связано с именами таких исследователей, как М. Хельманн,[8] Ф. Беннингхофен,[9] Х. Бокманн,[10] В. Урбан,[11] Е. Кристиансен.[12] И. П. Шаскольский справедливо указывает в своем основополагающем исследовании 1978 г., что советская наука до сих пор в весьма незначительной степени имела возможность следить за исследовательскими успехами западных авторов. В процессе разработки справочной научно-популярной литературы по теме крестовых походов она исходила из исследователь-

ского уровня русскоязычных публикаций на рубеже веков.[13] Но и сам И. П. Шаскольский использует поздние заимствования двух ранних фундаментальных источников, изученных финном Г. А. Доннером [14] и иезуитским патером датского происхождения А. М. Амманом,[15] для весьма одностороннего доказательства наличия непосредственной связи между выступлением немецких рыцарей и предшествующим ему шведским наступлением на Неве. Он исходит из наличия согласованного в деталях клещеобразного движения — «наступления объединенных сил католических государств Северной Европы на русские земли» [16] — и хотел бы возложить ответственность за агрессивные действия только на одну Папскую курию как на подлинного закулисного руководителя.[17] Но, как он сам признается, ему не хватает исторических свидетельств в пользу его гипотезы.[18] Ссылаясь на Г. А. Доннера, он может сделать более или менее убедительные выводы из очевидного положения дел одновременных военных операций 1240—1241 гг.[19] Правда, и финская наука пришла к аналогичным выводам.[20]

Если привлекать балтийскую миссионерскую историю на рубеже XIII в., то следует, пожалуй, быть значительно более осторожным при аргументировании, исходя из сегодняшнего уровня знаний. Поспешные обобщающие высказывания мешают выявить различные интересы у представителей церковных и светских групп, принимавших участие в крестовых походах. Свои приоритетные права в самой стране и свою долю в новых завоеваниях оспаривали друг у друга немецкие, датские и шведские епископы, рыцари Ордена в Пруссии и Лифляндии, все более осознанно выступающие горожане Риги, Ревеля и Дерпта, торговые люди и внявшие призывам к крестовым походам рыцарские вассалы. Далеко идущие планы в отношении Восточных земель, которые не исключали также и северорусских территорий, можно было бы прежде всего ожидать от Папской курии. Особенно активна она была во времена понтификата Григория IX (1227—1241). Первые попытки координации миссионерских усилий предпринимались уже при его предшественниках Иннокентии III и Гонории III.

Вышеупомянутые папы действительно пытались путем неоднократных призывов к крестовым походам в 20-е и 30-е годы XIII в.[21] помочь притесняемой молодой церкви Финляндии обязать к активной помощи как епископов Севера, так и рыцарский Орден. Новейшие финские исследования подтверждают приток в Прибалтику немецких рыцарей через Финский залив. Этот приток оставил среди прочего следы в виде наименований финских местностей и дворов.[22] Но об объеме в виде помощи оружием известно столь же мало, как и об успехе экономической блокады, объявленной со стороны папы. Даже И. П. Шаскольский, пожалуй, не придает большого значения этим ограничениям в торговле.

Основной уликой при описании далеко идущих и согласованных планов Западной церкви все еще выступает присутствие особых полномочных представителей курии в лифляндской кризисной зоне. Правда, подобная инициатива исходила не от Рима. Перессорившиеся между собой церковные власти в самой стране и были той силой,

которая в запутанной ситуации вовлекала папу в качестве третейского судьи в лифляндские распри.

В 1224 г. рижский архиепископ Альберт Буксгевден призвал («fratres milicie nec non et viros ecclesie cum peregrinis et mercatoribus et civibus Rigensibus et universis Lyvonibus et Lettis»;[23] перевод: «послал братьев-меченосцев, а также церковных мужей с паломниками и торговыми людьми, а также рижскими горожанами, и всех ливов и леттов») к новому походу против князя Вячко. Уже ранее, будучи властелином Кокенгаузена, Вячко являлся конкурентом Ордена и незадолго до этого, заручившись поддержкой Новгорода и «reges Ruthenorum» (Руси), овладел крепостью Дерпт (Юрьев). Во время штурма крепости он погиб вместе с русским гарнизоном.[24] Спустя несколько месяцев епископ Альбрехт испросил для Лифляндии легата апостольской кафедры. 31 декабря 1224 г. такое задание было поручено близкому доверенному лицу папы Григория IX епископу Вильгельму Моденскому. Он пробыл в Лифляндии с небольшими перерывами годы 1225—1226, 1229—1230 и 1234—1242. В качестве посредника он подключился к решению конфликтов между конкурирующими инстанциями, и даже русские князья, по словам Генриха Латвийского, прислушивались к его решениям и подтверждали существующие договоры («miserunt nuncios ad eum suos petentes ad eo pacis iam dudum a Theutonicis facte confirmationem»; перевод: «послали к нему своих послов, требовавших у него утверждения мира, который уже был заключен с немцами»).[25] Но в новой для себя сфере деятельности он, по мнению Г. А. Доннера, действовал и как активный представитель интересов курии: он развивал идеи независимого папского государства как буфера между враждующими партийными группировками[26] и, наконец, протянул руки к Северной Руси. «Только из Рима можно было отчетливо разглядеть политическое положение, и только курия могла собрать в одной руке все нити».[27] Однако в 30-е и 40-е годы XIII в. отсутствовали еще необходимые предпосылки для общего добровольного союза между конкурирующими церковными и светскими учреждениями на территориях Лифляндии и Финляндии. Даже непосредственно подчиненные легату местные церковные представители были связаны особыми интересами своих метрополий в Швеции, Дании и Империи, и они почти не оставляли возможности для деятельности Немецкого Ордена.

Организаторские предпосылки для успешной работы латинской церкви на Северо-Востоке Европы были созданы за счет торговых контактов, уходящих своими корнями в глубокое прошлое.[28] Первые миссионерские усилия среди местного языческого населения были предприняты, по выражению летописца Генриха, уже в конце XII в. отдельными проповедниками, которые пришли на Западную Двину вслед за западными торговыми людьми.[29] Летописец подчеркивает, что они торговали по взаимному соглашению с русскими князьями из Полоцка, которые взимали контрибуцию с ливонских и леттских племен и осуществляли верховную власть.[30] Видимо, после первых неудач мысль о миссии мечом была перенесена воинственными цистерцианцами на Лифляндию.[31] Основание Ордена меченосцев в Лифляндии является делом рук цистерцианцев. Целью являлось создание

путем быстрого насильственного распространения христианства боеспособной церковной организации и обеспечение действенной защиты вновь обращенных общин. Эту цель трудно согласовать с существующими правовыми отношениями и отношениями власти.

Осмотрительный епископ Альберт,[32] посланный в Лифляндию в качестве третьего епископа своим дядей, бременским архиепископом Хартвигом II, вряд ли мог избежать конфликтов. Его лифляндская миссия начиналась как нечто вроде семейного дела рода Буксгевденов,[33] который был представлен братьями и зятьями Альберта на ответственных церковных и светских службах.[34] В качестве главы рижской архиепископской кафедры он правил духовным княжеством. С его притязаниями на власть во внутренних делах края сталкивались интересы рижских горожан, а во внешних делах он считал соседей — литовцев, датчан, русских — своими конкурентами в плане территориальных притязаний. Сначала он уважал сложившиеся отношения власти среди вновь обращенных ливонцев и леттов и резко осуждал произвольные военные акции и нападения отдельных рыцарей на русских князей, как, например, нападение Даниила Ленневардского на владельца замка сеньора Владимира Кокенгаузенского в 1208 г.[35] Но в целях обеспечения длительной безопасности миссионерского труда он вынужден был заняться приведением в порядок новых договоров с соседними русскими князьями. В первые десятилетия XIII в. в многочисленных местных договорах пытались отыскать возможность разграничения отдельных сфер влияния. Эти договоры отражали тогдашнее состояние территориальных приобретений. Уважительное отношение к соглашениям приходилось, однако, постоянно доказывать и подтверждать путем пограничной войны, проходившей с переменным успехом. Проникновение в северную часть Эстляндии привело немецких «захватчиков» не только к длительному конфликту с датским королем и епископом Лундским,[36] оно порождало в соседнем Новгороде готовность защищаться с оружием в руках от докучливого конкурента и вынуждало всех к ведению долгой и утомительной мелкой войны.

Автор Лифляндской летописи наблюдал за переменной игрой военных противоречий из непосредственной близости. В «Русско-лифляндской хронографии» Эрнста Боннеля можно обнаружить заслуживающий доверия регистр важных событий из русских и западных источников.[37] Он подтверждает ту в значительной степени прагматическую как с русской, так и с западной стороны позицию, когда имелось в виду достижение регионально ограниченных целей. Этой позиции полностью соответствует и военная тактика того времени, заключавшаяся в попытках завоевать посредством численно ограниченного отряда стратегически важные объекты или измотать и ослабить противника посредством внезапных нападений, грабежей и разрушений.[38] Сам летописец Генрих и выражается просто, говоря о «национальных» конфликтах немцев и русских («propter conflictum Theutonicarum cum Ruthenis»; перевод: «вследствие конфликта германцев с русскими»),[39] и его изложение очень легко понять в том духе, что следует учитывать различные фракционные образования и что в военных походах в каждом случае принимали участие сменявшие друг друга группировки.

Даже на стороне русских при защите от немецких завоевателей на протяжении всего XIII в. не было единства. Перспектива интенсификации выгодной торговли на берегах Западной Двины давно уже побуждала полоцких князей к поиску равновесия. В договоре 1212 г. они гарантировали себе свободный торговый обмен на Западной Двине и отказались за это от своих унаследованных суверенных прав в Лифляндии.[40] Князья Кокенгаузена [41] и Герсике под давлением обстоятельств были уже готовы к заключению формального ленного договора с рижским епископом.[42] Торговые дела вынуждали русских людей селиться в Риге, к большому неудовольствию папы, который хотел в письме от 8 февраля 1222 г. отказать «схизматикам» по крайней мере в демонстративном осуществлении особых церковных обычаев.[43] К самым авторитетным пограничным врагам относили князя Владимира Мстиславича из смоленской династии, который, будучи избран псковским князем, отдал свою дочь в жены брату рижского епископа Теодориху и поэтому был изгнан жителями города. Впоследствии он неоднократно менял свои позиции и участвовал в войне с обеих сторон.[44] Его сын князь Ярослав овладел вместе с немцами в 1233 г. Изборском в результате внезапного нападения; в 1240 г. мы вновь находим его в ополчении, которое возглавлял дерптский епископ Реманн, против Изборска и Пскова. Но это явное предательство русского дела отнюдь не помешало его более поздней карьере в качестве князя Нового Торжка.[45] В этой связи можно упомянуть и о сообщении Новгородской летописи об отказе псковичей в 1228 г. присоединиться к военному походу новгородского князя Ярослава против немцев.[46]

И на противоположной стороне трудно выявить постоянную готовность к военной экспансии исключительно только в отношении соседних русских территорий. Если следовать автору Лифляндской летописи, то борьба против «схизматиков» была необходимостью, она понимается скорее как превентивная мера по устранению ущерба, который мог быть нанесен вновь обращенным язычникам, или как ответные удары на предшествующие нападения. В папских предостережениях русские упоминаются всегда как противники латинской церкви, если они вступали в союз с опасными язычниками. В сообщениях Генриха Латвийского во многих случаях можно найти известную гордость и восхищение методом ливонцев, которым умело удавалось сочетать миссионерство и власть, в то время как русским посредством многочисленных и сильных войск не удалось завоевать даже одну крепость и обратить в христианство ее жителей.[47] И лишь под впечатлением западных успехов русские князья явно стали практиковать посылку священников как действенную оборонную меру.[48]

В таких условиях нельзя было ожидать от «Запада» единой позиции в отношении активной политики Руси, особенно со стороны Немецкого Ордена, который вообще лишь в 1237 г. по настоянию папы принял наследство Ордена братьев-меченосцев и сумел закрепиться в Лифляндии только после жестоких столкновений с учрежденными здесь властями.[49] В XIII в. ему еще не доставало более широкой базы в виде реальной власти в данном крае, чтобы подготовиться к предвещающим успех нападениям на русскую территорию. В 1238 г. он

вынужден был подчиниться третейскому приговору папского легата и снова, согласно договору в Стенби, уступить датскому королю право на власть в Ревеле, Харьюмаа и Вирумаа. Сферой своей деятельности Орден считал скорее Пруссию и внимательно следил за противоречиями между Литвой и Польшей.[50] Характерно, что в появившейся столетие спустя «Хронике Пруссии» Петра Дусбургского события в Лифляндии не были удостоены упоминания даже в примечании, где были отмечены всеобщие мировые события. Вильгельм Урбан рассматривает цели Ордена в середине XIII в. даже на его родине в Пруссии как весьма ограниченные: они были направлены исключительно на обеспечение территориальной целостности. Так, В. Урбан пишет: «Вопреки утверждениям историков о том, что Орден имел почти неограниченные притязания на Лифляндию и Польшу, существуют доказательства, что его планы 1242 года не распространялись за пределы Пруссии и коридора, ведущего в Лифляндию».[51] Поэтому не без основания было высказано предположение о том, что ответственность за самовольное наступление на западнорусские территории несет не руководство Немецкого Ордена, а некоторые сторонники крайних мер из рядов бывших братьев-меченосцев. Уже сам тот факт, что к походу 1240 г. на Изборск и Псков присоединилась столь пестрая толпа из датчан, эстов, рыцарей Ордена, русских и епископских вассалов, говорит не в пользу заранее подготовленного плана. Прямой связи со шведским походом на Неву не видели, пожалуй, и сами новгородцы, иначе бы они не поссорились со своим князем сразу же после успешной битвы на Неве, не отказались бы от него как от предводителя городского войска и не позволили бы ему отвести войска. Александра Невского призвали в Псков лишь спустя месяцы под давлением возникшей угрозы для новгородских земель, чтобы он возглавил поход против «немцев». Этот известный эпизод из жизни Александра Невского соответствует общей точке зрения, тем более что непосредственно задетые новгородцы менее всего принимали в расчет великую и жестокую конфронтацию между латинским Западом и православным Востоком, а были озабочены — под давлением мелких и ограниченных конфликтов — своими политическими и экономическими интересами и в случае нужды прибегали к мерам, сулившим быстрый успех.

Западногерманские исследователи послевоенных лет, занимавшиеся историей Ордена, трезво распрощались с доминировавшим прусским мифом XIX в. Еще в национал-социалистические времена средневековые походы в восточные земли были склонны связывать преимущественно с «немецкой миссией» в крае, лишенном культуры.[52] Сегодня Балтика вновь воспринимается как расположенная в пограничных областях зона встречи Западной и Восточной церквей. Эта новая точка зрения на запутанное сплетение отношений представлена, например, в труде Манфреда Хелльманна.[53] Михаил фон Таубе уже в 30-е годы нашего столетия в своих насыщенных ссылками на источники трудах подчеркивал, что процессы XIII в. в древней Лифляндии могут быть поняты только «в свете интернационального».[54] Наряду с тем участием, которое в переформировании этого края принимали русские князья — властелины этих земель и конкуренты за-

падных торговых людей и миссионеров, большего внимания заслуживает также влияние литовцев.[55] Более четкое разделение собственно церковного миссионерского труда среди местных языческих племен и политико-экономического проникновения в бассейн Западной Двины позволяет растворить глобальную конфронтацию между Востоком и Западом во множестве партикулярных особых интересов, которыми было пронизано движение крестоносцев на северо-востоке Европы. Эти интересы убедительно объясняют также длительные пограничные конфликты в этом воинственном столетии. Более глубокие причины следует искать скорее в обусловленной временем конкурентной ситуации, которая, без сомнения, должна была возникнуть в спорном пограничном районе между различными экономическими и церковными интересами. Отношения между Дерптом и Псковом (а жители последнего колебались между Новгородом и «немцами») не в последнюю очередь определялись вескими экономическими интересами.[56] Противоречия по поводу прав на рыбную ловлю на Чудском озере играли при этом немалую роль.[57] Все дело «немцев» на Балтийском побережье в начале XIII в. следует рассматривать во взаимосвязи с далеко идущими экономическими планами — борьбой за безопасность торгового пути в Азию.[58]

Шум битв XIII в. давно утих. Сегодня при ретроспективном осмыслении прошедших времен следует разрушать мифы о походах 1240—1242 гг. и исправлять ошибочную интерпретацию прошлого.

---

[1] Такова суть рассуждений В. Т. Пашуто (см.: Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 226).

[2] Соловьев С. М. Псков и Ливония // Московский сборник. М., 1982. Т. I. С. 247.

[3] Греков И. Б., Шахматов Ф. Ф. Мир истории: Русские земли в XIII—XV веках. М., 1986. С. 73.

[4] Основные русские тексты собраны Ю. К. Бегуновым, И. Е. Клейненбергом и И. П. Шаскольским в кн.: Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966. С. 73—193.

[5] Fennell J. The Crisis of Medieval Russia: 1200—1304. London; New York, 1983. То же на русском языке: Феннел Д. Кризис средневековой Руси: 1200—1304. М., 1989.

[6] Сопоставимые выводы содержит уже интересное сообщение В. Лейтша: Leitsch W. Einige Beobachtungen zum politischen Weltbild Aleksandr Nevskijs // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1978. Bd 25. S. 202—216.

[7] Geschichte der deutsch-baltischen Geschichtsschreibung / Hrsgb. G. von Rauch. Köln; Wien, 1986 (Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart; Bd 20); Hellmann M. Neue Arbeiten zur Geschichte des Deutschen Ordens // Historische Jahrbuch. 1956. Bd 75. S. 201—213; Boockmann H. Neuerscheinungen zur Geschichte des Deutschen Ordens // Zeitschrift für historische Forschung. 1981. Bd 8. S. 461—468.

[8] Основополагающая диссертация: Hellmann M. Das Lettenland im Mittelalter. Münster; Köln, 1954.

[9] Benninghoven F. Der Orden der Schwertbrüder: Fratres Milicie Christi de Livonia. Köln; Graz, 1965 (Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart; Bd 9).

[10] Boockmann H. Der Deutsche Orden: Zwölf Kapitel aus seiner Geschichte. München, 1981.

[11] Urban W. 1) The Baltic Crusade. Illinois, 1975; 2) The Prussian Crusade of 1242 // Lituanus. 1975. T. 21. S. 4—18.

[12] Christiansen E. The Northern Crusade: The Baltic and the Catholic Frontier, 1100—1525. London; Basingstoke, 1980.

13 Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 147.

14 Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina, Bishof von Modena, 1223—1234: Päpstlicher Legat in den nordischen Ländern († 1251). Helsingfors, 1929 (Commentationes Humanarum Litterarum; Vol. 215).

15 Amman A. M. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's: Studien zum Werden der russischen Orthodoxie. Roma, 1936 (Orientalia Christiana Analecta; Vol. 105).

16 Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 190.

17 На этом своем в труде заостряет внимание И. П. Шаскольский. См.: Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии против Руси 1240—1242 гг. // ИЗ. 1954. Т. 37. С. 169—188.

18 Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 155.

19 Там же. С. 148, примеч. 2.

20 В качестве одного из ее представителей следует назвать Хейкки Киркинена: Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissä: Byzantin ja Vänäjän yhteyksistä keskiajan Karjalään. Helsinki, 1963. S. 75 et al.

21 Ср. буллу папы Гонория III от 13 I 1221 г. к епископу Томасу Финляндскому, несколько булл Григория IX 1229 г. и буллу от 9 XII 1237 г.; о состоянии исследования см.: Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 129.

22 Vahtola J. Finnlands kirchenpolitische Verbindungen im frühen und mittleren 13. Jahrhundert: Einige Gedankengänge // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F. 1984. Bd 32. S. 488—516.

23 Heinrich von Lettland. Chronicon Lyvoniae. 2. Ausgabe von G. Pertz. Hannover, 1874. XXVIII, 5.

24 Ibid. XXVIII, 6.

25 Ibid. XXIX, 4.

26 Ср. также диссертацию Х. Фиберга: Fiberg H. Wielhelm von Modena: Ein päpstlicher Diplomat des 13. Jahrhunderts. Dissertation. Königsberg, 1926.

27 Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina... S. 217.

28 Johansen P. Die Bedeutung der Hanse für Livland // Hansische Geschichtsblätter. 1941. N 65—66. S. 1—55; Die Hanse und der Deutsche Osten / Hrsgb. N. Angermann. Lüneburg, 1989.

29 Heinrich von Lettland. Chronicon Lyvoniae. I, 2. Ср.: Bauer A. Der Liflandkreuzzug // Baltische Kirchengeschichte der Missionierung und der Reformation der evangelisch-lutherischen Landeskirchen und des Volkschristentums in den baltischen Ländern / Hrsgb. R. Wittram. Göttingen, 1956. S. 26—34.

30 Heinrich von Lettland. Chronicon Lyvoniae I, 3. Ср. также подробные сведения: Keussler F. Der Ausgang der ersten russischen Herrschaft in der gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XIII. Jahrhundert. St. Pétersburg, 1897; русское издание: Кейслер Ф. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в 13-м столетии. СПб., 1900. По поводу недооцененного качества этих отношений власти см.: Hellmann M. Das Lettenland im Mittelalter. S. 55 et al.

31 Benninghoven F. Der Orden der Schwertbrüder. S. 4.

32 О его деятельности наряду с «Лифляндской летописью» Генриха Латвийского см. его биографию: Gnegel-Waitschies G. Bischof Albert von Riga: Ein Bremer Domherr als Kirchenfürst im Osten. Hamburg, 1968.

33 Christiansen E. The Northern Crusade. P. 93 et al.

34 Его брат Герман был епископом в Эстляндии, Энгельберт был соборным пастором в Риге, а Ротмар — пастором в Дерпте. В качестве воинов и управителей в его распоряжении были брат Теодорих, сводный брат Йоханнес фон Апельдерн и зять Энгельберт фон Тизенгаузен.

35 Heinrich von Lettland. Chronicon Lyvoniae. XI, 8.

36 Hausmann R. Das Ringen der Deutschen und Dänen um den Besitz Estlands bis 1227. Leipzig, 1870.

37 Bonnell E. Russisch-liwländische Chronographie von der Mitte des neuen Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. Im Auftrage der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften hauptsächlich nach liwländischen, russischen und hansischen Quellen verfasst. 2. Abt. St. Pétersburg, 1862.

38 См. об этом: Benninghoven F. Zur Technik spätmittelalterlicher Feldzuge im Ostbaltikum // Zeitschrift für Ostforschung. 1970. Bd 19. S. 631—651. Ср. также: Benninghoven F. Probleme der Zahl und Standortverteilung der livländischen

Streitkräfte im ausgehenden Mittelalter // Zeitschrift für Ostforschung. 1963. Bd 12. S. 601—622.

[39] Heinrich von Lettland. Chronicon Lyvoniae. XXII, 8.

[40] Ibid. XVI, 2.

[41] Starodubec P. A. 1) Das russische Fürstentum Kukenois im Ostbaltikum zu Beginn des 13. Jahrhunderts // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. 1959. Bd 3. S. 342—364; 2) Княжество Кокнезе в борьбе с немецкими захватчиками в Восточной Прибалтике в начале XIII века // Средние века. 1955. Т. 7. С. 199—216.

[42] О подробностях по поводу немецко-русских контактов на княжеском уровне в Лифляндии см.: Taube M. von. 1) Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (XII und XIII Jahrhunderten) // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. N. F. 1935. Bd 11. S. 367—502; 2) Internationale und kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum und Russland zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (12. und 13. Jahrhunderten) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1938. Bd 3. S. 11—46 (здесь биографические заметки на с. 33 и сл.).

[43] Amman A. M. Kirchenpolitische Wandlungen... S. 170.

[44] Taube M. von. Russische und litauische Fürsten... S. 456—458.

[45] Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в первой половине XIII в. М., 1977. С. 194.

[46] Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 176—177.

[47] Heinrich von Lettland. Chronicon Lyvoniae. XXVII, 6.

[48] Например, в 1208 г. к эстонцам и в 1227 г. в Карелию.

[49] Ср. по этому поводу: Rathlef G. Das Verhältnis des livländischen Ordens zu den Landesbischöfen und zu Riga im 13. und in der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts. Dorpat, 1875.

[50] Peter von Dusburg. Chronik des Preussenlandes / Übersetzt und erläutert von Klaus Scholz und Diether Wojtecki. Darmstadt, 1984 (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Freiherr von Stein Gedächtnisausgabe; Bd 25).

[51] По поводу русской истории вообще ср.: Forsteuter K. Preußen und Rußland im Mittelalter: Die Entwicklung ihrer Beziehungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Königsberg; Berlin, 1938 (Osteuropäische Forschungen; N. F. Bd 25).

[52] Ср. здесь в общей связи: Wippermann W. Der Ordenstaat als Ideologie. Das Bild des Deutschen Ordens in der deutschen Geschichtsschreibung und Publizistik. Berlin, 1979 (Einzelveröffentlichungen der Historischen Komission zu Berlin; Bd 24).

[53] Hellmann M. 1) Begegnungen zwischen Ost und West auf baltischen Boden im 13. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1978. Bd 25. S. 121—135; 2) Die baltischen Völker zwischen Slaven, Ugrofinnen und Skandinavien // Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. Vol. 30: Gli slavi occidentali e meridionali nell'alto medioevo. Spoleto, 1983. S. 515—556.

[54] Ср. прим. 34.

[55] Lowmiański H. Anfänge und politische Rolle der Ritterorden an der Ostsee im 13. und 14. Jahrhundert // Beiträge zur Geschichte des Deutschen Ordens / Hrsgb. U. Arnold. Marburg, 1986. 1 (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd 36). S. 36—85.

[56] Hollihn G. Die Stapel- und Gästepolitik Rigas in der Ordenszeit (1201—1562) // Hansische Geschichtsblätter. 1935. Bd 60. S. 91—207; Schroeder H. G. von. Der Handel auf der Düna im Mittelalter // Hansische Geschichtsblätter. 1917. Bd 23. S. 23—156; Rennekamp W. Studien zum deutsch-russischen Handel bis zum Ende des 13. Jahrhunderts: Nowgorod und Dünagebiet. Textband, Anmerkungsband und Anhang. Bochum, 1977.

[57] Stern E. von. Dorpat-Pleskauer Kämpfe um die Peipusfischerei 1224—1331. Posen; Riga, 1944 (Quellen und Forschungen zur baltischen Geschichte; Bd 5). S. 73—123; Brundage J. A. Hunting and Fishing in the Law and Economy of Thirteenth Century Livonia // Journal of Baltic Studies. 1982. Vol. 13. P. 3—11.

[58] Wilinbachow W. B. Rus' a niemiecki podboj inflant // Zapiski historyczne. Toruń, 1971. T. 36. S. 555—581; 1972. T. 37. S. 12—18.

[59] Urban W. The Correct Translation of «Ruce» // Journal of Baltic Studies. 1982. Vol. 13. P. 12—18.

К. Цернак

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И «ОКНО В ЕВРОПУ»

Вряд ли в каком-то другом русском историческом образе явилась такой расплывчатой граница между научно-историческим и художественным, как в образе князя Александра Невского. Надо признаться, что нас больше увлекает любопытнейшая традиция изображения князя Александра Невского, сложившаяся в русской литературе с XIII по XX столетие, нежели утомительный сбор колосьев на ниве преданий современности. Уже сама постановка вопроса типологической соотносимости национальных святых в галерее равноапостольных мужей, князей-мучеников, отшельников и игуменов и других святых заступников за землю Русскую возбуждает работу мысли историка и дает широкий простор фантазии.

Взгляд церкви на эту проблему относительно ясен: для нее верозаступник-благоверный всегда предпочтительнее. Это вполне соотносится с ранним этапом становления традиции почитания святого и благоверного великого князя Александра в монастыре Рождества Пресвятой Богородицы во Владимире, где он был похоронен, и в особенности с неповторимым Житием Александра Невского, созданным в стенах того же монастыря. Как убедительно доказал Вернер Филипп, в Житии Александра Невского развивается «новая точка зрения на соотношение светского и духовного поведения».[1] Речь идет о доказательстве того, что «политическая акция может стать святой, а, в свою очередь, религиозные требования могут реализоваться и в области светской». Но тут традиция почитания Невского героя в осове своей вступает в существенное противоречие с принятым в Древней Руси православным культом почитания святых вообще. Вследствие этого «заступник за землю Русскую», политик-святой, на долгое время остается в православной традиции явлением особым, неординарным. Ситуация изменилась только после официальной канонизации Александра Невского в 1547 г. в Москве. Только к этому времени его образ стал образом общерусского святого, стал почитаться наряду с другими святыми по всей стране и тем самым приобрел действительно широкую популярность среди верующих России. Характерно, что в изображениях на иконах и в литературных обработках Жития стала подчеркиваться отныне посмертная чудодейственная сила святого князя-инока, тогда как деяния его земной жизни настойчиво отодвигались на задний план.

Очень любопытно наблюдать, как мгновенно может возобновиться интерес к политической стороне Жития, в данном случае к пространственной сфере политической деятельности князя, а именно к региону Невы, как только она снова становится смыслом и сутью великих поворотов русской истории, например в начале XVIII в. Не явилось ли, таким образом, традиционное почитание Невского героя в числе прочего тем «скрытым потенциалом» Невской земли, т. е. Ингерманландии, который не в последнюю очередь побудил царя Петра I к перестройке России?

Ответу на этот вопрос, вероятно, может помочь краткий обзор предшествующей военно-стратегической истории завоевания Ингерманландии и зарождения Санкт-Петербурга. Это позволит сделать выводы по вопросу о том, как в действительности обстояли дела с представлением русских о ценности ландшафта Невы. Рейнхард Виттрам вносит следующее тонкое наблюдение: «Можно задаться вопросом, не явилось ли основание Санкт-Петербурга следствием поражения под Нарвой... Ответ на этот вопрос ясен не во всех отношениях, поскольку неизвестно, как поступил бы царь, если бы прорыв к морю удался ему уже под Нарвой. Факт состоит в том, что сначала существовал только из традиции исходящий план нарвской кампании и что военные действия в Невской земле были запланированы только после поражения. Правда, Ингерманландия с самого начала рассматривалась как возможная военная добыча и общее представление о скрытом потенциале местности было, вероятно, не только у царя Петра».[2]

Это очень остроумное наблюдение, хотя и не дающее ответа на вопрос. Притягательность Нарвы была неоспорима для московских владык еще со времен царя Ивана III. Этот царь-завоеватель удовольствовался постройкой Ивангорода: игра на двойном значении имени царя и святого здесь совершенно такая же, как и позже при наименовании Петербурга. Затем царь Иван Грозный «вернул» России Нарву на добрые двадцать лет (1558—1581) в качестве подарка — «нового Новгорода». Шведский противник тоже понимал значение Нарвы, и уже после триумфального успеха мирного договора в Столбове в 1617 г. Аксель Оксеншерна полагал, что именно Нарва является самым подходящим местом для столицы восточной половины Шведской империи.[3] Итак, Петр I, вступив летом 1700 г. в Северную войну против Швеции, вероятно, также поначалу имел в виду завоевание Нарвы. Однако внимательное изучение планов военных операций и стратегических решений царя позволяет понять, что горизонт его был иной, значительно более широкий, чем у предшественников. Как известно, организация флота и морская стратегия привлекали к себе особенно его внимание. Да это было в той войне и совершенно неотложно, потому что летом 1700 г. после первого же сражения под Нарвой шведская флотилия появилась даже неподалеку от Архангельска. Морская атака, однако, была отбита. И все же царь готовился в следующее лето немедленно отправиться в поездку с ознакомительными целями на берег Белого моря. Как могли тогда остаться скрытыми от такого взгляда на морскую военную необходимость особенные, так сказать, древненовгородские возможности нев-

ского ландшафта? Ясно, что они не остались незамеченными. Уже в первые месяцы после поражения под Нарвой, весной 1701 г., Петр I стянул к Старой Ладоге, к устью Волхова, значительную артиллерию и военные припасы. Тайный указ царя Петра I фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву датирован январем 1702 г. По этому указу в плане завоевания первым стоял Орешек, шведский Нотебург. Австрийский агент Плейер заключил, что подготовка к этой осаде ведется исключительно с целью маскировки нового прорыва к Нарве, что, конечно, целиком отвечало планам русского правительства.[4] Ранним летом 1702 г. начались военные действия на берегах Невы. Военным действиям сопутствовали грабежи и разорения, которые царь решительно пресекал. Если уж без разрушений никак нельзя было обойтись, то в этом случае разрешалось разрушать только города. «Потенциал местности» тем самым ни в коем случае не должен был быть нарушен. Между прочим, запрещение разрушений в Невских землях являло собой разительный контраст с поведением войск царя Петра в Лифляндии и Эстляндии. Из уважения к королю Польши Августу Лифляндия в первые годы столкновения еще не была объявлена целью войны. Что же касается Ингерманландии, то она считалась военной добычей с самого начала.

В конце сентября 1702 г. началась осада Орешка. Вечером 11 октября крепость была взята. Остатки шведского войска, вместе с женщинами и детьми, имели по условиям рыцарства право отплыть на кораблях вниз по реке обратно в Ниеншанц. Через три дня после завоевания крепости Петр I торжественно переименовал Орешек в Шлиссельбург («Ключ-город»). Зима ушла на подготовку к завоеванию Нюена / Нюенсканса (Ниеншанца). Все шло согласно плану: 1 мая 1703 г. сдался последний гарнизон шведского господства в Невских землях. Здесь же в Нюене некоторое время располагалась главная резиденция царя, названная Шлотбурх. Немедленно начались размышления о том, создавать ли укрепления здесь или необходимо найти в этих целях другую местность, поскольку устье Охты-реки представлялось недостаточно обширной местностью, слишком удаленной от моря, да и ландшафт здесь недостаточно надежен. Итак, решено было искать другую землю, каковая и нашлась через несколько дней — именно такая, какая требовалась. На этот раз это был остров на Неве, называемый Люст-Эйланд, т. е. «Веселый остров». 16 (27) мая 1703 г. здесь было заложено основание новой крепости, названной Санкт-Питербурх. Здесь же под предводительством князя Репнина оставалась часть войск, участвовавших в осаде Ниеншанца. Так гласят записи в военном дневнике царя — «Журнале, или Поденной записке».[5] После изучения исторических обстоятельств завоевания дельты Невы возникает впечатление, что выбор Люст-Эйланда для сооружения крепости Санкт-Питербурх был, по всей видимости, продиктован тщательно исследованным «потенциалом местности» и ее морскими возможностями. Очевидно, что с самого начала замышлялась постройка не только крепости, но и целого города. До этого места удается проследить общее понимание исследования истории Петербурга в изложении Виттрама.[6] Остается между тем неустановленным, был ли с самого начала задуман «Великий город и резиден-

ция царя». При подробном исследовании истории первых лет строительства окрестностей крепости Санкт-Питербурх такой план представляется сомнительным. Необходимы были новые серьезные военные столкновения со Швецией, чтобы события стали развиваться в нужном направлении таким образом, что было решено основать здесь столицу. И тут решающее значение имеет традиция почитания святого и благоверного великого князя Александра Невского. Уже завоевание Ниеншанца в 1703 г. разыгралось в непосредственной географической близости от места большого сражения 15 июля 1240 г. в устье Ижоры. Именно о покорителе шведов XIII столетия должен был размышлять победитель в битве под Полтавой в 1709 г., когда он (после решающей победы над главной армией Карла XII и после присоединения к России территорий Лифляндии и Карелии) приступил наконец к отделке «северного Парадиза» — своего «райского» Санкт-Питербурха. Только теперь новый город на Неве казался защищенным от ответных ударов шведов. Но все-таки к этому времени царю Петру I было еще не совсем ясно, следует ли считать объектом первостепенной важности остров Котлин с крепостью Кроншлот или сам Петербург.

В этом решении также заметную, скажем прямо — решающую роль сыграла традиция почитания святого князя Александра Невского. В 1710 г. юго-восточнее города на берегу Невы началось строительство монастыря в честь святой Троицы и святого князя Александра Невского. Это строительство имело большое значение для планировки города. Изрядных размеров Александро-Невский монастырь, очевидно, должен был соединяться с центром Петербурга главной перспективой («Невская першпектива») через довольно большое расстояние, причем, вероятно, таким образом, чтобы из монастыря открывался непосредственно вид на шпиль собора святых апостолов Петра и Павла в крепости. Если это, вероятно, так и было, то еще в наши времена нижний отрезок Невского проспекта проходит до Московского вокзала по этой старой оси. Только позднее, при планировке радиальной системы улиц с центром — Адмиралтейским шпилем — средний и последний отрезки проспекта были выровнены в соответствии с этой точкой.

30 августа 1724 г. останки тела Александра Невского были торжественно перенесены в только что отстроенную Благовещенскую церковь Александро-Невского монастыря. Случилось это в третью годовщину заключения Ништадтского мира (1721). Таким образом, снова противоборство со Швецией как бы явилось очередным связующим пунктом, или осью, местной истории. Указом Святейшего Синода предписывалось отныне вставлять в праздничную литургию этого дня особый пункт о борьбе со Швецией (Синаксарь со Службой Гавриила Бужинского). Еще ранее Святейший Синод постановил, что святой Александр Невский не должен более изображаться на иконах в образе монаха, более того, он должен теперь изображаться только в одежде великого князя и с его царственными регалиями. Учреждение ордена святого Александра Невского в 1725 г. явилось естественным звеном в цепи событий: в Российской империи Петра I и его преемников в полном объеме была воплощена традиция почи-

тания святого Александра Невского как патрона правящей династии и «заступника земли Русской». Теперь стало очевидным, что Петр I как будто бы стоял на плечах Александра Невского, а именно: Петр прорубил «окно в Европу» в том занавесе, который шведы на столетие опустили было перед глазами негодующей России. Но у истоков борьбы за свободный выход России к морю стоял именно Александр Невский. Традиция великого национального героя явилась моральной поддержкой и для героического блокадного Ленинграда времен Второй мировой войны, и наш 750-летний юбилей победителя в сражении на Неве, который мы отмечали в 1990 г., еще раз напоминает о непреходящем значении этой традиции и вечности священных реликвий национальной истории.

Здесь мы ясно видим пример особенного развития традиции, необычайно притягательный для профессионального историка. Необходимо отметить, что историография сыграла своеобразную роль в развитии культа национальных святых, как показал это в своих поучительных исследованиях Ганс Генрих Нольте. Попытка познания национальной истории кажется соблазнительной вначале, прежде чем мы пройдем утомительный путь через критику традиции к собственно нашему предмету, а именно к попытке реконструкции прошлого.

Истинное понимание истории княжения Александра Невского невозможно почерпнуть из скудных источников того времени, которые существовали независимо от Жития, сознательно стимулировавшего возникновение особой традиции. И все-таки столь скупые на слово новгородские летописи имеют то преимущество, что они довольно близки к предмету повествования и «стоят на земле». Их «приземленность» становится ясной: этот князь вступил в конфликт с вечевой республикой с бóльшими претензиями, нежели его предшественники, и, что особенно любопытно, с бóльшими претензиями даже, чем его последователи, московские великие князья XIV—XV вв.

Когда исследуешь противостояние Александра Невского республиканским принципам Новгорода Великого, начинаешь сомневаться в тезисе А. А. Преснякова о том, что княжение Александра отметило конец древнего Киевского княжества, довело его, так сказать, до полного упадка; только благодаря московской концепции государства XIV столетия развитие княжеской власти заметно пошло вверх. Современные исследования продемонстрировали существенное возрастание княжеской власти во времена Александра Невского, при этом обычно в Новгороде отмечалось сильное дробление различных мнений и социальных фракций. Бояре и «житьи люди», церковная иерархия, различные слои торговцев и ремесленников, городские «низы» — «мизинные люди» Софийской и Торговых сторон — все они имели свои представления о сущности народовластия и верховной власти в это смутное время крестовых походов и возрастания претензий монгольских ханов на сюзеренную власть. Александр как великий князь Владимирский и князь Новгородский попытался удовлетворять разным политическим амбициям и мнениям, чтобы провести свой корабль — Русь — через тяжелый период, оставив при этом для Новгорода «окно в Европу» через Неву открытым.

Вот почему наша современная традиция берет свое начало уже в истории XIII столетия.

---

[1] Philipp W. Heiligkeit und Herrschaft in der Vita Aleksandr Nevskijs // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1973. Bd 18. S. 70.

[2] Wittram R. Peter I, Czar und Kaiser. Göttingen, 1964. T. 2. S. 57.

[3] Zernack K. Zu den orts- und regionalgeschichtlichen Voraussetzungen der Anfänge Petersburgs // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1978. Bd 25. S. 389—402.

[4] Донесение Отто Плейера от 15 (26) IV 1707 года // Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 4. Ч. 2. С. 577.

[5] Журнал, или Поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключенного Нейштадтского мира. СПб., 1770. Ч. 1. Цит. по нем. изд.: Leipzig, 1773. S. 112.

[6] Wittram R. Peter I... T. 2. S. 58.

С. В. Белецкий, Д. Н. Сатырева

ПСКОВ И ОРДЕН В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII ВЕКА

> «В те благословенные времена народы Средиземноморья дружили между собой, даже эльфы и гномы умели не ссориться.
> — Я ни разу не слышал, — заметил Гимли, — что эта дружба прервалась из-за гномов.
> — А я не слышал, — сказал Леголас, — что эта дружба прервалась из-за эльфов.
> — А я частенько слышал и то и другое, — оборвал... Гэндальф».
>
> *Дж.-Р.-Р. Толкиен.* Хранители.

Традиционная для советской литературы оценка взаимоотношений Руси и Ордена сводится к тому, что внешняя политика Ордена, опиравшаяся на силу оружия, была источником постоянного напряжения на западных границах Руси, причем крестоносцы с момента появления в Восточной Прибалтике вынашивали агрессивные планы относительно соседних русских княжеств.

Такая оценка, на наш взгляд, не вполне корректна, а для первой трети XIII в., безусловно, требует пересмотра. Мы имеем в виду взаимоотношения с русскими княжествами (прежде всего с Псковом) первого государства крестоносцев в Восточной Прибалтике — Ордена меченосцев, основанного в 1202 г., а в 1237 г. прекратившего существование в качестве самостоятельного территориально-политического образования (после слияния с Тевтонским Орденом).

Напомним, что основным объектом экспансии немецких феодалов на северо-западе Восточной Европы являлись земли, заселенные балтийскими и прибалтийско-финскими племенами. Несмотря на то что к началу XIII в. ни один из народов Восточной Прибалтики еще не успел вступить на путь государственности, разные племенные группировки находились на разных стадиях разложения родового строя. Фактически к моменту вторжения крестоносцев Восточная Прибалтика распадалась на три зоны. П е р в а я из них — земли, заселенные западнобалтийскими племенами пруссов, куршей и скалвов. Процесс разложения родовых отношений зашел у этих племен достаточно далеко: из среды родовых общинников выделились профессиональные дружины со своими вождями, а основу общества составляли мужчины-воины.[1] По уровню развития общественных отношений племена пруссов, куршей и скалвов на рубеже XII—XIII вв. могут быть сопоставлены с народами Скандинавии в эпоху викингов.

Второй зоной являлись земли, заселенные литовскими племенами жемайтийцев, аукштайтов и собственно литовцев. Реконструированная литовскими коллегами картина развития общественных отношений в среде этих племен позволяет считать, что процесс распада родовых отношений протекал здесь с той же интенсивностью, что и в западнобалтийских землях. К XII в. в пределах Восточной Литвы фиксируются предпосылки перехода к государственности, выразившиеся в появлении внутреннего рынка, основанного на товарно-денежных отношениях и самостоятельной денежной системе.[2] Вторжение крестоносцев фактически подтолкнуло литовские племена к оформлению государственности, выразившемуся в объединении литовских земель князем Миндаугасом в середине XIII в. Немаловажным фактором, способствовавшим объединению литовских земель в единое государство, явилось их выгодное расположение. И от морского побережья, и от западных соседей литовские земли были отделены пространствами, заселенными западнобалтийскими племенами, принявшими на себя первый удар крестоносцев. С востока и юга Литва граничила с русскими княжествами, занятыми в XII и начале XIII в. главным образом внутренними междоусобицами.

Третья зона — земли, заселенные латышскими племенами латгалов, земгалов и селов, и территории расселения эсто-ливских племен. К рубежу XII—XIII вв. эти племена заметно отставали в развитии общественных отношений от своих соседей, завершая процесс консолидации уже в условиях состоявшегося вторжения в Восточную Прибалтику крестоносцев и при постоянном военно-политическом давлении со стороны русских княжеств.

Сказанное нельзя не учитывать при объяснении избирательности в действиях крестоносцев. Но подчеркнем и еще одну важную особенность начального этапа вторжения: сведениями о народах, заселявших Восточную Прибалтику, рыцари Иисуса практически не располагали. По меткому определению Дж. К. Райта, «в эпоху крестовых походов Восточная и Северо-Восточная Европа представлялась жителям Запада столь же туманным краем, как Центральная Азия или сердце Африки».[3] Пространства Восточной Прибалтики представляли собой обширные лесные массивы, среди которых земли, освоенные хозяйственной деятельностью, являлись отдельными островками. Леса и болота разъединяли не только племена, различавшиеся по языку и особенностям материальной культуры, но даже группы населения, говорившего на диалектах одного языка и отправлявшего одни и те же языческие культовые обряды, в частности погребальный ритуал.

Основные вехи в истории государства меченосцев традиционно определяются следующим образом: Орден был основан в 1202 г. рижским епископом Альбертом; в 1207 г. рыцари Иисуса получили треть владений Альберта, тогда же часть своих владений на правобережье Даугавы Ордену передали другие епископы; на протяжении всего второго и третьего десятилетий XIII в. крестоносцы завоевывают земли, заселенные эсто-ливскими племенами, периодически вторгаясь в соседние земли Псковщины; в 1236 г. в битве при Сауле (Шауляе) литовцы наголову разбивают войско Ордена, и, как следствие, в 1237 г. Орден меченосцев прекращает самостоятельное существова-

ние, слившись с Тевтонским Орденом, призванным в 1226 г. Конрадом Мазовецким для завоевания земель пруссов.[4]

Все перечисленные события действительно имели место, однако во втором и третьем десятилетиях XIII в. Орден не представлял сколь-нибудь серьезной угрозы для русских княжеств, граничивших с землями эсто-ливских племен. Сведения о военных операциях, проводившихся братьями-рыцарями, содержатся в Хронике Ливонии, написанной в 1225—1227 гг. приближенным епископа Альберта Генрихом.[5] Анализируя эти сведения, нельзя не отметить, что процесс формирования территории первого Орденского государства в Восточной Прибалтике растянулся во времени более чем на десятилетие. Первые походы в районы Саккалы и Унгавнии с закреплением территории сетью опорных крепостей приходятся только на начало второго десятилетия XIII в.: в 1213—1216 гг. основные усилия рыцарей были направлены на подавление сопротивления Унгавнии, и только походы 1217—1222 гг. можно считать не собственно захватом территории, а карательными операциями на землях, уже включенных в пределы административных границ Ордена. В 1223—1224 гг. основные силы Ордена были брошены на подавление мощного восстания, вспыхнувшего почти на всей территории расселения эстов, составившей основную часть административно-политических границ Орденского государства. Считать, что в подобных условиях недостаточной внутриполитической стабильности вновь образованного государства рыцари Иисуса могли всерьез претендовать на успех в деле экспансии в Псковско-Новгородские земли, как представляется, не приходится.

Ближайшим восточным соседом первого Орденского государства Восточной Прибалтики является Псков. В конце XII—первой половине XIII в. это был крупный город, состоявший из каменной крепости, занимавшей почти неприступный скалистый мыс при слиянии Псковы и Великой, и обширного (более 50 га) неукрепленного посада, раскинувшегося по обоим берегам Псковы. В первой половине XII в. Псков являлся как будто бы пригородом Новгорода,[6] однако уже в последней трети этого столетия здесь безусловно существовал самостоятельный княжеский стол.[7] Территория, контролировавшаяся псковскими князьями, в конце XII—начале XIII в. охватывала Нижнее Повеличье с прилегающим побережьем Псковского озера, а также округу Изборска, второго по величине города в Псковской земле. К моменту первого появления в низовьях Даугавы рыцарей креста Псковское княжество представляло собой реальность на политической карте Северо-Запада Восточной Европы, и с этим приходилось считаться.

Псковский княжеский стол на протяжении достаточно длительного времени занимали представители смоленской ветви Рюриковичей — потомки Ростислава Мстиславича (Мстислав Старый, его сын Всеволод, сын Мстислава Храброго Владимир, Ярослав Владимирович). В то же время на новгородском княжеском столе в первые десятилетия XIII в. происходило чередование представителей суздальского княжеского дома (потомство Всеволода Большое Гнездо) и смоленских Ростиславичей. Противостояние этих двух княжеских родов, особенно ярко проявившееся в событиях весны 1216 г., завершившихся Липецкой битвой и поражением Всеволодичей, превратило

Псков в 20-е и 30-е годы XIII в. в оплот сил, оппозиционных суздальскому княжескому дому. С учетом же того, что Псков ориентировался на мирные, дружественные отношения с формирующимся Орденским государством (брат епископа Альберта был женат на дочери псковского князя Владимира Мстиславича, отряды псковских волонтеров принимали участие в военных операциях братьев-рыцарей против эстов), Орден меченосцев стал, как представляется, естественным союзником и для новгородских оппозиционеров Суздалю. Не случайным представляется участие Пскова в конфликте князя Ярослава Всеволодовича с «Борисовой чадью» и последовавший отъезд «Борисовой чади» вместе с князем Ярославом Владимировичем во владения Ордена. А так называемые «захваты» войсками Ордена Изборска и Пскова в 1233 и 1240 гг. можно в свете сказанного рассматривать в качестве временного ввода ограниченного контингента орденских войск в пределы Псковского княжества, произведенного по просьбе законного правителя Пскова, князя Ярослава Владимировича.

В 1228 г., когда Ярослав Всеволодович Переяславский готовил поход на Орден, псковичи и новгородцы отказали князю в помощи. Действия переяславского князя в этот момент представляются попыткой лишить смоленских Ростиславичей их политического союзника. Ни о какой серьезной угрозе для Руси со стороны меченосцев в это время речи нет: основным противником для рыцарей Иисуса после присоединения к своей территории островов Моонзундского архипелага продолжала оставаться быстро набиравшая силу Литва. При этом весьма показательно, что Орден меченосцев оставался военным и политическим союзником Пскова и Новгорода вплоть до конца своей самостоятельной политической истории: в битве при Сауле 1236 г. отряд псковичей (и, возможно, новгородцев [8]) выступал на стороне крестоносцев.

Иная ситуация сложилась к 1240 г. После слияния Ордена меченосцев с Тевтонским Орденом, более сильным и лучше организованным военно-политическим образованием, Орденское государство Восточной Прибалтики стало серьезным политическим соперником Руси в лице низовских князей. Александр Ярославич Невский, как известно, ориентировался в своей внешней политике на союз с Востоком против Запада. Политика Пскова, традиционно ориентировавшегося на союз с Западом, расценивалась князем Александром как измена.

Однако заметим, что понятие «измена Руси» и «измена великокняжескому столу» были для Александра Ярославича синонимичными. Не случайно в уста князю летописец вложил слова, однозначно указывающие на то, что псковичи в глазах князя Александра изменили прежде всего лично ему и его роду: «Аще кто и напоследи моих племенникъ прибежить кто в печали или так приедет к вамь пожити, а не приимете, ни почьстете его акы князя, то будете окаанни, и наречетася вторая Жидова, распенשеи Христа».[9]

---

[1] Кулаков В. И. Древности пруссов VI—XIII вв. (по данным погребальных памятников): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1982. С. 17—21.

[2] Лухтан А. Б., Ушинскас В. А. К вопросу о столице Литвы до 1323 года // Труды V-го Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. 3. Вып. 1б. С. 11, 12.

[3] Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М., 1988. С. 277.

[4] Ловмяньский Г. Роль рыцарских орденов в Прибалтике XIII—XIV вв.) // Польша и Русь. М., 1974. С. 70—73.

[5] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М., 1938.

[6] Белецкий С. В. «Яведова печать» (из истории Пскова XII в.) // Археология и история Пскова и Псковской области. Псков, 1986. Вып. 6. С. 21—24.

[7] Белецкий С. В. Домонгольские княжеские печати из Пскова // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Псков, 1986. Вып. 1. С. 40—42.

[8] Dubonis A. Du šimtai pskovieių Saulės mūšyje (1236): (Dėl Naugardo i metrašio žinutės) // Lituauistica. Vilnius, 1990. N 1. S. 13—23.

[9] Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 21.

И. В. Дубов

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ — РОДИНА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Имя и деяния Александра Ярославича Невского — великого князя Владимиро-Суздальского, Новгородско-Псковского и Полоцко-Витебского — хорошо известны и почитаемы. В 1220 г. в одном из крупных городов Северо-Восточной Руси Переяславле-Залесском в семье великого князя Владимирского Ярослава Всеволодича родился княжич Александр.

В то время Переяславль-Залесский был относительно молодым городом — со дня его создания не прошло и семидесяти лет. Создал его прадед Александра Ярославича Юрий Долгорукий — собиратель русских земель, основатель Москвы и Переяславля-Залесского. Это событие зафиксировано в летописи под 1152 г.: «В лето 6660 Юрьи Володимеровичь Переяславль переведе от Клещина и заложи град велик (созда болши старого) и церковь постави Святого Спаса в Переяславле».[1] Для нас очень важно еще одно письменное сообщение о начале истории города Переяславля-Залесского: под 1157 г. сообщается о завершении Андреем Боголюбским строительства Спасского собора, который начинал строить его отец князь Юрий.[2]

В этом упоминании особо подчеркивается, что собор построен не просто в Переяславле, а в Переяславле-Новом. Это означает, что Переяславль-Залесский так же, как и Новгород Великий, был городом новым по отношению к какому-то своему предшественнику.

В начале XIII столетия Переяславль-Залесский «обращался ко внешнему миру могучими склонами своих земляных валов с деревянными стенами на гребне, над которыми поднимались лишь вышки надвратных башен. Даже самое крупное здание Переяславля — Спасо-Преображенский собор — было совершенно скрыто от взоров стороннего наблюдателя. С внешней стороны город представлялся как крепость. При низинном расположении валы были легко обозримы и город являл собой суровую картину боевой твердыни».[3]

Переяславль-Залесский во времена Александра Невского уже располагался на месте впадения реки Трубеж в озеро Плещеево (Клещино).

Археологические исследования показали, что люди с глубокой древности селились по берегам озера Клещино и особенно облюбовывали места, где в него впадают небольшие речки или ручьи. Вода была необходимым условием жизни.

Неолитические стоянки, дьяковские городища раннего железного века, мерянские поселения, древнерусские селища и могильники, и, наконец, города располагались в разное время по берегам озера Клещино. Эта связь времен прослеживается историками и археологами в итоге многолетних исследований письменных источников и кропотливых раскопок. Эти места, известные по сообщениям летописей, — еще один из центров размещения финно-угорского племени мери. Летописный текст определенно указывает на значительную концентрацию мерян по берегам озера: «...и на Клещине озере меря же».[4]

В источнике начала XV столетия — «Списке русских городов дальних и ближних» — между Владимиром и Переяславлем-Залесским отмечен город под названием Клещин.[5] Это означает, что укрепленный город Клещин существовал в XIV—XV вв.

Клещин — это самостоятельный город, находился он в непосредственной близости от Переяславля-Залесского, на пути к нему из Владимира-на-Клязьме, и скорее всего — на берегах озера Клещино, где сходятся пути из Суздальского ополья и Верхнего Поволжья.

История археологического изучения комплекса памятников на северо-восточном берегу озера Плещеево (Клещино) насчитывает уже более ста лет. В 1853 г. здесь производил большие раскопки известный русский археолог и нумизмат П. С. Савельев. Его работы явились составной частью полевых исследований экспедиции под руководством председателя Московского археологического общества А. С. Уварова.[6]

П. С. Савельев раскопал здесь более 1300 курганов, провел раскопки на Александровой горе и городище у села Городище. Собственно говоря, эти исследования по своему размаху и масштабам так и остались единственными в данном районе по сей день и дают наиболее полную археологическую характеристику вышеназванных памятников. Археологи прошлого столетия в первую очередь интересовались погребальными памятниками. Не составлял исключения из этого правила и П. С. Савельев, и поэтому не случайно, что его внимание сразу же привлекли прежде всего курганные группы.

Все они, а их насчитывается тридцать, входили в состав Клещинского комплекса. Можно сделать заключение, что сооружались эти усыпальницы в период с IX по XII в. и происходило это достаточно равномерно и вблизи от мест поселений на каждом хронологическом этапе. Так, в IX—XI столетиях курганы насыпаются в непосредственной близости от селища того же времени, а в более позднее время, в XI—XII вв., — у городища.

Наибольший интерес представляют исследования, предпринятые П. С. Савельевым на Александровой горе, имеющей и более раннее название, связанное с языческим славянским культом бога солнца Ярилы — Ярилина плешь. Александровой гора стала называться гораздо позднее, и местная устная традиция связывает это название с именем князя Александра Ярославича Невского, вотчиной которого, как известно, являлся Переяславль-Залесский с его окрестностями. По преданию, Александр останавливался в загородном тереме на Ярилиной плеши сразу после татаро-монгольского погрома Переяславля-Залесского, когда он ехал во Владимир на княжеский съезд.

Отсюда его взору предстал сожженный и разграбленный завоевателями родной город. У берега озера, недалеко от Александровой горы, лежит так называемый Синий камень — огромный валун, попавший сюда еще в ледниковые времена, с которым связаны многие легенды и предания. И главная из них гласит, что этому камню поклонялись местные язычники. Это вполне вероятно: хорошо известны случаи обожествления камней как у финно-угров, так и у славян-язычников. Впоследствии церковники неоднократно пытались избавиться от «возмутителя спокойствия» — Синего камня, но безуспешно, и за ним еще более укрепилась слава чудодейственного.

Недавними исследованиями установлено, что культ камней появился в Верхнем Поволжье вместе со славянами-переселенцами, пришедшими сюда с Северо-Запада, из Новгородской земли. Конкретно поклонение синим камням связано с культом мертвых предков. Кроме этого камня подобные выявлены в Ярославле, Угличе, на Берендеевом болоте. Клещинский Синий камень ранее лежал либо прямо у подножия Александровой горы, либо на ее площадке и, видимо, входил с нею в один комплекс.[7]

П. С. Савельев провел на Александровой горе основательные раскопки — сейчас вся вершина горы изрыта многочисленными ямами, а склоны засыпаны отвалами. Автор раскопок выделял три культурных слоя. Самый нижний — курганный, с обычными для погребений находками пряжек, ножей, ключей, лепной керамики. Особо следует отметить находки куфических монет, чеканенных во второй половине IX и на рубеже IX—X вв. Кроме того, исследователь отмечал обнаружение слоя XIII—XV вв. и остатки монастырских построек и кладбище XVI в. По его мнению, монастырь был разрушен в начале XVII в. и тогда же окончательно прекратилась жизнь на Александровой горе.

П. С. Савельев производил раскопки и на городище у села Городище. Это городище, кроме естественных укреплений оврагов с трех сторон и высокого обрывистого берега озера, по всему периметру имеет и искусственный насыпной вал. По мнению П. А. Раппопорта, укрепления были сооружены в первой половине XII в. и заброшены в середине того же столетия в связи с возникновением города Переяславля-Залесского. Для него городище — это, несомненно, Клещин.[8]

На площадке городища П. С. Савельев заложил 41 траншею, при этом были обнаружены остатки фундамента и строительный мусор от стоявшей здесь церкви. Ранний слой был испорчен также кладбищем XVII в. Обнаруженные находки невыразительны и не дают оснований полагать, что на городище могла быть жизнь ранее XII в.

В состав Клещинского комплекса, кроме названных памятников (курганные некрополи, Александрова гора, укрепленное городище, Синий камень), входило обширное поселение площадью до 7 га.[9]

На раннем этапе Александрова гора и селище были центром мерянской округи. В данном случае археологические источники вполне согласуются с сообщениями летописи о концентрации мерянского населения по берегам озера Клещино.

Конечно, неоправданно рассматривать Клещинский комплекс как сложившийся сразу: его развитие происходило на протяжении веков.

Ясно одно, что возникал древнерусский город Клещин на удобном месте, на стыке водных путей с Верхней Волги, из района Ростова Великого по Нерли Клязьминской во Владимиро-Суздальское ополье на месте центра мерянской округи. Еще со времен А. С. Уварова и А. А. Спицына идет дискуссия о том, кому принадлежал Клещин — местному финно-угорскому племени меря, как думал А. С. Уваров,[10] или славянам — по мнению А. А. Спицына.[11] Вопрос этот однозначно решить невозможно. Спор об этнической принадлежности Клещина вновь разгорелся в трудах современных исследователей. М. И. Смирнов и П. Н. Третьяков полагают, что это был центр славяно-русской колонизации края и что он возникает как таковой в IX в. с появлением здесь славянских дружинников.[12] Против этого категорически возражает Н. Н. Воронин, утверждая, что в IX в. на Александровой горе «лежал сравнительно большой мерянский поселок».[13]

Славяно-русское население проникает в Залесскую землю уже в IX столетии. Сюда по Мсте—Мологе—Волге хлынул поток переселенцев с Северо-Запада, из районов новгородских земель. Славяне попадали на озеро Клещино двумя путями: 1) из Ярославского Поволжья через озеро Неро и 2) прямо с Верхней Волги по Нерли Волжской. Оба эти пути как раз сходились в том месте, где находится мерянский поселок на Александровой горе, где и возникает, видимо, в конце IX в. древнерусский раннегородской центр, получивший в летописях название Клещин. В это время, т. е. в IX—XI вв., Клещин в самом деле становится опорным пунктом освоения славянами всего Залесского края, по крайней мере уже тогда район озера Клещино входит в зону славяно-русской колонизации.

Летописец сообщает, что князь Юрий перенес город от Клещина на новое место. Версия о том, что был перенесен город от озера, не выдерживает критики, так как Переяславль-Новый (Залесский) тоже стоит на берегу озера Клещино. Наиболее убедительной и подробной является версия Н. Н. Воронина, который полагает, что Клещин — это Александрова гора и от него переносился град (крепость) — городище, которое он считает Переяславлем-Старым, по отношению к которому и был назван Переяславль-Залесский «Новым».

В разных летописных редакциях единодушно говорится, что Переяславль-Залесский (Новый) был «град велик» по сравнению со старым или «больше старого». Несомненно, что сравниваются укрепления Переяславля-Залесского с оборонительными сооружениями на северо-восточном берегу озера (городище). По своей схеме они аналогичны и характерны для оборонительного зодчества Северо-Восточной Руси XII в. Однако новые во много раз превосходят по размерам старые. Если длина валов на городище равнялась примерно 500 м, то в Переяславле-Залесском они протянулись на расстояние в пять раз больше (2,5 км). Высота вала городища — от 3 до 8 м, а валы Переяславля-Залесского с рублеными стенами высотой до 10—16 м превосходят владимирские. Таким образом, в летописи определенно шла речь о переносе крепости, по каким-то причинам не устраивавшей княжескую администрацию, на новое место, а иными словами, о сооружении новой, более мощной земляной крепости взамен устаревшей, несмотря на то что возводилась она в трудных и сложных

условиях болотистой местности. Именно такую роль отводил Клещину Н. Н. Воронин, полагавший, что это был один из опорных пунктов системы городов-крепостей, охранявших важнейшие коммуникации края.

Объяснение факта переноса Клещина или создания Переяславля-Залесского (Нового), который зафиксирован летописью, следует искать в происшедших в это время социально-политических изменениях в Северо-Восточной Руси. Клещин возникает на основе симбиоза выходцев из северо-западных районов (прежде всего словен новгородских) и местных жителей — представителей одной из группировок финно-угорского племени меря. И те и другие компоненты хорошо прослеживаются в материалах погребений IX—начала XII в. Клещин из центра мерянской округи становится опорным пунктом продвижения славяно-русского населения в Залесскую землю. Таковым он остается до середины XII в. Переяславль-Залесский возникает на совсем другой основе: это прежде всего центр княжеской администрации, государственная крепость, раннефеодальный город; постепенно в нем сосредоточивается и церковная власть над округой.

После завершения строительства мощных укреплений Переяславля-Залесского жизнь в Клещине продолжалась. Но он уже превратился постепенно из былого центра — сначала мерянского, а затем древнерусского — в небольшой городок, который был, однако, упомянут в Списке городов русских.

На примере истории развития Клещинского комплекса можно воссоздать вертикальный семивековой срез, начиная с IX в. и до XIV—XV столетий. Клещин, Переяславль Старый — все это лишь предыстория Переяславля Нового (Залесского).

Во времена Александра Ярославича Клещин, как было показано выше, существовал. Несомненно, что княжич, а затем и князь, бывал здесь. Думается, что и предание, согласно которому на Ярилиной плеши был его загородный терем, вполне может отвечать реальности. Да и название Ярилиной плеши Александровой горой, видимо, не случайно. Здесь же находились небольшой монастырь, окруженный стенами с шестью башнями, который также назывался «Александров», и кладбище.

Однако ранние годы жизни князя были, конечно, тесно связаны собственно с городом Переяславлем-Залесским (Новым), который и стал колыбелью для княжича Александра Ярославича, в будущем Невского. Он родился и вырос уже в новом городе.

Красочно и любовно описал Переяславль-Залесский в своей замечательной книге «Календарь природы» талантливый писатель, неутомимый путешественник, великий знаток России Михаил Михайлович Пришвин: «Лучший вид на Плещеево озеро — с высоты Яриловой плеши Александровой горы, вблизи которой некогда стоял город Клещин. В то время и озеро называлось Клещино. Князь Юрий Долгорукий перенес Клещин в болото, в устье р. Трубежа, и этот город перенял славу у старого Клещина. Постройка города началась с церкви, которая до сих пор сохранилась и в истории искусства занимает почетное место как памятник XII в. С тех пор вокруг этого старого собора наросло столько церквей и монастырей, что с небольшими пе-

рерывами здесь можно, изучая памятники век за веком, представить себе почти всю русскую историю».

В Переяславле-Залесском нам известны культурные остатки XIII в. — времени Александра. Это керамика, поделки из кожи, бронзовые браслеты и пряжки, железные изделия — ключи, стрелы, ножи. Широко представлены такие атрибуты рыболовства, как глиняные грузила. Этот перечень дополняют глиняные и известняковые пряслица от вертикальных ткацких станков, стеклянные браслеты, железные подковки от сапог, украшения и многое другое.

В XIII в. город располагался в пределах укрепленной части, которая отсекалась от внешнего мира мощными валами и обводненными рвами, созданными в результате упорного труда большого числа простых тружеников. Это о них писал ярославский поэт Владимир Лебедев:

Суровые прадеды наши
Ту землю таскали в рогожах,
Чтоб град был валами украшен,
Чтоб стал он и крепче, и строже,
Чтоб грозные вражьи дружины
Об эти валы разбивались.
Века прошумели былинно,
Валы же навеки остались.

Двойные деревянные стены с двенадцатью башнями венчали валы. Согласно преданиям, в одной из башен был водяной тайник с колодцем за дубовыми воротами. Деревянные башни и стены Переяславля-Залесского от времени ветшали, сгорали во время пожаров. Такая судьба постигла их и в лихую годину татаро-монгольского нашествия. Однако люди их восстанавливали, и разобраны они были за ненадобностью лишь в 1759 г.

По проведенным подсчетам, для насыпки вала потребовалось 600 тыс. кубических метров грунта. Тысячи людей и сотни лошадей должны были длительное время неустанно трудиться, чтобы воздвигнуть такое грандиозное по тем временам сооружение. Деревянный «город» по гребню вала в Переяславле-Залесском был сооружен в 1195 г. по велению деда Александра Ярославича князя Всеволода.

Наивысшего своего расцвета Переяславль-Залесский достигнет в начале XIII в. перед самым татаро-монгольским нашествием, когда удельным князем здесь был Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского. Но пришло страшное время. Тогда Александр был уже взрослым человеком: ему было восемнадцать лет. Его родной Переяславль-Залесский не избежал тяжкой участи многих городов Руси: он был взят штурмом, сожжен и разграблен, а жители частью погибли в неравном бою, частью были уведены в рабство. Сам же Александр не был очевидцем и участником этой беды и позора: он в это время княжил в Новгороде.

Однако прошло время — и жизнь в Переяславле-Залесском возобновилась, вновь жемчужиной засверкал строгий и изящный Спасо-Преображенский белокаменный собор, по майоликовым плиткам пола которого не раз ступала нога князя Александра Ярославича. Здесь нашли свое последнее пристанище его сын Дмитрий Александрович и внук Иван Дмитриевич, последний удельный переяславский князь.

С этим собором связана одна из загадок древнерусской архитектуры, до сих пор не разгаданная. В стене собора со стороны крепостного

вала хорошо виден заложенный белым камнем проем двери, ведшей некогда на хоры. С каким же сооружением она связывала собор? Существуют три версии. Согласно первой, это был переход к колокольне; вторая допускает существование между валом и собором княжеского терема, который и был связан переходом с храмом; и, наконец, третья предполагает переход к боевой башне, стоявшей прямо на валу. Точного ответа на этот вопрос пока нет. Однако полагаем, что дальнейшие археологические раскопки позволят нам приблизиться к разгадке этой тайны. Как бы то ни было, данный переход существовал в то время, когда в Переяславле жил и княжил Александр Ярославич.

Все здесь — и собор, и терема вокруг него, и всход на вал, и соборная площадь — видели Александра Невского, он жил среди них.

Духовное воспитание юный Александр получил здесь — в Спасо-Преображенском соборе, который построил его прадед Юрий Долгорукий и «исполни» его «книгами и мощами святых дивно». Среди наставников Александра Ярославича — переяславцы: епископ Симон — видный деятель духовного просвещения и один из авторов Киево-Печерского Патерика; боярин Федор Данилович, учивший военному делу; Даниил Заточник — автор знаменитого «Моления», преподававший княжичу политические премудрости.

Александрова гора, Синий камень, Городище, величественные укрепления Переяславля-Залесского, белокаменный Спасо-Преображенский собор — все они являются безмолвными свидетелями героической истории наших предков и красноречиво рассказывают нам о тех далеких временах. Мы всегда должны помнить, что с ними связаны жизнь и борьба великого гражданина и воина Русской земли Александра Ярославича Невского.

---

[1] ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. С. 8.

[2] Там же. СПб., 1904. Т. 13. Первая пол. С. 241.

[3] Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. М., 1962. Т. 1. С. 15.

[4] ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 13.

[5] Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // ИЗ. 1952. № 40. С. 250; Воронин Н. Н. «Переяславль новый» // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 138.

[6] Извлечение из Верноподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1865. С. 29—46.

[7] Дубов И. В. Культовый «Синий камень из Клещина» // Язычество восточных славян. Л., 1990. С. 27—36.

[8] Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. Л., 1985. С. 16—17.

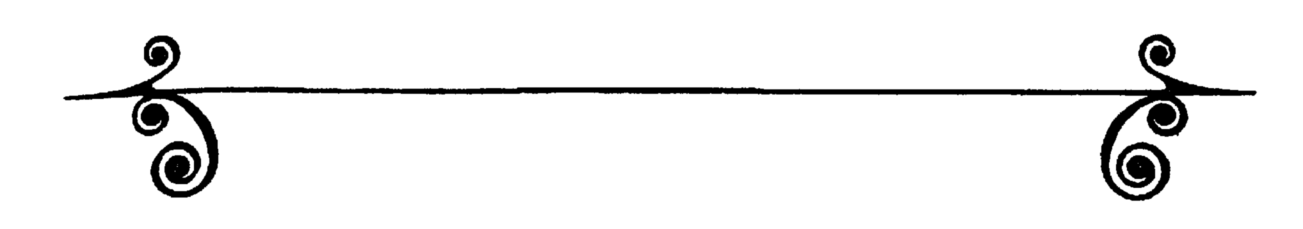
[9] Комаров К. И. Работы славянского отряда Верхневолжской экспедиции в Ярославской и Калининской областях // Археологические открытия. 1974 г. М., 1975. С. 63; Дубов И. В., Лапшин В. А. Открытие летописного Клещина // Археологические открытия. 1977 г. М., 1978. С. 61.

[10] Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда. М., 1869. Т. 1. С. 231.

[11] Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 165.

[12] Смирнов М. И. Залесский город Клещин // Доклады Переяславль-Залесского научно-просветительного общества. Переяславль-Залесский, 1919. Вып. 4. С. 5—6; Третьяков П. Н. Древнерусский город Клещин // Проблемы общественно-политической истории России и славянских земель. М., 1963. С. 49—53.

[13] Воронин Н. Н. «Переяславль новый». С. 140.

И. Я. Фроянов

О КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В НОВГОРОДЕ IX—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА

Княжеская власть у новгородских словен, как и у других восточнославянских племен, возникла из власти племенного вождя. И в этом нет ничего самобытного, характерного лишь для наших предков, ибо аналогичное явление прослеживается у разных народов. Известно, например, что у древних германцев племенной старейшина-вождь, военачальник, со временем превратился в короля.[1]

Однако в исторической литературе (дореволюционной и советской) неоднократно высказывалось мнение о чужеродности и вторичности княжеской власти в Новгороде, привнесенной якобы со стороны сперва варягами, а потом киевскими правителями. В современной историографии эту точку зрения особенно настойчиво проводит В. Л. Янин. «Вся история возникновения Новгородской республики, — пишет он, — представляется результатом длительного столкновения княжеской власти с боярством, а вечевые органы противостоят в этой борьбе органам княжеской администрации. Поскольку это так, то в самом их столкновении, завершившемся победой боярства, мы усматриваем торжество той традиции государственности, которая берет начало в древних органах эпохи разложения первобытнообщинного строя. К родо-племенной старейшине генетически восходят и вече, и посадник, и госпóда. В отличие от норманистских установок, возводящих установление правопорядка на Руси к призванию варяжской династии, мы видим в истории Новгорода победу традиционной, растущей из местных корней государственности над княжеской, ее большую жизнестойкость и обладание более сильными возможностями».[2] В. Л. Янин, следовательно, исключает новгородского князя из генетического ряда, восходящего к «родо-племенной старейшине». Такой подход противоречит не только данным этнографической науки, относящимся к проблеме формирования власти в древних обществах,[3] но и конкретным указаниям источников на наличие князей у ильменских словен. Повесть временных лет, например, рассказывая о «княжениях» у восточных славян, называет среди прочих и словен.[4] Показательны также сообщения арабских писателей о царе одной из трех групп русов, именуемой «ас-Славийа» и локализуемой исследователями в области ильменских словен.[5] На основании этих и других сообщений можно заключить о существовании княжеской власти в словенском обществе еще до появления в нем варягов.

Таким образом, княжеская власть в словенском союзе племен — исконный институт, уходящий своими корнями в первобытность. Словенский князь накануне прихода варягов олицетворял власть, гарантирующую целостность и благоденствие коллектива.[6] Он выступал в качестве племенного вождя, исполнявшего общеполезные функции. Варяги сыграли заметную роль в развитии княжеской власти у ильменских словен. Совершив «государственный переворот» посредством физического устранения местных правителей,[7] они ускорили рост публичной власти, поскольку в меньшей мере были связаны с местным обществом (а следовательно, и менее зависимы от него), чем туземные вожди.[8] Последующая практика управления Новгородом с помощью князей и посадников, присылаемых из Киева, содействовала тому же.

Надо сказать, что уход Олега из Новгорода в Киев заметно повлиял на судьбы княжеской власти в волховской столице. Вопреки господствующему мнению об объединении Новгорода с Киевом после того, как последний был занят Олегом, необходимо заявить, что в действительности ничего подобного не произошло. Новгород оставался самостоятельным. Сохранялось (во всяком случае до середины X в.) определенное равенство двух крупнейших политических центров восточнославянского мира.[9] Правда, Новгород оказался в невыгодном положении, лишившись собственного князя. Поэтому новгородцы упорно боролись за возвращение княжеской власти на волховские берега. Стремление иметь своего князя объясняется разными причинами политического и религиозного свойства. Наличие князя уравнивало Новгород с Киевом. Кроме того, на князе лежала обязанность исполнения некоторых жреческих функций, без чего нормальное отправление языческого культа становилось невозможным. Поэтому с точки зрения религиозной новгородцы нуждались в князе. И еще: на князя тогда смотрели как на существо высшего порядка, наделенное сверхъестественными способностями, присутствие которого благотворно отражалось на жизни людей. Не случайно С. М. Соловьев по поводу просьбы новгородцев дать им князя, обращенной к Святославу, замечал: «Мы знаем религиозное уважение, которое питали северные народы к князьям, как потомкам богов, одаренным вследствие того особенным счастьем на войне».[10] Сама же сцена встречи Святослава с новгородцами, изображенная летописцем, достаточно выразительна: «Придоша людье ноугородьстии, просяще князя собе: „А ще не поидете к нам, то налезем князя собе“. И рече к ним Святослав: „А бы пошел кто к вам“. И отпреся Ярополк и Олег... И реша ноугородьцы Святославу: „Въдай ны Володимера“. Он же рече им: „Вото вы есть“. И пояша ноугородьци Володимера к собе...».[11] Как видим, новгородцы хотят получить именно князя, а не просто посадника, каковым мог быть любой высокопоставленный в Киеве «княжой муж». Новгородцы хорошо понимали различие между княжением и посадничеством и не смешивали эти два института.[12] Опираясь на летописные сведения, можно говорить о том, что главный смысл борьбы Новгорода с Киевом в X в. заключался в восстановлении княжеского стола в волховской столице как средства приобретения независимости по отношению к киевским правителям.

К своей цели словене шли, преодолевая противоречивость жизненных ситуаций, вызываемых столкновением интересов киевской и новгородской общин. В Киеве смотрели на посылаемых в Новгород князей как на своих агентов, осуществляющих прокиевскую политику. В Новгороде же, наоборот, надеялись использовать их в качестве опоры в достижении политической свободы. Для этого надо было подчинить своей воле прибывающих к ним властителей, приучить их к местным традициям и порядкам, т. е. ослабить их связи с «матерью градов русских». И это новгородцам порою удавалось. Ярким примером тут может служить Ярослав, который ради Новгорода пошел на разрыв с родителем своим — великим князем Киевским Владимиром. Согласно Повести временных лет, Ярослав в 1014 г. прекратил выплату «урока» Киеву в сумме двух тысяч гривен, доставляемого ранее исправно новгородскими князьями и посадниками.[13] Ярослав, следовательно, отказался платить дань Киеву, о чем, кстати, свидетельствует НIЛ: «Ярославу же живущу в Новегороде и уроком дающю дань Кыеву 2000 гривен от года до года, а тысящу Новегороде гридем раздаваху; и тако даяху въси князи новгородстии, а Ярослав сего не даяше к Кыеву отцу своему».[14] Дань являлась основным признаком зависимости восточнославянских племен от Киева.[15] Поэтому прекращение ее уплаты означало прямое неповиновение киевским правителям. Отсюда понятно, почему поступок Ярослава вызвал негодование у Владимира, решившего выступить в поход против сына-изменника. И только смерть великого князя помешала его осуществлению. Однако угроза порабощения со стороны Киева сохранялась. Вот почему новгородцы активно помогали Ярославу в борьбе с преемником Владимира на киевском столе Святополком, стремившимся убрать с пути своих соперников, чтобы стать «единовластцем» на Руси. Последнее сулило новгородцам ужесточение зависимости от поднепровского властителя. И они, позабыв о распре с Ярославом, дружно поддержали его, собрав большую рать против Святополка. С их помощью Ярослав вокняжился в южной столице. Победитель щедро вознаградил помощников: «Нача вои свои делите, старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородцом по 10 гривен всем, и отпусти их всех домов...».[16] Какое-то время Новгород управлялся без князя. Правда, Ярослав нередко и подолгу бывал там. Поначалу он вообще более уверенно чувствовал себя в Новгороде, чем в Киеве, но постепенно князь врос в киевские дела, и приязнь к новгородцам в нем ослабла.

Итак, во второй половине X—начале XI в. Новгород не только возродил у себя «княжение», но и добился осязаемых результатов в превращении княжеской власти из наместнической, подчиненной Киеву, в свою собственную общинную власть, подотчетную местному вечу. Это был волнообразный процесс. Князь, прибывший в Новгород, стараниями новгородцев приобретал свойства местного правителя, стража и проводника новгородских интересов. Но по возвращении на княжеский стол в Киев они отходили у него на второй план или вовсе улетучивались. Новгородцам приходилось начинать работу снова. Именно такой ход вещей демонстрируют княжения в Новгороде Владимира и Ярослава. Сказывалась и монополия на княжескую власть,

установленная Рюриковичами. Завоевание Киевом соседних восточнославянских племен сопровождалось избиением или пленением туземных правителей и занятием их должностей представителями Рюрикова рода. Владимир Святославич подводит итоговую черту этой политике: «И посади Вышеслава в Новегороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове. Умершю же старейшему Вышеславу Новегороде, посадиша Ярослава Новегороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани».[17] В результате новгородцы вынуждены были брать князей только из Киева, что создавало серьезные трудности в перестройке княжеской власти в соответствии с их видами. Ситуация несколько изменилась к исходу XI в. Разросшийся род Рюриковичей стал менее консолидированным и более подверженным внутреннему соперничеству и «которам». Перед новгородцами открывалась возможность играть на княжеских междоусобицах, добиваясь своих целей.

Вырабатываются способы воздействия на князей в угодном для Новгорода смысле. Важнейшими из них были два: изгнание и «вскормление». Перспектива изгнания, несомненно, влияла на поведение правившего у новгородцев князя, направляя его деятельность в нужное для них русло. И если он не оправдывал надежд новгородского общества, ему указывали «путь чист». Такой участи подверглись Ростислав, Мстислав, Глеб и Давыд.[18]

«Вскормление» состояло в том, что новгородцы, взяв к себе по договоренности с великим князем какого-нибудь княжича-отрока, старались воспитать его таким образом, чтобы сделать из него правителя, властвующего в согласии с интересами местного общества. Поэтому «вскормление» надо рассматривать как средство превращения власти князя-наместника, внедренной извне, в княжескую власть новгородской общины. В качестве примера сошлемся на князя Мстислава. «Вскормленный» новгородцами, он княжил на новгородском столе в общей сложности почти 30 лет. Новгородцы дорожили им прежде всего потому, что «вскормили» его. По этой причине они отвергли в 1102 г. сына великого киевского князя Святополка, которому, несмотря на все старания, не удалось навязать новгородцам свою волю.[19]

Следующий момент в трансформации княжеской власти в Новгороде из силы внешней во внутренний политический институт связан с вечевым избранием князя и с заключением договора, «ряда», с избравшей его на княжение общиной. Первый такого рода случай зафиксирован летописью под 1125 г., когда «посадиша на столе Всеволода новгородци».[20] Заменив княжеское назначение избранием, новгородская община серьезно подорвала наместничьи функции князя. На аналогичный эффект было рассчитано взятое Всеволодом по требованию новгородцев обязательство княжить в городе до гроба. Однако он не только нарушил уговор, но и доставил Новгороду столько неприятностей, что был с великим бесчестьем изгнан. Произошло это в 1136 г. на фоне бурных вечевых сходов, в которых, помимо жителей Новгорода, принимали участие псковичи и ладожане. Изгнание Всеволода окончательно ликвидировало власть Киева над Новгородом, вызвав существенные изменения в отношениях князя с новгородцами. Перестав быть ставленником (наместником) киевских вла-

стителей, новгородский князь делается носителем местной власти, будучи зависим главным образом от веча. Отпадает необходимость «вскармливания» и пожизненного правления князей в Новгороде, что приводит к более частой их смене в Новгородской волости. Нельзя, разумеется, утверждать, что влияние Киева на замещение княжеской должности в волховской столице полностью прекратилось. Престиж его еще был высок. И новгородцы внимательно следили за переменами на киевском княжении, сообразуя с ними собственный выбор. Но это было воздействие, обусловленное в большей мере авторитетом, чем силой. Конечно, тут сказывались и политические соображения, связанные с межкняжеской борьбой, приобретавшей все более ожесточенный характер. И все же говорить о диктате, идущем из Киева, как это имело место раньше, не приходится.

Едва избавившись от господства киевских правителей, новгородцы вскоре почувствовали мощное давление ростово-суздальских князей, покушавшихся на их недавно завоеванную свободу. Особенно рьяно наступал на вольности новгородские Андрей Боголюбский. «Хочю искати Новагорода и добром и лихом, а хрест есте были целовали ко мне на том, яко имети мене князем собе, а мне вам хотети», — заявил однажды новгородцам Андрей.[21] Лично он не хотел княжить в Новгороде, а посылал туда своих ставленников, стараясь при этом посадить их не «на воле» горожан, а «на воле» самих новоиспеченных правителей. Новгородцы отчаянно сопротивлялись Боголюбскому, порой не без успеха. В 1169 г., например, они отразили огромную рать, направленную «самовластцем» Суздальской земли. Но выигрывая в военных битвах, Новгород пасовал перед экономической блокадой, к которой для достижения политических целей прибегали нередко ростово-суздальские князья. Новгородское княжение начало опять приобретать черты наместничества. Внезапная смерть Андрея, убитого заговорщиками, остановила этот процесс. Правда, отношения Новгорода с князем Всеволодом Большое Гнездо тоже складывались отнюдь не просто.[22] Но в конце концов Всеволод «вда им (новгородцам) волю всю и уставы старых князь».[23] Не следует, впрочем, преувеличивать значение этой акции, ибо решительный перелом во взаимоотношениях Новгорода с правителями Владимиро-Суздальской Руси произошел при сыновьях Всеволода Юрьевича.

Князь Всеволод, почуяв, вероятно, приближение своей кончины, стал «рядить» детей.[24] Старшему сыну Константину, сидевшему в Ростове, он готовил княжеский стол во Владимире, а в Ростов хотел послать второго сына, Юрия. Но Константин заупрямился, желая получить и Владимир и Ростов. Трижды Всеволод посылал за Константином, но тот не ехал к отцу во Владимир, а упрямо твердил: «Да ми даси и Володимерь к Ростову».[25] Потеряв терпение, «князь великий Всеволод созва всех бояр своих с городов и с волостей, и епископа Иоанна, и игумены, и попы, и купца, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по себе, и води всех ко кресту, и целоваша вси людии на Юрьи. Приказа же ему и братью свою. Констянтин же слышав то, и воздвиже брови собе со гневом на братью свою, паче же на Георгия, и на всех думцев, иже задумаша тако сотворити».[26]

Со смертью Всеволода, как и следовало ожидать, началась межкняжеская усобица, в которой новгородцы, возглавляемые знаменитым на всю Русь Мстиславом Мстиславичем, взяли сторону Константина. Они определились так, конечно же, не потому, что испытывали к старшему Всеволодовичу какую-то особую привязанность. Нанести удар по могуществу великого князя владимирского — вот в чем состоял их главный интерес. Достаточно сказать, что Юрий и Ярослав Всеволодовичи вынашивали опасный для Новгорода захватнический план, намереваясь «делити грады: великому князю Юрью Всеволодичю Володимерь и Ростов, а Новъгород князю Ярославу Всеволодичю, а Смоленск князю Святославу Всеволодичю, а с Киева возмем дань и князя в нем посадим из своих рук, а с Галичя тако же возмем дань».[27] Были написаны даже «деловые» грамоты. «Ты же грамоты взяша Смолняне по победе в станех Ярославлих и даша своим князем».[28] А победа была добыта в Липецкой битве 1216 г., в первую очередь ратным трудом новгородцев. Поэтому новгородский летописец, подводя итог успеху своих сограждан, с достаточным основанием говорил: «И посадиша новгородци Костянтина в Володимири на столе отни».[29] Константин сохранил за собою и Ростов.[30] В благодарность он «одари честью князи и новгородци бещисла».[31]

Липецкая битва является переломной вехой в отношениях Новгорода с великими князьями Владимиро-Суздальской земли, а следовательно, и в развитии княжеской власти в самой волховской столице. Более чем полувековой их натиск был остановлен. Новгородцы в длительной и упорной борьбе отстояли право «свободы в князьях», приобретенное ими еще в результате событий 1136 г., покончивших с длительным господством Киева над Новгородом. Княжеская власть органически вошла в систему местной государственности как один из институтов Новгородской республики, впрочем, ненадолго. Татаро-монгольское нашествие и установившееся иноземное иго создали условия, повлекшие за собой перерождение княжеской власти на Руси из общинной в монархическую, что привело, во-первых, к противостоянию князя традиционным республиканским учреждениям (прежде всего вечу) и к возвращению практики наместничества (на ином, конечно, уровне), олицетворяемого князем, — во-вторых. Внешним признаком происходивших перемен в существе княжеской власти стало появление письменно оформленных договоров новгородцев с князьями, где ограждались новгородские вечевые свободы. Не случайно составление договоров относится к середине XIII в., когда явственно обозначились новые тенденции отношений князя с городской общиной.[32] Эти перемены, как видим, лежат за гранью древнерусского периода отечественной истории и требуют специального исследования.

---

[1] Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С. 23—25.

[2] Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. Вып. 1. С. 88.

3 См.: История первобытного общества: Эпоха классообразования / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1968. С. 231—232; Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 77—113.

4 ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 13.

5 Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 412.

6 См.: Куббель Л. Е. Очерки... С. 94.

7 См.: Фроянов И. Я. 1) Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // ВИ. 1991. № 6. С. 11—13; 2) Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX—начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 100—105. Такой способ замещения должности правителя являлся весьма распространенным в древности. См.: Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 312—313, 329.

8 См.: Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 207.

9 Фроянов И. Я. Мятежный Новгород. С. 124—126.

10 Соловьев С. М. Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1846. С. 25.

11 ПВЛ. Ч. 1. С. 49—50.

12 Ср.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 47.

13 ПВЛ. Ч. 1. С. 88—89.

14 НПЛ. С. 168.

15 См.: Фроянов И. Я. Данники на Руси X—XII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. / Отв. ред. В. К. Яцунский. М., 1970.

16 НПЛ. С. 175.

17 ПВЛ. Ч. 1. С. 83.

18 См.: Фроянов И. Я. 1) Становление Новгородской республики и события 1136—1137 гг. // Вестник ЛГУ. 1986. Вып. 1. С. 10—11; 2) Фроянов И. Я. Мятежный Новгород. С. 170—171; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 159—160.

19 ПВЛ. Ч. 1. С. 182.

20 НПЛ. С. 21, 205.

21 ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. С. 509—510.

22 См.: Фроянов И. Я. 1) Об отношениях Новгорода с князем Всеволодом и народных волнениях 1209 г. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы истории города / Отв. ред. И. Я. Фроянов. Л., 1988; 2) Мятежный Новгород. С. 235—262.

23 НПЛ. С. 50, 248.

24 См.: Соловьев С. М. Сочинения. В 18-ти кн. М., 1988. Кн. 1. С. 585.

25 ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 63.

26 Там же. С. 63—64.

27 Там же. С. 73. См. также: ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. С. 190.

28 Там же. М., 1962. Т. 1. С. 496.

29 НПЛ. С. 56, 257.

30 ПСРЛ. Т. 10. С. 76.

31 НПЛ. С. 56, 257.

32 Первый договор Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем датируется 1268 г. (см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 147—149).

В. Ф. Андреев

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ КНЯЖЕСКИЙ ДОМЕН В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ XII—XV ВЕКОВ?

Среди проблем социально-экономической истории Новгородской республики особое место занимает вопрос о черных землях республики и о домене новгородских князей. Нельзя не согласиться с В. Л. Яниным, который пишет: «Вопрос о княжеских домениальных землях имеет принципиальное значение».[1] Действительно, факт наличия или отсутствия в Новгородской земле княжеского домена во многом влияет на понимание существа системы землевладения республиканского периода. В течение нескольких десятилетий со времени опубликования в 1929 г. статьи Б. Д. Грекова «Революция в Новгороде Великом в XII веке» исследователи едва ли не единодушно считали, что после знаменитого восстания 1136 г. князья навсегда лишились своих земельных владений в Новгородской земле, ставших собственностью республики.[2]

В. Л. Янин не только пересмотрел в своих исследованиях точку зрения Б. Д. Грекова о времени возникновения республиканских порядков, но и высказал мысль о существовании в XII—XV вв. домениальных владений новгородских князей. Эта мысль была поддержана Н. Л. Подвигиной, которая писала о существовании «княжеского домена в Новгороде на протяжении всего периода независимости».[3]

В. Л. Янин полагает, что «и до восстания 1136 года князь отнюдь не был полновластным распорядителем земельной собственности на территории Новгородского государства; он был хозяином своего домена и лишь адресатом дани с других территорий; и после восстания 1136 года отношения князя с Новгородской республикой не претерпели существенных изменений; лишь на каком-то более позднем этапе права князя были действительно ограничены, но эти ограничения коснулись лишь территории „Новгородских волостей"».[4]

Если Б. Д. Греков понимал известную статью новгородско-княжеских докончаний XIII—XV вв. о запрещении князьям и их людям владеть селами «по всей волости Новгородьской» как полную отмену княжеского землевладения по всей Новгородской земле, то В. Л. Янин считает, что запрет касался только «территории новгородских волостей, т. е. территорий, находившихся вне основного фонда земель Новгорода», в то время как на основной территории республики князья вполне могли владеть землями. Существование

княжеского землевладения на основной территории, по мнению В. Л. Янина, подтверждается статьей, имеющейся во всех новгородско-княжеских докончаниях: «а пожне, что твое и твоих мужь пошло, то твое и твоих мужь; а новгородьское Новугороду».[5]

В последнее время В. Л. Янин попытался реконструировать территорию княжеского домена. Согласно В. Л. Янину, первоначально в состав домена входили земли южной части Деревской пятины: волости Морева, Велиля, Стерж, Лопастицы, Буец, погосты Холмский, Молвотицкий и Жабенский, а также бывший «Терпужский» погост Ляховичи. Исследователь датирует возникновение княжеского домена временем около рубежа XI—XII вв., объясняя выбор его места в древности тем, что, во-первых, он занимал ключевые позиции на Селигерском («Русском») пути, во-вторых, домен находился на стыке Новгородской, Смоленской и Суздальской земель, следовательно, вотчинные права князя могли быть гарантированы смоленскими и суздальскими Мономаховичами.[6] Ко времени ликвидации республики в домене остались лишь Морева, Велиля и Холмский погост.

Первоначальный княжеский домен представлял собой «громадный компактный земельный массив», доходность которого в конце XV в. определяется более чем в 3500 обеж, из них ко времени падения республики во владении князей осталось не менее 1500 обеж.[7]

В первых публикациях о княжеском домене В. Л. Янин объяснял запрещение князьям владеть землями «в Новгородских волостях» тем, что эти волости, если нанести их на карту, занимали окраинную территорию, колонизированную Новгородом в XI—XIII вв., и новгородцам вряд ли бы удалось удержать их, если бы князья смогли внедриться в них как землевладельцы.[8]

Если согласиться с В. Л. Яниным, то трудно постигнуть логику новгородцев, поскольку без ответа остается вопрос, почему они категорически запрещали княжеское землевладение на Терском берегу Кольского полуострова (волость «Тре») или, например, в Югре или Перми, где, кстати сказать, никакого новгородского землевладения вовсе не было, — республика получала с этих волостей только дань, и в то же время сохранять княжеские земли на южной границе Новгородской земли, в непосредственной близости с землями московских князей второй половины XIV—XV вв., в то время когда те одновременно являлись новгородскими князьями и владетелями домена.

Рассмотрим подробнее аргументацию В. Л. Янина. О существовании княжеского домена, по его мнению, свидетельствуют княжеские грамоты XII в., по которым часть земель предполагаемого домена передается Юрьеву и Пантелеймонову монастырям.[9] Из пожалованных земель Буйцы и Ляховичи находились там же, где В. Л. Янин локализует другие княжеские земли, — на юге Деревской пятины. Одним из главных аргументов ученый считает перечисление княжеских доходов с ряда волостей Деревенской пятины в договорных грамотах Новгорода с литовским великим князем Казимиром, первая из которых справедливо датируется В. Л. Яниным временем около 1441 г., а вторая — 1470—1471 гг. По мнению В. Л. Янина, эти грамоты имеют «не рядовой, традиционный, а экстраординарный характер», поскольку «в рядовых докончаниях (т. е. в договорах Новгорода с мос-

ковскими и тверскими великими князьями. — *В. А.*) статус княжеских прав, опирающийся на „старину и пошлину", подробно не излагался; он был традиционно знаком обоим участникам докончаний», но «в тех случаях, когда в Новгороде возникали попытки разрыва с русской великокняжеской династией и переориентации на Литву, докончание требовало существенной конкретизации княжеских прав».[10]

В договорах Новгорода с Казимиром перечисляются владения, с которых великому литовскому князю полагаются черные куны и перевары, в их числе те, что включены В. Л. Яниным в состав реконструируемого им домена.

Что касается княжеских пожалований XII в. Юрьеву монастырю погоста Ляховичи и Буйцы, то совершенно справедливым представляется мнение А. Л. Шапиро, который усмотрел принципиальную разницу между этими двумя пожалованиями. А. Л. Шапиро, в отличие от предшественников, показал, что передача Буйцов Юрьеву монастырю Мстиславом Владимировичем и Всеволодом Мстиславичем не есть земельное пожалование, а передача даней и судебных пошлин, получаемых князьями с Буйцов [11] (они, согласно грамоте, передаются «съ данию, и съ вирами, и съ продажами»).[12]

В отличие от Буйцов Ляховичи, будучи небольшим княжеским владением, передаются «съ землею, и съ людьми, и съ коньми, и лесъ, и борти, и ловища на Ловати».

В. Л. Янин не видит разницы между существом того и другого пожалования. Между тем в новгородских грамотах всегда точно фиксируется объем владельческих прав (например, в грамотах XII в. Варлаама Хутынского и Антония Римлянина), и если в грамоте говорится о дани и судебных пошлинах, то именно они и передаются Юрьеву монастырю, а не земля Буйцов, которая, скорее всего, князю не принадлежала. В. Л. Янин справедливо указал на ошибку А. Л. Шапиро в локализации Ляховичей. По мнению В. Л. Янина, волость Ляховичи находилась на Ловати и в конце XV в. ее доходность была 176 обеж. Надо полагать, что в первой половине XII в. погост Ляховичи по доходности был существенно меньше.

Относительно Буйцов В. Л. Янин не обратил серьезного внимания на отмеченное А. Л. Шапиро и Т. И. Осьминским обстоятельство, что Буйцы не стали вполне владельческой волостью Юрьева монастыря и в конце XV в., хотя налицо процесс превращения их в феодальную собственность монастыря. Повинности, получаемые монастырем с Буйцов, небольшие и идут «с куниц»; как и с других бывших черных волостей Новгорода, с Буйцов собираются черные куны в пользу великих литовских князей,[13] в отличие от обояренных земель, которые черные куны не платили.

По мнению В. Л. Янина, новгородско-литовские договоры 1441 и 1470—1471 гг. показывают, что великим московским князьям вплоть до падения республики принадлежали домениальные земли на юге Деревской пятины, а в периоды конфликтов с Москвой новгородцы передавали эти земли литовским великим князьям.

В. Л. Янин явно переоценивает «экстраординарность» упомянутых договоров. Таковым можно признать только договор 1470—

1471 гг. Он означал разрыв с Москвой и передачу прав московского великого князя как новгородского князя Казимиру, что, собственно, и вызвало знаменитый поход Ивана III на Новгород в 1471 г. Анализ договора показывает, что он сильно отличается от договора 1441 г., совпадая с ним только в той части, где говорится о сборе черных кун с территорий юга Деревской пятины. Именно эта часть, которую рассмотрел В. Л. Янин, представляется мне не «экстраординарной», а вполне традиционной. Дело в том, что В. Л. Янин не обратил должного внимания на существование договора Новгорода с великим литовским князем Свидригайлом, заключенного 25 января 1431 г.[14] Текст договора, дошедший до нас с утратами, вполне поддается реконструкции, которая проведена Л. В. Черепниным [15] и демонстрирует полную идентичность с текстом договора 1441 г., за исключением, разумеется, имен лиц, участвовавших в его заключении. Сопоставление текстов договоров 1431 и 1441 гг. ясно говорит о традиции заключения договоров с великими литовскими князьями, которым «по старине» принадлежало право сбора податей с ряда новгородских приграничных волостей, среди них тех, что В. Л. Янин относит к «княжескому домену». Новгородско-княжеские договоры носили всегда личный характер и заключались не вообще с великим князем, а всегда с конкретным носителем великокняжеского титула. В случае смерти или свержения князя обязательно заключался новый договор с его преемником. Кроме того, договоры заключались после окончания «розмирья» с тем или иным князем. Что касается договора с литовским великим князем 1431 г., то он был заключен в условиях нормальных мирных отношений с Москвой и никакой экстраординарности в нем нет. Осенью 1430 г. умер великий князь Витовт, его преемником стал князь Свидригайло, и новгородцы, отправив к нему послов, заключили очередной «мир» уже 25 января 1431 г. По традиции литовский князь «целовал крест» Новгороду, точно так же, как после окончательного утверждения на престоле следующего великого князя Сигизмунда (Жидимонта) в 1436 г. в Литву было отправлено новгородское посольство, и великий князь «человаше крест к новгородцем к послом и взяша мир» [16] (текст договора не сохранился). Нет сомнения, что текст договора 1436 г. был идентичен текстам 1431 и 1441 гг. Трудно с полной уверенностью определить время возникновения традиции заключения договоров новгородцев с великими литовскими князьями. Несомненно, что в XIV в. она существовала. Так, с предшественником Свидригайло Витовтом договор был заключен непосредственно по его утверждении на престоле в 1393 г. В летописи сказано: «Седе на княженьи в Литве князь Витовт Кестутьевич и новгородцы взяша с ним мир по старине».[17] Текст этого договора, как и других аналогичных документов XIV в., не сохранился, но можно уверенно предположить его идентичность договорам 1431 и 1441 гг. Формула, содержащаяся в летописном рассказе («по старине»), ясно указывает на традиционность договорных отношений великих литовских князей с Новгородом. По-видимому, традиция восходит к договору 1326 г.[18]

Таким образом, черные куны с южных волостей Деревской пятины традиционно шли литовским князьям. Относительно статуса этих

новгородских территорий можно полностью согласиться с мнением А. Л. Шапиро и Т. И. Осьминского, которые определяют эти земли как черные земли Новгородской республики.[19] В пользу такого определения говорят следующие приведенные А. Л. Шапиро и Т. И. Осьминским факты: отсутствие в писцовых книгах указаний на домосковских владельцев Холмского погоста, Велили и Моревы; древнее реликтовое деление на десятки и станы; незначительность, по сравнению с обояренными землями, крестьянских платежей (они были меньше обычных раз в пять). Основная часть черных кун с этих земель шла в Новгород. Так, с Моревы литовскому князю причиталось 40 куниц, 1 рубль петровщины и «полрубля в осенине», в то время как в писцовой книге говорится, что с Моревы шло 16 $^1/_2$ рублей «черны куны».[20]

Возражая против определения ряда южных территорий Деревской пятины в качестве черных земель Новгорода, В. Л. Янин приводит ряд соображений. Во-первых, по его мнению, содержащиеся в разводной грамоте 1483 г. упоминания о волостях («великого князя Березовская волость», «великого князя Стержьская волость Аркажа монастыря», «великого князя Велилская волость», «великого князя Лопастицкая волость Аркажа монастыря») свидетельствуют, что Березовец и Велила относились к великокняжескому домену в Новгородской республике.[21] На мой взгляд, в цитированном документе нет сведений о принадлежности великому князю каких-либо земель в республиканский период. Ясно лишь, что уже после первых конфискаций перечисленные волости принадлежали великому князю.

Во-вторых, деление на десятки, по утверждению В. Л. Янина, является частью «децимарной административной системы», которая «составляла инструмент княжеского управления»; «Мореве, Велиле и Холмскому погосту — и только им во всей Новгородской земле — присуща особая административно-фискальная система децимарного деления».[22] Прежде всего, вовсе не только указанные три волости имели деление на десятки. Такое же деление имела огромная волость Удомля в Бежецкой пятине, включавшая в себя два рядка и 540 деревень с 1460 дворами (не считая церковных), в которых числилось 1910 крестьян, с доходностью в 1664 обжи.[23]

Удомля принадлежала владыке, однако не в качестве дворцовой, а в качестве «кормленской»,[24] т. е. перед нами черная новгородская волость, переданная в кормление архиепископу. Весьма существенным представляется наблюдение Г. В. Абрамовича, который обратил внимание на то, что земли Удомли после конфискации у владыки назывались «волостными» и «черными», в то время как находившаяся рядом владычная дворцовая волость Белая в полном соответствии со своим прежним статусом стала дворцовой волостью, но уже великого князя.[25]

Что же касается децимарной системы как атрибута княжеского управления, то вопрос этот является спорным. Одни исследователи считали ее по происхождению земской, другие — княжеской. Никаких бесспорных доказательств княжеского происхождения десятков и сотен В. Л. Янин не привел. Мне, например, представляется, что правы те, кто считал децимарную систему земской. Поэтому приво-

дить в качестве доказательства принадлежности князю той или иной волости ее деление на десятки некорректно, особенно если иметь в виду упоминавшуюся волость Удомля.

В-третьих, В. Л. Янин возражает Т. И. Осьминскому и А. Л. Шапиро в том, что крестьянские платежи с тех земель, которые они называют черными, а он — домениальными, были значительно меньше тех, что платили крестьяне на обояренных землях. По подсчетам Т. И. Осьминского, в волости Смерда платежи были меньше примерно в пять раз. Результат расчетов Т. И. Осьминского «вызывает недоумение» у В. Л. Янина, который приводит собственный вариант. В качестве исходной точки вычислений В. Л. Янин берет доходность обжи, которая, по его мнению, «в конце XV века тяготела к новгородской гривне, то есть к 14 деньгам». В таком случае, по расчетам В. Л. Янина, с 391 обжи в волости Смерда крестьяне должны были бы платить около 25 $^1/_2$ рублей новгородскими деньгами, но, согласно сведениям писцовой книги, они платят 18 рублей 3 гривны 4 $^1/_2$ денги. Переводя эти деньги старого письма в деньги нового при помощи коэффициента 10 :7, В. Л. Янин получает 18 рублей.[26] Здесь, по-видимому, вкралась досадная опечатка, должно получиться не 18, а около 25 рублей и 4 гривен, т. е. то, что и хотел доказать В. Л. Янин: платежи крестьян волости Смерда не отличались от обычных.

Вычисленния В. Л. Янина представляются ошибочными. Непонятно, как автор получил исходную цифру 14 гривен. Поскольку установление средней величины крестьянских платежей есть показатель степени эксплуатации крестьянства, а следовательно, имеет огромное значение для социально-экономической истории, В. Л. Янину следовало бы поделиться с другими исследователями своей методикой определения средних величин повинностей, чтобы полученную им цифру можно было проверить. Он этого не сделал. Поэтому ничего другого не остается, как обратиться к вычислениям крестьянских платежей, произведенным авторами «Аграрной истории Северо-Запада России второй половины XV—начала XVI веков». Сплошная обработка всех сохранившихся новгородских писцовых книг конца XV—начала XVI в. позволила им установить, что платежи крестьян светским землевладельцам в среднем по Новгородской земле составляли 52,2 денги новгородских с обжи. По трем пятинам, писцовые книги которых лучше всего сохранились, эти платежи выглядят следующим образом:

Водская пятина — 68,0 денги с обжи;
Шелонская пятина — 64,7 денги с обжи;
Деревская пятина — 37,5 денги с обжи.[27]

Таким образом, платежи с волости Смерда, которые, по расчетам Т. И. Осьминского, составляли около 7 денег с обжи, действительно примерно в пять раз меньше, чем на обояренных землях. Несколько бо́льшими были (7—8 денег с двора) платежи крестьян в Лопастицах,[28] во владычной волости Удомля,[29] в некоторых других «кормленских» волостях. В размерах платежей видна большая древность существования черных волостей Новгородской земли.

Вообще если встать на позицию В. Л. Янина и признать Холмский погост, Велиль и Мореву княжеским доменом, в результате конфликтов с Москвой по договорам 1441 и 1470—1471 гг. передаваемым литовским князьям, то возникает неразрешимое противоречие, не замеченное исследователем, а именно: в договорах перечисляются не только Велиль и Морева, но 11 волостей, и все они обязаны Казимиру черными кунами. Тогда, наверное, логично было бы все указанные в договорах волости зачислить в состав княжеского домена. Но это невозможно. Хорошо известно, что Буйцы еще в XII в. были пожалованы Юрьеву монастырю «с вирами, данями и продажами», Лопастицы и Стерж значатся волостями Аркажского монастыря, Молвотицы, Жабна — владычными и т. д.

Таким образом, думается, В. Л. Янину не удалось поколебать высказанную А. Л. Шапиро и Т. И. Осьминским точку зрения на статус ряда волостей юга Деревской пятины как черных земель Новгорода. Никаких следов существования «княжеского домена» в XIV—XV вв. мы не обнаружили. Видимо, в XIV—XV вв. существовал некогда обширный, но постоянно уменьшавшийся из-за пожалований боярам, владыке, монастырям, церквам фонд черных земель Новгорода. Представляется несомненной правота Б. Д. Грекова и других исследователей, отмечавших запрет князьям, согласно договорам с Новгородом XIII—XV вв., владеть селами в пределах Новгородской земли. Этот запрет, если следовать буквальному смыслу статьи, касался именно «всеи волости Новугородской», т. е. всей территории Новгородской земли, а не только окраинных «волостей новгородских», как считает В. Л. Янин. Убедительное подтверждение такому пониманию дает новгородский противень последнего договора Новгорода с московским великим князем от 11 августа 1471 г. В нем, помимо традиционной статьи: «А в Бежичах вам, великим князем, ни вашим княгиням, ни вашим бояром, ни вашим слугам сел не держати, ни купити, ни даром не примати, по всей волости Новгородской», есть еще и дополнительная, гласящая: «на Новгородской земле сел не ставити». Совершенно очевидно, что в обоих случаях речь идет об одной и той же территории, слова «по всеи волости Новгородской» равнозначны словам «на Новгородской земле».

Княжеские земельные владения (по всей видимости, небольшие, принадлежавшие лично князьям и обрабатывавшиеся рабами) уже в XII в. стали собственностью республики в лице веча, поскольку основные условия новгородско-княжеских договоров, в том числе и запрещение владеть селами, содержались, надо полагать, и в недошедших до нас договорах с князьями первой половины XIII в., а возможно, второй половины XII в., ведь традиция заключения таких договоров восходит ко временам «отцов и дедов» великого князя Ярослава Ярославича, о чем недвусмысленно сказано, например, в договоре Новгорода с этим князем 1266 г.: «На семь, княже, целуи хрест къ всему Новугороду, на цемь то целовали деди, и отци, и отець твои Ярослав».

Представляется неверным употребление по отношению к новгородским владениям князей или архиепископов самого термина «домен», поскольку ни те ни другие не имели, в отличие от западноев-

ропейских королей, прав верховной собственности на землю. Такие права принадлежали вечу.

---

1 Янин В. Л. Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России. М., 1987. С. 120.

2 Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII веке // Ученые записки Института истории РАНИОН. М., 1929. Т. 4. С. 13—21.

3 Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976. С. 39.

4 Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. М., 1970. № 1. С. 46.

5 Янин В. Л. 1) Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Культура древней Руси. М., 1966. С. 322; 2) Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 78—79.

6 Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 244—245.

7 Янин В. Л. Княжеский домен ... С. 124—128.

8 Янин В. Л. Проблемы социальной организации... С. 45.

9 ГВНП. № 79—82.

10 Янин В. Л. Княжеский домен... С. 126.

11 АИСЗР. Т. 1. С. 68.

12 ГВНП. № 81. Все исследователи указывают, что с Буйцов идет и «осенние полюдие даровьное», упоминаемое в грамоте. Полагаю, что полюдье, указанное в грамоте, не обязательно собиралось с Буйцов, его сумма весьма значительна (25 гривен) и может пониматься как часть доходов князя, из его казны выдаваемая ежегодно монастырю. По тексту грамоты полюдье, так же как и пожалование серебряного блюда, прямо не связано с Буйцами.

13 Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). Л., 1987. С. 42.

14 ГВНП. № 70.

15 Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1948. Ч. 1. С. 331—332.

16 НПЛ. С. 419.

17 Там же. С. 386.

18 Подробнее об этом см.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... Ч. 1. Гл. III.

19 АИСЗР. Т. 1. С. 55—57, 84—85.

20 Там же. С. 57.

21 Янин В. Л. Княжеский домен... С. 128.

22 Там же. С. 124.

23 АИСЗР. Т. 1. С. 230.

24 НПК. Т. 6. Стб. 643.

25 АИСЗР. Т. 1. С. 230.

26 Янин В. Л. Княжеский домен... С. 123.

27 АИСЗР. Т. 1. С. 331. Табл. 181.

28 Там же. С. 85.

29 Там же. С. 231.

Г. С. Лебедев

СЕВЕРО-ЗАПАД НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ: ЭТАПЫ И ИТОГИ РАЗВИТИЯ К СЕРЕДИНЕ XIII ВЕКА

(По археологическим данным)

Год 1240 — срединная точка временнóго интервала XII—XIV вв., драматичного и длительного «переходного периода» в истории народов Северной и Северо-Восточной Европы. Крестовые походы шведских, датских, немецких рыцарей в земли славянских, летто-литовских, прибалтийско-финских народов, где Новгородская Русь стала крайней северо-восточной ареной военного противостояния, были следствием стабилизации этнополитических образований, завершивших становление феодально-христианской Европы и одновременно положивших конец предшествующей интеграции языческой или полуязыческой «балтийской цивилизации раннего Средневековья».[1]

Критической точкой этот год был и в рамках периода своего рода «трансмутации» древнерусской этнической общности. Не вдаваясь в дискуссию Л. Н. Гумилева и его оппонентов относительно того, следует ли именно двухвековой отрезок XIII—XIV вв. считать началом этногенеза собственно русских,[2] нельзя не констатировать качественного значения потрясений XIII в.: будь то удары с Востока, перенесенные крайне тяжело, будь то удары с Запада, отраженные князем Александром Ярославичем. — Так или иначе то был конец конфедерации, в свою очередь, федеративных образований XII—первой половины XIII в. древнерусских княжеств, сменивших Киевскую Русь, хотя и сохранивших сознание государственно-конфессионального единства.[3] Воплощением этого сознания стал в русской культуре образ святого и благоверного великого князя Александра Невского.

Северо-Запад Новгородской земли — место воинских деяний князя — с середины XIII в., с деятельностью потомков Александра и его преемников, и главным образом военно-территориальной администрации «боярской республики» Господина Великого Новгорода XIV—XV вв., приобретает черты внешне очерченного (прежде всего, уникальной среди русских древностей системой каменных порубежных крепостей) [4] и внутренне структурированного единства, в последующие столетия «Московского периода» определяемого как «Вотская пятина Великого Новгорода».[5] Сто лет спустя после Невской битвы, с 1330-х годов, наместник Новгорода служилый князь турово-пинский, сын великого князя литовского Наримонт, в православии Глеб Гедиминович, и его преемники-родичи возглавляют, в качестве нов-

городских администраторов, размещенных в древнейшей из крепостей региона Ладоге, «малую федерацию» славянских и финских земель Великого Новгорода, закрепленную системой каменных новгородских крепостей XIII—XIV вв.: Корела — в земле корелы, Орешек — в земле ижоры, Копорье — в земле води. Эта федерация впервые выступает по существу еще при жизни князя Александра Невского, во всяком случае фиксируется в пределах десятилетия со дня его смерти, когда под 1270 г. появляется летописная формула: «совокупися в Новъгород вся волость новгородьская: Пльсковичи, Ладожане, Корела, Ижера, Вожане».[6] Северо-Запад развивает этот федеративный потенциал в течение нескольких столетий, до роковых столкновений с Москвой и, как следствие этого, следующего кризиса конца XVI—XVII в. Но в свою очередь этому этапу этноисторической эволюции предшествовал и открывал его аналогичный структурный кризис, обособивший и разнонаправивший исторические судьбы сложившихся в IX—XIII вв. крупных регионов Древней Руси.

Монголо-татарское нашествие 1237—1241 гг. не просто разрушило неустойчивую, но реальную «конфедерацию» древнерусских княжеств; был дан решающий толчок для дальнейшего, самостоятельного и различного по направленности развития, завершившегося в итоге кристаллизацией современных восточнославянских народов (русских, белорусов, украинцев). Безусловно, этнический процесс разворачивался под действием ряда других, глубинных и объективных факторов. Однако удар Батыевой Орды стал важнейшим, критическим событием, определившим и завершившим проходивший в условиях «феодальной раздробленности» этнополитический распад Древней Руси.

Александр Ярославич в свои 18 лет стал свидетелем этого распада и наследовал от отца и дяди не только новгородский, киевский, владимирский «княжеский стол», но и трагически рухнувшую под мощным ордынским ударом систему отношений, ранее выражавшуюся сохранившим и на дальнейшие века смысл конфессионально-политического идеала летописным понятием «Русская земля». Реальная Русь середины XIII в. — динамическое, внутренне противоречивое состояние.

Русь Владимиро-Суздальская, ядро складывающегося русского народа, разгромлена и подчинилась Орде. Города ее опустошены и сожжены, князья либо сложили головы на бранном поле, либо склонили их перед ордынскою силою.

Русь Киевская, южная, опустошена до полного обезлюдения; остатки населения хлынули на север, под защиту владимирских князей и гнет татарских баскаков.

Русь Галицкая, прикарпатская, однако, еще жива. Каменные ее города полны сильного боярства и воинства, князь соперничает с Литвой и Венгрией, титулуется королем и вынашивает замыслы не только сопротивления, но и противостояния Орде (несбывшаяся «реконкиста» князей Даниила Романовича и Андрея Ярославича, брата-соперника Александра Невского).

Русь Северная, Новгородская, — в неустойчивом равновесии сил. Весь XIII и XIV вв. недосягаемая для батыевых войск, она постоянно

колеблется под воздействием внутренних и внешних факторов. Созревает противостояние Пскова Новгороду, и военные столкновения с Орденом чередуются с союзными акциями (как и столкновения с прибалтийскими племенами). Новгородцы — во внутренних распрях, то изгоняют, то вновь призывают владимиро-суздальских князей начиная с Александра и его сыновей, не желая при этом подчиняться ни давлению шведов и немцев с запада, ни татар и подчиненной им великокняжеской власти с востока. Судьба Низовских земель Руси неравнозначна судьбам Новгорода. Именно в эти десятилетия по существу кристаллизуется то самосознание, которое в трудах В. Т. Пашуто в свое время было выражено основанным на летописных данных термином «Верхняя Русь».[7]

Верхняя Русь при этом — следствие многовекового процесса этнической дифференциации, интеграции, взаимодействия всех основных компонентов населения Северной Европы — северных индоевропейцев и финно-угров (балтов и финнов, скандинавов и славян). Уникальность региона в европейской истории, значение протекавших здесь процессов определяется именно этим тысячелетним взаимодействием.[8]

Формирование стабильного взаимодействия всех составляющих этнических компонентов Верхней Руси (регион, приблизительно соответствующий современным Ленинградской, Новгородской и Псковской областям РСФСР) начинается не позднее рубежа VII—VIII вв. и завершается к XII в. Славяне здесь ассимилировали прибалтийско-финский субстрат (в отличие от волжско-финского — во владимирской, или балтского — в смоленско-полоцкой землях Древней Руси) и растворили в своем составе варягов, скандинавских выходцев (сохраняя память об этом в летописных и устных текстах). Весьма вероятно, что на северо-восточной окраине региона, в Приладожье, до XIII в. сохраняется смешанное скандо-финское население, по атрибуции Д. А. Мачинского — «колбяги» письменных источников.[9] Еще более определенно прослеживается консолидация других периферийных этнополитических образований финского населения, племенных объединений — конфедератов Новгорода: корелы, ижоры, води. Стабильные соседские отношения связывают Верхнюю Русь с племенами и землями Прибалтики и Финляндии (см. картосхему).

Устойчивость позиции, своеобразие и стабильность структурных связей Верхней Руси как особого региона Северной Европы сочетаются с ее глубокой и устойчивой внутренней структурированностью, отразившей хронологическую глубину и различные этапы формирования этого региона. Лингвоархеологические исследования последних лет, проведенные нами совместно с профессором А. С. Гердом на базе Межфакультетского Проблемного семинара Университета,[10] позволяют выделить в пределах Верхней Руси весьма устойчивые «внутренние границы», с одной стороны, обособившие территориальные подразделения, соответствующие диалектному членению славянского населения Новгородской земли (не говоря о неславянских районах, столь же четко обособленных). С другой стороны, — если привлечь археологические данные — эти границы фиксируются в различных временных диапазонах, что позволяет выделить основные

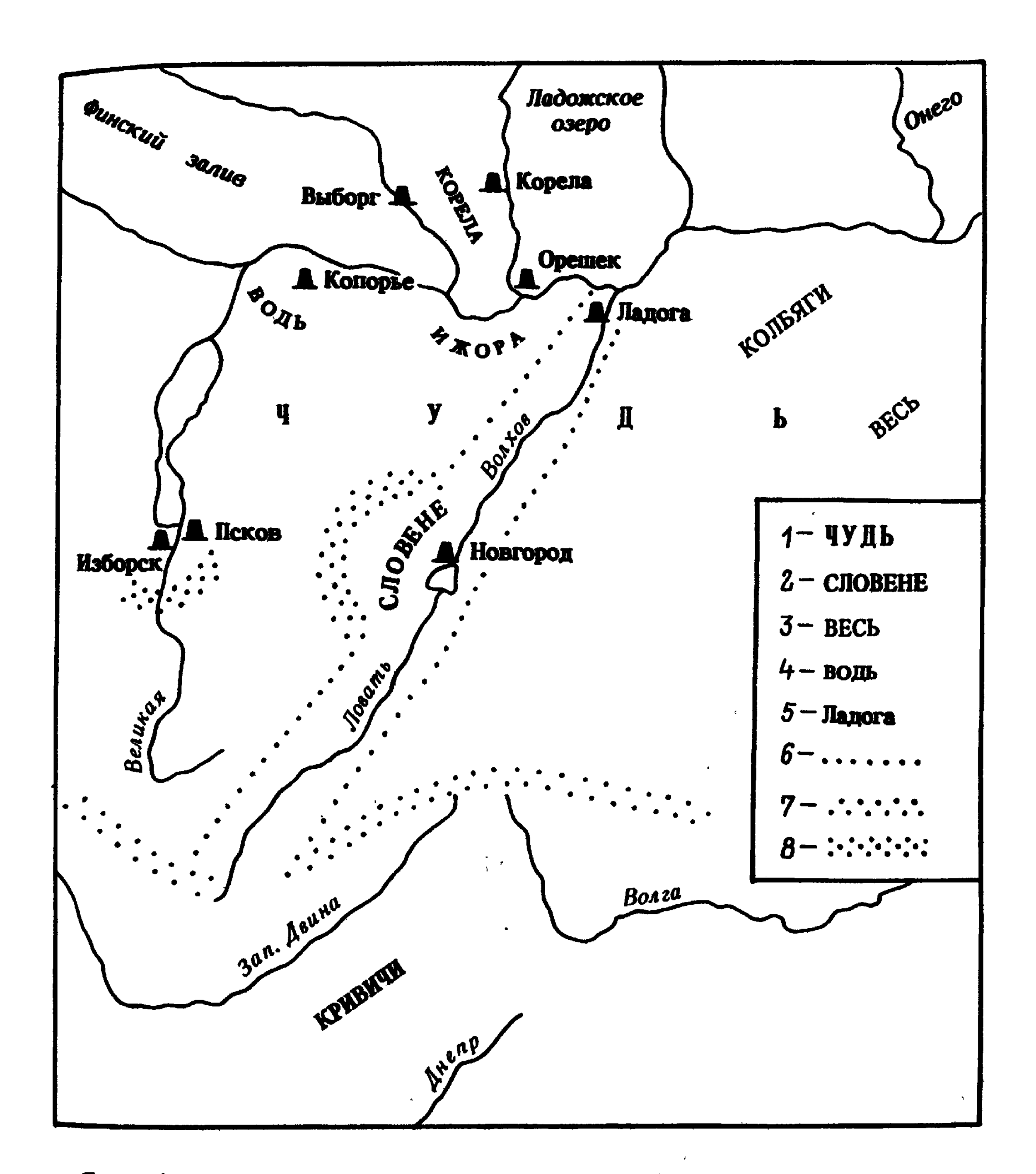

Схема формирования этно-политической структуры Северо-Запада Новгородской земли.

1 — этнонимы этнических массивов, исчезнувших к концу I тысячелетия н. э.; *2* — этнонимы массивов, появившихся в I тысячелетии н. э.; *3* — этнонимы массивов, исчезнувших в XI–XII вв.; *4* — этнонимы массивов, сформировавшихся в XI–XIV вв.; *5* — крепости XII–XIV вв.; *6–8* — архаические этнокультурные границы (по археолингвистическим данным).

этапы сложения населения, по терминологии А. С. Герда, — «демогенезиса» Верхней Руси.

Важнейшая из этих границ — по Волхову—Ильменю—Ловати, с севера на юг от Ладожского озера, делит территорию на две части («восточноновгородская» и «западноновгородская» культурные области по лингвистическим определениям); на древнейших этапах заселения территории, в эпоху мезолита — неолита (до VI тысячелетия до н. э.), эта граница оказывается в составе более широкой «ничейной полосы» с отсутствием населения (что, возможно, вызвано гидрографическими условиями послеледниковой эпохи), разграничивающей древние этнокультурные массивы, один из которых тяготеет к юго-западной Балтике, другой — к Волго-Окскому междуречью; осторожная ретроспектива позволяет в этих массивах усматривать подоснову по крайней мере прибалтийско-финского и волжско-финского населения, и, таким образом, линия Волхов—Ловать выступает прежде всего как важнейшая из внутренних границ финно-угорского языкового массива, своего рода «тектонический разлом» субстратной подосновы демографической конструкции Верхней Руси (картосхема, *6*).

Широтная граница, по линии Западная Двина—верховья Великой—верховья Ловати, также проступающая по комплексу лингвоархеологических данных, обособляет регион с юга. Стабилизацию ее можно отнести к III тысячелетию до н. э., и, несмотря на последующую «сдвижку», связанную с расселением «культур боевых топоров» позднего неолита бронзового века (в языковом отношении атрибутируемых как «северные индоевропейцы», если не входить в дискуссию о более углубленном этноопределении), с I тысячелетия до н. э. в течение всего железного века и до древнерусского времени включительно она выступает как стабильный рубеж. В языковом отношении граница — между финно-угорским (на севере) и индоевропейским языковым массивом, причем последний представлен, естественно, прежде всего балто-славянской ветвью индоевропейской языковой семьи [11] (картосхема, *7*).

Граница, выделяющаяся независимо по лингвистическим и археологическим данным, обособляет микрорегион Западного Приильменья—верхней Луги, равно как область в нижнем и среднем течении реки Великой—Псковского озера. Оба ареала длительное время выступают то как «пограничье» соседствующих взаимоналагающихся культурных групп, то нередко как пустующая «ничейная земля». Освоение ее с «эпохи длинных курганов и сопок» VII—VIII вв. — не стремясь к однозначно жесткой этнической атрибуции той и другой группы памятников — нельзя не связать со славянским расселением в регионе (картосхема, *8*).

Показательно в таком случае, что и наивысшая концентрация славянского этноса, и его распределение по базовым коммуникационным трассам и ключевым точкам Верхней Руси от Новгорода к Ладоге связаны с освоением «ничейных» областей и территорий; в первую очередь это следует объяснить своеобразием и эффективностью ландшафтно-хозяйственного стереотипа, генетически связанного со среднеевропейскими условиями и впервые распространенного в реги-

оне именно славянским населением.[12] Трасса Ловать—Волхов, освоенная этим земледельческим населением, в VIII—XI вв. из пограничной зоны становится фактором этнокультурной интеграции и притом — важнейшей составляющей общеевропейской континентальной магистрали, летописного Пути из Варяг в Греки. Именно процессы, развивающиеся на этом пути и базирующейся на нем непрерывно развертывающейся системе коммуникаций, в IX—XIII вв. определили дальнейший ход русской истории, а следовательно, место и значение Северо-Запада Новгородской земли.

Однако структурная определенность и своеобразие региона, проступающие в XIII—XIV вв., явились следствием одной из фаз процесса «демогенезиса», единого и непрерывного со времени окончания ледникового периода. Ритм его, объединяющий Верхнюю Русь с Северной Европой, в то же время во многом обособляет регион от соседних и родственных в этноязыковом отношении восточнославянских областей Восточноевропейской равнины, чем во многом определилась и драматичная история Новгорода Великого, проявившаяся, в частности, и в трагических коллизиях его отношений с князем Александром Невским и его преемниками.

---

[1] Славяне и скандинавы / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 1986. С. 284—291, 362—363; Лебедев Г. С. Крестовые походы шведов в Финляндию, Ингрию и Карелию — глава предыстории Петербурга // Александр Невский: К 750-летию Невской битвы. Тезисы докладов. Колпино, 1995.

[2] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С. 444—475.

[3] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 578; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 18—29.

[4] Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 151—152.

[5] Лебедев Г. С. История // Ленинград: Путеводитель. Л., 1986. С. 54; Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. С. 296.

[6] НПЛ. С. 89, 321.

[7] Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Таллинн, 1970. Сб. 15. С. 51—62.

[8] Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 199—206.

[9] Мачинский Д. А. Колбяги «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. Вып. 1: Археология Тихвинского края / Отв. ред. Г. С. Лебедев. Тихвин, 1988. С. 90—103.

[10] Славяне: Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования / Отв. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. Л., 1989; Герд А. С., Лебедев Г. С. Экспликация историко-культурных зон и этническая история ареала // Советская этнография. М., 1991. № 4.

[11] Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 93—134.

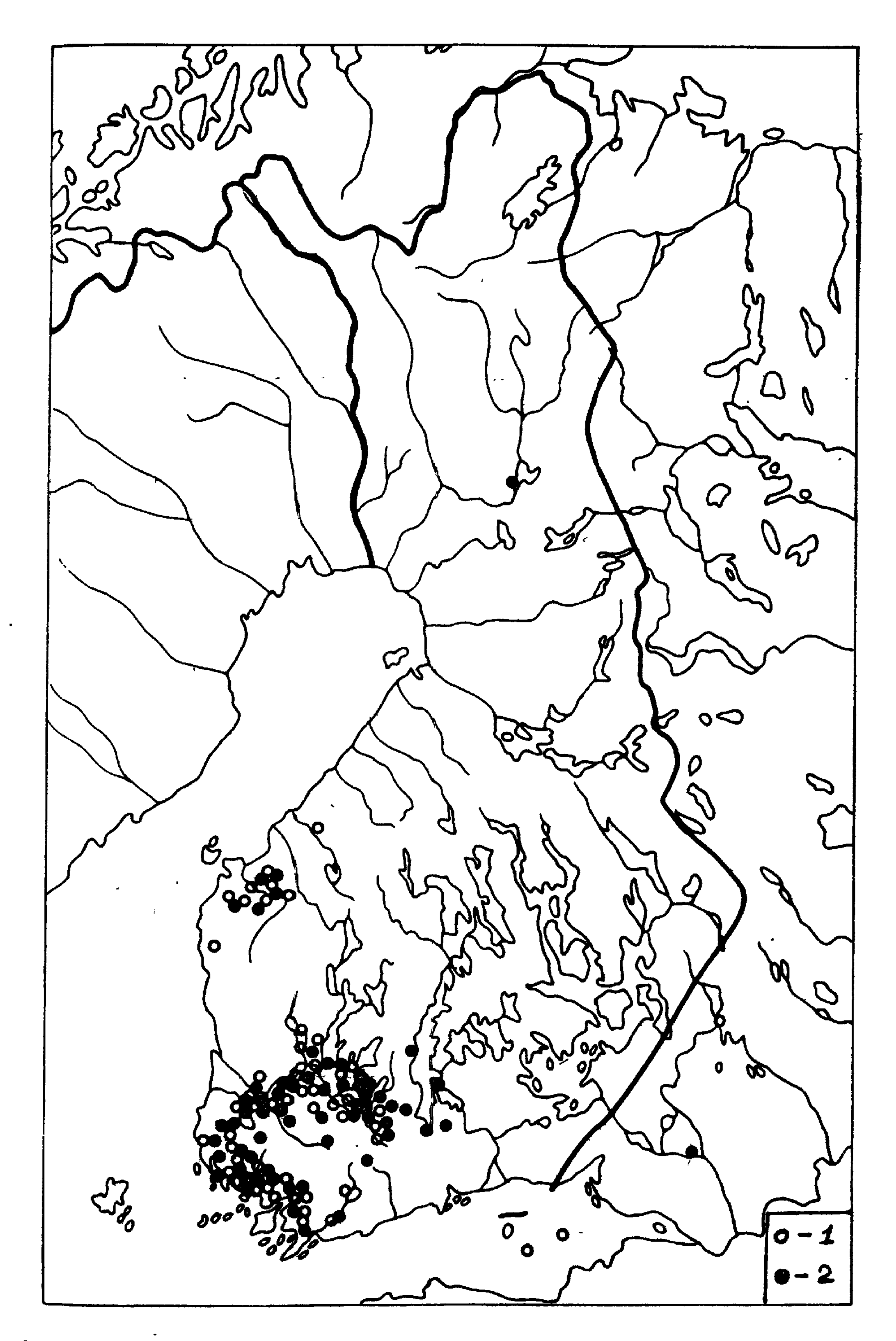
[12] Конецкий В. Я. Население Приильменья в этнических процессах на Северо-Западе в VIII—XIII вв. (к постановке проблемы) // История и археология Новгородской земли / Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород, 1987. С. 18—21; Долуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI—X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Отв. ред. В. М. Массон. Л., 1985. С. 19—23.

А. И. Сакса

СЕВЕРНЫЕ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ПЛЕМЕНА В ЭПОХУ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Александр Невский был выдающейся фигурой своей эпохи, а сама эпоха востребовала, кажется, всего его без остатка. В значительной степени его деятельность была связана с северными финскими племенами, с укреплением северо-западных рубежей Новгорода. Общеизвестно, что «старейшине в земле Ижерьской» Пелгусию князь Александр поручил «стражу морскую» и что тот заблаговременно сообщил князю о подходе шведских кораблей, увиденных им на рассвете июльского дня 1240 г. На следующий год, в походе победителя в Невской битве на Копорье против крестоносцев, участвовало войско из новгородцев, ладожан, а также ижорян и карел. Карелы (корела) активно участвовали и в других военных предприятиях новгородцев. В средневековых источниках упоминаются сумь и емь — финские племена, проживающие на территории современной Финляндии, — с той лишь разницей, что последние либо участвовали в походах на Русь в составе шведских войск, либо служили объектом походов новгородцев, т. е. были противниками Новгорода. Причины, приведшие к такой ситуации в Восточной Прибалтике, достаточно полно отражены в работах И. П. Шаскольского.[1] Мы в своей работе ставим целью показать эти племена «изнутри», рассмотреть процесс их становления во второй половине первого тысячелетия н. э.—начале второго тысячелетия н. э.

В Финляндии в эпоху переселения народов (V—VI вв.) существовали три развитые области: Юго-Западная Финляндия (провинция Варсинайс-Суоми, западная часть провинции Усимаа и южная часть провинции Сатакунта), озерная область провинции Хяме и Южная Похьянмаа на побережье Ботнического залива (картосхема 1). Археологические культуры этих областей различались по формам погребальных сооружений, среди которых все же преобладали каменные или каменно-земляные насыпи, а также по составу погребального инвентаря. В целом материальная культура населения этих областей в V—VI вв. характеризуется сильным прибалтийским (южная прибрежная часть страны) и скандинавским (западное побережье) влиянием. Погребения эпохи переселения народов в Финляндии не образуют больших могильников. Зачастую это отдельные насыпи или 1—3 захоронения на могильниках более ранней поры. С середины VI в. население заселенной в то время территории Финлян-

1. Археологические памятники Финляндии V—VI вв. (*1*) и VII—VIII вв. (*2*). (По М. Хуурре 1979).

дии стало вырабатывать свои формы украшений на основе распространенных в регионе иноземных образцов.[2]

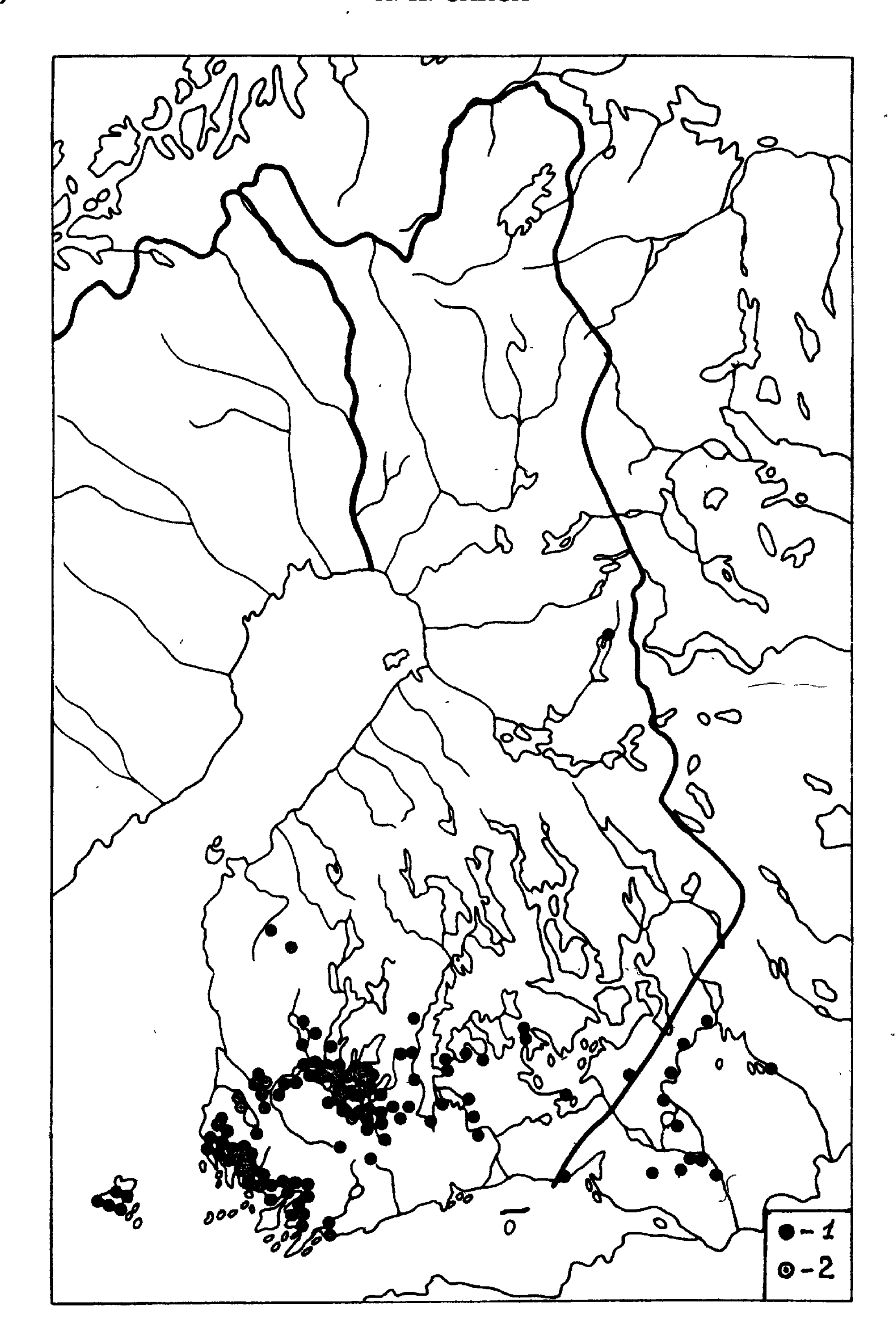
Наступление эпохи Меровингов (VII—VIII вв.) сопровождается существенными переменами в погребальной обрядности и инвентаре могил. На место отдельных погребений приходят могильники, на

многих из которых продолжали хоронить и в последующую эпоху. Многочисленнее и разнообразнее становится сопровождающий инвентарь погребений. С конца VI в. в Нижней Сатакунте, в районе приходов Эура и Кейлие, начинают хоронить умерших по обряду трупоположения в грунтовых ямах. На остальной постоянно заселенной территории страны в это время стал распространяться погребальный обряд, при котором остатки кремации размещались на древней дневной поверхности, на которой предварительно выкладывалась вымостка из камней в 1—4 слоя (так называемого полттокенттякалмисто). Во внутренних областях Финляндии вымостка зачастую отсутствует. Такие могильники известны в Хяме, а также в Верхней Сатакунте.[3]

В эпоху Меровингов зона оседлого заселения расширяется за счет внутренней колонизации и увеличения плотности населения на уже освоенных землях. Параллельно с процессами развития общества, отразившимися в описанных нами выше изменениях в археологических памятниках, происходят и другие изменения в культуре. Складывается этноопределяющий набор украшений; на основе среднешведских образцов развивается собственное производство равноплечных и ракообразных фибул, ставших ведущими типами застежек в ту эпоху.[4] Этот период в два столетия (VII—VIII вв.) чрезвычайно важен с точки зрения формирования финской культуры железного века. Именно в это время археологически фиксируемые явления, такие как становление женского убора и набора воинского снаряжения, распространение могильников типа полттокенттякалмисто, приобретают общефинский характер. Можно говорить о качественно новом этапе в развитии населения Финляндии, характеризующемся активной внутренней колонизацией, становлением новых форм хозяйства производящего типа, земледелия и скотоводства, что привело к росту численности населения и формированию национальных форм культуры. Однако географические границы ранее освоенных областей расширились незначительно. Развитие происходило по пути интенсивного освоения уже заселенной территории и ее периферии, качественных изменений в социально-экономической сфере. К концу периода, и прежде всего с развитием торговли на Балтике, ситуация изменилась, что вызвало усиление эксплуатации местных ресурсов, развитие земледелия, ремесла, пушного промысла и торговли по внутренним водным путям. Как следствие, потенциал населенной области уже не удовлетворял потребностям развития, и в него вовлекаются малонаселенные, но богатые ресурсами районы, население которых находилось на предыдущей степени развития. Являясь поначалу лишь посредником в освоении ресурсов отдаленных от поселенческих центров областей, оно все более вовлекается в эту деятельность, перенимая от пришельцев навыки в обработке земли и ремесленном производстве. Следствием были формирование новых поселенческих центров и рост численности населения, возникновение новых очагов культуры и влияния на другие отдаленные районы. Нам представляется, что по этой схеме произошло становление таких уже развитых к XII—XIII вв. областей, как Карелия и Саво.

В Западной Финляндии (территории расселения летописной суми) в эпоху викингов (IX—XI вв.) населенная зона расширяется за счет увеличения плотности населения и освоения новых земель. Многие из захоронений IX—XI вв. сделаны на могильниках предшествующей поры, продолжая тем самым их использование. В сельском хозяйстве в течение эпохи Меровингов произошли существенные прогрессивные изменения. С начала VI в. небольшие серпы и косы заменяются более крупными орудиями труда, позволяющими обрабатывать бóльшую площадь полей и угодий. В употребление входят железные сошники. Увеличение площади могильников и продолжительности их использования несомненно отражает изменения в системе расселения. Этот процесс — переход от отдельного двора к деревенской системе расселения — также получил начало в эпоху Меровингов.[5] Население стабилизируется. Помимо земледелия развивается скотоводство, о чем говорят многочисленные находки костей домашних животных на могильниках. Сохраняет высокий уровень ремесленное производство. К эпохе викингов в Финляндии сформировалась самобытная материальная культура, постоянно развивающаяся и не теряющая связи с Прибалтикой и Скандинавией. Сохраняются и развиваются торговые связи, налаженные с Прибалтикой, Скандинавией, Восточной Европой в предшествующее время. Но в связи со становлением новых путей на Восток в характере торговли финнов произошли изменения, выразившиеся прежде всего в поступлении большого количества восточного монетного серебра (23 клада серебряных монет и вещей в целом по Финляндии).

Ареал могильников эпохи викингов охватывает в общих чертах ту же зону, что и памятники предшествующего периода (картосхема 2). Значительное количество новых могильников возникло лишь в южной части провинции Хяме. В Южной Похьянмаа по каким-то причинам население сократилось настолько, что практически не оставило следов.[6] В целом в IX—XI вв. достаточно плотно заселенными были юго-западная часть страны (провинция Собственно Финляндия) и южные районы провинций Сатакунта и Хяме. Новые могильники появляются в Восточной Финляндии, а также в Приладожской Карелии, о которой речь пойдет ниже. По-прежнему незаселенным остается побережье Финского залива (провинция Усимаа). Ведущей формой погребального обряда становится погребение на каменной вымостке либо на древней дневной поверхности без регулярной выкладки из камней. На территории современной провинции Собственно Финляндия в настоящее время известно около 60 могильников с захоронениями IX—XI вв., третья часть всех известных в Финляндии. Из них чуть более 40 — это могильники с трупосожжением на каменной вымостке, остальные — погребения под каменными или каменно-земляными насыпями и могильники с захоронениями по обряду ингумации в грунтовых ямах. Захоронения несожженных умерших в грунтовых ямах начинают совершать в этой части страны с XI в. и на могильниках с трупосожжениями на каменной вымостке. Это либо впускные захоронения, либо могилы на периферии могильника. Наиболее ранние захоронения по новому обряду были совершены в приходах Каарина, Маариа, Лието, Ноусиайнен, Мюнямя-

2. Археологические памятники Финляндии и Карелии, относящиеся к эпохе викингов (ок. 800—1050 гг.). (По М. Хуурре, 1979).

1 — могильники с захоронениями по обряду трупосожжения; *2* — могильники с захоронениями в грунтовых могилах.

ки — все на ограниченной территории в районе современного г. Турку в юго-западной оконечности страны. Датируются они XI в. В том же столетии возникают могильники с захоронениями исключительно по обряду погребения в грунтовых ямах: Халикко-Рикала [7] (XI—

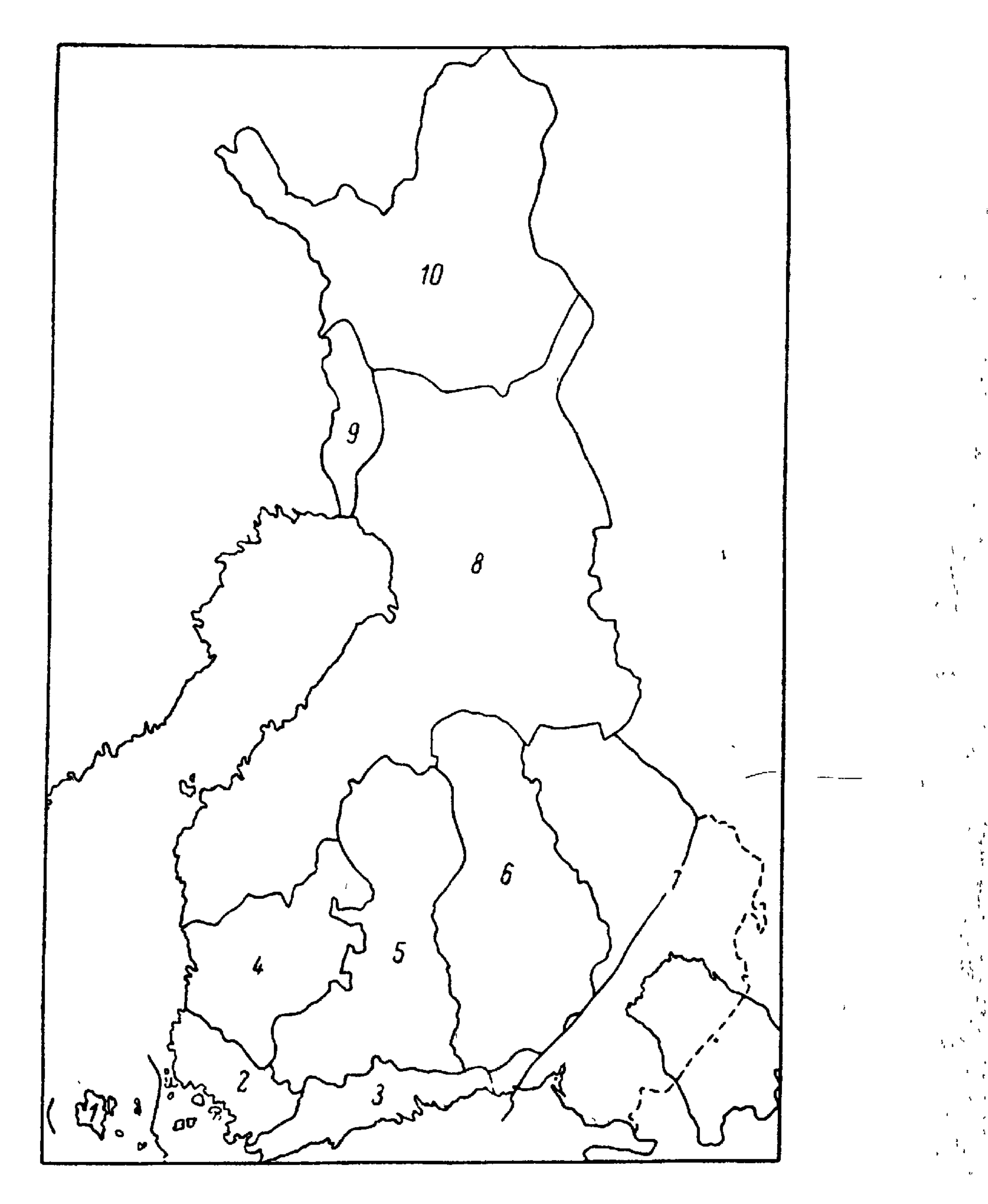
XII вв.), Каарина-Кирккомяки (XI в.), Лието-Ристинпелто (XI—XII вв.), Маску-Хумиккала (XI—XII вв), Райсио-Ихала (XI—XII вв.) [8] (картосхема 2). В южной части провинции Сатакунта, как выше уже отмечалось, погребения по обряду трупоположения в грунтовых ямах были распространены с конца VI—VII в. Эта традиция, происхождение которой достоверно не выяснено, просуществовала на этой небольшой, ограниченной практически двумя приходами — Эура и Кейлие — территории вплоть до IX—XI вв.[9]

В Хяме, земле еми русских летописей, происходили аналогичные процессы. Там также в эпоху викингов распространяется обряд трупосожжения на древней дневной поверхности. Но он не получил такого развития, как в более западных областях Финляндии. В этой центральной области страны на многих могильниках отсутствуют каменные вымостки, характерные для Юго-Западной Финляндии. К наиболее ранним относятся могильники Нокиа-Маттила, Весилахти-Кирмукарму, Лемпяала-Вайхмала, Сяксмяки-Киилия, Пялкяне-Вяриля, Ваная-Конкипелто. Многие из них существуют до конца языческого времени (XII в.). На части из этих могильников встречены захоронения по обряду трупоположения в грунтовых ямах. Эти первые грунтовые могилы появляются в XI в. Погребения в них сопровождаются погребальным инвентарем, и сами могилы находятся на могильниках, где основная масса захоронений совершена по обряду трупосожжения. Такие случаи известны на могильниках Калвола-Ниеми, Лампи-Хонкалинна, Хаухо-Алветтула, Сяксмяки-Киилия. В ряде случаев, как в Киилия, грунтовые могилы располагаются по периметру могильника с сожжениями. На могильниках с сожжениями выявлены и безынвентарные грунтовые могилы, что указывает на использование языческих кладбищ в эпоху христианизации.[10]

Инвентарь могильников в Хяме принципиально не отличается от западнофинского. В употреблении были одни и те же разновидности фибул и других украшений, составлявших убор, имевший лишь незначительные региональные различия. Еще более универсален был набор предметов вооружения, состоявший, как правило, из меча, топора, одного или нескольких наконечников копий, зачастую иноземного производства.

Переход от трупосожжения к трупоположению, как видно из приведенных выше данных, произошел в Финляндии в XI в., и в этом же столетии обряд погребения в грунтовой яме некремированных умерших стал преобладающим. Переход от языческого обряда к захоронениям без сопровождающих вещей, что принято связывать с христианизацией, произошел в середине XII в. В ряде районов Западной Финляндии эта перемена в обряде произошла еще раньше, в середине—второй половине XI в.[11] В то же время в Восточной Финляндии, а также в Карелии язычество в погребальном обряде сохранялось вплоть до XIV в., а по другим источникам, языческие верования и представления были в Карелии сильны и в значительно более позднее время.[12]

По-видимому, христианизация суми и еми не была результатом каких-либо миссионерских значительных акций, каковыми являлись так называемые крестовые походы шведов в Финляндию, первый из

3. Исторические провинции Финляндии. (По У. Сало, 1979).

1 — Ахвенанмаа (Аландские острова); *2* — Варсинайс-Суоми (Собственно Финляндия); *3* — Уусимаа (Нюланд); *4* — Сатакунта; *5* — Хяме (Тавастланд); *6* — Саво; *7* — Карьяла (Карелия); *8* — Похьянмаа (Восточная Ботния); *9* — Лянсипохья (Западная Ботния); *10* — Лаппи (Лапландия).

которых был совершен в 1150-е годы. О более раннем проникновении христианства в Финляндию говорят не только материалы археологии, но и русские слова-заимствования, обозначающие в финском языке многие церковные понятия и названия. Ко времени шведского завоевания, проведенного в несколько этапов (1-й, 2-й и 3-й крестовые походы), население концентрировалось на хорошо освоенной, но незначительной части современной Финляндии, ограниченной провинциями Варсинайс-Суоми (Собственно Финляндия), Сатакунта и Хяме (картосхема 3). К этому времени сложились развитые племенные институты, регулирующие различные стороны жизни как в рамках отдельных сел, так и в масштабах «земли». Поскольку основную массу населения составляли свободные крестьяне, значительную роль в общественной жизни играло народное собрание. Археологически это отразилось в находках так называемых мест собраний — каменных кру-

гов на возвышенностях, связываемых в устной традиции с древними собраниями. На это же указывает распространение глагола *pitää — «держать»: pitää neuvoa* — «держать совет», *pitää käräjät* — «держать народное собрание», *pitää pidot* — «держать пир» и т. д., наконец, *pitäjä* — «волость», «сельский приход». Важными функциями территориальной организации были постройка и содержание городищ, организация военных походов, отражения набегов неприятеля. По всей видимости, по мере развития внутренней торговли на Балтике в XI в. все более значительную роль в экономике финнов играет внешняя торговля, выводя финское общество за рамки внутреннего развития. Потребности торговли вынуждали создавать новые структуры, не подчиненные традиционным внутриобщинным связям. О включении Финляндии в балтийскую торговлю говорят многочисленные клады серебра, как монентные, так и вещевые, монетно-вещевые. Все они попадают в сравнительно короткий отрезок времени, не выходящий за пределы XI в.[13] Торговля не могла не влиять и на связи между различными поселенческими центрами Финляндии, между прибрежной зоной и внутренними районами. Другой стороной развития ситуации в регионе было усиление военной экспансии. Если в эпоху викингов происходили эпизодические набеги скандинавов на финское побережье, о чем сохранились свидетельства письменных источников и рунических камней,[14] то в последующую эпоху военные походы совершались по другим, более глубоким причинам. Характер внешней деятельности прибрежных балтийских стран с XI в. определялся теми глубокими изменениями, которые произошли в регионе, прежде всего становлением раннесредневековых государств в Северной и Восточной Европе и связанным с этим переносом центра тяжести их внешнеполитической и торговой деятельности на область Балтийского моря. Создается новая система экономических и политических связей Балтийского региона, характеризующаяся устойчивыми торговыми отношениями Древнерусского государства, и прежде всего Новгорода, со скандинавскими, а позднее (с XII в.) и северогерманскими торговыми центрами (Готланд, Сигтуна, Любек и др.). В то же время такие известные в эпоху викингов балтийские центры, как Бирка и Хедебю, приходят в упадок.[15] В этих условиях возрастает роль прибрежных областей, находящихся за пределами границ раннефеодальных государств, но занимающих стратегическое положение в регионе, — таких как Прибалтика и Финляндия. Борьба за влияние в этих землях и обладание ими вылилась в прямую военную конфронтацию средневековых феодальных государств. В результате уже упоминавшегося первого крестового похода шведов в Финляндию в 1155—1157 гг. юго-западная часть страны оказалась в их власти. Весь XII век прошел в борьбе Новгорода и подчиненных ему прибалтийско-финских племен против еми, прежде связанной с Русью данническими отношениями.[16] Активно в ней участвовали ладожане, разбивавшие вражеские рати на Ладожском озере. Борьба вновь вспыхнула в 1220-е годы.[17] Этот первый этап борьбы Руси со Швецией, в котором северофинские племена занимали центральное место, закончился поражением шведского войска в Невской битве в 1240 г. Победа новгородцев под руководством Александра Невского сохранила за Русью земли по южному побережью Финского залива и

определила судьбу населявших берега Финского залива народов. Водь, ижора и корела остались в сфере влияния Новгорода, входя в состав Новгородского государства, а сумь и емь стали подданными Шведского государства.

---

[1] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.

[2] Lehtosalo-Hilander P.-L. Keski- ja myohäisrautakausi // Suomen historia. Helsinki, 1984. 1. S. 262—273.

[3] Huurre M. 9000-vuotta Suomen esihistoriaa. Helsinki, 1979. S. 158—164.

[4] Lehtosalo-Hilander P.-L. Keski- ja myohäisrautakausi. S. 262—264.

[5] Ibid. S. 310—311.

[6] Huurre M. 9000-vuotta Suomen esihistoriaa. S. 166—169.

[7] В Финляндии приняты двойные названия населенных пунктов: первое обозначает приход, а второе — собственно населенный пункт.

[8] Kivikoski E. Hämeen rautakausi // Hämeen historia. Hämeenlinna, 1955. 1. S. 55.

[9] Lehtosalo-Hilander P.-L. Keski- ja myohäisrautakausi. S. 297—299.

[10] Kivikoski E. Hämeen rautakausi. S. 55, 56.

[11] Huurre M. 9000-vuotta Suomen esihistoriaa. S. 133—136, 163.

[12] См., например: Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 127—131, 154—159.

[13] Сало У. К истории и предыстории системы провинций Западной Финляндии // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 126.

[14] Luho V., Leppäaho J. Suomen esihistoria // Suomen historian käsikirjä. I. Porvoo; Helsinki, 1949. S. 90—91: Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 64, 104.

[15] Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 290—291.

[16] ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. С. 4, 11; НПЛ. С. 21, 26—28, 31, 38, 39, 230.

[17] НПЛ. С. 65; ПСРЛ. Т. 1. С. 449.

Е. А. Рябинин

ВОДСКАЯ ЗЕМЛЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Исторические и археологические реалии

Данное сообщение посвящено некоторым результатам историко-археологического изучения порубежной русской территории — Водской земли Великого Новгорода — в эпоху князя Александра Ярославича Невского.

По единодушному мнению исследователей, название Водской земли (а с конца XV в. — и Водской пятины) связано с этнонимом иноязычного финно-угорского федерата Северо-Западной Руси — води, упоминаемой летописями с XI в. Но эта же территория с начала II тысячелетия н. э. вошла и в зону массового славянского освоения, определившего прочное вхождение региона в границы новгородских владений. Судя по скудным сообщениям средневековых источников, Водская земля охватывала Ижорскую возвышенность в западной части современной Ленинградской области, благоприятные для пашенного земледелия того времени почвы которой определили ее значение как одной из главных житниц Великого Новгорода. На севере она доходила до побережья Финского залива, на востоке граничила с Ижорской землей, с юга по прибрежной полосе Луги соседствовала с Лужской «волостью». Военно-административным центром Водской земли являлась крепость Копорье, каменные укрепления которой были возведены в конце XIII в.

Особое положение в системе административного деления новгородского порубежья занимали низменные и болотистые участки, тянущиеся к западу от Ижорского плато до Лужско-Нарвского междуречья. Еще в конце XV в. здесь размещались погосты с дополнительным наименованием «в Чуди», указывающим на особый этнический статус их обитателей. Эти районы в Водскую землю не входили, хотя и включались в состав новгородских владений. Именно здесь располагалась густая сеть поселков нерусского населения, потомком которого является современная водь — малая прибалтийско-финская народность, ныне представленная лишь несколькими десятками человек, но еще в середине XIX в. насчитывавшая более 5000 человек.[1] Окружающее русское население обычно называло водь «чудью» или «чудьей», а ее язык «чудейским».

Археологическое изучение рассматриваемой территории продолжается уже более 100 лет и связано в основном с раскопками тысяч погребений древнерусского времени, сконцентрированных на Ижорской возвышенности. Последние двадцать лет планомерные исследования памятников на западе Ленинградской области осуществляются автором, вскрывшим около 500 погребений и ряд поселений, что позволило проследить динамику изменений в материальной и духовной культуре славянских и «чудских» обитателей края с XI по XVI—XVII вв. Особый интерес представляют намечающиеся по археологическим данным кардинальные сдвиги в развитии этих традиций, относящиеся ко второй четверти—середине XIII в. Некоторые из них, на наш взгляд, поддаются исторической расшифровке в контексте деятельности князя Александра Невского в Водской земле.

Исследование археологических объектов показало, что древнерусское освоение порубежной территории началось в XI в. Его осуществляли славяне-земледельцы, шедшие из Приильменья в поисках новых пашенных земель. Основным центром притяжения крестьян стала Ижорская возвышенность, где зафиксировано свыше 10 000 курганов и жальничных могил. Здесь возникали первые славянские деревни, вырубались окрестные леса и очищенные участки засевались рожью, пшеницей, ячменем, льном. Крестьяне держали лошадей, коров, овец, косили для скота сено, ловили в реках, озерах и на Финском заливе «рыбу белую всякою ловлей».

В процессе своего расселения славяне вошли в соприкосновение с водскими коллективами, обитавшими на Ижорской возвышенности. Многообразные, в том числе и брачные, связи способствовали сложению в контактных зонах областной этнокультурной общности (при доминирующей роли носителей славянского языка), которая, по-видимому, и выступает в новгородских летописях под названием «вожан», а в западноевропейских источниках — «вотландцев». За пределами возвышенности проживала почти не затронутая славянским влиянием финноязычная «чудца».

В XII в. рассматриваемый регион впервые подвергается вражескому вторжению извне. Под 1149 г. летопись фиксирует поход в Водскую землю крупного отряда еми, наголову разбитого новгородцами.[2] Ответной реакцией Новгорода на опасность с севера явилось возведение во второй половине этого столетия дерево-земляных крепостей на окраине глинта, которые прикрывали путь из Финского залива по впадающим в залив рекам. Такие острожки были исследованы автором у деревни Кайболово на реке Суме и у деревни Воронино на реке Воронке.[3] Их появление окончательно закрепило политическое господство Новгорода на северо-западном порубежье.

Судя по материалам погребений, сельское население края в XI—XII вв. и частично в XIII в. стойко придерживалось языческих традиций.[4] Еще в XII в. спорадически практиковался обряд сожжения умерших. Постоянно фиксируются и элементы «огненного» очистительного ритуала. Так, площадка в основании курганной насыпи предварительно обжигалась ритуальным костром, умершего же клали поверх мощного слоя угля и золы. Нередко наблюдались и более сложные обрядовые действия. По краю погребальной площадки, в

центре которой помещался умерший, вырывалась круговая канавка. Ее заполняли легким горючим материалом (ветками, соломой) и затем поджигали. Огненно-дымовая завеса скрывала от участников похорон мертвеца, одновременно ограждая его от живого мира. Такая имитация сожжения покойника известна в различных древнерусских областях; очевидно, именно к ней применялся термин «дымы», упоминаемый в житийном рассказе о Константине Муромском (XI в.) при описании языческих «действ».

Важной составной частью похоронного ритуала являлся поминальный пир (страва), о чем свидетельствуют постоянно встречающиеся под дерном насыпей черепки битой посуды и кости животных. В XI—первой половине XIII в. древнерусских крестьян хоронили в основании насыпи. Наблюдается различная ориентировка умерших (положения головой на север, восток, запад). Положение рук — самое разнообразное; руки, скрещенные на груди, для этого периода не были зафиксированы ни в одном случае. В ногах обычно ставили горшок с пищей. Рядом с умершими женщинами клали серп, мужчин погребали с косой-горбушей или с топором, иногда — с острогой, копьем, боевой секирой, набором стрел. К поясу прикреплялись нож в чехле и футляр, содержащий кресало и кремень для высекания огня. Таким образом, по представлениям современников, умерший в потустороннем мире нуждался в вещах, которыми пользовался в повседневном быту.

К рассматриваемому времени относится наивысший расцвет языческой культовой пластики. В женских погребениях часто встречаются бронзовые амулеты в виде миниатюрных воспроизведений предметов быта, являвшиеся, по образному выражению Б. А. Рыбакова, «языческими письменами», запечатлевшими архаический круг семейных верований.[5] Поистине массовое распространение имели зооморфные подвески в виде коня и птицы; такие амулеты носились женщинами и, по древним представлениям, обеспечивали плодовитость.[6] Последнее же при крайне высокой детской смертности являлось важнейшим фактором выживания и продления рода средневековых коллективов.

В еще более яркой форме языческие традиции отражены в обряде летописной «чудцы». Это население в первых веках II тысячелетия н. э. продолжало практиковать сожжение умерших, прах которых вместе с углями погребального костра рассеивался на поверхности земли.

Переломный момент в развитии древнерусской курганной обрядности приходится на вторую четверть—середину XIII в. В этом убеждают материалы раскопок серии могильников, осуществленных в окрестностях центра Водской земли Копорья. Именно в середине столетия неожиданно прекращается функционирование крупного курганного кладбища у деревни Бегуницы. Остальные могильники, расположенные в радиусе 7—12 км от указанного памятника, использовались и позднее, однако их обряд претерпевает существенные изменения. Умерших перестают погребать на поверхности курганной площадки, а помещают в могильные ямы, вырытые в ее центре. Могилы первоначально выкапывались на глубину всего лишь 5—15 см,

т. е. имели еще сугубо символический характер. Но данный факт приобретает особое значение в связи с тем, что само появление «символических» подкурганных ям прямым образом коррелируется с исчезновением обычая помещать с умершими орудия труда, оружие, бытовой инвентарь и посуду. Уже не прослеживаются пережитки «огненного» ритуала, а весьма неустойчивая в прошлом ориентировка постепенно заменяется однообразным положением головой к западу. Налицо ослабление языческих черт обряда при заметном усилении христианских традиций.

Еще более разительная картина обрядовых изменений фиксируется в это время в ареале «чудцы». Примерно в середине XIII в. средневековая водь, ранее рассыпавшая кремированные останки умерших на поверхности земли, переходит к захоронению несожженных трупов в могильных ямах. Ранние могилы отличались незначительной глубиной и лишь слегка присыпались грунтом. Столь резкая ломка традиционного обряда не может объясняться внутренними причинами. Она явно связана с каким-то сильным внешним воздействием, в целом одноактного порядка. Одновременность этих явлений в Водской земле и «чудском» регионе также не может быть случайной.

Понять причины происшедших качественных изменений помогают данные письменных источников. По более поздним сведениям писцовых книг рубежа XV—XVI вв., исследованные курганные кладбища принадлежали деревням одного административного подразделения Водской пятины — Ильинского Замошского погоста. Известно, что в центральных селениях погостов располагались церкви и христианские кладбища прихода. А именно деревня Бегуницы («Богуничи»), рядом с которой в середине XIII в. внезапно перестали сооружать языческие курганы, и являлась таким центром. Это позволяет установить время появления здесь христианской церкви и определить, таким образом, начало активного внедрения государственной религии в сельскую среду — наиболее ощутимого в местах пребывания духовенства и ослабленного в других пунктах.

Распространение православия диктовалось осложнившейся военно-политической ситуацией на Северо-Западе Новгородской земли. В 1240 г. ливонские рыцари перешли реку Нарову и попытались укрепиться в старом новгородском погосте — «в Копорьи».[7] Однако в 1241 г. князь Александр Ярославич, организовав ополчение из новгородцев, ладожан, корел и ижоры, отбил у немцев Копорье, а в следующем году разгромил полчища крестоносцев на льду Чудского озера. Для нашей темы особый интерес представляет летописное упоминание о том, что после взятия Копорья Александр «Вожан и Чудцю переветники извеша».[8] Очевидно, определенная часть разноязычного населения Водской земли и «чудского» региона в период начавшихся военных столкновений занимала довольно неустойчивую позицию по отношению к Новгороду. С таким положением русские власти не могли более мириться.

Интересы княжеской политики нуждались в соответствующем идеологическом обеспечении. Ожесточенная борьба Руси за сохранение северо-западных владений протекала в условиях противостояния православия римско-католической («латинской») церкви. Известно,

например, что в 1227 г., когда Швеция усилила военный натиск на новгородскую Карелию, князь Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского, «...послав крести множество корел, мало не все люди».[9] Ту же цель, очевидно, преследовал и Александр Ярославич, приступив после событий 1240—1242 гг. к активному распространению православия среди обитателей Водской и Чудской земель. Только с этого времени новая религия получает оседлость в сельской среде северо-западного порубежья Руси, с этого времени можно исчислять начало ее действенного влияния на языческое мировоззрение разноязычного населения края.

Следует полагать, что реальная картина таких процессов была более сложной, чем она реконструируется на материалах археологии и скупых сообщениях летописи. Тем не менее использование нового пласта источников позволяет конкретизировать некоторые сюжеты, связанные с многогранной деятельностью благоверного великого князя Александра Невского — ревнителя православия, мудрого политика и защитника Руси.

---

1 Об этом см.: Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Северной Руси (к проблеме археологического изучения) // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Л., 1988. С. 116—135.

2 НПЛ. С. 28.

3 Рябинин Е. А. Городища Водской земли // КСИА. 1984. № 179. С. 45—53.

4 Подробнее см.: Рябинин Е. А. От язычества к двоеверию (по археологическим материалам Северной Руси) // Православие в Древней Руси. Л., 1989. С. 20—31.

5 Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 540—546.

6 Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. Л., 1981.

7 НПЛ. С. 78.

8 Там же.

9 ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. С. 449.

В. Л. Янин

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ОБ ОБОРОНЕ НОВГОРОДСКИХ РУБЕЖЕЙ В XIII ВЕКЕ

В 1985 г. в Новгороде на Троицком раскопе, в слоях второй половины XIII в., была найдена берестяная грамота (ей присвоен № 636), написанная твердым и решительным почерком и содержащая следующий текст: «Пришьль искоупникъ ис Полоцька. А рать поведае великоу. А водаить пошьниць во засадоу».

«Искоупникъ» — очевидное производное слово от слова «искоупъ», что значит «выкуп» (см. Словарь Срезневского). Это слово не зафиксировано в древнерусских текстах, но смысл его самоочевиден: искупник — человек, выкупленный из плена, или же человек, который осуществлял выкуп пленных. Здесь более вероятно первое значение; в противном случае искупника назвали бы по имени. Не исключено, что выкуп пленного был результатом частной инициативы. В духовной Климента середины XIII в. в числе наследников имущества завещателя назван некий Андрей Воинович: «то же есмь не даромъ далъ, платилъ за мене Данило и Воинъ искупъ литовьскыи».[1]

Искупник пришел из Полоцка. В 60-е годы XIII в. Полоцк переживает весьма драматические события. Еще в 1262 г. Новгород находился в активном союзе с литовским полоцким князем Товтивилом, участвуя вместе с ним в походе на Юрьев Немецкий.[2] В 1263 г., однако, «бысть мятеж в Литве…, и убиша великого князя Миньдовга свои сродичи; распрешася убиица Миндовговы и о товарех его, и убиша князя Полотцкаго Товтовила, а бояре его исковаша, и просиша у Полочан и сына Товтовилова убити, он же беже в Новъгород со двором своим, а Литва посадиша в Полотце своего князя, а Полочан пустиша, которых имали со князем их, и мир взяша».[3] В 1265 г. после победы сына Миндовга Войшелга 300 литовцев с женами и детьми «въбегоша» в Псков, где они были крещены князем Святославом, «а новгородци хотеша их исещи, нъ не выда их князь Ярослав и не избьени быша».[4] В 1266 г. с вокняжением в Пскове Довмонта начинается его ожесточенная борьба с Герденем; летописец, рассказывая о ней, употребляет такой же, как в грамоте № 636, фразеологический оборот: «стражие же видевше рать велику».[5] Возникла существенная разница в оценке действий Довмонта между великим князем Ярославом Ярославичем и новгородцами. Ярослав привел низовские полки в Новгород, «хотя ити на Пльсков на Довмонта»; новгородцы же «възбраниша ему, глаголюще: „оли, княже, тобе с нами уведавъшеся,

тоже ехати в Пльсков"; князь же отсла полкы назадь».[6] В следующем, 1267 г., «ходиша новгородци с Елеферьемь Сбыславичемь и с Доумонтом съ пльсковици на Литву, и много их повоеваша».[7] Наконец, в 1268 г. «сдумаша новгородци с князем своимь Юрьемь, хотеша ити на Литву, а инии на Полтеск, а инии за Нарову. И яко быша на Дубровне, бысть распря, и въспятишася и поидоша за Нарову к Раковору».[8] С одним из этапов этой цепи событий, вероятно, и связывается берестяная грамота № 636.

Искупник «рать поведае велику», т. е. сообщает о большом войске или же о серьезных военных действиях. Существо документа, таким образом, состоит в том, что он является военным донесением, основанным на сообщении пришедшего из Полоцка человека о готовящемся там войске, очевидно, враждебном Новгороду. Такая ситуация постоянна начиная с 1263 г.

Вторая часть письма содержит просьбу прислать пшеницу (хлеб, провиант) в «засаду». Засадой назывался или отряд войска, помещенный в скрытом месте для нападения на неприятеля, или же военный отряд, находившийся в городе для его защиты (см. Словарь Срезневского). Здесь больше подходит второе значение. Очевидно, новгородский полк или гарнизон, особо нуждающийся в дополнительном провианте ввиду предстоящего нападения вражеской «великой рати», ожидает приближения литовцев со стороны Полоцка. Такое сочетание обстоятельств близко совпадает с ситуацией 1265 г., когда какие-то новгородские силы во главе с князем Ярославом находились в Пскове, готовые учинить расправу над тремястами литовцами. За год до этого произошло свержение и убийство Товтивила в Полоцке с пленением литовцами полочан и предоставление убежища сыну Товтовила в Новгороде. Появление искупника в качестве военного осведомителя в такой момент представляется вполне логичным. Однако местом написания грамоты № 636 может быть и любая крепость на новгородско-литовском пограничье. Локализация этой крепости стала возможной спустя четыре года после находки грамоты № 636, когда в 1989 г. на Троицком раскопе была обнаружена берестяная грамота № 704, происходящая из слоев середины XIII в.

Новый документ, к сожалению, сохранил лишь первую и примерно половину второй строки, которые содержат следующий текст: «городьцано ко посадникоу ко вьликомоу. Сь побьгль сьн н...». Поразительной особенностью грамоты № 704 является то, что она написана тем же почерком, что и грамота № 636. Совместное рассмотрение этих двух документов дает нужное направление поискам того места, откуда были отправлены в Новгород комментируемые письма.

Как уже отмечено, указание грамоты № 636 на искупника, пришедшего из Полоцка, ориентирует эти поиски на западные рубежи Новгородской земли. Между тем последнее, фрагментированное слово грамоты № 704 «сьн н...» может быть осмысленно только как «ясенянин» или «ясеняне», т.те. житель или жители Ясенского погоста Шелонской пятины, расположенного на крайнем юго-западном рубеже этой пятины.[9]

Указанный район всегда был зоной наибольшей опасности при размирьях с Литвой, занимая особое положение в системе новгород-

ской обороны. В 1239 г. «князь Александр с новгородци сруби городци на Шелоне».[10] Хотя, в отличие от цитированного текста Синодального списка НIЛ, все более поздние своды упоминают один «городець», а не несколько, имеются основания доверять правильности самого раннего сообщения. В хорошо известном источнике последней четверти XIV в. «А се имена всем градом рускым, далним и ближним» среди «залесских» городов пять обозначены находящимися на Шелони: «...а на Шолоне Порхов камен, Опока, Высокое, Вышегород, Кошкин».[11] Среди них Порхов, Опоки и Высокое расположены на самой Шелони; Вышегород и, по-видимому, Кошкин городок — на притоке Шелони реке Узе или по крайней мере в ее бассейне. Упоминания в летописи этих крепостей, как правило, связаны с военными конфликтами между Новгородом и его западными и юго-западными соседями. В 1329 г. псковичи «к новгородцам прислаша послы с поклоном в Опоку и доконцаша мир».[12] В 1346 г. Ольгерд «взя Шелону и Лугу на щит, а с Порховьского городка и с Опоки взя окуп».[13] В 1408 г. «воеваша Немци всю Залескую страну и до Черехе, и прешедше за рубежь воеваша в Леженицах и на Болотах и на Дубъске и на Гостени и под Кошкиным городьком».[14] В 1428 г. «князь Витовти събрав силы многы прииде прежде к Вышегороду, июля 18 день, и по том к Порхову...».[15]

Фортификации князя Александра Ярославича, надо полагать, не имели долговременного характера, на что указывает и термин «сруби» в летописном известии 1239 г. Только Порхов, существующий и сегодня как город, получил в дальнейшем каменные укрепления, что произошло в 1387 г.: «благослови владыка Алексеи всь Новьгород ставити город Порхов камен».[16] Остальные городки постепенно, но достаточно быстро пришли в упадок. В 1404 г., когда новгородцы приняли на службу потерявшего свой Смоленск князя Юрия Святославича, ему в кормление были отданы новгородские пригороды, однако среди шелонских городков к этому времени уже не было Опоки: «даша ему 13 городов: Русу, Ладогу, Орешек, Тиверьский, Корельский, Копорью, Тръжек, Волок, Ламский, Порхов, Вышегород, Яму, Высокое, Кошкин городець».[17] В духовной Ивана III (1504 г.) нет не только Опоки, но и Вышегорода, а из шелонских городков названы лишь «Порхов город, Высокой город, Кошкин город».[18] Эта динамика угасания отражена и писцовыми книгами. Уже в 1498 г. Опока, будучи центром Опоцкого погоста, не демонстрирует никаких признаков города.[19] Такой же характер имеет в писцовых материалах Вышегород, обозначаемый не как город, а как Вышегородский погост,[20] хотя в дальнейшем формируется Вышегородский уезд в составе трех погостов — Болчинского, Облучского и Вышегородского. «Городками» писцовые книги конца XV в. продолжают обозначать Высокий, давший затем название Высокогорскому уезду в составе Никольского, Рождественского, Дегожского, Пажеревицкого и Бельского погостов, и Кошкин городок, ставший центром уезда в составе Жедрицкого и Ясенкского погостов.[21]

Поскольку в грамоте № 704 упоминаются «ясеняне», термин «городчане», обозначающий в ней авторов донесения, логично связывается с администрацией Кошкина городка, расположенного в ближай-

шем соседстве с Ясенским погостом. Менее вероятна их идентификация с обитателями Высокого городка, который отстоит от Ясенского погоста на тридцать с лишним километров.

Вопрос о хронологическом взаимоотношении написанных одним почерком грамот № 704 и 636, при том что и грамота № 704 имеет явное отношение к пограничной службе, целиком зависит от точности детальной датировки обоих документов, из которых вновь найденный относится как будто к несколько более раннему времени, нежели грамота № 636. Сегодня такая точность пока недостижима.

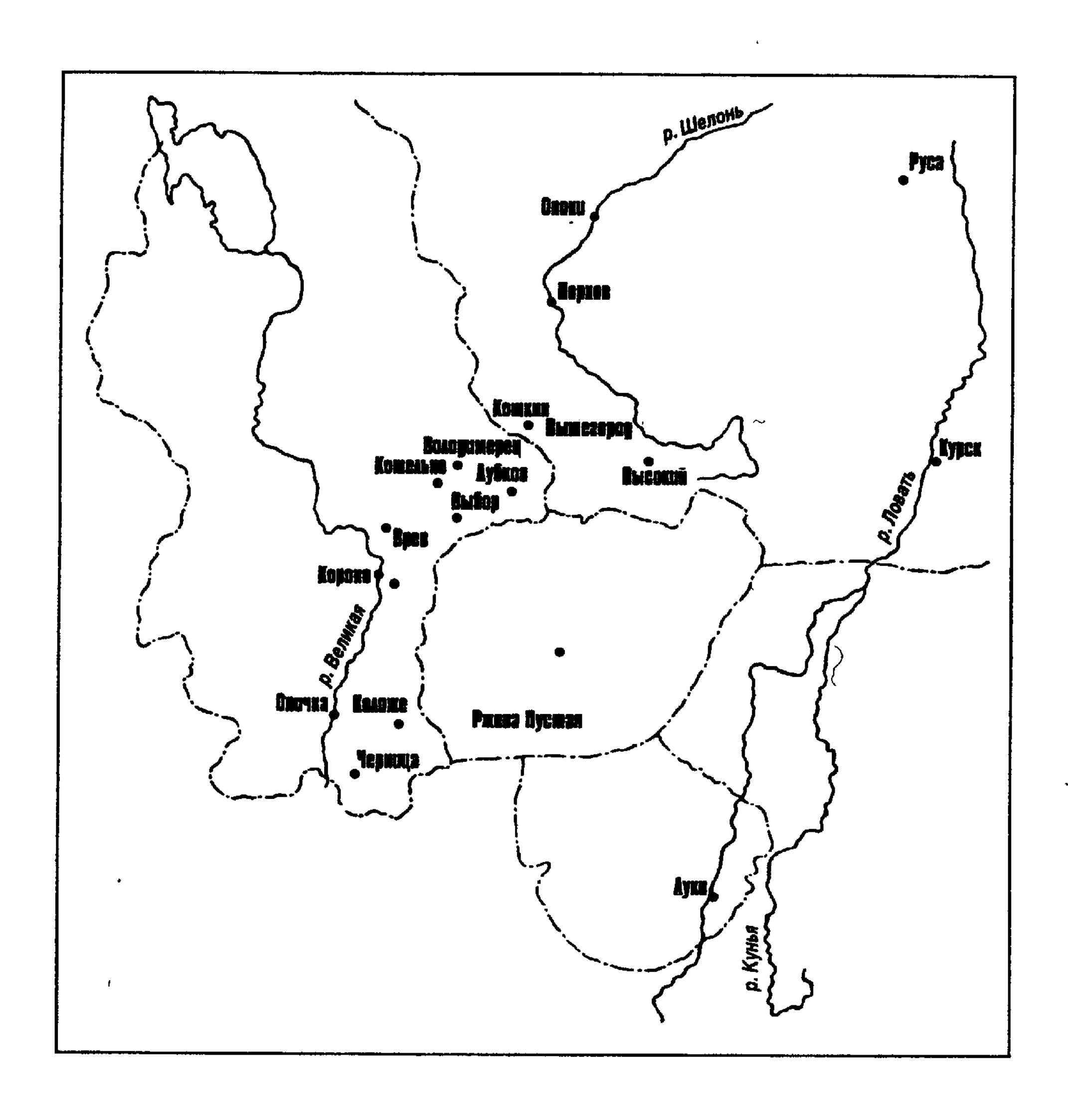
Что касается адресата грамоты № 704, то он, несомненно, был новгородским посадником, о чем свидетельствует не только место находки документа, но и титулование в нем адресата. Впервые встреченный титул «посадник великий», надо полагать, содержит в себе смысл противопоставления новгородского («великого») посадника посадникам других городов Новгородской земли. Источники XIII в. знают о существовании тогда посадников Пскова, Ладоги, Нового Торга.[22] Принадлежность обеих грамот к одному комплексу заставляет заключить, что и грамота № 636 предназначалась тому же адресату и, следовательно, забота об обороне новгородских рубежей входила в круг обязанностей посадника.

Рассмотренные материалы дают повод обсудить немаловажную проблему, которая до сих пор не привлекала исследовательского внимания. Оценивая в целом систему дальних фортификаций Новгорода и Пскова, мы с некоторым удивлением обнаружим, что непрерывная цепь крепостей расположена на границе между Псковской и собственно Новгородской землями, с одной стороны, и Пусторжевской землей, с другой. Эта цепь образована городками Черница, Коложе (их после разрушения литовцами сменила в 1414 г. Опочка [23]), Вороноч, Врев, Выбор, Котельно (предшественник Выбора), Володимерец, Дубков на пограничье Псковской и Пусторжевской земель и продолжена шелонскими городками на новгородско-пусторжевском пограничье, а далее — Русой, Курском и Холмом на Ловати.

Между тем и Пусторжевская, и расположенная к югу от нее Великолукская земля по крайней мере со второй половины XII в., безусловно, входят в состав новгородских владений, что можно наглядно продемонстрировать на примере более отдаленной Великолукской земли. В 1167 г., когда князь Святослав Ростиславич оставил новгородский стол и удалился в Луки, новгородцы «идоша прогнат его с Лук».[24] В рассказе 1191 г. Луки прямо названы рубежом между Новгородской и Полоцкой землями: «ходи князь Ярослав на Лукы, позван полотьскою князьею и полоцяны, и поя с собою новъгородьць передьнюю дружину, и сьняшася на рубежи и положиша межи собою любъвь».[25] В 1198 г умер сын новгородского князя Ярослава Владимировича Изяслав, «бяше посажен на Луках княжити и от Литвы оплечье Новугороду»; «на ту же осень придоша полочане с Литвою на Лукы и пожьгоша хоромы, а лучяне устерегошася и избыша в городе».[26] В 1200 г. «иде Нездила Пьхциниць на Лукы воеводою; иде с Лук с маломь дружины в Лотыголу на тороне».[27] В 1211 г. «посла князь Мьстислав Дмитра Якуниця на Лукы с новгородьци города ставит..., а лучяном да князя Володимера Пльскосҍкаго».[28]

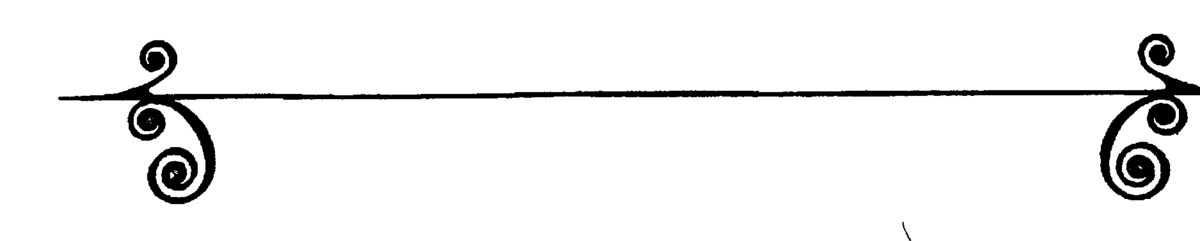
Казалось бы, в такой ситуации цепочки пограничных фортификаций должны были возникнуть и укрепляться на пограничье Великолукской и Полоцкой земель, т. е. в верховьях Ловати и Куньи, однако, кроме Лук, здесь нет иных крепостей. Напротив, описанная выше линия псковских и новгородских городков на пусторжевском пограничье поддерживается и усиливается и в XIV, и в XV в. На мой взгляд, возможно предложить этому удовлетворительное объяснение.

Докончания Новгорода с литовскими великими князьями Свидригайлом 1431 г. и Казимиром 1441—1442 и 1471 гг.,[29] а также Запись о пусторжевской дани 1479 г.,[30] свидетельствуют о том, что Великолукская и Пусторжевская земли находились в совместном владении Новгорода и Литвы. Существование такого порядка прослеживается формально до 1393 г., когда указанный порядок уже был «стариной»: «Седе на княженьи в Литве князь Витовт Кестутьевич, и новгородци взяша с ним мир по старине».[31] Размышляя об истоках системы совладения Луками и Пустой Ржевой и имея в виду упорное поддержание фортификаций на западной и северной границах Пусторжевской земли, мы можем предположить, что Литва унаследовала эту систему от перешедшего в ее руки Полоцка, т. е. сам порядок совладения существовал уже в XII—XIII вв., а система обороны от Полоцка рубежей Новгорода и Пскова исходила из того, что в Луках и Пустой Ржеве новгородская администрация не была полной хозяйкой.

[1] ГВНП. С. 162. № 105.
[2] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 144.
[3] Там же. С. 145.
[4] НПЛ. С. 85, 314.
[5] ПСРЛ. Т. 25. С. 146.
[6] НПЛ. С. 85, 315.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. 1: Списки селений. М., 1914. С. 367—379.
[10] НПЛ. С. 77. Ср.: Там же. С. 289.
[11] Там же. С. 477.
[12] Там же. С. 342.
[13] Там же. С. 358.
[14] Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 31; М., 1955. Вып. 2. С. 34, 116.
[15] Там же. Вып. 1. С. 38; Вып. 2. С. 42, 125.
[16] НПЛ. С. 381.
[17] ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 2. С. 190. Город Яма в этом списке стоит явно не на месте. Между тем в более ранней редакции текста в Новгородской IV летописи (ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. 2-е изд. С. 395—396) при указании на 13 городов список содержит лишь 12 названий. Город Яма там пропущен и, следовательно, восстановлен сводчиком Никоновской летописи, будучи ошибочно помещен им среди шелонских городков.
[18] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. Стб. 357. № 89.
[19] НПК. СПб., 1886. Т. 4. Стб. 162. Ср.: Там же. Стб. 530; 1905. Т. 5. Стб. 680.
[20] Там же. Т. 4. Стб. 478, 531. О разорительной осаде Вышегорода псковичами в 1471 г. см.: Псковские летописи. Вып. 2. С. 181—182.
[21] Андрияшев А. М. Материалы... С. 310, 364. В настоящее время Высокий существует в виде крохотной деревеньки Городок, а Кошкину городку соответствует, по-видимому, село Жедрицы.
[22] НПЛ. С. 20, 23, 51, 53, 65, 77, 94, 204, 207, 252, 270, 294, 326, 335.
[23] Псковские летописи. Вып. 1. С. 33; Вып. 2. С. 36, 119.
[24] НПЛ. С. 32, 219.
[25] Там же. С. 40, 230.
[26] Там же. С. 44, 237—238.
[27] Там же. С. 45, 239.
[28] Там же. С. 52, 249.
[29] ГВНП. С. 105—106. № 63; С. 115—116. № 70; С. 129—132. № 77.
[30] Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 1. № 71.
[31] НПЛ. С. 386.

На прилагаемой схеме территория Холмского погоста (к югу от Курска) показана за пределами Новгородской земли. Тезису о позднем включении Холма и его округи в состав владений Новгорода имеются по крайней мере два основания. Во-первых, находящаяся в пределах Холмского погоста Дубровна в летописном рассказе 1234 г. названа «селищем в Торопьчьскои волости» (НПЛ. С. 73, 283). Во-вторых, еще в 1471 г. Холмский погост делился на перевары (ГВНП. С. 130—131. № 77), что находит соответствие в адмимнстративном делении Торопецкой земли (см.: Торопецкая книга 1540 года / Подгот. к печати М. Н. Тихомиров и Б. Н. Флоря // Археогр. ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 277—357).

Т. Н. Джаксон

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ХАКОН СТАРЫЙ: ОБМЕН ПОСОЛЬСТВАМИ

Уникальные сведения о переговорах русского князя Александра Невского и норвежского конунга Хакона Старого в середине XIII в. сохранились в исландской саге. Как ни парадоксальна такая ситуация, она легко объяснима. Одним из традиционных видов исландских саг были так называемые «королевские саги», или «саги о норвежских конунгах», посвященные истории Норвегии, прародины исландцев, с древнейших времен по 1280 г.[1] В одних сагах говорилось о правителях легендарных, мифологических, в других — о героях «века саг», в третьих повествование велось о событиях, весьма близких ко времени записи саг. Эти последние («саги о современности», по терминологии С. Нурдаля [2]), хотя и созданные по законам жанра саги, все же строились на совсем иной источниковой базе. Интересующая нас в данной связи «Сага о Хаконе, сыне Хакона», охватывающая события 1204—1263 гг., была написана по приказу сына Хакона, конунга Магнуса, в 1264—1265 гг. Ее автор — Стурла Тордарсон — имел в своем распоряжении богатые и хорошо организованные архивные материалы норвежской королевской канцелярии, а также использовал воспоминания очевидцев событий. Исследователями отмечается «вполне документальный характер» этой саги, «преобладающий в ней над литературно-повествовательным элементом» [3] (впрочем, последний тоже не следует оставлять без внимания). Сага сохранилась в нескольких рукописях XIII—XVI вв. Ниже приводится фрагмент текста по «Книге с Плоского острова»:[4]

«Той зимой, когда конунг Хакон [5] сидел в Трондхейме, прибыли с востока из Гардарики [6] послы конунга Александра [7] из Хольмгарда.[8] Звался Микьял и был рыцарем тот, кто предводительствовал ими. Жаловались они на то, что нападали друг на друга управляющие [9] конунга Хакона на севере в Марке [10] и восточные кирьялы, те, что были обязаны данью конунгу Хольмгардов, так как они постоянно вели войну с грабежами и убийствами. Были там назначенные встречи и было принято решение, как этому положить конец. Было им также поручено, чтобы они повидали госпожу Кристин, дочь конунга Хакона, так как конунг Хольмгарда так повелел им, чтобы они спросили конунга Александра. Конунг Хакон принял такое решение, что послал он весной людей из Трондхейма, и отправились (они) на восток в Хольмгард вместе с послами конунга Александра. Возглавлял

ту поездку Виглейк, сын священника, и Боргар. Отправились они в Бьергюн и так еще восточнее.[11] Прибыли они летом в Хольмгард, и принял их конунг хорошо, и установили они тогда мир между собой и своими данническими землями [12] так, что никто не должен был нападать на другого, ни кирьялы, ни финны; но продержалось это соглашение недолго. В то время было большое немирье в Хольмгарде. Пришли татары на государство конунга Хольмгарда, и по этой причине больше не занимались тем сватовством, которое велел начать конунг Хольмгарда. И когда они выполнили свои поручения, отправились они с востока с достойными дарами, которые конунг Хольмгарда посылал конунгу Хакону. Прибыли они с востока зимой и встретились с конунгом в Вике».[13]

Обстоятельный анализ процитированного фрагмента на фоне русско-норвежских отношений середины XIII в. проделан И. П. Шаскольским.[14] Дополнительного комментирования, на мой взгляд, заслуживают три группы вопросов: 1) о сути конфликта, приведшего к переговорам; 2) о предводителе русского посольства; 3) о сватовстве, сопутствовавшем переговорам, и о причинах, по которым это сватовство не имело продолжения.

1. Новгородские послы, как следует из «Саги о Хаконе», жаловались на нападения должностных лиц норвежского конунга на кирьялов (карел), что перекликается с сообщением «Саги об Эгиле» о грабительских нападениях Торольва, сборщика дани в Финнмарке, на располагавшиеся южнее карельские поселения.[15] Сопоставление известий двух саг позволяет заключить, что грабительские набеги норвежцев на кирьялов, проникших в северные районы Фенноскандии, подобные зафиксированным «Сагой о Хаконе» для середины XIII в., происходили уже по крайней мере на полстолетия раньше, т. е. до времени записи (между 1200 и 1230 гг.) «Саги об Эгиле», а вероятно, и еще ранее — в XI в.[16]

Обращает на себя внимание используемый «Сагой о Хаконе» и не встречающийся нигде более в источниках термин «восточные кирьялы», позволяющий думать, что норвежцы имели представление о каких-то подразделениях карельского племени. Вероятно, под «восточными кирьялами» следует понимать приладожскую корелу, представители которой совершали торговые, военные и промысловые экспедиции на север и северо-запад со своей коренной территории. Подразумеваемые «западные кирьялы» в таком случае — это древнекарельское население, осевшее в районах современной Северной Финляндии. Выделение этих последних в качестве особой ветви корел подтверждает новгородская летопись, упоминающая под 1375 г. «корелу семидесятскую»,[17] проживавшую, по всей видимости, в районе Оулуйоки в Приботнии.[18]

2. О предводителе русского посольства «Сага о Хаконе» говорит так: «звался Микьял и был рыцарем тот, кто предводительствовал» послами конунга Александра из Хольмгарда. И. П. Шаскольский полагает, что Микьяла, возглавлявшего русское посольство, можно отождествить с Михаилом Федоровичем из Ладоги, ставшим позднее (в 1257—1268 гг.) новгородским посадником. При этом исследователь исходит из того, что «Ладога являлась уже в XI веке исходным

пунктом для экспедиции на Север...; эту роль она, вероятно, сохранила и позднее. Поэтому, когда Александр стал подбирать состав посольства, он, очевидно, всем другим кандидатам из числа бояр предпочел ладожанина, как человека, лучше других знакомого со сложными отношениями Крайнего Севера».[19]

Сомневаясь, что проживание в Ладоге обеспечивало знакомство с отдаленным Финнмарком, позволю себе предложить иное прочтение зафиксированного сагой имени Микьял. Полагаю, что за этим именем скрывается боярин Миша, предок новгородских феодалов Мишиничей, бывший одной из самых заметных фигур в Новгороде в конце 20-х—середине 50-х годов XIII в.[20] Аргументов в поддержку этого мнения три. Во-первых, Мише и раньше приходилось исполнять посольские обязанности. Во всяком случае он появляется на страницах летописи под 1228 г., когда едет послом от князя Ярослава Всеволодовича к псковичам («Тъгда же князь посла Мишю въ Пльсковъ») [21] приглашать их в совместный поход на Ригу. Во-вторых, значительным эпизодом биографии Миши, несомненно, отличившим его в глазах князя Александра, было его участие в Невской битве 15 июля 1240 г., где возглавляемый Мишей отряд внес значительный вклад в победу русских. (В Житии Александра Невского «новгородецъ, именем Миша», назван среди шести «мужь храбрыхъ», отличившихся в бою: «сей пешь с дружиною своею натече на корабли и погуби три корабли Римлянъ».[22]) В-третьих, имя Миши столь характерно, что оно не нуждалось в уточнении отчеством (см., например, известие новгородской летописи под 1257 г.: «Той же зимы убиша Мишю» [23]). Видимо, не только в летописи Миша — без отчества, но и в жизни: именно поэтому и сага не уточняет его происхождения и не говорит о нем ничего иного, кроме: «звался Микьял и был рыцарем».[24]

3. Сватовству сына Александра Василия к дочери Хакона Кристин, сопутствовавшему переговорам, И. П. Шаскольский отводит «второстепенную роль» и усматривает в нем лишь средство для решения стоявшей перед русским посольством задачи «установления мирных отношений между двумя государствами в пограничной области».[25] Не отвергая этого мотива сватовства («желание русской дипломатии укрепить пограничные отношения»), В. Т. Пашуто, однако, приписывает Александру Невскому также «стремление установить русско-норвежский союз в противовес союзу шведско-норвежскому»,[26] закрепленному подписанием в 1250 г. при Сульберге вечного мира между Швецией и Норвегией, а также бракосочетанием в 1251 г. дочери шведского правителя ярла Биргера Рикисы и сына Хакона Старого Хакона.[27]

Если исходить из общей оценки активной внешней политики, проводимой князем Александром Ярославичем, то в описанном сагой сватовстве можно усмотреть один из шагов князя на пути к укреплению (среди прочего, и путем династических браков) русских границ с владениями Швеции, Дании и Норвегии, что обеспечивало бы безопасность Новгородской Руси на северо-западе.[28] Однако, отвлекаясь от этого, в сватовстве (особенно если учесть, что оно не состоялось) можно увидеть лишь «дипломатический прием, имевший

целью расположить норвежского короля в пользу соглашения с Новгородом».[29]

Причины, по которым брак не был заключен, заслуживают особого рассмотрения. Одну из них формулирует сага («Пришли татары на государство конунга Хольмгарда, и по этой причине больше не занимались тем сватовством, которое велел начать конунг Хольмгарда») и выдвигает большинство исследователей.[30] Другая причина вытекает из понимания сватовства как дипломатического приема: «Когда же оказалось, что соглашение может быть проведено и может оказаться достаточно прочным и без династического брака, Александр под благовидным предлогом отказался от сложного и дорогостоящего сватовства».[31] И, наконец, последняя коренится в понимании шведским историком XVIII в. О. Далиным логики межгосударственных связей: «В деле, до бракосочетания касавшемся, учтивыми словами было им (русским послам. — *Т. Д.*) отказано».[32] Итак, причин в литературе выдвигается три: 1) Александру было не до сватовства (т. е. то же, что говорить по этому поводу сага, рассматриваемая как вполне достоверный источник); 2) Александр сам отказался, ибо мирный договор был заключен и без сватовства; 3) Хакон отказал Александру, не желая выдать дочь за данника монголов (но это не соответствует источнику). Позволю себе предложить еще одно объяснение, связанное с некоторыми хронологическими расчетами.

По саге, русские послы прибыли в Норвегию (Трондхейм) зимой. Это означает, что путь их лежал по суше (на что указывает и термин, которыми обозначен Микьял (*riddari*), переведенный здесь как «рыцарь» и применительно к русскому контексту осмысленный как «боярин», но имеющий основное исходное значение «всадник»; как титул *riddari* введен в Норвегии позднее, чем была написана «Сага о Хаконе», — в 1277 г.[33]). Прибывшие зимой послы дождались весны и вместе с норвежским посольством отправились «в Бьергюн и так еще восточнее», т. е. через Берген, а значит, вокруг Скандинавского полуострова, и далее Восточным путем через Балтийское море в Хольмгард (Новгород). Такой путь, согласно данным, приводимым И. Херрманом (по Д. Элльмерсу, с дополнениями), протяженностью около 4 тысяч километров, мог занять, с учетом навигационных особенностей того времени, до трех месяцев.[34] Сага говорит, что летом (и это вполне возможно) послы прибыли в Новгород «и принял их конунг хорошо».

Но мог ли конунг (князь Александр) принять послов в начале лета 1252 г.? Как убедительно показал С. М. Соловьев [35] и как принято большинством историков,[36] Александр сам «навел» Неврюеву рать на своего брата Андрея: в начале 1252 г. Александр отправился в Орду с жалобою на брата, и еще до возвращения Александра из Орды на Русь пришла татарская рать: «Бысть же в канун Боришу дни, безбожнии татарове под Володимером...наутреи же на Бориш день срете их князь великии Андреи со своими полки...» [37] (Борисов день — 24 июля по старому стилю). На Русь же Александр вернулся с именем великого князя после бегства Андрея. Полагаю, что в ремарке саги «и принял их конунг хорошо» следует видеть устойчивое словосочетание, отвечающее очень распространенной в сагах литератур-

ной формуле.[38] Кстати, в рукописи AM 45 folio, содержащей краткую редакцию этого текста, говорится иначе: «их там хорошо приняли»,[39] а о «достойных дарах», которые один конунг послал другому, и вообще речь не идет.[40] Вероятно, послы прибыли на Русь до возвращения Александра и, решив вопросы территориальные, не могли в отсутствие князя и отца, начавшего сватовство, продолжать переговоры о сватовстве. Вероятно также, что с приходом на Русь татарских полчищ послы стремительно вернулись домой, не дожидаясь возвращения великого князя.

Вопрос о том, почему Александр не возобновил со временем сватовства (замечу, что Кристина была выдана замуж в Испанию только в 1257 г.[41]), еще ждет своего объяснения. Вероятнее всего, причиной несостоявшегося брака стал пересмотр Александром Ярославичем своей западной политики, о чем шла речь на конференции в докладе Г. М. Прохорова «Выбор князя Александра».[42]

---

1 См.: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей: X—XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1988—1989 гг. М., 1990.

2 Nordal S. Sagalitteraturen // Nordisk kultur. Bd 8: Literaturhistorie. B. Norge og Island. Stockholm, 1953.

3 Рыдзевская Е. А. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе // Исторические связи Скандинавии и России: IX—XX вв. Сборник статей. Л., 1970. С. 324.

4 Рукопись 1380—1394 гг. GkS 1005 folio.

5 Хакон, сын Хакона — норвежский конунг с 1218 по 1263 г.

6 Гардарики (Garðaríki) — древнескандинавское название Древней Руси.

7 Конунг Александр — князь Александр Ярославич Невский (1220—1263), князь Новгородский с 1236 г., великий князь Владимирский с 1252 г.

8 Хольмгард (Hólmgarðr) — древнескандинавское название Новгорода.

9 В переводе Е. А. Рыдзевской, несколько отличном от данного перевода, sýslumenn передается как «чиновники». Е. А. Рыдзевская поясняет, что sýslumaðr — «королевский чиновник, ведавший прежде всего сбором дани и всяких поборов» (Рыдзевская Е. А. Сведения... С. 326, примеч. 11).

10 Т. е. в Финнмарке. Финнмарк — область на севере Скандинавского полуострова.

11 Путь из Трондхейма, описанный сагой, — путь вдоль побережья Норвегии и далее по Балтийскому морю.

12 «Трудно предположить, — пишет И. П. Шаскольский, — чтобы соглашение между двумя государствами, явившееся результатом длительных переговоров и разрешавшее целый ряд спорных вопросов, могло быть устным. Оно, скорее всего, должно было быть зафиксировано в определенном документе — мирном договоре» (Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // ИЗ. 1945. Т. 14. С. 57). И. П. Шаскольский полагает, что договором, заключенным в начале 1250-х годов между Новгородом и Норвегией, могла быть так называемая «Разграничительная грамота» (Там же. С. 41—44, 57—61). Впрочем, это мнение разделяется далеко не всеми исследователями (см.: Lind J. Sammenfattende diskussion af skandinavistik forskning efter 1968 // Gallén J., Lind J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns. København, 1990. Bd 2).

13 Flateyjarbøk / Ed. S. Nordal. Akranes, 1945. Bd 3. Bl. 537.

14 Шаскольский И. П. 1) Посольство Александра Невского в Норвегию // ВИ. 1945. № 1. С. 112—116; 2) Договоры... С. 38—61. Текст «Саги о Хаконе, сыне Хакона» в переводе Е. А. Рыдзевской использован, помимо этих статей, также в ряде работ В. Т. Пашуто (см. ниже, примеч. 26).

15 Сага об Эгиле // Исландские саги / Ред. М. И. Стеблин-Каменский. М., 1956. С. 84—85, 89—90.

16 См.: Древнескандинавские письменные источники // Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 113—114.

17 HIVЛ // ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Вып. 2. С. 205.

18 Наблюдение А. М. Спиридонова. См.: Древнескандинавские письменные источники. С. 114.

19 Шаскольский И. П. Посольство... С. 114, примеч. 1.

20 Молчанов А. А. 1) Боярин Миша — предок новгородских феодалов Мишиничей // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов. Псков, 1988. С. 103—105; 2) К вопросу о принадлежности усадеб Неревского раскопа в Новгороде // СА. 1989. № 4. С. 71—76.

21 НПЛ. С. 66, 271.

22 Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 167, 190.

23 НПЛ. С. 82.

24 В. Л. Янин не считает возможным отождествлять предка Мишиничей с Мишей, героем Невской битвы, однако А. А. Молчанов убедительно показывает, что все данные говорят о существовании в Новгороде в XIII в. только одного боярина Миши (см. работы, указанные в примеч. 20).

25 Шаскольский И. П. Посольство... С. 114.

26 Об этом писал В. Т. Пашуто. См.: Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. М., 1953. Ч. 1. С. 889; Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1974.

27 Далин О. История Шведского государства. СПб., 1905. Ч. 2. Кн. 1. С. 275—277.

28 См.: Очерки истории СССР: Период феодализма IX—XV вв. Ч. 1. С. 889—890.

29 Шаскольский И. П. Посольство... С. 115, примеч. 1.

30 Карамзин Н. М. История государства Российского. 5-е изд. В 3-х книгах. СПб., 1842. Кн. 1. Т. 4. Стб. 44; Шаскольский И. П. Посольство... С. 114—115; Пашуто В. Т. Александр Невский. С. 122.

31 Шаскольский И. П. Посольство... С. 115, примеч. 1.

32 Далин О. История... Ч. 2. Кн. 1. С. 263. Гл. VII, § 11, примеч. «т».

33 Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. P. 497.

34 Славяне и скандинавы / Пер. с нем. М., 1986. С. 95—98.

35 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3. Гл. 3 // Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2. С. 152. См. также: Там же. С. 324, примеч. 299.

36 См., например: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 1. С. 27, 35; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 143 (правда, здесь смерть хана Батыя ошибочно датируется 1252-м годом); Пашуто В. Т. Александр Невский. С. 113.

37 ПСРЛ. М., 1949. Т. 25. С. 141.

38 Некоторое количество примеров см.: Джаксон Т. Н. Скандинавский конунг на Руси (о методике анализа сведений исландских королевских саг) // Восточная Европа в древности и средневековье: Сборник статей. М., 1978. С. 284—285.

39 Fornmanna sögur eptir gömlum handritum. Kaupmannahöfn, 1835. Bd 10. S. 44.

40 Думаю, что «дары» — тоже общее место рассказа. Дары и обмен подарками обязаны своим нередким упоминанием в сагах древнескандинавским представлениям о богатстве и дарении, сохранявшим силу и после эпохи викингов, в XII—XIII вв., когда записывалось большинство саг. (См.: Гуревич А. Я. Богатство и дарение у скандинавов в раннем средневековье (некоторые нерешенные проблемы социальной структуры дофеодального общества) // Средние века. М., 1968. Вып. 31. С. 180—197).

41 Isladske Annaler indtil 1578 / Ed. G. Storm. Christiania, 1888. S. 133, 192.

42 Текст доклада, к сожалению, не был представлен редакторам сборника своевременно. (*Прим. ред.*).

А. Л. Хорошкевич

«КОННЫЕ ПЕЧАТИ» АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И ТРАДИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СФРАГИСТИКИ

Основой для восстановления истории княжения Александра Ярославича, прозванного новгородцами в конце XV в. «Храбрым»,[1] а в XVI в. «Невским»,[2] служат скупые сведения его Жития да немногочисленные и краткие летописные заметки, возможности анализа которых еще не исчерпаны. Для пополнения сведений о политике князя, международной обстановке, в которой она протекала, новгородско-княжеских отношениях 30—50-х годов XIII в. могут быть привлечены и печати этого князя, атрибутированные ему В. Л. Яниным.[3] В настоящей статье автор преследует лишь одну цель — поставить эти печати в ряд современных им европейских печатей и установить источники их иконографии. Путь к этому — формально-типологический анализ, схожий с тем, что лежит в основе современной дипломатики. Подобная методика в сфрагистических исследованиях русских печатей еще не заняла того места, на которое по праву могла бы рассчитывать.[4]

Закономерности оформления печатей диктовались общими представлениями о системе ценностей в мире привилегий и светских, и духовных феодалов. Важнейшую смысловую нагрузку несло изображение и сопровождавшая его надпись. Существовала особая система соподчинения надписи и изображения: чем выше было положение лица, владевшего печатью, тем большая роль отводилась изображению, которому и надлежало характеризовать владельца печати.[5] Так, печати византийских и в подражание им «римских» (западноримских) императоров [6] несли изображения государя с многочисленными и в зависимости от времени различными регалиями — мечом, щитом, скипетром, державой, троном и т. д.[7] Печати министериалов, как и городские печати, возникшие в позднее Средневековье, на обратной стороне часто имели строчные надписи.[8] Если печати были лишены надписей, то их функцию брало на себя изображение. Поскольку большинство русских княжеских печатей именно таково, то особое значение приобретает изучение иконографии этих изображений. Изучение их может ввести исследователя в мир политических идей и реальностей того или иного времени.

Среди «ископаемых» новгородских княжеских печатей, т. е. найденных в земле при археологических раскопках или случайно, В. Л. Янин выделил две группы (№ 372—378 по его же каталогу),

которые он приписал Александру Ярославичу. При этом он руководствовался предложенной Н. П. Лихачевым методикой, полагая, что святые на печатях тезоимениты владельцу печати и его отцу,[9] а «смысл изображения ... сводится к указанию христианского имени и отчества князя, утверждающего своей печатью акт».[10] На первой группе печатей изображены фронтально стоящие святые воины: в одной разновидности — с мечами, в другой — с копьями и надписями, воспроизводящими имена «Александр» и «Федор»; последнее имя — это христианское имя его отца. Традиция подобных изображений восходит к Византии: святые в рост в XI—XIII вв. преобладали на родовых печатях аристократии, а также различных дворцовых чинов — протовестиария, великого хартулярия государственной казны, севаста, куропалата.[11] На Руси печати такого типа появляются в 30-е годы XII в. при Святославе Ольговиче, пришедшем к власти в результате восстания 1136 г. и утвердившего принцип «вольности в князьях».[12] Изображение на печати подчеркивает идею божественного освящения княжеской власти, с одной стороны, и преемственности власти от отца к сыну — с другой, что в целом было направлено против республиканских устремлений новгородцев.

Уступку последним был вынужден сделать Ярослав Всеволодович, отказавшийся от помещения на обороте печати изображения отцовского патрона. Вместо него там появился Вседержитель, восседающий на троне с поднятой в жесте благословения правой рукой и с кодексом (на печатях № 368 и 369) в левой. Вседержитель — патрон Новгорода (по единодушному мнению В. Л. Янина и С. М. Каштанова) — на печатях Ярослава Всеволодовича, княжившего в Новгороде в 1215—1216, 1223—1224, 1226—1229, 1230—1236 гг., выступает в качестве общегородского символа и свидетельствует об ограничении власти князя, упорядочении прав города, прежде всего в отношениях с князем. Летопись сообщает о заключении новгородцев с Ярославом ряда лишь под 1228 и 1230 гг.,[13] печати заставлют предполагать, что какие-то соглашения имели место и в предшествующие его правления в Новгороде. Четыре серии его печатей отличаются и лицевыми сторонами: на двух из них поколенное изображение святого Феодора (на № 370 — с копьем в правой и щитом в левой руке, на № 371 — наоборот), на двух других — тот же Феодор Стратилат в сцене «чуда о змие», правой рукой поражающий дракона в пасть, а левой держащий меч за рукоятку (№ 368 и 369). Поскольку именно на этих двух разновидностях Вседержитель имеет в руках кодекс, считаем возможным отнести их ко времени третьего и четвертого княжения Ярослава в Новгороде. Отказ от статуарного изображения святого патрона князя и замена его более сложной композицией должны была, вероятно, поднять престиж князя в противовес городу.

Казалось бы, юный князь, побывавший в Новгороде еще при жизни отца в качестве его наместника, должен был воспользоваться отцовской эмблематикой. Однако на его печатях Вседержителя — ни с кодексом, ни без оного — нет. На печатях первого, по мнению В. Л. Янина, типа (№ 372—373) — снова два патрональных святых, снабженных соответствующими надписями и на лицевой, и на оборотной сторонах. Таким образом, иконография их воспроизводила

старую традицию начала XIII в., времени княжения Святослава и Константина Всеволодовичей (соответственно 1200—1205, 1208—1210 и 1205—1208 гг.), а также рубежа 10-х и 20-х годов XIII в., Святослава и Всеволода Мстиславичей (1218—1219 и 1219—1221 гг). Нет изображения Вседержителя и на других типах печатей Александра Невского. Очевидно, он отказался от крестоцелования на «Ярославлих» грамотах, круто повернув от отцовской политики соглашения с городом к политике упрочения княжеской власти в Новгороде. Примечательно при этом, что Александр Ярославич на большей части своих печатей (№ 374—378) воспользовался более поздней традицией изображения святого патрона отца: на обороте этих типов его печати Феодор Стратилат в той же сцене «чуда о змие», однако вместо меча левой рукой он ведет под уздцы лошадь. Новое пополнение композиции за счет включения коня соответствовало и лицевой стороне печати — изображению конного всадника. К 1970 г. печати второго типа численно преобладали — их было 35 из обнаруженных к тому времени 43 экземпляров. Можно полагать, что на протяжении большей части своих двух княжений в Новгороде (1236—1240, 1240—1263) Александр пользовался печатями второго типа, а печати первого типа, обычные для XII в., № 372—373, относятся ко времени после фактического подчинения Новгорода монголами, т. е. последним годам княжения Невского героя (1259—1263).

На лицевой стороне печатей под № 374—378 вырезан всадник с поднятым правой рукой мечом, двигающийся вправо, на № 374 и № 376, представленных наибольшим количеством экземпляров (10 и 15), — всадник в короне, как и на № 378 (1 экз.). На разновидностях № 375 и, возможно, № 377 — это святой. Настойчивое повторение темы коня на лицевой и оборотной сторонах печатей Александра Невского — светского или святого всадника на лицевой стороне и святого, спешившегося с коня для битвы с драконом, — на оборотной — заставляет внимательнее присмотреться к символике этого изображения. Исследователи давно уже усмотрели западноевропейское влияние в конных печатях Александра Невского,[14] при этом В. Л. Янин полагает, что фигура коронованного всадника на этих печатях носит светский характер, поскольку является символическим изображением. В этом же убеждает сравнение конных печатей Александра Невского с печатями других европейских государей Средневековья.

Начиная с XI в. по всей Европе на печатях широко распространяется изображение всадника. Государи новых политических образований, возникавших в процессе феодального дробления, для оформления своей власти широко пользовались инсигниями императорской и королевской власти (меч, щит, скипетр, держава, трон и, конечно, короны разного образца). Однако все они были недостаточны для демонстрации особенностей власти глав новых государств и укрепления их престижа. Поэтому независимые или вассально зависимые от верховной власти в лице императора и короля графы и пфальцграфы, князья и герцоги в XI—XIII вв. стремительно обзаводились символами собственной государственности. Одним из них стало изображение всадника, олицетворявшего и воинскую доблесть, и воинскую честь,

и верную службу своему сюзерену, и некоторую свободу владельцев печати.

Наиболее ранние конные печати принадлежат герцогу Адальберту Лотарингскому (1037 г.), графу Ламберту фон Левену (1047 г.), маркграфу Эрнсту Австрийскому (1056—1076 гг.), графу Балдуину Фландрскому (1065 г.).[15]

Позднее аналогичные печати стали употребляться и в других местах Центральной и Восточной Европы: конные печати имели герцог Баварский в 1125 г.,[16] сын императора Фридриха II герцог Генрих Швабский в 1216—1220 гг.,[17] великопольский князь Мешко III Старый в 1145 г., среднепоморский князь Богуслав I в 1170 и 1193 гг., граф Альтены Арнольд в 1173—1204 гг., граф Маркий Адольф I в 1213, 1226 гг., граф Гольштейн в 1233 г.[18] В Польше XIII в. конные печати князей стали обычными: всадник влево изображен на печати поморского князя Богуслава I в 1214 г. и его преемника Казимира II, Барнима I Поморского в 1235 г., восточнопоморского Святополка Гданьского в 1228 и 1236—1242 гг.,[19] Болеслава V Стыдливого Куявского и Сандомирского в 1235—1250 гг. и Владислава Одонича Великопольского в 1223—1239 гг. и позже, в 1236 г., у Казимира, князя Куявского.[20]

Символика конного изображения на печати особенно ясна на английских королевских печатях, тип которых сложился при Вильгельме Завоевателе (1066—1087). На лицевой стороне помещалось тронное изображение короля со всеми аксессуарами власти — державой и скипетром, на обороте — всадник. Легенда на лицевой стороне, варьировавшаяся у Вильгельма I и его преемников XII—XIII вв., обязательно включала термин «король» («rex»), будь то «англов» или «Англии»; первый вариант встречаем на печати Вильгельма II (1087—1100), Генриха I (1100—1135), Стефена (1135—1154), Генриха II (1154—1189), Ричарда I (1189—1199), второй — начиная с Иоанна I (1199—1216). На обороте всех печатей, кроме Вильгельма II (он всюду назван «королем англов»), был выбит титул «норманнского князя»; правда, у самого Вильгельма I это «hoc normanorum Wilhemum nosce patronum s(igillus)», а начиная с Генриха I — «князь норманнов», с Иоанна I и Генриха III (1216—1272) — «князь Нормандии».[21] Таким образом, двусторонняя печать отражала и фиксировала положение английских государей — и как королей (тронная печать), и как нормандских князей (конная печать). Такая же картина и в Чехии XIII в., и в Латинской империи, после того как там утвердилась фландрская династия.[22] У Балдуина I (1204—1205), Генриха I д'Ангре (1206—1216), Балдуина II (1240—1261) императорская тронная печать пополнилась оборотной стороной с изображением всадника с поднятым в правой руке мечом. Подобно тому как в X—XI вв. западные императоры широко использовали византийский опыт в оформлении своих печатей (сначала стоящую фигуру, затем, при Оттоне III в 997 г., трон),[23] так в начале XIII в. западный мир познакомил Византию с опытом младших по чину государей — глав мелких феодальных образований, которого Византия не знала.

Именно из Латинской империи и пришла на Русь, по-видимому, иконография конных печатей.[24] Использование ее Мстиславом Мстиславичем Удалым Галицким и Торопецким, княжившим в Новгороде в 1210—1215, 1216—1218 гг., а затем Всеволодом Юрьевичем, новгородским князем, в 1222 и 1224 гг. и, наконец, Александром Невским облегчалось контактами со странами Восточной и Центральной Европы, давно использовавшими конные печати. По-видимому, можно наметить цепочку — фландрские графы, латинские императоры из Фландрии и новгородские князья, — по которой распространялось отличное от остальных стран Европы изображение всадника с поднятым мечом.

Употребление конной печати Александром Невским подчеркивало его «ранговое» равенство с государями Западной, Центральной и Северной Европы, вводило в многочисленную семью независимых глав небольших государственных образований. Предстоит еще раз осмыслить причины появления *светского* всадника на его печатях, равно как и смены светского всадника святым. Может быть, первое связано с тем, что Александр был одним из первых русских князей, получивших при крещении христианское имя, причем имя, для каждого человека Средневековья тесно связанное со знаменитым Александром Македонским.

---

[1] НПЛ. С. 471.

[2] Написанное по поручению митрополита Макария после 1547 г. Житие Александра Невского уже содержало это определение. См. подробнее: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 238.

[3] Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 2: Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970. С. 7—8.

[4] Каштанов С. М. Древнерусские печати (размышления по поводу книги В. Л. Янина) // История СССР. М., 1974. № 3. С. 180.

[5] Gumowski M., Haisig M., Mikucki S. Sfragistyka. Warszawa, 1960. S. 62.

[6] Schlumberger G. Mélanges d'archéologie byzantine. Paris, 1895. P. 91—97.

[7] Ohnsorge W. Abendland und Byzanz: Gesammelte Aufsätze zur Geschichte der byzantinisch-abendländischen Beziehungen und des Kaisertums. Weimar, 1958. S. 288—299; Maisel W. Archeologia prawna Polski. Warszawa; Poznań, 1982. S. 218; Schramm P. E. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Stuttgart, 1954—1956. Bd 1—3.

[8] См. № 11.

[9] Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1930. Вып. 2. С. 90; Янин В. Л. Актовые печати... Т. 2. С. 23. Ср.: Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1981. Т. 31. С. 117.

[10] Янин В. Л. Актовые печати... Т. 2. С. 88.

[11] Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884. P. 490, 531, 584, 594, 605—606, 612, 642, 665, 672, 689, 691, 692, 695, 708, 709.

[12] Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 70—72.

[13] НПЛ. С. 273, 274, 278.

[14] Янин В. Л. Актовые печати... Т. 2. С. 7—8, 22—23; Лихачев Н. П. Материалы... Вып. 2. С. 90.

[15] Spiess Ph. E. Von Reutern-Siegel. Halle, 1784. S. 5—14.

[16] Seyler G. A. Geschichte der Siegel. Leipzig, 1894. S. 258—259.

[17] Ibid. S. 192—193; Ganz P. Geschichte der heraldischen Kunst in der Schweiz im XII. und XIII. Jahrhunderts. Frauenfeld, 1899. S. 137.

[18] Gumowski M. Handbuch der polnischen Siegelkunde. Graz, 1966. N 208; Gumowski M., Haisig M., Mikucki S. Sfragistyka. S. 190, 206; Philippi F. Die westfälischen Siegel des Mittelalters. Münster, 1882. Taf. I, N 1—3; Taf. XII; Taf. XIX, N 7.

[19] Gumowski M. Handbuch... S. 303, 304, 319; Gumowski M., Haisig M., Mikucki S. Sfragistyka. S. 206, 189; Gumowski M. Pieczięcie ksiąźat pomorskich // Zapiski Towarzystwa Naukowego. Toruń, 1950. T. 16.

[20] Gumowski M. Handbuch... S. 202, 18, 15.

[21] Birch W. de Gray. Catalogue of Seals in the Department of Manuscripts in the British Museum. London, 1887. Vol. 1. P. 3, 5, 16.

[22] Spiess Ph. E. Von Reutern-Siegel. S. 7—8; Schlumberger G. Mélanges ... P. 91—94, 97.

[23] Ohnsorge W. Abendland und Byzanz...

[24] Schlumberger G. Sceaux et bulles des Empereurs latins de Constantinople // Schlumberger G. Mélanges... P. 91—97; Хорошкевич А. Л. 1) Печать князя всея Руси: сфрагистические и генеалогические традиции // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 77—80; 2) Конные печати Мстислава Мстиславича Удалого — источник по истории международных отношений Руси начала XIII в. // Славяне и их соседи: Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989. С. 24—27.

В. К. Зиборов

О НОВОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ ПЕЧАТИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Недавно был нами найден новый экземпляр буллы (вислой свинцовой печати) великого князя Александра Ярославича. Он был приобретен в результате обмена на нашем ленинградском нумизматическом рынке весной 1990 г. При обмене прозвучало сообщение о том, что печать — из Новгорода, но ни точное место находки, ни время указаны не были.

Экземпляр представляет собой фрагмент (1/2) свинцовой буллы с изображениями и надписями с обеих сторон. При сравнении с материалами из Сфрагистического альбома Н. П. Лихачева [1] и из монографии В. Л. Янина [2] выяснилось, что наш экземпляр относится к одной из разновидностей печатей великого князя Александра Невского, известной в количестве восьми единиц: таким образом, новый экземпляр — девятый.

Приводим описание нового экземпляра буллы, руководствуясь трудом В. Л. Янина «Актовые печати»: диаметр — 28—29 мм, место находки — Новгород (?), время находки — до 1990 г. *Лицевая сторона* содержит часть изображения святого Александра на коне вправо. Сохранились часть головы с нимбом, части туловища и коня, правая рука с поднятым мечом. Надпись в четыре строки содержит имя святого, читаемое фрагментарно: А/Л/Е...Д/Р. *Оборотная сторона.* Часть изображения идущего святого влево. Сохранились часть головы с нимбом, часть туловища, левая нога, левая рука, держащая за повод коня, которого наполовину как бы ввели в поле печати. Полностью сохранилась надпись, состоящая из трех букв: Ф/Е/Д. Характерная особенность экземпляра — патина светло-коричневого цвета. По типу изображения печать патрональная.

Случайность приобретения буллы определила постановку первого вопроса, на который необходимо было ответить. В первую очередь — это вопрос о подлинности. Решался этот вопрос многоэтапно, а именно — прежде всего было произведено детальное сравнение печати по упомянутым выше альбомам Н. П. Лихачева и В. Л. Янина. Затем наши ленинградские специалисты по древнерусской сфрагистике М. П. Сотникова и С. В. Белецкий любезно согласились осмотреть экземпляр. Оба исследователя считают, что подлинность экземпляра бесспорна. Печать также сравнивалась с подобными ей из собрания Государственного Эрмитажа. Во время научной конференции в Ле-

нинграде 28 июня 1990 г. В. Л. Янин, ознакомившись с экземпляром, подтвердил его подлинность.

Итак, новый экземпляр печати относится к той разновидности, которая в монографии В. Л. Янина достаточно полно описана под № 375.

Что нового дает девятый экземпляр? Единственная новая деталь, которую с большой долей осторожности можно было бы отметить, относится к написанию имени на лицевой стороне буллы. До сих пор в литературе было представлено только два варианта прочтения. Так, Н. П. Лихачев следующим образом читает эту надпись: «АЛХНДР» (буква «р» изображена зеркально), заметив при этом, что, «принимая „Х“ за „ξ“, мы имеем полное имя святого Александра». Несколько иное прочтение предлагает В. Л. Янин: имя святого представлено буквами «АНДР», а на правой половине печати над головой коня он читает букву «К» в зеркальном изображении. Новый экземпляр, представленный левой половиной, имеет только надпись имени. Сохранность букв разная: буква «А» видна отчетливо, вторая буква — «Л» — лишь фрагментарно, в начале третьей строки, хотя и фрагментарно, читается буква «Е», которая учеными не отмечалась, далее лишь фрагментарно сохранились буква «Д» и концевая буква «Р» в зеркальном изображении. Таким образом, экземпляр дает нам только одну новую деталь — букву «Е», да и то при плохой сохранности печатей этой разновидности предложенное прочтение весьма предположительно.

Это все, что можно извлечь из внешних данных нового экземпляра буллы. Но, разбираясь с ним далее, мы обратили внимание на спорные моменты в опубликованной литературе, в связи с чем позволим себе расширить рамки сообщения. Прежде всего, несколько слов о надписи на лицевой стороне печати. Как уже отмечалось, В. Л. Янин, кроме имени святого Александра, предлагает здесь прочтение буквы «К», изображенной зеркально и расположенной над головой коня. Что может означать эта буква «К», сопутствующая имени? Ответить на этот вопрос трудно. По аналогии с другими подобными надписями на печатях здесь можно было бы встретить слово «агиос». И точно, если внимательно всмотреться в правую часть буллы, а именно в ту часть, что расположена перед головой коня, то там явно видны какие-то буквы, но так как они расположены на самом краю поля печати, полностью прочитать их на доступных мне экземплярах я не смог. Что же касается буквы «К» над головой коня, то ее можно рассматривать как изобразительный элемент, например прапор, по предположению М. П. Сотниковой. Будем надеяться, что новые археологические находки, которыми так богата земля Новгорода Великого, позволят нам ответить на возникшие вопросы.

Теперь об изображениях на буллах князя Александра Невского. Начну с изображения на оборотной стороне. Еще Н. П. Лихачев отметил, что здесь «несомненно изображение святого Феодора Стратилата в чуде о змии».[3] Но в современной литературе почему-то вместо святого Феодора Стратилата стал упоминаться святой Феодор Тирон.[4] Еще святой Димитрий Ростовский в «Книге житий святых» после рассказа под 8 февраля о «Страданиях святого великомученика Фео-

дора Стратилата...» сделал специальное примечание: «Ведати подобаетъ, яко два суть святии Феодори великомученики во Евхаитехъ первый Тиронъ, вторый сей Стратилатъ. Святый Феодоръ Тиронъ пострада прежде въ царство Максимиана, и племянника его Максимина, въ лето от Бытия мира 5797, от рождества же Христова 289, и положенъ во Евхаитехъ, якоже о томъ писано будетъ сегоже месяца въ 17 день. По немъ послежде пострада сей святый Феодоръ Стратилатъ въ двадесять два, или три лета, во дни Ликиниа, въ царство же великаго Константина, въ лето от Бытия мира 5820, от Рождества же Христова 312, и такожде во Евхаиты принесенъ и положенъ тамо. Оба святии Феодори сии суть Евхаитстии».[5] Сюжет «Чудо о змии» читается в «Страданиях» святого Феодора Стратилата, а не святого Феодора Тирона. Процитирую описание чуда из Жития: «...яже знаменита бе от того времене, егда уби змия во Евхаитехъ: бе бо не далече града Евхаитска от полунощныя страны поле пусто, и въ немъ пропасть велия, внутрь же тоя пропасти возгнездися змий велий, иже егда оттуду исхождаше, земля на томъ месте трясашеся: изшедши же, аще что-либо обреташе, человека ли или скота, снедаше». Феодор Стратилат решил поразить змия и направился к его логову, где произошло следующее: «...къ своему коню аки къ человеку беседуя, рече: „вемы Божию власть и силу во всехъ, въ человецехъ же и скотехъ, убо и ты помогай ми, укрепляющу тя Христу, да побежду сопротивнаго“; конь же послушая словесъ господина своего, стояше ждый исхождения змиина». Далее святой Феодор вызывает змия на единоборство, «змий же услышавъ гласъ святаго, подвижеся, и егда подвижеся, потрясеся земля на месте томъ. Святый же Феодоръ знаменався крестнымъ знамениемъ, седе на коня своего: конь же изшедшаго змия страшна бия ногами и попирая, ста на немъ всеми четырми ногами. Тогда воинъ Христовъ Феодоръ мечемъ порази змия, и уби его...».[6] Житийное описание несколько отличается от изображения на печати.

Теперь обратимся к изображению на лицевой стороне печати. Судя по замечаниям Н. П. Лихачева, это изображение святого Александра. Этот святой не сразу был определен. И действительно, святых Александров в святцах много, но все они в своей жизни были патриархами, монахами, даже торговцами, но никак не воинами. Только под 9 июля Н. П. Лихачев нашел память святого воина Александра. Об изображении на лицевой стороне печати Н. П. Лихачев пишет следующее: «Святой всадник (нимб совершенно ясен) почти остановился, ноги лошади указывают, что он еще скачет, ... святой Александр, воин, мученик египетский; празднуется 9 июля».[7] А перед этим исследователь обратил внимание на характерные детали изображения: «Важно определить, какой святой представлен в виде всадника, весьма далекого от византийских изображений. Несомненно западноевропейское влияние, западный образец, может быть, принятый с такой легкостью, потому что греческого изображения редкого святого не было под рукою».[8] О святом воине Александре известно немного: его чтут вместе с преподобными мучениками Патермуфием и Коприем. Все трое пострадали при Юлиане Отступнике: «Коприй, подвижник Египетских пустынь, приведенный воинами к Юлиану

Отступнику, вместе со своим учителем 75-летним старцем Патермуфием, был обольщен словами Юлиана, отвергся Христа и принес жертву Аполлону: но отеческий упрек Патермуфия возвратил его на путь истины, и он вытерпел жестокие истязания, постоянно подкрепляемый словами старца. Своим мужеством в страданиях обратил ко Христу одного из воинов Юлиана — Александра, который скончался в огненной пещи; а святые подвижники, вверженные в ту же пещь и невредженные от огня, усечены были мечом».[9]

Замечание Н. П. Лихачева о малой известности святого воина Александра, чью память празднуют 9 июля, послужило поводом к рассуждению на тему о дне рождения великого князя Александра Невского.

Напомню, что русские летописи не знают ни года, ни дня рождения князя Александра. Правда, в XVIII в. было высказано предположение о дне его рождения: 30 мая. Однако от этой даты в дальнейшем исследователи отказались. Не рассматривая версию ученых XVIII в. о дне рождения, обращаем внимание читателей на день памяти святого воина Александра. Первое, что вспоминается, когда речь идет о наречении новорожденных православных христиан, — это святцы, по которым давали имя новорожденному; при этом давали имя или по дню рождения, или по дню крещения. Эта общепринятая традиция, конечно, слишком обща и требует конкретизации с помощью письменных источников XIII—XIV вв.

Обратимся к текстам русских летописей, например Лаврентьевской и Московского летописного свода конца XV в., и посмотрим, было ли это правило действенным для интересующего нас периода.

Лаврентьевская летопись под 6739 (1231) г.: «Того же лета родися Василку сынъ, месяца июля въ 24 день, в праздник святою мученику Бориса и Глеба, и наречено бысть имя ему Борисъ».[10] Проверим утверждение летописи по Месяцеслову. Правильно. В этот день празднуется память «святых благоверных князей Бориса и Глеба».

Лаврентьевская летопись под 6761 (1253) г.: «Того же лета родися сынъ Борису князю Василковичю, месяца сентября в 11, и нарекоша имя ему в святом крещеньи Дмитрий».[11] Из Месяцеслова узнаем, что 11 сентября среди прочих святых празднуется и мученик Дмитрий.

Московский свод под 6834 (1326) г.: «Того же лета родися великому князю Ивану сынъ Иоан, марта въ 30, на память Иоана Лествичника».[12] Под 30 марта в Месяцеслове находим такое известие: «Преподобного отца нашего Иоанна, списателя Лествицы», т. е. того, который «написал Лествицу Рая, вводящаго на высоту духовного совершенства».[13]

Московский свод под 6835 (1327) г.: «Иуля въ 4 родися великому князю Ивану Даниловичу сынъ Андрей».[14] По Месяцеслову в этот день празднуется память «иже во святых отца нашего Андрея, архиепископа Критского».[15]

Если взять за основу вышеприведенные данные наших русских летописей, то вывод можно было бы сделать однозначный: день памяти святого воина Александра, празднуемый 9 июля, является днем рождения Александра Невского. Но на самом деле все обстоит гораздо сложнее. В летописях встречается целый ряд случаев, когда имя но-

ворожденному давали по дню крещения, а не по дню рождения, к тому же встречаются случаи, когда одноименного святого нет даже в ближайшие несколько недель после дня рождения интересующего нас лица.

Нельзя признать бесспорным и предложенный Н. П. Лихачевым вариант дня рождения великого князя Александра — 9 июля. Святых Александров-воинов известно три, их память чтится под 13 мая (воин-римлянин), 10 июня (просто воин), 9 июля (воин египетский). Выбор сузится, если мы обратимся к произведениям древнерусской богослужебной литературы, бытовавшим в первой половине XIII в. В Минее служебной упоминается только святой Александр Римлянин, память которого чтится 13 мая. В какой-то степени подтверждением этого может служить текст «Повести о житии и храбрости благовернаго и великаго князя Александра», где митрополит Кирилл в связи со смертью князя произнес следующие слова: «Чада моя, разумейте, яко уже заиде солнце земли Суздальской!».[16] Сравнение святого с солнцем — обычный прием агиографов, но в текстах, посвященных святым воинам Александрам, только в Минее служебной под 13 мая мы неоднократно встречаем этот образ (РНБ, Соф. собр., № 203. Минея на май. В четверку. XIII в. Л. 64, 65 об.): «Яко солнце свѣтъло от въстока въсиявъ обътече вся миръ»; «...обиде вся миръ яко солнце пресветьло, разори неистовьство идольское, неисповедимъ явися Александре пресветъле». Вопрос о святом воине Александре, в честь которого был назван князь, требует более детального рассмотрения.

Сложности очевидны. Но даже небольшая возможность внести уточнение в биографию святого Русской православной церкви и нашего национального героя должна быть использована. Подтвердится ли наша гипотеза — должно решить дополнительное исследование, которое, однако, выходит за рамки данной статьи.

---

[1] Лихачев Н. П. Сфрагистический альбом [Без года и места выпуска]. Табл. XXIX, 2; II, 6, 7, 8, 9.

[2] Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси XI—XV вв. Т. 2: Новгородские печати. М., 1970. С. 157.

[3] Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. С. 89.

[4] Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200—1304. М., 1989. С. 251.

[5] Димитрий Ростовский. Книга житий святых. М., 1805. Л. 37 об.—38.

[6] Там же. Л. 34—35.

[7] Лихачев Н. П. Материалы... Вып. 1. С. 91.

[8] Там же. С. 89.

[9] Месяцеслов. М., 1847. С. 214—215.

[10] ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 457.

[11] Там же. Стб. 473.

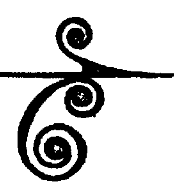
[12] Там же. Т. 25. М., 1949. С. 167.

[13] Месяцеслов. С. 23—24.

[14] ПСРЛ. 1949. Т. 25. С. 168.

[15] Месяцеслов. С. 206.

[16] Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 438.

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА РУСИ

О. М. Иоаннисян

XIII ВЕК В ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА

Основные тенденции развития архитектурного процесса

В истории древнерусского зодчества XIII век стал веком переломным и трагическим одновременно. В середине этого столетия архитектура Древней Руси, переживавшая доселе высочайший подъем, понесла огромные потери в ходе опустошительного монгольского нашествия. Строительная деятельность практически во всех русских землях (в том числе и в Новгороде, непосредственно не испытавшем на себе военного разгрома монголами) была прервана на долгие десятилетия, что повлекло за собой развал и гибель строительных артелей и в конечном счете утрату строительных кадров. Исключение составили лишь юго-западные земли Руси (богатое Галицко-Волынское княжество), которые даже в условиях жесточайшего разгрома смогли сохранить строительные кадры и возобновить строительство уже в 50-е годы.

В то же время именно в XIII столетии (особенно в первой его половине) окончательно сформировалась та тенденция типологического и стилистического развития, которая послужила основой дальнейшего становления русского зодчества вплоть до конца XVII столетия. Эта тенденция впервые была выявлена Н. Н. Ворониным [1] и получила полное и детальное рассмотрение в трудах П. А. Раппопорта.[2] Именно благодаря ей П. А. Раппопорт выделил конец XII—первую половину XIII в. в хронологически самостоятельный период истории русской архитектуры. В чем же она выражалась?

Если поставить в один ряд памятники древнерусского зодчества XI, XII и XIII вв., нетрудно заметить, что последние уже лишь в общих чертах сохраняют воспринятую в конце X в. из Византии типологическую схему храма, в области же архитектурных форм и объемов, организации пространства и композиционного построения они представляют собой качественно новое явление, лишь базирующееся на византийской традиции, но являющееся уже самостоятельным на-

циональным вариантом храмовой архитектуры в общей системе восточнохристианского зодчества. На смену статичной плавности и уравновешенности храмов с позакомарными покрытиями приходят динамичные, устремленные ввысь композиции башнеобразных храмов со сложной системой завершения и часто с ярко выраженной центрической композицией.

Процесс сложения национальных архитектурных форм, выразившийся в создании тяготеющей к вертикализму динамичной композиции башнеобразного храма, в первой половине XIII столетия охватил все без исключения школы древнерусского зодчества, хотя и выразился в различных типологических стилистических и конструктивных формах. От традиционных статичных форм в XIII столетии отказался даже консервативный в архитектурном отношении Новгород, весьма своеобразно интерпретировавший новые архитектурные веяния, занесенные на новгородскую почву смоленскими мастерами. Даже Галич, наиболее тесно связанный в своем архитектурном развитии с архитектурой Центральной и Западной Европы, не остался в стороне от этого процесса, решая общую для всей древнерусской архитектуры этого периода задачу в весьма своеобразной форме — с использованием готических конструкций сложных опор.

Однако процесс создания нового, национального типа храма, далеко уходящего от изначально воспринятого из Византии прототипа, столь активно развернувшийся в первой половине XIII в., на самом деле начался значительно раньше. Еще Н. Н. Воронин связывал начало этого процесса с полоцким зодчеством середины XII в., где уже в Спасском соборе Евфросиньева монастыря проявились те тенденции и появились те формы, которые в XIII столетии станут определяющими в развитии древнерусского зодчества.[3] Исследования памятника, проведенные П. А. Раппопортом и Г. М. Штендером, блестяще подтвердили это его наблюдение.[4] Однако исследования последних лет позволяют значительно углубить хронологически процесс развития этой тенденции в архитектуре Древней Руси.

Исследования Г. М. Штендера показали, что тенденции к созданию динамичной башнеобразной композиции храма проявились еще в самом начале XII в. в Киеве, где в церкви Спаса на Берестове, пожалуй, впервые в истории русского зодчества был сделан решительный шаг к отрыву от византийской традиции.[5] Вместе с оказавшимися в Полоцке во второй трети XII в. киевскими мастерами эта тенденция переносится из Киева в Полоцк, где получает дальнейшее развитие в таких памятниках, как соборы Бельчицкого и Спасо-Евфросиньева монастырей, и уже в почти сложившемся виде во второй половине XII в. присутствует в архитектуре Гродно. Совсем недавние открытия М. В. Малевской и А. А. Песковой во Владимире-Волынском, Луцке и Дорогобуже Волынском позволяют заполнить промежуточное звено между этими памятниками и вводят в эту орбиту в третьей четверти XII в. еще один регион — Волынь, где в разработке этой тенденции слились две архитектурные традиции — Киевская и Переяславская.

Таким образом, тенденция к созданию башнеобразного храма, столь ярко проявившаяся во всех строительных центрах Руси в пер-

вой половине XIII в., начала свое развитие еще на очень ранних этапах формирования русского зодчества и практически на всем протяжении XII столетия сосуществовала с другой, в гораздо большей степени опиравшейся на византийское наследие (хотя и с заметным влиянием элементов романской архитектуры). Причем если в XII в. определяющей была имено эта архаизирующая тенденция, XIII век показывает уже почти безраздельное господство новой, национальной архитектурной традиции, формы которой получают окончательную кристаллизацию на рубеже XII и XIII вв. в таких школах, как смоленская, не без участия полоцкой традиции (Церковь св. архангела Михаила в Смоленске, см. рис.), и киево-черниговская, по всей видимости, не без участия гродненских мастеров (Церковь св. Параскевы-Пятницы в Чернигове, см. рис.).

Другая характерная особеность архитектурного процесса на Руси в первой половине XIII в. — это значительное расширение географии и интенсивности строительства: каменные храмы появляются уже не только в крупнейших столицах княжеств, но и в мелких уделах; на архитектурной карте Руси наряду с Киевом, Новгородом, Полоцком, Смоленском, Черниговом, Галичем, Владимиром и другими старыми строительными центрами появляются Новгород-Северский, Путивль, Рославль, Василёв-на-Днестре, Львов, Торжок, Ярославль, Ростов, Дмитров, Суздаль, Юрьев-Польский и, возможно, другие центры, памятники в которых еще предстоит выявить. Мощная строительная организация, в составе которой действуют по крайней мере две строительные артели, существует в Смоленске, необычайной интенсивности достигает строительство в Новгороде, где действует, по всей видимости, несколько строительных артелей, позволяющих вести одновременное строительство, причем в очень сжатые сроки (всего за один сезон), очень большого количества храмов.

Однако при такой насыщенности строительной деятельностью в различных древнерусских землях в первой половине XIII в. и при всем своеобразии архитектурных форм в разных школах и строительных центрах, для зодчества этого времени характерна еще одна тенденция, существенно отличная от тенденции архитектурного развития XII в.: если в XII столетии в древнерусском зодчестве шел интенсивный процесс возникновения самостоятельных архитектурно-художественных школ, то в XIII в. при сохранении и даже дальнейшем углублении этого процесса начинается процесс активной интеграции архитектурных школ.[6] Так, сложение новых форм в смоленском зодчестве, как уже указывалось, произошло не без участия полоцких мастеров, а в киево-черниговском — гродненских. Смоленские мастера оказали существенное влияние на появление новых архитектурных форм в Новгороде (Церковь св. Параскевы-Пятницы в Новгороде, см. рис.) и внесли свой вклад в развитие киево-черниговского зодчества, а оно, в свою очередь, уже обогащенное традициями и гродненского, и полоцкого, и смоленского зодчества, послужило толчком к появлению и развитию новых форм в архитектуре Ростово-Ярославского княжества (Спасо-Преображенский собор и Церковь Входа Господня в Иерусалим в Ярославле, см. рис.), проявившихся в творчестве работавшей здесь киевской артели мастеров,

строивших из плинфы, и, наконец, плинфяная традиция, сложившаяся в Ростово-Ярославской земле, послужила основой для освоения новых форм в белокаменном зодчестве Северо-Востока (Нижний Новгород, Суздаль, Юрьев-Польский). Именно эти последние в ряду упомянутых памятники особенно важны в дальнейшем контексте развития истории русской архитектуры, о чем мы скажем чуть ниже.

Итак, на этой высокой ноте в 1238—1241 гг. блестящий расцвет древнерусского зодчества был прерван на долгие десятилетия жестоким разгромом — монгольским нашествием. В условиях полного прекращения строительной деятельности даже те немногие кадры мастеров-строителей, которые еще сохранились в огне погромов, должны были утратить свои организации-артели, и поэтому, когда строительная деятельность на Руси начала возобновляться, все пришлось начинать как бы сначала. О том, что это было именно так, свидетельствует и полная смена строительной техники: в кирпичном строительстве послемонгольской Руси на смену плинфе повсеместно приходит брусковый кирпич,[7] а в белокаменном существенно меняется формат квадров и характер забутовки. Однако если мы обратимся к архитектурным формам, то увидим, что они продолжают именно ту тенденцию развития, которая стала определяющей и генеральной именно в XIII в., — тенденцию развития национального типа храма с ярко выраженным стремлением к созданию динамичной башнеобразной композиции.

Новгород, возобновивший строительную деятельность лишь в 90-е годы XIII в., переходит уже целиком на строительство из брускового кирпича. Однако если мы сравним церковь Рождества Богородицы в Перыни и церковь Николы на Липне — памятники, которые разделяет более чем полстолетия, — мы увидим в них один и тот же архитектурный тип (см. рис.). Именно этот тип и будет развиваться в архитектуре Новгорода и в XIV, и в XV, и даже в XVI столетиях.

К сожалению, нам практически совсем неизвестны памятники древней Твери, первой, еще в 80-е годы XIII в., возобновившей строительную деятельность на Северо-Востоке Руси, однако единственный сохранившийся памятник тверского зодчества, правда, относящийся уже к XV в., — церковь в селе Городня — также отличается тем, что имеет повышенные конструкции верха и башнеобразную композицию,[8] что заставляет предполагать, что и в зодчестве XIII—XIV вв. тверские мастера работали в русле той же тенденции.

До сих пор считалось, что первым центром на территории бывшего Ростово-Суздальского княжества, начавшим монументальное строительство после нашествия монголов, была Москва, где строительство началось только при Иване Калите, т. е. в XIV в., однако открытие руин каменной Борисоглебской церкви в Ростове Великом отдало пальму первенства Ростову, причем отодвинуло начало строительства после монгольского нашествия в Ростово-Сзудальской земле к 1287 г. (именно под этим годом упоминается в Никоновской летописи строительство новой Борисоглебской церкви в Ростове вместо более раннего домонгольского храма 1214—1218 гг.[9]). Памятник этот еще только исследуется, однако уже сейчас видно, что его строительная техника очень сильно отличается от домонгольской; в то же вре-

мя ряд особенностей дает основание предположить, что и он имел динамичную композицию. Но уж во всяком случае первый московский храм, построенный в XIV в., — кремлевский Успенский собор Ивана Калиты — прямо повторял формы домонгольского собора в Юрьеве-Польском (см. рис.).[10] Такими же были и нижегородские храмы XIV в., поставленные прямо на местах своих домонгольских предшественников. Но и в дальнейшем, на протяжении XIV, XV и XVI вв., именно создание динамичных башнеобразных композиций из тенденции превращается в основную линию развития русской национальной архитектуры.

Таким образом, в истории древнерусского зодчества XIII век, несмотря на трагические события середины столетия, послужил тем связующим звеном, которое обеспечило передачу традиции, возникшей в киевском зодчестве начала XII в., общерусскому национальному зодчеству XV—XVI вв.

Последняя особенность архитектурного развития Руси в XIII в., на которой хотелось бы остановиться, — это отношение церкви к выражаемой в типе здания конфессиональной принадлежности.

В литературе уже неоднократно отмечалось, что домонгольская Русь довольно лояльно относилась к «латинской», католической церкви.[11] Свидетельством этого являются и такие факты из истории архитектуры, как появление в галицком зодчестве XII в. целой группы необычных для православной традиции центрических храмов-ротонд, романских не только по своей строительной технике, но и по самому типу, хотя и предназначенных явно для русских заказчиков, а не для католиков,[12] или использование для нужд православной церкви «латинских» храмов на острове Готланд в Швеции (в XII в. они были даже расписаны древнерусскими фрескистами).[13]

В XIII в., уже с самого его начала, такие вольности не допускались, и если случаи привлечения романских мастеров для строительства православных храмов и в это время были нередки, то появления «латинских» типов храмов уже не наблюдается. Пример этому мы можем найти на том же острове Готланд: явно построенная романскими мастерами русская церквовь святого Ларса в Висби [14] имеет совершенно определенный прототип — Пятницкую церковь в Новгороде, вне всякого сомнения, заданный заказчиками и весьма своеобразно понятый шведским зодчим. То же происходит и в Галицкой земле, где храмы XIII в., несмотря на использование в них готической конструкции, жестко придерживаются освященного православной традицией типа, что прослеживается и во второй половине XIII в., когда при сохранении тенденции к динамизму композиции мастера уже совсем отказываются от применения готических конструкций (церковь Николая во Львове и Рождества в Галиче).[15]

Причина этого кроется в резком изменении отношения православной церкви к «латинской» на рубеже XII и XIII столетий. Что же произошло? Дело в том, что с начала XIII в. различия между православием и «латинством» из чисто конфессиональных перерастают в политические. Уже не только миссионерство, но и прямая поддержка военно-политической агрессии католических Польши и Венгрии на Юго-Западе (вспомним польско-венгерскую интервенцию в Галиче в

начале XIII в.) и Швеции и Ордена на Северо-Западе превращают «латинскую» церковь из конфессионального оппонента в политического противника, поддерживающего военного врага, что сразу же вызывает резкое отторжение от принятых во враждебной церкви форм культового здания. Более того, помимо чисто русских причин, вызвавших конфронтационные отношения с «латинской» церковью, была и еще одна, общая для всего восточнохристианского мира, — это события 1204 г., когда многочисленное «латинское» воинство, отправившееся освобождать Гроб Господень, вместо этого повернуло свое оружие против древнейшей столицы христианского мира, главного центра православной церкви — Константинополя — и подвергло его жесточайшему разгрому.

---

[1] Воронин Н. Н. «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII вв. // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 338 (Серия «Литературные памятники»).

[2] Раппопорт П. А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 12—29.

[3] Воронин Н. Н. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств. М., 1952. С. 257—316.

[4] Раппопорт П. А., Штендер Г. М. Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1979. Л., 1980. С. 459—468.

[5] Штендер Г. М. Трехлопастное покрытие церкви Спаса на Берестове: (К вопросу о художественном образе храмов второй половины XI—начала XII в.) // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 534—544.

[6] Раппопорт П. А., Иоаннисян О. М. О взаимосвязи русских архитектурных школ на рубеже XII и XIII вв. // Студеница и византиjска уметност око 1200 године: Научни скупови Српске Академиjе наука и уметности. Књ. 41: Одељење историjских наука. Књ. 2. Београд, 1988. С. 287—294.

[7] Раппопорт П. А. О времени появления брускового кирпича на Руси // СА. 1989. № 4. С. 207—212; Малевская М. В. Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII—XIV вв. // Там же. С. 212—222.

[8] Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1962. Т. 2. С. 399—414.

[9] ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 167.

[10] Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 2. С. 152—157.

[11] Лазарев В. Н. Искусство средневековой Руси и Запад // Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978. С. 230.

[12] Иоаннисян О. М. 1) Центрические постройки в галицком зодчестве XII в. // КСИА. М., 1982. Вып. 172. С. 39—46; 2) Новые исследования одного из памятников галицкого зодчества XII века // СА. 1983. № 1. С. 1. С. 231—244.

[13] Piltz E. La Suède. La Region de Gotland // Corpus de la peinture monumentale byzantine. Upsal, 1988.

[14] Svahnström G. Gotland zwischen Ost und West // Les pays du Nord et Byzance: (Scandinavie et Byzance) / Actes du colloque nordique et international de byzantologie tenu à Upsal 20—22 avril 1979. Uppsala, 1981. P. 459—460.

[15] Иоаннисян О. М. Основные этапы развития галицкого зодчества // Древнерусское искусство: Художественная культура X—первой половины XIII вв. М., 1988. С. 50—58.

Ж. Бланков

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ», ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И ВЫШИВКА КОРОЛЕВЫ МАТИЛЬДЫ ИЗ БАЙО КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

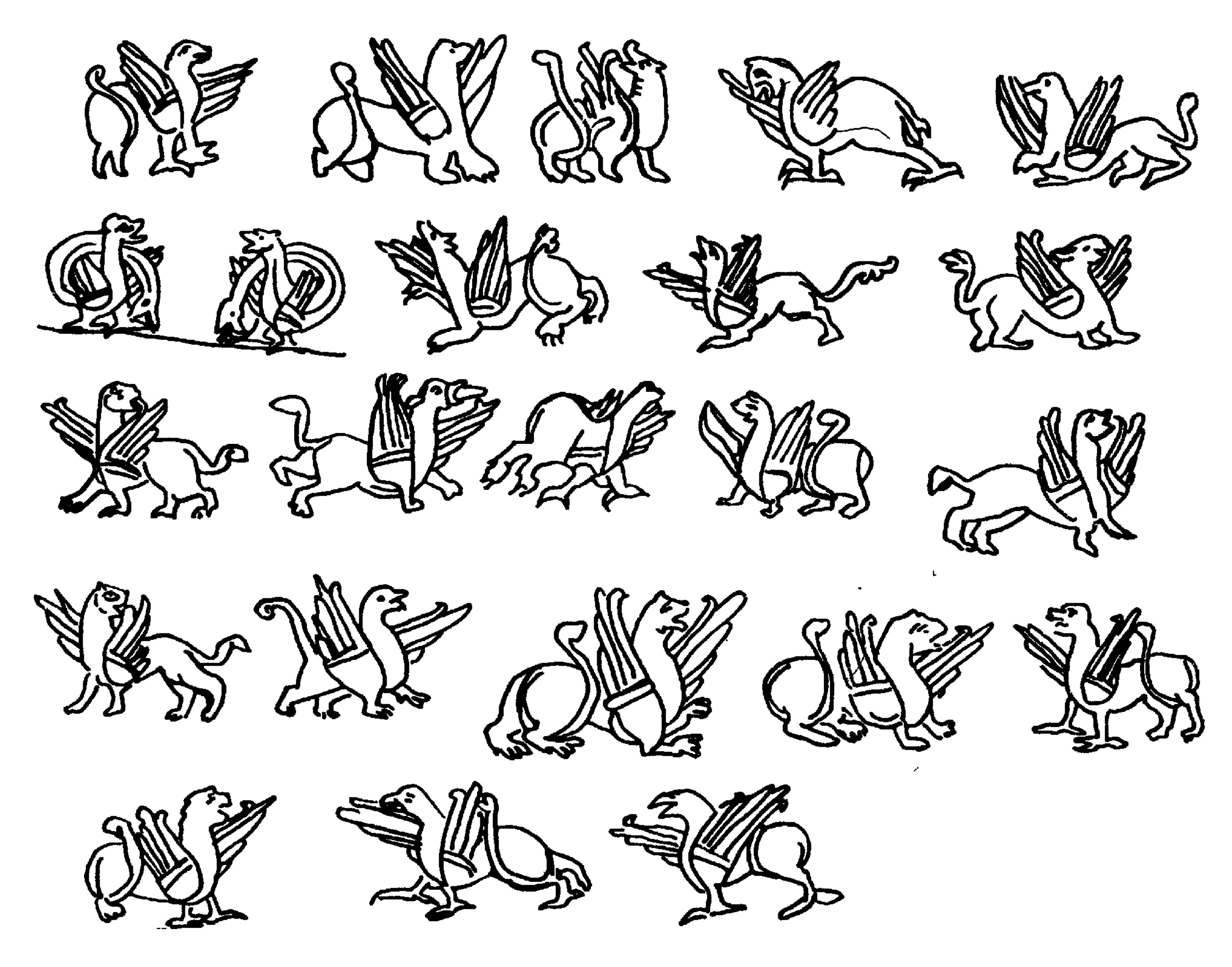
Произведение искусства или литературное сочинение обычно отражает эпоху их создания, среду и общество, которые их породили. Это утверждение может показаться «общим местом». Уже давно в русской историографии, литературоведении и искусствоведении, как и в трудах западных исследователей, истина эта находит многочисленные подтверждения. Выдающийся литературовед А. Н. Веселовский опубликовал в конце прошлого века и в начале нашего блестящие статьи, позднее вошедшие в сборник «Историческая поэтика» (1940), который до недавнего времени относили к разряду формалистических, хотя, судя даже по названию, здесь налицо мастерский и исторический подход.

А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий и другие специалисты оставили нам ценные истолкования древнерусской литературы, где они применяли историческую художественную методику. Более тридцати лет тому назад Д. С. Лихачев издал свой труд «Человек в литературе Древней Руси» (первое издание в 1958 г.), в котором показаны взаимосвязи литературы, искусства и феодальных представлений о человеке как исторические.

Но исследователям есть еще что сказать о конкретных примерах, которые касаются отдельных произведений Средневековья, отражающих исторический процесс или отдельное событие, факт или определенную идеологию, а иногда стиль эпохи.

Хотелось бы обратить внимание на три памятника Средневековья, по крайней мере два из которых считаются шедеврами. Насколько нам известно, никто из исследователей не сопоставлял их между собой. Это всем известное «Слово о полку Игореве», имеющее огромную критическую литературу, Житие Александра Невского и великолепное, во многом загадочное произведение западного средневекового изобразительного искусства и памятник истории — хранящаяся в городе Байо (Нормандия) вышивка королевы Англии Матильды, жены Вильгельма I Завоевателя (с 1056 г.), дочери фландрского графа Бодуэна (ум. 1083 г.).

Творение это относительно мало известно в России. Изготовленное сразу же после завоевания Англии норманнами в октябре 1066 г., шитье это не только иллюстрирует событие, но и живо характеризует

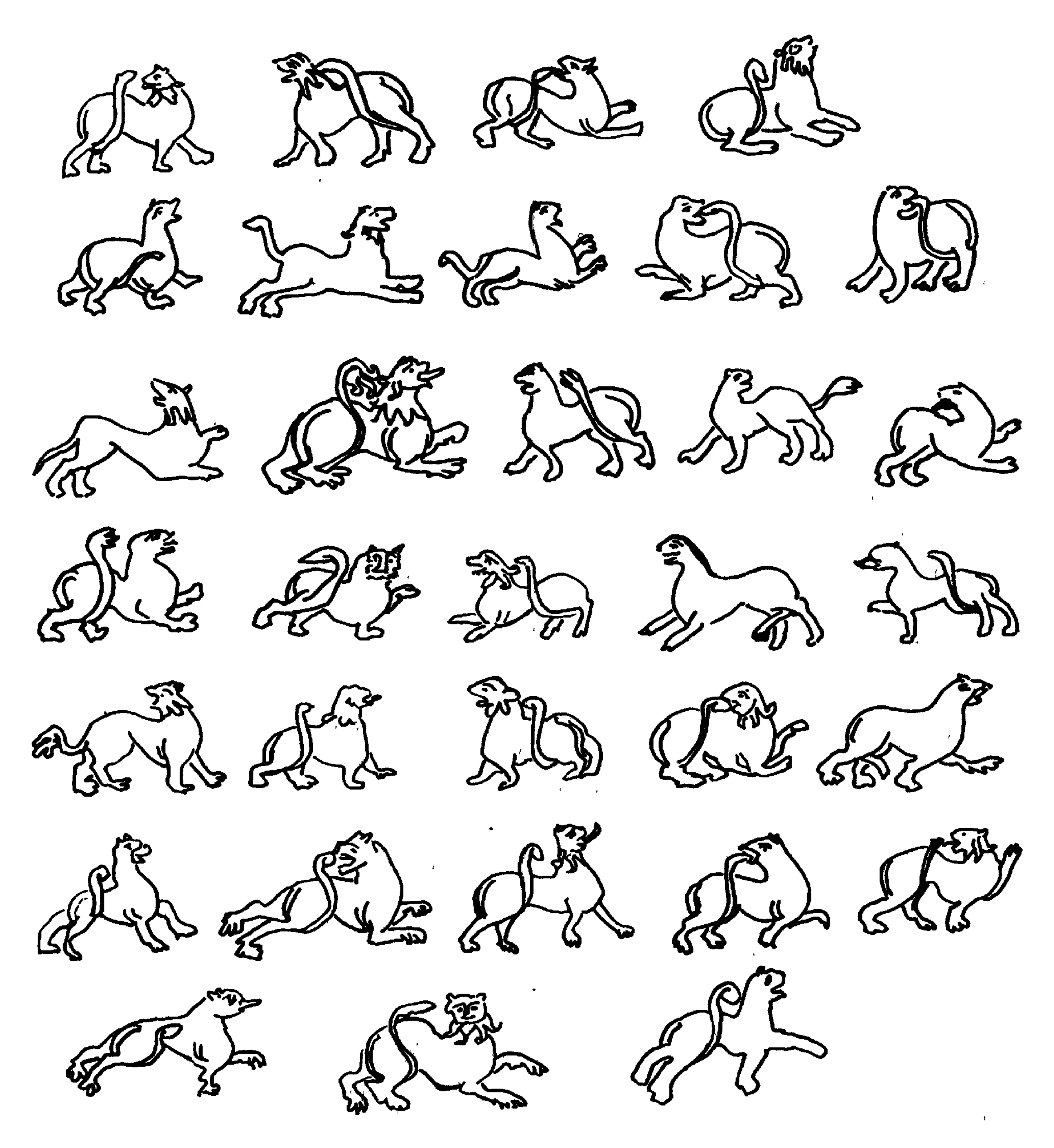
Ковер королевы Матильды из Байо. *Прорисовки бордюра:* грифоны.

ранний феодализм в Западной Европе. Серия картин на льняном полотне шириной 50 см, а длиной почти 70 м, по сути дела, несет нам код широкой и разнообразной информации о прошлом, о системе духовных ценностей, об идеологии и верованиях тех времен, отражает, наконец, «стратиграфию» норманнского и английского общества середины XI в.

Одновременно вышивка сообщает нам сложную, далеко не полностью раскрытую геральдику времени и общественной среды.

Как видно на репродукциях и на слайдах,[1] главное место в ней занимают сцены, расположенные по центру полосы, по жанру своему повествовательные, «монументального историзма и эпического стиля», по определению Д. С. Лихачева: поход Гаральда в Нормандию, его пленение графом Ги де Понтьё, заступничество герцога Вильгельма, встреча Гаральда с Вильгельмом (последнее напоминает нам свадьбу князя Владимира Игоревича с Кончаковной!), война и битвы между герцогом Вильгельмом и бретонским герцогом Конаном, посвящение Гаральда в рыцари и его присяга Вильгельму над реликвариями (важный, типично феодальный факт!), возвращение Гаральда в Англию, доклад Гаральда своему сюзерену королю Эдуарду, восшествие Гаральда на королевский престол после смерти Эдуарда (в нарушение феодального порядка и присяги Вильгельму!).

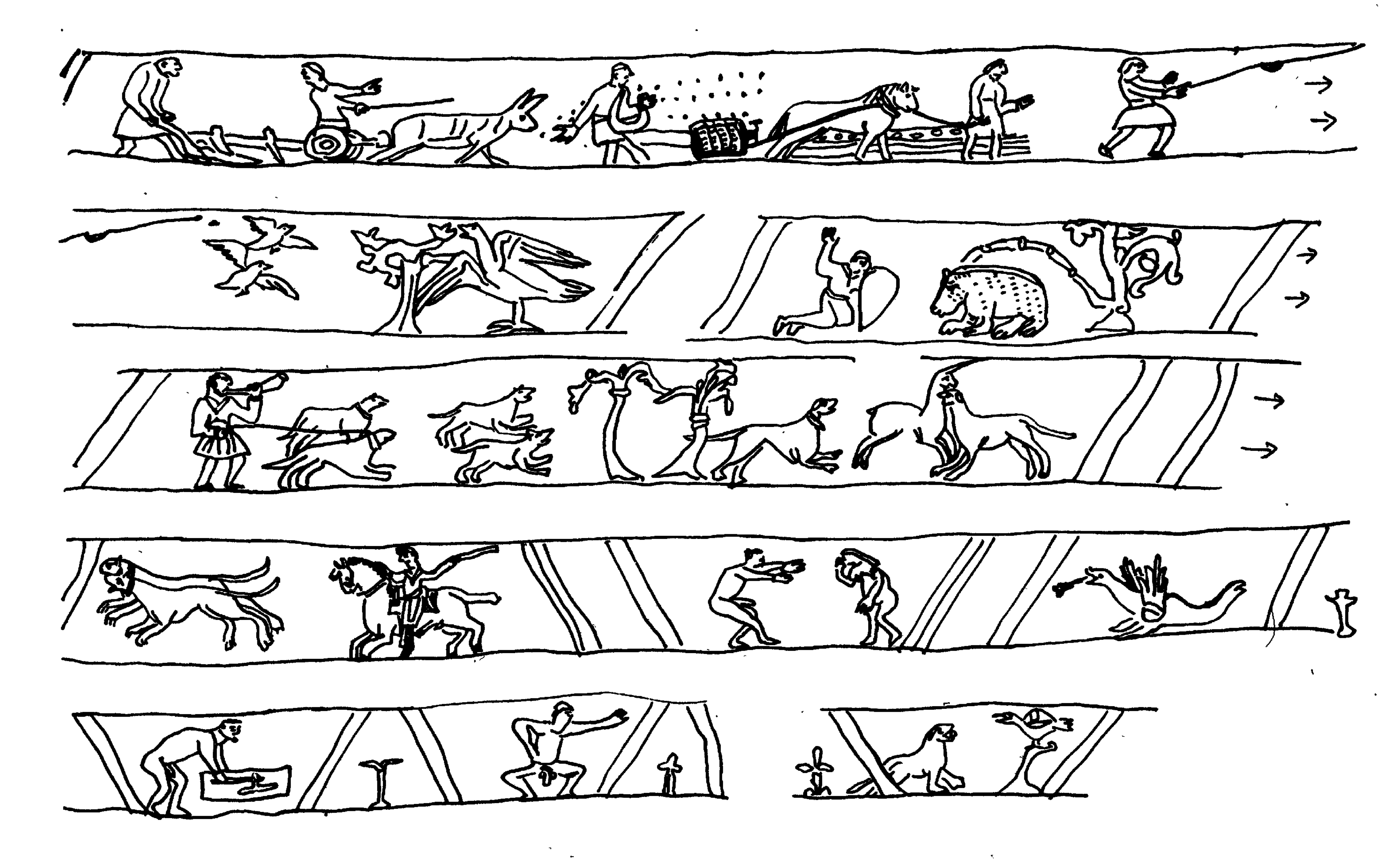
Интересен эпизод, удивительно перекликающийся со «Словом». Это явление кометы как предзнаменование беды, подобно затмению

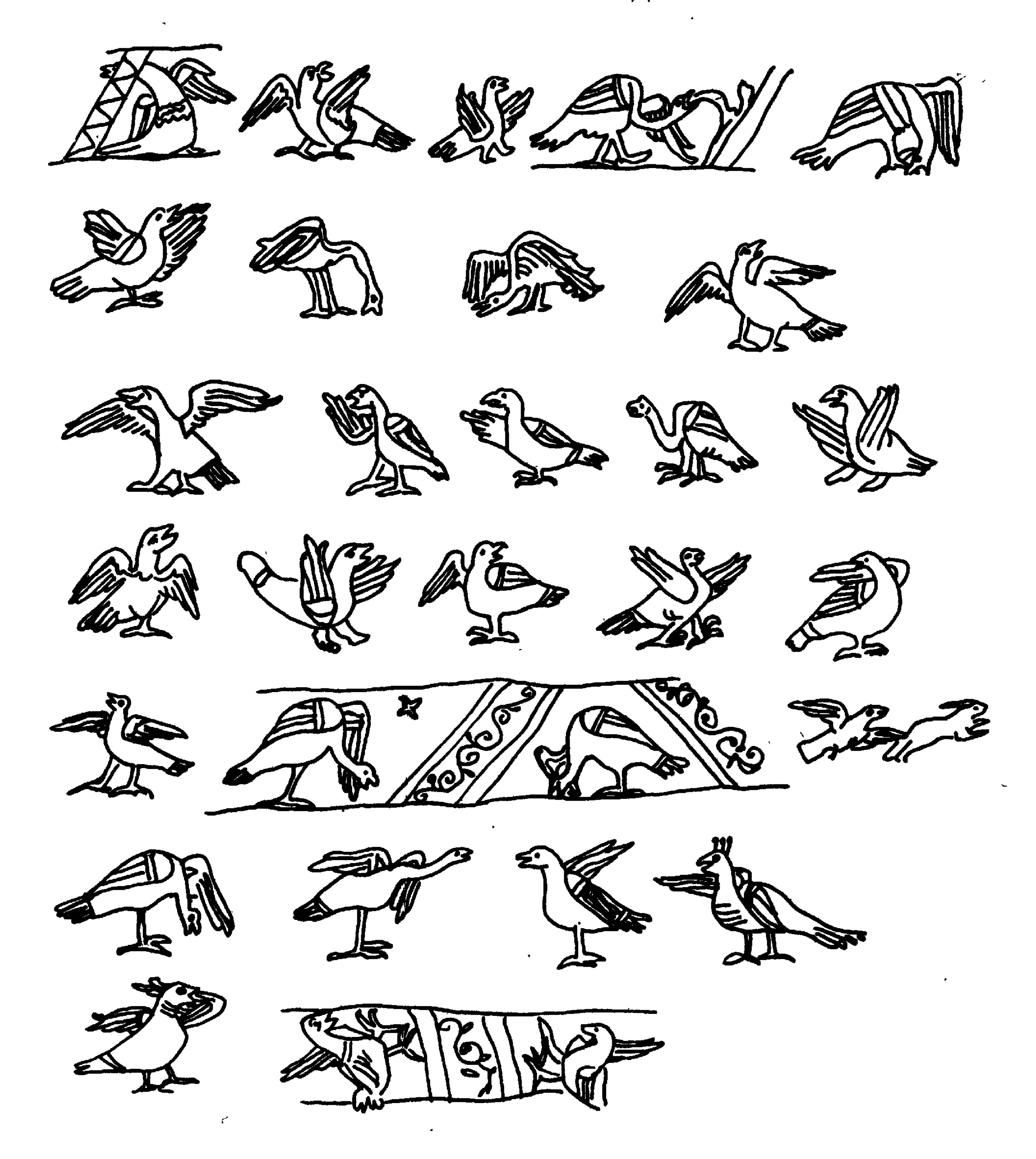
Ковер королевы Матильды из Байо. *Прорисовки бордюра:* львы.

солнца над войском Игоря. Кстати, комета Галлея и Солнечное затмение — не выдумки авторов, а действительные феномены, имевшие место в октябре 1066 г. и в мае 1185 г.

Далее на полотне — решение Вильгельма вмешаться в события (типично феодальные раздоры и войны!), постройка флота по его приказу, изображенная в подробностях, отплытие кораблей в Англию, в Певнзей, высадка пехоты и всадников, движение войск в Гастингс, сцена, в которой интендант Вадар наблюдает за поварами, чтобы помешать им украсть продукты, подготовка торжественного пира для Вильгельма с баронами, устройство лагеря (здесь четко представлена военная тактика эпохи), созыв войск на битву, сходный с эпизодом в «Слове» (воины занимают места по всем правилам так-

Ковер королевы Матильды из Байо. *Прорисовки бордюра:* сцены с человеческими фигурами.

Ковер королевы Матильды из Байо. *Прорисовки бордюра:* птицы.

тики: очевидно, женщины-вышивальщицы были не менее осведомлены об этом, чем автор русской поэмы), наблюдение за противником, Вильгельм, выступающий с речью перед воинами, начало сражения, в котором заметно участие братьев короля (а в «Слове» — Всеволода Буй-Тура), несколько сцен, детально иллюстрирующих ход побоища, поражение и смерть Гаральда, в результате Вильгельм становится королем Англии.

Теперь обратим внимание на маленькие, менее изученные и неполностью расшифрованные мотивы по краям вышивки. Они также выразительно рисуют особенности феодальной системы и строй эпохи. Подобно скульптуре романских церквей и капителей западных стран и

владимиро-суздальским рельефам, здесь доминируют грифоны, львы, различные хищники, миниатюрные человеческие фигуры; поражает большое количество птиц, функции которых надписями не поясняются. Как известно, птицы играют большую роль в «Слове о полку Игореве»: там они тоже свидетели событий, актеры и «предсказатели». Можно долго размышлять и толковать их значение в обоих произведениях, но бесспорно, что это не просто декоративное обрамление. Птицы явно выполняют некую геральдическую и семантическую функцию.

Что же касается Жития Александра Невского, то мы не намерены пространно его комментировать, ибо это задача других моих коллег. Ограничусь лишь некоторыми соображениями. Кроме общего феодального характера этого творения — похвалы отважному, мудрому князю, правителю, полководцу — на каждой странице встречаются элементы, отражающие систему ценностей времени и среды. Остановимся на одном примере, давно выявленном комментаторами. В конце Жития сказано следующее: «А сына своего Дмитрия посла на Западныя страны, и вся полъкы своя посла с ним, и ближних своих домочадець, рекши к ним: „Служите сынови моему, акы самому мне всемь животом своим“».[2] И заметим, что в конце «Слова о полку Игореве» сын Игоря также становится важным персонажем события: «Певше песнь старым князем, а потом молодым пети». Как известно, сын Александра Невского был тогда девятилетним мальчиком, и даже учитывая, что военное воспитание наследника князя начиналось рано, вряд ли его могли отправить в 1262 г. в боевой поход на Юрьев во главе войска одного, без взрослых. Здесь имеет место типичный литературный прием, отражающий феодальную систему: возвышение наследника престола и присвоение ему чина и места, соответствующих этой системе. Подтверждают сказанное и древнерусские летописи, в которых названы взрослые военачальники, а именно князья Ярослав Ярославич, Товтивил и Константин Товтивилович.[3] В заключение вернемся к Гаральду и к России. Уместно напомнить, что после поражения и смерти короля Гаральда (1066) его дочь Гита бежала во Фландрию, а затем через Данию на Русь, где она стала великой княгиней, женой Владимира Мономаха. Не хочу утверждать, что именно ее правнук, сохранивший семейные традиции, сочинил «Слово о полку Игореве» (еще одна гипотеза об авторе «Слова»!). Вряд ли могла быть прямая связь между вышивкой королевы Матильды конца 60-х годов XI в. и русским текстом конца XII в., т. е. «Словом о полку Игореве». Но феодальное общество на более или менее близких уровнях развития породило довольно сходные, а иногда и совпадающие в деталях художественные явления. Исторические законы едва ли менее властны, чем геологические: «Факты сильнее лорд-мэра», — гласит английская поговорка.

---

[1] Благодарю Анну Дудаль за предоставление прорисовок вышивки из Байо. Ср.: Bertrand S. La Tapisserie de Bayeux et la maniére de vivre au onziéme siècle. La Pierre-qui-Vire, 1966; Telle -du-Conquest, dite Tapisserie de la reine Mathilde Mâcon. [Без года и места издания].

[2] Житие Александра Невского // Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 177.

[3] Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 144 (под 1262 г.).

Ю. К. Бегунов

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIII—XVIII ВЕКОВ

Герой Невской и Ледовой битв князь Новгородский Александр Ярославич, второй сын великого князя Владимирского и князя Переяславского Ярослава Всеволодовича, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Долгорукого, навечно вошел в отечественную историю как организатор сильного государства на Северо-Востоке Руси. Выдающийся полководец и тонкий дипломат, он вел политику умиротворения и сдерживания татаро-монголов,[1] которую передал своим потомкам — московским князьям от Даниила Александровича до Ивана Калиты и Димитрия Донского. Сохранение русского рода и Русской земли было конечной целью его политики. За это его безмерно почитал народ, а Бог прославил угодника своего необыкновенной святостью. Когда князь Александр умер, его кончина была воспринята современниками как тяжелейшая утрата для всей Русской земли. «Заиде солнце земли Суждольской!», — воскликнул митрополит владимирский Кирилл, и вслед за ним люди горестно запричитали: «Уже погыбаем!».[2]

В русскую литературу князь Александр вошел как национальный герой. Недаром первое о нем произведение — Житие — переписывалось весьма часто и было предметом многих литературных переработок. Русская церковь также относилась к имени Невского героя с большим благоговением и старалась окружить его ореолом святости и приписать ему качества идеального христианского святого. Так, в стенах Владимирского Рождественского монастыря, где он был похоронен, первоначально возникла, со слов митрополита Кирилла и эконома Севастьяна, легенда о чуде с духовной грамотой, совершившемся при погребении тела 23 ноября 1263 г. А в начале 1280-х годов один из монахов этого же монастыря составил Первую редакцию его Жития. Написанное в духе житий светских властителей (например, Vita Constantini Евсевия Памфила) и под влиянием галицкой литературной школы воинских повестей, Житие Невского героя состояло из монашеского предисловия и десятка отдельных эпизодов из жизни князя, носивших характер свидетельств «самовидцев»; в конце был приписан плач по умершему, включая описание погребения тела во Владимире и посмертного чуда с духовной грамотой. Последний эпизод свидетельствовал о его безусловной святости,

в то время как весь текст говорил о нравственной чистоте и высоте духовного подвига героя.

В последующие столетия русской истории в связи с возраставшей популярностью Александра Невского как заступника Русской земли и основателя династии — московской ветви Рюриковичей — были предприняты дальнейшие шаги по мифологизации его личности и оцерковливанию всех его поступков. После открытия его мощей при митрополите Киприане (весна 1381 г.) и особенно после общерусской канонизации в 1547 г. почитание этого князя как святого распространилось повсеместно, при этом текст Первой редакции Жития неоднократно переделывался, дополнялся, изменялся; иногда менялся стиль всего повествования, отдаляясь от стиля воинской повести и приближаясь к каноническому, житийному, иногда изменялись композиция, стиль и почти всегда — идеи произведения.

Так, например, Вторая редакция Жития (новгородско-московская), 30—50-х годов XV в., приспособила текст Жития для летописи;[3] Третья, новгородская, второй половины XV в., — для кратких чтений проложного типа; Четвертая, московская, 20-х годов XVI в., — для Никоновской летописи; Пятая, владимирская, может быть, инока Рождественского монастыря Михаила, 1549—1550 гг., — для Великих Четьих-Миней митрополита Макария; Шестая, псковская, инока Саввина Крыпецкого монастыря Василия-Варлаама (В. М. Тучкова) — тоже для Четьих-Миней; Седьмая, московская, 1563 г., книжников митрополита Андрея-Афанасия, — для Степенной книги; Восьмая, новгородская, третьей четверти XVI в., — для одного сборника; Девятая, конца XVI в., — для новой редакции Пролога; Десятая, владимирская, 1591 г., самая обширная, митрополита вологодского Ионы Думина — для всеобщего чтения. По России распространилось большое количество литературных произведений о Невском герое в списках в том жанре агиографии, который являл нам образец великорусского витийственного красноречия в духе школы «плетения и изветия словес».

Внимание к Александру Невскому со стороны правительственных кругов Москвы значительно усиливается, и почитание героя Невской и Ледовой битв окончательно становится национальным и общегосударственным. В XVII в. первые цари из новой династии Романовых также проявляли чрезвычайную заботу об увековечивании его памяти: патриарх Филарет приказал построить первый собор в честь святого над Тайницкими воротами Московского Кремля (около 1630 г.), несколько раньше создается великолепная икона «Александр Невский с деянием», ежегодными стали крестные ходы в день его церковной памяти 23 ноября. Литературная работа значительно усиливается: возникают редакции с Одиннадцатой по Пятнадцатую (Тита, Викентия, Проложная 1641 г., переделка редакции Ионы Думина). Все они полностью соответствуют поддерживаемой московскими и владимирскими церковными кругами тенденции изображать князя Александра в облике монаха-схимника, подчеркивая его христианские добродетели и посмертные чудеса. Перечень чудес у раки святого в Рождественском монастыре непрестанно увеличивается, вплоть до первого десятилетия XVIII в. Так, например, в списке се-

редины XVIII в. редакции Викентия, присланном в 1772 г. из Владимира в Петербург, имеется добавление четырех чудес, последнее из которых датируется 1706 г.[4]

Все 15 редакций Жития, а также многочисленные службы, краткие памяти, похвальные слова, летописные сказания о Невском герое достались XVIII в. в наследство от предшествующих столетий.[5]

Изображение героя, каким был Александр Невский, имело в древнерусской литературе свою специфику.

Говорят, что у героя тысяча лиц. Одно дело герой в истории, другое дело — герой произведений литературы или фольклора. «Герой литературного произведения» — сравнительно поздний термин, появившийся в европейском литературоведении и критике с XVII в.

В эпоху античности и в период раннего Средневековья герои — это выдающиеся личности, защитники или помощники народа, полубожества или сверхлюди, вроде Гильгамеша или Геракла, явившиеся, чтобы спасти или облагодетельствовать человечество. Герои, по Гесиоду, родились в Век богов и героев, когда титаны боролись с богами. В древнейших записанных эпосах человечества («Гильгамеш», Ветхий Завет, «Илиада», «Одиссея», «Энеида») перед нами предстает целая вереница героев, людей огромной силы, неповторимого мужества, выдающихся качеств и способностей, отмеченных к тому же покровительством богов. Ахилл, Эант, Гектор, Одиссей, Эней, Александр Македонский — эталоны героев античности. В германском и славянском эпосах герой — более человек, нежели бог. Он выше законов обыденной жизни и живет ради славы на земле. Потому герой как бы приподнят над категориями земной морали, потому и прославление героя сочетается с попыткой его испытать или даже развенчать поражением на поле битвы. Так обстоит дело при изображении Беовульфа, Валтериуса, Роланда, былинных богатырей Руси Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, князя Игоря Святославича из «Слова о полку Игореве». Все они, совершив подвиги, в конце концов гибнут, кроме князя Игоря. Последний спасается, так как он, по замыслу автора бессмертного «Слова», уповал на Богородицу, покровительницу Русской земли. Герои эпоса противостоят христианским святым, так как целью последних было лишь «подражание Христу».

В средневековой литературе изменяется облик эпических героев древности: гибельный изъян сводит на нет все их достоинства — отсутствие ведущих ко спасению христианских добродетелей. Потому и гибнут Беовульф, Бритнот, Роланд, больше верившие в доблесть и мужество, нежели во Христа. Их гибель — это гибель старого языческого мира с его политеизмом. На смену язычеству приходит христианство со своими особыми героями. Истинный герой средневековых литератур соединяет в себе тип старого эпического героя-воина и тип нового героя-святого. По логике вещей, святые — не герои, они лишь примеры или модели совершенной жизни или достойной смерти. Жизнь святого проявляется в чудесах, прижизненных и посмертных, в то время как жизнь героя — в земных делах. Поле битвы святого — духовная нива, а мотивация его поступков отнюдь не героическая, а христианская, в духе десяти заповедей.[6] В средневековых литерату-

рах было устранено обычное в послевергилиевой литературе противопоставление мудрости героев их силе. Во времена поздней античности и раннего Средневековья в литературы прочно вошел новый топос «fortitudo et sapientia», определивший дальнейшее развитие идеала героя. «Fortitudo» — сила и вооружение героя — принимало в позднесредневековых литературах метафорический вид: вооружение моральными и христианскими добродетелями. «Sapientia» — мудрость героя — принимала метафорический вид «подражания Христу».

Древнерусская литература отчасти заимствует тип своего героя из литератур византийской и древнеболгарской. Первые эпические герои литературы Древней Руси — святая княгиня Ольга, святые князья Владимир, Борис и Глеб, затем Владимир Мономах, Игорь Ольгович, святой Александр Невский, святой Довмонт-Тимофей, Даниил Галицкий. В этих героях было кое-что от прежнего эпического героя, былинного богатыря: сила, смелость, мужество, доблесть. Иногда в образ нового героя вплетались гиперболические черты. Он вырастал в богатыря-исполина, преграждающего путь врагам на Русскую землю, вычерпывающего реки шлемами своих воинов, мечущего огромные тяжести за облака, стреляющего по врагам в отдаленных землях. Такими предстают в произведениях древнерусской литературы Владимир Мономах, Ярослав Осмомысл, Всеволод Большое Гнездо. В целях полной обрисовки героев древнерусские книжники постоянно использовали топос «fortitudo et sapientia», но никогда не обращались к следующему топосу — «armas y letras». Древнерусская литература никогда не знала героя позднего европейского Средневековья, подобного воплощенному в поэмах Боярдо рыцарю Орландо, столь же благородному в любви, как и на поле битвы, воину-ученому, одинаково владевшему пером и мечом.

Древнерусские произведения о героях, принадлежавшие разным жанрам, прославляли их как добрых христиан, превеликих чудотворцев и преподобных. Вся земная деятельность героев, воинская и государственная, изображались не иначе как следствие их веры и внимания к ним Бога.

Все авторы многочисленных житий Александра Невского, пользуясь для типизации известными топосами,[7] не стремились изобразить этого князя таким, каким он был в жизни, а конструировали идеальный тип доброго христианина, Божьего угодника, преподобного, который верил во Христа и поэтому побеждал врагов Руси. Обращает на себя внимание иной, по сравнению с литературой Возрождения, принцип построения образа героя: восхождение к прототипу через деконкретизацию, диспропорциональность, итеративность, подобие. Потому автор Первой редакции Жития стремится изобразить не реального человека, а идеализированный тип, персонифицирующий некую отвлеченную идею Мира. Деконкретизация образа шла и за счет использования топосов, и путем приравнивания князя Александра Ярославича к общепризнанным героям минувшего: Иосифу Прекрасному, богатырю Самсону, императору Веспасиану, песнотворцу Давиду, царю Соломону, пророкам Моисею и Иисусу Навину. Это происходило потому, что древнерусский книжник разделял господствовавшие в средние века представления *трансцендентальной*

эстетики, когда предметом искусства объявляется не доступный органам чувств человека быстро меняющийся реальный мир, а вечная и неизменная идея, открывающаяся лишь умственному взору. При этом художественный образ представлялся неким подобием этой идеи Мира и выглядел в глазах древнерусского человека большей реальностью, чем открытый его чувствам мир. Неудивительно поэтому, что венцом творчества художника было не стремление к реалистическому искусству, а создание новых ценностей, отражающих божественный смысл мироздания,[8] а в художественном восприятии древнерусского книжника образы действительности превращаются в символы, максимально близкие идее Мира. Потому-то князь Александр Ярославич — это не реальный человеческий характер, а средоточие идеальных качеств, которые проявляются в его деяниях — воинских подвигах и мудром княжении. Вот перечень качеств и достоинств князя словами Первой редакции его Жития: «Князь благъ: в странах — тих, уветливъ, кротокъ, и съмеренъ — по образу Божию есть, не внимая богатьства и не презря кровъ праведничю, сироте и вдовици въ правду судай, милостилюбець, благъ домочьдцемь своимъ и вънешнимъ от странъ приходящимь кормитель».[9]

Помимо четырех главных добродетелей античных героев — ἀνδρεία (мужество), δικαιοσύνη (справедливость), σωφροσύνη (скромность), φρόνησις (мудрость),[10] — князь Александр наделяется еще многими христианскими качествами. А следствием этих качеств были поступки героя в Житии, которые воспринимались средневековым читателем не иначе как идеальные поступки идеального человека. Это победы над шведами на Неве (1240), изгнание немцев из новгородских и псковских пределов (1241), победа на льду Чудского озера (1242), наказание литовцев (1247), взятие Юрьева Ливонского его сыном князем Димитрием (1262). Это и гордый ответ послам папы Римского, и дипломатические поездки в Орду, и восстановление разоренной Русской земли после татарских нашествий, и приравненная к мученической кончина, и посмертное чудо с духовной грамотой (1263).

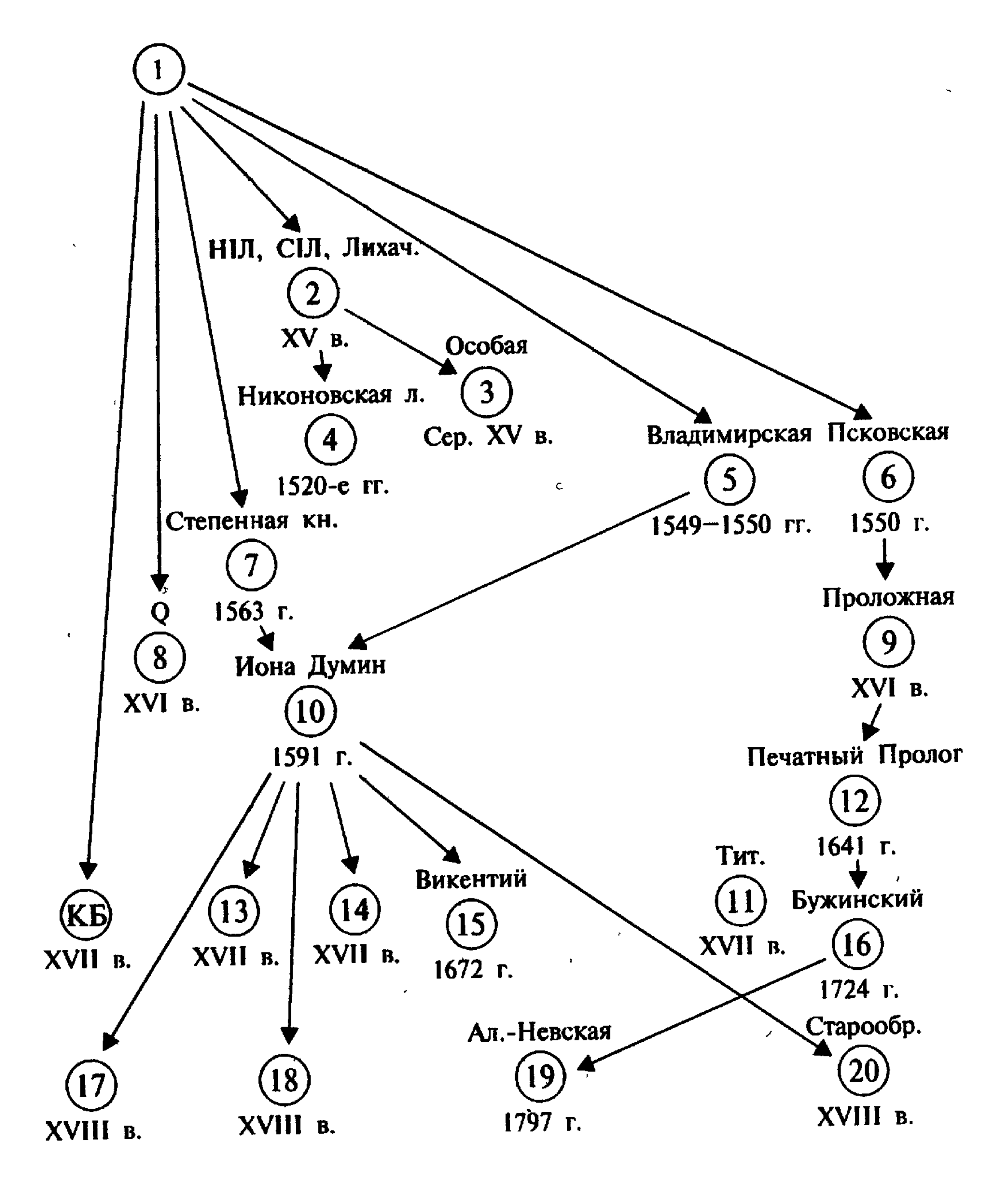
Очень мало исторического оставалось в житийном образе Александра Невского. Из-под пера древнерусского книжника вырастала идея-символ, данная под знаком вечности и охраняемая Провидением. Провиденция была основой «философии истории» русских средних веков. Разум, чувство и воля героя не выделялись, их проявления были строго обусловлены «Божественной волей». «Якоже рече Исайя пророк, — говорит автор Первой редакции Жития, — тако глаголеть Господь: „Князя азъ учиняю, священни бо суть, и азъ вожю я“. Воистинну бо без Божия повеления не бе княжение его».[11] Князь Александр всегда побеждал врагов, уповая на Бога, ангелов, святую Троицу и святую Софию, святых мучеников Бориса и Глеба. Накануне решающих сражений он молится, упав на колено, проливая слезы, воздевая руки к небу, проявляя смирение и скромность: «Бе бо иереелюбець и мьнихолюбець, и нищая любя. Митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки самого Христа».[12] Потому «распространи же Богъ землю его богатьствомъ и славою, и удолъжи Богъ лет ему».[13] Так награждает Провидение праведников. А грешников и отступников наказывает. Если люди много грешат и не хотят каять-

ся, отступают от веры, совершают богопротивные дела, то Бог насылает на них голод, болезни, пожар, наводнение, засуху, нашествие врагов; бывает и так, что всю страну Бог казнит за грехи ее правителей, за княжеские преступления. Эти объяснения — краеугольный камень средневековой «философии истории». Неизбежным теперь становится вывод о той ничтожной роли, которая уделялась в этой «философии истории» личности; ведь всем в мире руководит Провидение! Древнерусская литература (жития и повести) и историография (летописи, хронографы, Степенная книга), запечатлевшие образ Александра Невского, как бы застыли в своей индифферентности к подлинному историзму. На протяжении четырех столетий этот образ служил примером духовного и нравственного подвига в церковном мифе о нем: иногда его мощи «творили чудеса», исцеляя больных, зажигая свечи в церкви, иногда он незримо помогал русским воинам на поле брани, побивая врагов: так было в Куликовской битве 1380 г. и в сражении при Молодех с крымским ханом Девлет-Гиреем в 1572 г. Его внелитературная роль как покровителя Владимирского Рождественского монастыря и правящей династии московских великих князей достаточно известна. Так героическая личность посмертно становится частью того Провидения, которое, по мысли средневековых книжников, вершит судьбы истории и в наибольшей степени соответствует средневековому понятию историзма.

Все древнерусские редакции Жития Александра Невского не только читались в XVIII в., но и часто переписывались, благодаря чему русские читатели многое узнали о князе Александре, чьи авторитет и репутация как святого воителя, покровителя столицы, империи и правящей династии были безупречны.

В начале Века Просвещения Петр Великий возводит почитание Александра Невского в официальный общегосударственный культ, особенно после основания Санкт-Питербурха (1703) и Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря (1710). Останки святых мощей князя переносятся из Владимира в Петербург (1723—1724), и день их упокоения на новом месте 30 августа (12 сентября по новому стилю) — день заключения Ништадтского мира — объявляется днем его церковного празднования. Придворный проповедник Гавриил Бужинский написал и издал 16-ю редакцию Жития; в Елизаветинское время возникают новые литературные редакции. Предпоследняя создается в 1797 г. в стенах Александро-Невской лавры и последняя, Двадцатая, старообрядческая — в конце XVIII—начале XIX в.[14] В XVIII в. берет свое начало российская историография, которая не прошла мимо попыток создания подробных жизнеописаний Невского героя (Герард Миллер, Федор Туманский, Екатерина II).

На примере истории текста Жития Александра Невского на протяжении шести столетий ясно видно следующее: во-первых, историко-литературное развитие легенды (мифа) об Александре Невском, которая полностью срастается с национальной историей, с самосознанием и самопознанием русского народа; во-вторых, историко-литературное развитие жанра, композиции и стиля агиографического произведения в тот самый период, когда народность великороссов превращалась в мощную свободолюбивую нацию. В этой связи образ

Стемма взаимоотношения редакций жития Александра Невского.

святого благоверного князя Александра Невского полностью отвечал Русской идее, всегда прекрасной в своем развитии.

Сущность движения Русской идеи могла бы быть выражена в двух словах: во-первых, это глубокая и высокая нравственность русских, преданных своим Роду, Очагу и своей Земле; во-вторых, это не менее высокий уровень утопичности идеи национального спасения, заключающейся в вере в древнерусскую государственность — Царство Московское — и в государство нового времени — Империю Российскую, основателем которой был Петр Великий.

Видный мыслитель и первый философ России первой трети XVIII в. Феофан Прокопович в «Слове в день святаго благовернаго князя Александра Невского» на вопрос, как спастись русскому человеку, уверенно отвечает: 1) «от разума естественнаго», 2) «от Священного Писания», 3) «от дел ныне празднуемого угодника Божия», т. е. святого Александра Невского.[15]

Такой государь, как князь Александр, по мысли проповедника, служит примером для нынешнего государя Петра I: «А егда тако о должностех наших поучаемся и ставим в образ того святаго Александра Невского, — заключает Феофан Прокопович, — видим другий образ — живое зерцало тебе Александров не токмо в державе, но и в деле, наследниче Богом данный монархо наш».[16]

Так древнерусская нравственность кладет начало российскому историзму — «исторической памяти» — в политике и культуре.

Великая одухотворяющая Идея добра, противостоящая Царству зла — вот главная идея жизнеописаний Невского героя на протяжении шести веков, в которых его образ раскрывается через искусно организованную художественную словесную ткань.

Подробное конкретное изучение текстов более чем двадцати редакций Жития по 500 рукописям — это наша следующая задача.

---

[1] Бегунов Ю. К. Запад и Восток Александра Невского // Кавалер: 750-летию Невской битвы посвящается. Приложение к газете «Невский проспект». Л., 1990. Июль. С. 7.

[2] Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 194.

[3] Вторая редакция сохранилась в трех видах (или подредакциях): НIЛ младшего извода, СIЛ и Лихачевском списке.

[4] Ркп. ГПБ, собрание С.-Петербургской Духовной академии, № 273, л. 39 об., 41 об.—42 об.

[5] О Житии Александра Невского см. научную литературу: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 65—71, 238—242, 251—258, 312—313; Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты // ПДПиИ. СПб., 1913. Т. 180; Бугославский С. А. К вопросу о первоначальном тексте Жития великого князя Александра Невского // ИОРЯС. 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 261—290; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915; Орлов А. С. Александр Невский в средневековой литературе // Вестник АН СССР. М., 1942. № 4. С. 72—79; Комарович В. Л. Повесть об Александре Невском // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 50—56; Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. 1947. Т. 5. С. 49—52; Малышев В. И. Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге) // Там же. С. 188—193; Еремин И. П. Житие Александра Невского // Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков / Сост., пер. и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. Вступ. ст. Д. С. Лихачева. М., 1957. С. 254—358; Philipp W. 1) Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo» // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1957. Bd 5. S. 7—37; 2) Heiligkeit und Herrschaft in der Vita Aleksandr Nevskijs // Ibid. 1973. Bd 18. S. 55—72; Азбелев С. Н. Светская обработка Жития Александра Невского // ТОДРЛ. 1958. Т. 14. С. 147—153; Водовозов Н. В. Русская воинская повесть XIII века // Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 87. Кафедра русской литературы. Вып. 7. М., 1958. С. 180; Бегунов Ю. К. 1) Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 229—238; 2) К вопросу об изучении Жития Александра Невского // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 248—357; 3) Памятник русской литературы XIII века ...; 4) Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 311—326; 5) Кирилло-Белозерские отрывки Жития Александра Невского // Там же. 1969. Т. 24. С. 105—107; 6) Utwory literackie o Aleksandrze Newskim w składzie latopisów ruskich // SO. 1969. Rocz. 18. N 3. S. 293—309; 7) Александр Невский: человек и миф (к 750-летию со дня рождения) // Наука и религия. М., 1970. № 5. С. 52—57; 8) Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts // ZS. 1971. Bd 16. H. 1. S. 88—109; 9) Когда Житие Александра Невского вошло в со-

став Лаврентьевской летописи? // WS. 1971. Jhrg 16. H. 1. S. 111—120; 10) Александр Невский в псковской литературе XV—XVI вв. // ZS. 1976. Bd 21, H. 3. S. 311—318; 11) Житие Александра Невского в сборнике из собрания Н. П. Лихачева // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 60—72; 12) Die altrussischen Quellen zu Pelgusij-Filipp, dem Stammvater der Pelkonen // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1981. Bd 28. S. 7—16, 5 Abb.; то же: Древнерусские источники об ижорце Пелгусии-Филиппе, участнике Невской битвы 1240 г. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 г. М., 1984. С. 76—85; Рогов А. И. Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 32—58; Колотилова С. И. Русские источники XIII века об Александре Невском // Ученые записки ЛГПИ им А. И. Герцена. Т. 502: Исторические науки. Псков, 1971. С. 99—167; Пашуто В. Т. 1) Александр Невский. М., 1974 (Серия «Жизнь замечательных людей»); 2-е изд.: М., 1977; 2) К спорам о достоверности Жития // История СССР. М., 1974. № 6. С. 208—209; Виноградов В. В. О стиле «Жития великого князя Александра Ярославича Невского» // ВЯ. 1976. № 1. С. 21—36; Lammich M. Fürstenbiographien des 13. Jahrhunderts in dem russischen Chroniken. Köln, 1979; Пятнов П. В. К вопросу о жанровом своеобразии «Жития Александра Невского» // Вестник МГУ. Филология. М., 1979. № 1. С. 33—41; Дмитриев Л. А. Повесть о Житии Александра Невского // История русской литературы X—XVII вв. М., 1980. С. 173—177; 2-е изд.: М., 1985; Охотникова В. И. 1) Повесть о Довмонте и княжеские жизнеописания // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 115—128; 2) Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: (XI—первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. С. 354—363; Галко В. И. 1) Некоторые источниковедческие аспекты Жития Александра Невского // Материалы XX Всесоюзной научной студенческой конференции: Филология. Новосибирск, 1985. С. 61—65; 2) Повесть о житии и храбрости князя Александра Невского // Древнерусские письменные источники: Информационные материалы к совещанию АН СССР / Институт истории СССР. М., 1988. С. 17—20.

Из всех перечисленных работ возражения вызывают работы В. И. Охотниковой, изобилующие неточностями, ошибками и текстологическими натяжками. Так, например, редакций житий Александра Невского не 9, а не менее 20; Особая (Третья) редакция зависит от СIЛ и, следовательно, не могла появиться в конце XIV или начале XV в.; Лихачевский список и СIЛ — не редакции, а виды Второй редакции. За пределами внимания исследовательницы остались многие вопросы текстологии, поэтики и стилистики житий; нет оценки редакций в системе эволюции агиографического стиля и в сложении легенды о Невском герое; неправильно решен вопрос о взаимоотношении житий Александра Невского и Довмонта-Тимофея и т. д.

6 Concepts of the Hero in the Middle Ages and the Renaissance. Papers of the Fourth and Fifth Annual Conferences of the Center for Medieval and Early Renaissance Studies / State University of New York at Binghampton, 2—3 May 1970; 1—2 May 1971 / Ed. by Norman F. Burns and Christopher J. Reagan. Albany, 1975.

7 Ключевский В. О. Древнерусские жития святых ...; Čiževs'kyj D. Zur Stilistik der altrussischen Literatur: Topik // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28 Februar 1956. Wiesbaden, 1956. S. 105—112.

8 Каждан А. П. Византийская культура. М., 1963. С. 158. Ср.: Mathew G. Byzantine Aesthetics. London, 1963.

9 Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века... С. 175.

10 Viljamaa T. Studies in Greek Encomiastic Poetry of the Early Byzantine Period. Helsinki, 1968 (Commentationes Humanarum Litterarum; Vol. 42. N 4).

11 Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века... С. 160.

12 Там же. С. 176.

13 Там же. С. 175.

14 Бегунов Ю. К. 1) Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII века об Александре Невском // ТОДРЛ. 1971. Т. 26. С. 72—84; 2) Aleksandr Nevskij im künsterlichen und geschichtlichen Bewußtsein Rußlands bis zum Beginn der 19. Jahrhundert // Studien und Quellen zur deutsch-russischen und russisch-westeuropäischen Kommunikation / Hrsgb. von Helmut Grasshoff. Berlin, 1986. S. 81—127.

15 Слово в день святаго благовернаго князя Александра Невскаго, проповеданное Феофаном, епископом Псковским, в монастыре Александро-Невском при Санкт-Питербурхе 1710 году. СПб., 1720. Л. 9 об.

16 Там же.

Ю. К. Бегунов

ИКОНОГРАФИЯ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Герой Невского и Ледового сражений, выдающийся полководец и дипломат Древней Руси, князь Новгородский, Переяславский, великий князь Владимирский, Александр Ярославич, как известно, умер 14 ноября 1263 г. в Городце-на-Волге и был похоронен во Владимире, в Рождественском монастыре, 23 ноября 1263 г. При погребении тела произошло знаменитое чудо с духовной грамотой,[1] после чего князь был признан местным святым. До 1381 г. святому князю Александру не было установлено местного церковного празднования и, стало быть, не было также и его икон.

Согласно легенде, записанной во Владимире от священнослужителей Димитровского храма, первое открытие и освидетельствование мощей святого князя состоялось после Куликовской битвы в 1381 г., при митрополите Киприане, который повелел с тех пор называть Александра Невского «блаженным».[2] Тогда же было учинено ему монастырское церковное празднование, написаны канон и первые иконы.[3] Ранний владимирский иконографический тип этой иконы восстанавливается по клеймам № 14—15, 17—31 московской иконы из храма Василия Блаженного «Святой Александр Невский с деянием».[4] Здесь находим повторяющееся изображение надгробной поясной иконы с надписью «Преподобный князь Александръ». В литературном источнике этого памятника — редакции Жития Александра Невского Ионы Думина (1591) — ничего о надгробной иконе не говорилось. Очевидно, изограф XVII в. воспроизвел ее такой, какой она и была над гробом Невского героя во Владимире. На московской иконе последняя является как бы частью большого, неподвижного и повторяющегося фона к сценам чудес у гроба святого. Она здесь представлена в разных положениях: размещается то справа, то слева, то посредине от гробницы на фоне белой стены придела Рождественского храма; ей сопутствует изображение подсвечника на высокой ножке с горящей свечой. Само поясное изображение князя Александра дано в манере старого преподобнического художественного решения: из-под монашеской мантии виднеется на груди то бóльшая, то меньшая часть куколя с крестом, а иногда — белый испод; икона приближается то к квадратной форме, то к прямоугольнику, вытянутому в высоту. Очевидно, московский изограф не стремился с точностью скопировать надгробную икону Рождественского храма. Однако она для него

была столь же значимым символом, как и белостенный храм Рождества Богородицы и как сама гробница святого князя Александра. Московский изограф здесь, несомненно, следовал раннему византийско-русскому иконографическому трафарету, приписывавшему ему именно так, в условной манере, передавать «небесиподобный» характер преподобнического подвига.

Тот же иконографический тип повторился много раз, например на фреске 1508 г. работы изографа инока Феодосия на северо-западном столпе Благовещенского собора Московского Кремля, где новгородский князь представлен в монашеской одежде схимника Алексия, стоящим рядом со знаменитым «отцом церкви» византийским богословом святым Иоанном Дамаскиным.[5] Тот же иконографический тип мы видим на иконах конца XVI в. из Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника [6] и из Государственного Русского музея,[7] а также на четырех шитых надгробных пеленах начала XVII в. (в музеях Владимира, Троице-Сергиевой лавры и С.-Петербурга);[8] то же самое — на иконе «Святой Александр Невский с деянием»[9] и на многих других.[10] В «Сводном иконописном подлиннике» так описывается иконографический облик героя Невской и Ледовой битв: «...брада аки Козмина, в схиме, кудерцы видеть маленько из-под схимы, риза преподобническая, испод дымчат, в руке свиток сжат, сам телом плечист».[11] Последняя черта часто присуща его иконным изображениям допетровского времени: Александр Невский представлен здесь сильным, плечистым мнихом-схимником, как это и подобает бывшему князю-полководцу: «Взор его паче инех человек и глас его акы труба в народе, лице же его акы лице Иосифа... Сила же бе его часть от силы Самсона».[12] По поводу изображения святого князя Александра на пелене, хранящейся в музее Троице-Сергиевой лавры, Н. А. Маясова замечает: «Вся его монументальная фигура, сильные руки, красивое лицо с энергичным рисунком бровей дышат спокойной уверенностью, заснувшей силой».[13]

Исследователи справедливо полагают, что данный иконографический тип не был единственным. Так, в Новгородском иконописном подлиннике XVI в. записано следующее: «Преподобный Александр Невский аки Георгии: риза — киноварь, испод — лазорь».[14] А. И. Рогов полагает, что такой новгородской иконы, на которой бы Александр Невский был изображен в княжеской одежде, с червленым княжеским плащом-корзно, не сохранилось.[15] Однако в Европе в среде русской эмиграции обращались две подобные иконы. Одна из них находилась в Праге и датировалась XVI в. На ней князь Александр был изображен в полный рост вместе со святыми мучениками Борисом и Глебом.[16] Другую древнюю икону якобы видел в 1930-е годы на одной из выставок иконописец К. А. Павлов (Рижская Гребенщиковская старообрядческая община). Как он сообщил нам в 1966 г., на иконе было поясное изображение Невского героя, в руках его — копье и червленый щит, княжеский плащ тоже червленый; голова — без княжеской шапки, увенчана нимбом, русая борода — лопатой; пальцы сложены, как для крестного знамения; в середине иконы был помещен русский крест, а по краям иконы шел витой тератологический орнамент, который был распространен на Руси в XIV—XV вв.;

на иконе имелась надпись: «Святой великий князь Олександръ». По словам К. А. Павлова, эта икона происходила из Псковской губернии, откуда попала в Ригу, а затем протоиерей Рушанов увез ее в Америку.

На московской иконе середины XVI в. «Воинствующая церковь» юный князь Александр изображен среди русских воинов, в броне и голубом шлеме, на вздыбившемся вороном коне.[17] В княжеской одежде и нередко с мечом в руках святой князь Александр изображен на фреске одного из столпов Архангельского собора Московского Кремля, исполненной в 1652—1666 гг. Симоном Ушаковым и его дружиной,[18] и на фреске Вологодского Софийского собора работы ярославского мастера Д. Г. Плеханова.[19] Та же светская традиция изображения Александра Невского сохранена во многих миниатюрах Московского Лицевого свода XVI в.: в Лаптевском, Голицынском и Остермановском томах,[20] в Титулярнике 1672 г.,[21] а также в клеймах иконы XVII в. «Святой Александр Невский с деяньем».

Петровская эпоха принесла значительные перемены в объеме и характере почитания святого благоверного князя Александра Невского: отныне он стал общенациональным святым, покровителем Санкт-Питербурха и Российской империи. Его святые мощи были перенесены из Владимира в Петербург в 1723—1724 гг. 15 июня 1724 г. Святейший Синод постановил: отныне Александра Невского «в монашеской персоне никому отнюдь не писать», а только «во одеждах великокняжеских».[22] С тех пор в русском иконописании распространился и стал господствующим новый иконографический тип святого Александра Невского: в княжеской одежде или в горностаевой мантии, в броне, с лентой своего ордена через плечо, в царской короне или в шапке из горностаевого меха с крестом, с нимбом над головой, верхом на коне и с мечом в левой руке, нередко на фоне Невы, Петропавловской крепости, палат Петербурга и плана Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря.[23]

21 мая 1725 г. Екатерина I учредила орден Святого Александра Невского; на ленте укреплен крест, а на нем в середине — изображение святого князя в красной мантии и в синем кафтане, на белом коне. Это была дань новой иконографической традиции, соединявшей старую светскую новгородско-московскую традицию с новой, рыцарской и европейской. Известны многие большие иконы XIX—XX вв. этого же типа с клеймами, например в Казанском соборе и в Государственном Русском музее (Б-512/IV, размер 1,57 м × 96 см; 12 клейм). Однако, несмотря ни на что, старая владимирская монашеская традиция продолжала еще существовать и у православных, и у старообрядцев. В Государственном Русском музее, в Государственном Эрмитаже, в Государственной Третьяковской галерее, в Государственном музее истории религии (Казанский собор) и в других музеях страны сохранилось немало преподобнических икон святого Александра Невского различных видов: коленопреклоненный и стоящий, согнувшийся и молящийся Богородице, вместе с другими избранными святыми или отдельно. Любопытна, например, житийная икона начала XIX в., может быть из села Мстеры, в центре которой помещено поясное изображение князя Александра, с нимбом, в пре-

подобнической одежде, со свитком в руках; вокруг средника 16 клейм, изображающих сцены из его жизни; основные цвета: красный, зеленый, коричневый, фон — золотой, поля — коричневые, опушка — тройная.[24] Другая житийная икона, тоже начала XIX в., размером 31,6 × 26,5 см, сохраняется в Государственном музее истории религии под шифром $\frac{А}{1494}$ = N. Это «Образ преподобного Александра Невскаго яко во иноцех Алексия». Икона была найдена К. Ф. Воронцовым в старообрядческом молельном доме в Гатчине. Она изображает святого князя Александра в монашеской одежде; с левой стороны — четыре сцены. 1) Шведский король во главе своего войска отправляется на Русскую землю. Сбоку на поле надпись: «Собравшиеся жительствующии народи варяги, что ныне свеи именуемы. А сам король со многими воины своими умыслы на пределы Росиския, хотя их пленути»; 2) Видение Пелгусием святых князей Бориса и Глеба. Сбоку на поле надпись: «И еже тогда при святом Александре един от воевод, именем Филипп, идуще же ему близ моря по брегу, восходящу солнцу, и видя пловуща корабль, и в нем седящу два мужа, имена Борис и Глеб, един ко единому рече: „Ускорим, брате, вскоре и поможем сроднику нашему“»; 3) Невское сражение, русские воины поражают шведов. Сбоку на поле надпись: «И по сем помощи Бориса и Глеба благоверный князь Александр преславную получи победу, и землю иже свою и великий град свободи от сопротивных, и сопротивных прогна»; 4) Князь Александр на коне поражает шведского короля. Сбоку на поле надпись: «Святый Александр, егда сразишася с сопротивными, тогда избиша сопротивных множество велие. И святый Александр сам язви в лице короля их».

Прямым источником надписей было Житие Александра Невского в редакции XVIII в.

На этом мы заканчиваем обзор иконографии святого Александра Невского.

---

[1] «Святой сам и акы живъ сущи, распростеръ руку свою и взят грамоту от рукы митрополита» (Житие Александра Невского // Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 180).

[2] Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты // ПДПиИ. СПб., 1913. Т. 180. С. 27. Ср.: ркп. ГИМ, Синодальное собр., № 637, 1459 г., Житие митрополита Петра, л. 165.

[3] Бегунов Ю. К. Древнее изображение Александра Невского // BS. 1981. Т. 42. N 1. С. 39—42, 3 ил.

[4] Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 311—326.

[5] Рогов А. И. Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М.; Л., 1966. С. 48 и сл.

[6] Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века... После с. 48, рис. 5.

[7] ГРМ, инв. № 459.

[8] Стасов В. В. Шитая пелена с изображением святого Александра Невского 1613 г. // ИАО. 1863. № 4. С. 74—76; Морозов Ф. М. Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. СПб., 1910. С. 13; Маясова Н. А. Два про-

изведения художественного шитья XVII в. // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1958. № 2. С. 39—42.

[9] Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в станковой живописи ... Подобная житийная икона святого Александра Невского новгородского письма XVII в. некогда существовала на стенах Новгородского Софийского собора и экспонировалась на выставке в Новгороде, посвященной XV Археологическому съезду (см.: Каталог церковного отдела выставки XV-го Археологического съезда. Новгород, 1911; Покровский Н. В. Новгородская Софийская ризница. М.; СПб., 1913. С. 21).

[10] Подробнее см.: Шляпкин И. А. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. Пг., 1915; Рогов А. И. Александр Невский... С. 50—58.

[11] Сводный иконописный подлинник XVIII века // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее: 1874—1876. М., 1876. С. 67. По подлиннику XVII в., сохранившемуся в бумагах И. П. Сахарова, «Александр Невский — средовек, рус, плечист телом, становит и добротою исполнен, власы кудреваты и кудерцы видеть».

[12] Житие Александра Невского // Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века... С. 160—161.

[13] Маясова Н. А. Два произведения... С. 41.

[14] Иконописный подлинник новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI века с вариантом из списков Забелина и Филимонова. М., 1873. С. 46. В рукописи XVII в. Г. Д. Филимонова под 26 ноября записано следующее: «Великомученик Георгий во бронех, риза — кеноварь, доспех — пернаст, вохра с белилы, рукав исподь — лазарь, в правой руце — копье, в левой — мечь в ножне, ногавки — багор».

[15] Рогов А. И. Александр Невский... С. 54.

[16] Сборник статей, посвященных Дню русской культуры. Прага, [1933 или 1936?]. Книга нами лично не просмотрена, поэтому библиографические сведения даются условные. В другом сборнике русского зарубежья опубликована икона с поясным изображением святого князя Александра в схиме (см.: Русский сборник, посвященный Дню русской культуры. Прага, 1927).

[17] ГТГ, № 521. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи: Опыт историко-художественной классификации. Т. 2: XVI—начало XVIII века. М., 1963. Рис. 38.

[18] Зонов О. В. Художественные сокровища Московского Кремля. М., 1964. С. 58.

[19] Рогов А. И. Александр Невский... С. 54.

[20] Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965.

[21] Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 года. СПб., 1903.

[22] Полное собрание постановлений по Ведомству Православного исповедания. Т. 4, № 1318.

[23] Таков, например, образ святого Александра, воспроизведенный в кн.: Русское искусство: Сборник статей, составленный Т. К. Лукомским и изданный Е. А. Гутновым. Берлин, 1923. См. также издание иконы из собрания И. А. Шляпкина у С. Г. Рункевича (Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра. СПб., 1913. С. 268, 356, 358), у Ф. М. Морозова (Морозов Ф. М. Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры: 1712—1910. СПб., 1910. С. 13—17, 70, 73 — краткая опись).

[24] ГРМ, № 5—219. Издание иконы см.: Лихачев Н. П. Материалы для истории русского иконописания: Атлас снимков. СПб., 1906. Ч. 2. № 667.

Г. Н. Моисеева

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

Образ великого русского полководца и государственного деятеля Александра Невского занял большое место в творчестве М. В. Ломоносова.

Рано пробудившийся интерес к истории России, чтение древних летописей еще в годы обучения в Славяно-греко-латинской академии сформировали научное мировоззрение юного Ломоносова. Историческими ассоциациями проникнута его первая ода 1739 г. «На взятие Хотина», присланная им в Петербург из Германии. Ломоносов вспоминает здесь победоносные походы царей Ивана IV и Петра I.

Приступив к занятиям химией и физикой в Петербургской Академии наук после возвращения из Германии в 1741 г., Ломоносов находил время и для занятий русской историей. Он регулярно присутствовал как член Исторического собрания, учрежденного 24 марта 1748 г.,[1] на его заседаниях и принимал деятельное участие в обсуждении сочинения Г.-Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского» и «Истории Сибири». Глубокое знание русской истории и исторических источников, которое было обнаружено Ломоносовым в процессе научной дискуссии, связанной с трудами Г.-Ф. Миллера, обусловило обращение к нему И. И. Шувалова со своего рода правительственным заказом: «написать его слогом Российскую историю». Таким образом, с самого начала 50-х годов XVIII в. в отчетах Ломоносова, представляемых им в Петербургскую Академию наук, всегда присутствуют сведения о проделанной им работе над «Российской историей».

Наброски плана «Российской истории», относящиеся к 1751 г., позволяют нам представить широту замысла Ломоносова и его целостную концепцию истории России от древнейших времен до царствования Елизаветы Петровны.[2] Ломоносов привлек для своей работы многочисленные исторические источники, которые он видел в Москве и Киеве. Библиотека Петербургской Академии наук явилась наиболее фундаментальной базой его исторических исследований. Ломоносов серьезно занимался историческими разысканиями: изучал летописи, степенные книги, хронографы, жития святых, разрядные и родословные книги.[3]

В сентябре 1758 г. Канцелярия Петербургской Академии наук дала указание Академической типографии напечатать первый том

«Российской истории» Ломоносова.[4] К великому сожалению, рукопись этого труда не сохранилась и об исторической концепции Ломоносова, об оценке им деятельности исторических лиц мы можем судить только по опубликованному им в 1760 г. «Краткому российскому летописцу». Во вступлении Ломоносов писал о том, что этот труд лишь «сокращенное из сочиняющейся пространной истории». В 1766 г., уже после смерти Ломоносова, была напечатана часть его «Российской истории» — «Древняя российская история», охватившая период от древнейшей поры («О России прежде Рурика») до 1054 г. — года смерти великого князя Ярослава Мудрого.

«Краткий российский летописец» построен по «династическому принципу» правлений потомков Рюрика сначала на Киевском великом княжении, потом на Владимирском и Новгородском, с Ивана Калиты — на Московском великом княжении, с Василия III — на Всероссийском. Поэтому о деятельности Александра Ярославича Невского говорится в одиннадцатой «степени от Рурика», начало его владения — 1252 г., «лет владения» (т. е. великого княжения) — 12, «лета жизни» — 44. Краткая характеристика содержит следующие сведения: «Александр Ярославич Невской, будучи на княжении новгородском, храбро побеждал шведов и ливонских немцев, нападавших на Великий Новгород. По смерти отца своего призван в Орду, где Батый, удивясь его красоте, дородству и мужеству, с честию отпустил на великое княжение Владимирское, о котором меньшие его братья, Святослав и Михайло Ярославичи, между собою спорили. По четвертом хождении в Орду, на возвратном пути, постригшись, преставился».[5]

В 1746 г. на Петербургском Монетном дворе началось сооружение серебряной раки Александру Невскому для установления в одном из храмов Александро-Невского монастыря. В 1750 г. Кабинет обратился к Ломоносову с предложением сочинить надпись к раке. В том же году Ломоносов написал стихотворение, одобренное императрицей Елизаветой Петровной и вскоре вырезанное художником-гравером М. И. Махаевым. Текст его следующий: «Надпись, которая изображена на великолепной серебряной раке святому благоверному и великому князю Александру Невскому, построенной высочайшим повелением ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны в Троицком Александро-Невском монастыре:

Святый и храбрый Князь здесь телом почивает,
Но духом от небес на град сей призирает
И на брега, где он противных побеждал,
И где невидимо Петру споспешствовал.
Являя Дщерь Его усердие святое
Сему Защитнику воздвигла раку в честь
От перваго сребра, что недро Ей земное
Открыло, как на трон благоволила сесть.[6]

Стихотворение это совершенно ясно по содержанию. Комментарий нужен, пожалуй, лишь к двум последним строкам: дело в том, что на раку было израсходовано то серебро, которое было доставлено в Петербург с Колывано-Воскресенских заводов А. Н. Демидова, где

это серебро было впервые открыто в 1742 г., т. е. в первый год царствования Елизаветы Петровны.

В 1751 г. Ломоносову было поручено императрицей Елизаветой Петровной «к большей, позади раки стоящей пирамиде приделать два ангела со щитами, на которых надпись вновь назначить, дабы от всякого видна была». В августе 1752 г. Ломоносов представил новую надпись: «Богу Всемогущему и Его Угоднику, Благоверному и Великому князю Александру Невскому, Россов усердному защитнику, презревшему прещение мучителя, тварь боготворить повелевавшему, укротившему варварство на Востоке, низложившему зависть на Западе, по земном княжении в вечное царство преселенному в лето 1263, усердием Петра Великого на место древних и новых побед пренесенному 1724 года, Державнейшая Елисавета, отеческого ко святым почитания подражательница, к нему благочестием усердствуя, сию мужества и святости Его делами украшенную раку из первообретенного при Ея благословенной державе сребра сооружать благоволила в лето 1752».[7]

Вместе с русским текстом Ломоносов одновременно подал и собственноручный его перевод на латинский язык. Оба текста новой надписи были вырезаны на двух щитах, которые держат приделанные к пирамиде серебряные ангелы.

Образ Александра Невского нашел отражение и в творчестве Ломоносова-художника. В 1757—1758 гг. на основанной им в 1753 г. мозаичной фабрике был изготовлен портрет Александра Невского. Крупнейший специалист по изучению Ломоносовских мозаик В. К. Макаров полагал, что этот портрет изготовлен «с типично русского иконного изображения середины XVIII века».[8] Можно согласиться с тем, что при создании мозаичного портрета Невского героя Ломоносов учитывал и его иконописные изображения, которые появились в России в XVII в.[9] Но основным источником Ломоносова явился рукописный «Титулярник», созданный в Посольском приказе в 1672 г. по указу царя Алексея Михайловича. При активном участии сподвижника царя боярина Артемона Матвеева были привлечены художники московской Оружейной палаты для создания портретов великих русских князей и царей.

На мозаичном портрете изображено красивое лицо русского великого князя Александра Невского (вспомним, что в «Кратком российском летописце» Ломоносов писал, что хан Батый был удивлен красотой, дородством и мужеством Александра Невского), обрамленное черное бородой. Великий князь в княжеской шапке с красным верхом, на плечах красная, опушенная горностаем мантия поверх голубовато-серых лат. Великолепная красная смальта передает бархат княжеской мантии.

Помимо внешнего сходства изображений Александра Невского в мозаике Ломоносова и в «Титулярнике» 1672 г. в пользу нашего наблюдения свидетельствует и то, что Ломоносов располагал рукописной книгой, названной им «Монархия государства Российского». 18 апреля 1757 г. он передал ее в Академическую библиотеку,[10] а мы помним, что именно в 1757 г. была в основном закончена работа над мозаичным портретом Александра Невского.

В мозаичной мастерской Ломоносова были изготовлены два портрета Александра Невского. Оба, к счастью, сохранились: один находится в Русском музее, второй — в Музее М. В. Ломоносова.

К образу Александра Невского Ломоносов обратился в одной из последних своих работ, которую он готовил в начале 1764 г. По поручению императрицы Екатерины II, переданному И. И. Бецким, Ломоносов «выбрал из российской истории знатные приключения для написания картин», которые должны были «украсить при дворе некоторые комнаты». Ломоносов подробно разработал «идеи», т. е. сюжеты для картин из истории России, характеризующие наиболее героические, как говорят теперь — судьбоносные, ее эпизоды. Здесь и крещение Руси великим князем Владимиром, и единоборство Мстислава с Редедею, и сражение великого князя Святополка на днепровских порогах с печенегами, поход великого князя Олега на Царьград, Минин и Пожарский, патриарх Гермоген в темнице. Всего двадцать одна картина была подготовлена Ломоносовым для художественного воплощения. Восьмая из них названа так: «Победа Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере». Текст к ней следующий: «Сражение случилось на Чудском озере апреля 5 дня. При сем деле то может представиться отменно, что происходило на льду, где пристойно изобразить бегущих, как они, стеснясь и проломив тягостию лед, тонут. Иные друг друга изо льда тянут, иные, напротив того, друг друга погружают и колют как неприятелей. Кровь по льду и с водою смешанная особливый вид представит».[11]

Внимание к образу великого русского полководца и политического деятеля XIII в. Александра Невского характеризует высокие патриотические идеалы М. В. Ломоносова — поэта, историка и художника.

---

[1] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 117.

[2] Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 85.

[3] Моисеева Г. Н. М. В. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.

[4] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. С. 298.

[5] Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 308—309.

[6] Там же. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 283.

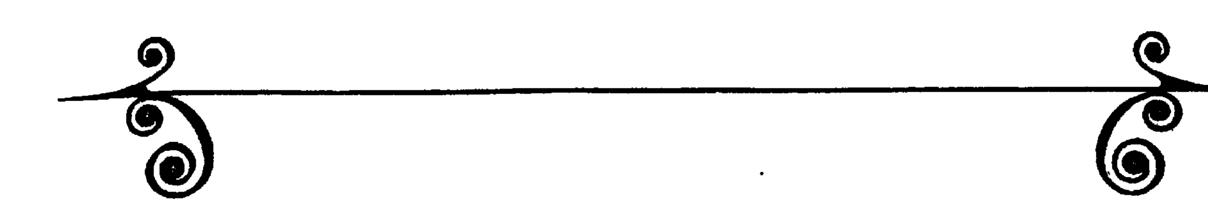
[7] Там же. С. 491—492.

[8] Макаров В. К. Художественное наследие М. В. Ломоносова: Мозаики. М.; Л., 1950. С. 149.

[9] Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 85.

[10] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. С. 267.

[11] Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 369.

Е. К. Братчикова

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ИСКУССТВО ПАЛЕХСКИХ ИКОНОПИСЦЕВ

Имя святого благоверного князя Александра Ярославича обычно связывают с историей Северо-Западной Руси. Еще юношей стал он новгородским князем, в этих краях совершил свои ратные подвиги, одержав победы в двух знаменательных сражениях — Невской битве и Ледовом побоище.

Гораздо меньше в литературе вспоминают о заслугах Александра Ярославича перед Владимиро-Суздальским княжеством. А ведь он родился в Переяславле-Залесском, последние одиннадцать лет жизни занимал княжеский стол во Владимире, отсюда не раз ездил в Орду, здесь погребен и признан святым.

Образ Александра Невского необычайно популярен во Владимирских землях. Почти в каждом населенном пункте можно найти место, связанное с его памятью. Скажем, в глубинном русском селе Палех до 1934 г. существовала часовня в его честь, созданы рисунки и иконы, посвященные князю. В XIX в. палехское иконописание считалось лучшим в России.[1] Разработанный палешанами иконографический тип изображения князя был признан тогда эталонным.

Одна из ранних работ этой темы — фресковая композиция в Крестовоздвиженском храме (село Палех). Местное предание приписывало его оформление московским иконописцам, братьям М. И. и П. И. Сапожниковым.

Единственным источником, содержащим сведения о времени выполнения росписей, является храмовая запись, сделанная при обновлении церкви. В ней назван 1807 г. Однако А. В. Бакушинский (а реставрация проходила на его памяти) утверждал, что среди палешан бытовало мнение о более поздней дате. Сапожниковы будто бы появились в Палехе в 1812 г., спасаясь бегством из Москвы, и работали здесь два года.[2]

Это замечание помогает объяснить некоторые иконографические особенности, скажем, присутствие в живописном ансамбле церкви персонажей героического характера. На откосах окон помещены изображения святых Феодора Стратилата и Дмитрия Солунского, Иоанна-воина и Георгия Победоносца. Княжеский цикл кроме Александра Невского составляют «персоны» русских князей Владимира, Бориса, Глеба, Михаила и Константина. Заключенные в медальоны, эти изображения напоминают парадные портреты «Титулярника» — руко-

писной книги XVII в., в «лицах» излагающей историю великих государей российских.

Однако кроме светского образа Александра Невского известен другой — иноческий. Оба извода связаны с историей канонизации великого князя.

Александр Невский скончался 14 ноября 1263 г. в Городце-на-Волге, похоронен 23-го ноября во Владимирском Рождественском монастыре. Почитание его памяти началось с момента погребения, так как было ознаменовано чудом. Легенда, вошедшая в Житие Александра Невского, повествует о том, как усопший простер руку, принимая духовную грамоту от митрополита Кирилла. В 1381 г. были открыты его мощи, которые прославились даром чудотворений. Тогда уже было установлено местное празднование в честь благоверного князя. Как общерусский святой Александр Невский был канонизирован церковным собором 1547 г.[3]

Изографам предписывалось изображать Александра иноком (перед смертью князь принял схиму с именем Алексия). Это указание закреплено в первом из дошедших до нас лицевых иконописных подлинников — Строгановском, содержащем образцы конца XVI—начала XVII в. В той же иконографии представлен князь в Толковом подлиннике Г. Д. Филимонова, основанном на материалах XVIII столетия. Под 23-м днем ноября читаем: «...святого благоверного князя Александра Невского, Владимирского чудотворца, преставися в лето 6771; подобием: брада аки Козмина, в схиме, кудерцы видеть маленько из-под схемы, риза преподобническая, испод дымчат, в руке свиток сжат, сам телом плечист».[4]

Палехские иконописцы знали ранний извод. Возможно, на основе их произведений как раз и составлял свой подлинник Г. Д. Филимонов. Во всяком случае его описание и изображение Невского героя палехским иконописцем достаточно близки.

На рисунке «Преподобный Александр Невский»[5] представлен в монашеских одеждах. На нем куколь с крестом на лбу, мантия, ряса, поверх нее крестчатый параманд. В правой руке — свиток, левая покоится на груди.

Вероятно, по этому же образцу выполнены изображения Александра Невского на всех минейных иконах, с него же написана фигура схимника на патрональном образе «Василий Великий и избранные святые», на котором, возможно, представлены покровители известной в Палехе семьи иконописцев.[6]

Утверждение светской версии в изображении Александра Невского связано с событиями Нового времени. В 1724 г. мощи благоверного князя (вернее, оставшаяся их часть — они сильно «огорели» на пожаре 1491 г.) перенесены из Владимира в Петербург, в Александро-Невскую лавру. Отныне Петр I повелел отмечать день памяти князя 30 августа. Именно в этот день тремя годами ранее был заключен Ништадтский мир. Во славу Александра Невского по поручению государя Гавриилом Бужинским была сочинена особая служба. Указом святого Синода от 15 июня 1724 г. строго предписано на будущее изображать Александра Ярославича не в монашеских, а в великокняжеских одеждах.[7]

Вторая, более поздняя редакция нашла значительное распространение в палехском искусстве. Все лучшие иконы палехских писем этой поры представляют Александра Ярославича либо в княжеском, либо в воинском костюме.

Икона фряжских писем «Святый Александр Невский» [8] — своеобразный портрет «мужа праведного», тонкого дипломата. Князь в парадном облачении, с подобающими моменту атрибутами: в правой руке его меч, причем выполнен он настолько изящно, что больше напоминает царский скипетр, в левой — развернутый свиток.

Монументальный образец пошехонских писем — «Святой благоверный князь Александр Невский» [9] — «обетный», т. е. данный в церковь по обещанию. Некогда он украшал один из столпов Казанского придела Крестовоздвиженского храма. На лицевой стороне его вязью сделанная надпись: «В память освобождения крестьян от крепостного гнета помещиков».

Сохранился карандашный набросок — своего рода эскиз этой иконы. По традиции древнерусских лицевых подлинников на листе оставлены надписи с цветовой разметкой композиции.[10]

Необходимыми условиями изображения князя в Подлиннике поздней редакции [11] названы: естественная поза, одежда, вооружение, Невский герой — «возрастом средовек, подобием — рус, плечист телом, сановит и добротою исполнен; власы кудреваты и кудерцы видеть, борода невелика и ус знать».

Точно по Подлиннику выполнена композиция в Грановитой палате Московского Кремля, стенопись которой восстановлена в 1882 г. «иконописцами села Палеха, братьями Белоусовыми». «Благоверный царь и великий князь Александр Ярославич Невской» представлен в княжеском костюме. На нем шуба соболья нараспашку до самого подола: приволока бархатная, багряная в кругах. Княжеская риза лазоревая с золотой каймой. Ноговицы — порты зеленые, сапоги желтые. Символы святости — нимб и крест, атрибут царской власти — держава.

В воинском костюме были свои особенные детали: короткое исподнее платье (оно называлось срачицей); поверх него надевались доспехи; латы полагалось делать «клетчатые» или «пернатые», цветом золотые. Обязательный атрибут князя-воина — меч.

Таким представлен великий князь на двух патрональных иконах: «Избранные святые» [12] и «Святый князь Александр Невский» с предстоящими Иоанном Златоустом, Василием Великим, апостолом Аристархом, Марией Египетской, мученицами Александрой, Людмилой и Надеждой — покровителями семьи иконописцев Дыдыкиных.[13]

На тыльной стороне доски — надпись, сделанная в 1971 г.: «Икона, принадлежащая семье Дыдыкиных. 1885—1890-е годы. Писали лица: Дыдыкин Василий Александрович. Платьи: Дыдыкин Иван Александрович...». И. А. Дыдыкин был доличником, т. е. мастером, выполнявшим на иконах одежды (платья). Доличники обычно были хорошими знаменщиками. Они сочиняли композицию, детально прорисовывали ее, затем рисунок с бумаги механически переносился на доску. И. А. Дыдыкиным создан эскиз этой иконы и несколько других, также посвященных Александру Невскому.[14]

Иконописные рисунки дают разнообразные иконографические типы изображения князя: однофигурные, многофигурные, житийные композиции. Судя по надписям, на всех этих прорисях, «сколках», «слепках», «припорохах» рисунки использовались по нескольку раз.[15] Традиция работы над образом Александра Невского, сложившаяся в палехском искусстве еще в XVIII в., никогда не прерывалась. Ее логическим продолжением стал знаменитый триптих «Александр Невский», созданный в 1942 г. прославленным российским художником, потомственным палешанином П. Д. Кориным.

---

[1] На этот счет имеются высказывания владимирского губернатора А. Н. Супонева и Н. М. Карамзина, изложенные в письмах, адресованных И. В. Гете в 1814 г., в очерках Г. Д. Филимонова 1863 и 1875 гг., В. Т. Георгиевского 1895 г.; в исследованиях Н. П. Кондакова 1901 г. и Н. Н. Ушакова 1906 г.

[2] Бакушинский А. В. Искусство Палеха. Л., 1934. С. 81.

[3] Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 100.

[4] Сводный иконописный подлинник XVIII века по списку Г. Д. Филимонова. М., 1874. С. 198—199.

[5] ГМПИ, НВ 347. Палех. Рисунок. XIX в. Бумага, сажа (отлип). 35 × 22 см.

[6] Палех. Частная коллекция А. В. Баранова. Икона. XIX в. Дерево, левкас, темпера, масло, золото. 26 × 22 см.

[7] Голубинский Е. Е. История канонизации русских святых. С. 66.

[8] ГМПИ, инв.№ 653. Икона. Палех. XVIII—-XIX вв. Дерево, левкас, темпера, золото. 35,5 × 30,5 см.

[9] ГМПИ, инв. № 787. Икона. Палех. XIX в. Дерево, левкас, темпера, масло, золото. 174 × 73 см.

[10] ГМПИ, инв. № 1841. Рисунок. Палех. XIX в. Бумага, карандаш. 31 × 26 см.

[11] Сахаров И. П. Исследование о русском иконописании. 1-е изд. СПб., 1849. С. 25.

[12] ГМПИ, инв. № 710. Икона. XIX в. Дерево, левкас, темпера, золото. 81 × 55,5 см.

[13] Палех. Ильинская церковь. Икона. XIX в. Дерево, левкас, темпера, масло, золото. 31 × 27 см.

[14] ГМПИ, НВ 340. Палех. И. А. Дыдыкин. Рисунок. XIX в. Бумага, карандаш, темпера. 40 × 36 см; ГМПИ, НВ 191. Палех. И. А. Дыдыкин. Рисунок. XIX в. Бумага, карандаш. 32,5 × 24,3 см; ГМПИ, НВ 241. Палех. И. А. Дыдыкин. Рисунок «Створцы Смоленской Богоматери с предстоящими Александром Невским и Николаем Чудотворцем». XIX в. Бумага, карандаш.

[15] ГМПИ, НВ 1841. Палех. Рисунок. XIX в. Бумага, карандаш. 31 × 26 см; ГМПИ, НВ 337. Палех. Рисунок. XIX в. Бумага, карандаш. 35 × 25 см; ГМПИ, НВ 191. Палех. Рисунок. XIX в. Бумага, карандаш. 32 × 24,3 см; ГМПИ, НВ 245. Палех. Рисунок. XIX в. Бумага, карандаш. 36,5 × 13 см; ГМПИ, НВ 1688. Палех. И. А. Софонов. Рисунок. XX в. Бумага, карандаш. 14 × 11 см; ГМПИ, НВ 1752. Палех. Рисунок (сколок). XIX в. Бумага, игла. 28 × 22 см; ГМПИ, НВ 1821. Палех. М. П. Парилов. Рисунок. 1905 г. Бумага, карандаш. 34 × 21 см.

О. М. Иоаннисян, С. В. Томсинский

СООБЩЕНИЕ О ВЫСТАВКЕ «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

Юбилей Невской битвы Государственный Эрмитаж отметил выставкой «Александр Невский в памятниках русской культуры», открывшейся 24 июля 1990 г. Небольшая выставка, занимающая Концертный зал Зимнего дворца, оказалась достаточно представительной и вызвала большой интерес посетителей. В немалой степени это объясняется подбором экспонатов, представляющих эпоху Александра Невского и восприятие его деятельности потомками.

XIII веком датируется набор вооружения — золоченый шлем, меч, кольчуга, шпоры и стремена, принадлежавшие знатному воину. Представленный на выставке пластинчатый доспех, датируемый концом XIII в., уникален по своей сохранности. Доспех принадлежал псковскому князю Довмонту-Тимофею, прославленному защитнику западных рубежей Руси, преемнику политики Александра Невского в Прибалтике. Уникальные золотые пластины с изображениями святого Марка и Богоматери — части княжеского венца-диадемы. О роскоши парадного костюма княгинь свидетельствуют золотые височные украшения-колты. Представлены на выставке и подлинные вислые печати Александра Невского.

В экспозицию выставки органично вписалась серебряная рака Александра Невского, изготовленная мастерами монетного двора для Троицкого собора Александро-Невской лавры в 1747—1752 гг. Экспонирована также деревянная гробница князя 1695 г.

Привлекают внимание иконы с изображением Александра Невского. На одной из них, датируемой началом XVIII в., святой изображен на фоне Александро-Невской лавры. Монастырь представлен в соответствии с неосуществленным замыслом Д. Трезини. Великолепны богатые оклады икон, созданные в XIX в. в мастерских К. Колова и П. Овчинникова.

У кавалеров ордена Александра Невского, присутствовавших на открытии выставки, большой интерес вызвали регалии ордена, учрежденного в 1725 г.: орденские кресты, звезды и лента. Здесь же представлен и советский орден Александра Невского, учрежденный в 1942 г.

7 Зак. 94

К числу наиболее интересных экспонатов принадлежат предметы орденского сервиза, созданные в 1780-е годы на фарфоровом заводе Ф. Гарднера. Сервиз был предназначен для парадных обедов кавалеров ордена Александра Невского, регулярно проводившихся в Зимнем дворце. Изображения Александра Невского часто встречаются на фарфоровых пасхальных яйцах, также экспонированных на выставке.

Экспозиция дополнена видами городов, с которыми связана деятельность Александра Невского, и портретами кавалеров ордена Александра Невского — А. Г. Орлова, В. Г. Перовского, С. К. Грейга.

РЕЦЕНЗИЯ

Ю. К. Бегунов

ИЗДАНИЕ БЕЗ ТЕКСТОЛОГА И ИСКУССТВОВЕДА*

В 1992 г. к 750-летнему юбилею Ледового побоища санкт-петербургское издательство «Аврора» выпустило в свет роскошный двуязычный (русский и английский) альбом красочных репродукций под названием «Житие Александра Невского». Дело это в высшей степени нужное сегодня для России. Однако техническое оформление альбома (вернее, многокрасочная печать), выпавшее на долю Экспериментальной типографии ВНИИ полиграфии (Москва), оказалось, к сожалению, не на высоте. При сравнении подлинника с изданием заметно искажение красочного слоя оригинала: мягкие, нежные, тонкие тона и полутона рукописи не видны в издании. Вместо них господствуют грубые, яркие краски, что не соответствует живописи миниатюристов из Александровой слободы XVI в. Покойный искусствовед и литературовед Н. Н. Розов охарактеризовал уникальную манеру царских изографов как «мануфактурное производство», т. е. как ремесленничество по существу, что в корне неверно. Подстать этому определению поделка Экспериментальной типографии, которая являет собой мануфактурное производство вместо тонкого индивидуального исполнения миниатюристов. Последнее в подлиннике исполнено легкости, воздушности, красоты и ненарочитости линий, изящества полутонов. Ритмические многофигурные композиции лицевого Жития охарактеризованы старшим научным сотрудником Рукописного отдела Публичной библиотеки как «раскадровка» «батальных эпизодов», исполненная «кинематографической» динамичностью. Такое

---

* Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI века. Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Факсимильное воспроизведение (приложение на английском и русском языках). 2-е изд. СПб.: Аврора, 1992. 2 + 86 листов факсимиле + 24 листа русского и английского текстов + 2 листа. Идентично 1-му изд. 1990 г.

Книга состоит из следующих разделов:

В. Охотникова — переводы с древнерусского: «О великом князе Александре Ярославиче»; «Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра».

Н. Розов — «Летописный рассказ о жизни и воинских подвигах великого князя Александра Ярославича в Лицевом летописном своде XVI века».

Оформление — *В. Смольков.* Переводы на английский — *П. Вильямс.* Рецензент — *Л. А. Дмитриев.*

осовременивание вряд ли идет на пользу восприятию искусства древнерусской миниатюры современными людьми. Последние, я верю в это, понимают искусство древней миниатюры не как кинофильм, а как священнодействие, магическое умозрение и музыку в красках, где каждая деталь художественного образа транцендентна и потому восходит к идеальному прототипу и рождает высокое эстетическое чувство. В кинофильме — временное и меняющееся, здесь вечное и статичное, там — динамическое средство раскрытия образа, здесь — сам вечный символ или аллегория земного и живого. Внимательно разглядывая подлинные миниатюры, Н. Н. Розов усмотрел в лице святого и благоверного князя Александра что-то «некрасивое и старческое», а некоторые иллюстрации охарактеризовал как более бедные, чем текст. На наш взгляд, на самом деле картина обратная: живопись богаче текста, хотя и живописный образ, и текст стремятся к идентичности: Логос и Идея органически взаимосвязаны и в литературе, и в искусстве и составляют некоторое единство в системе средневековой эстетики, по Владиславу Татаркевичу. Некрасивого лица не могло быть у того, кого сам Господь избрал своим угодником и уподобил его Иосифу Прекрасному.

Одним словом, создается впечатление, что Н. Н. Розов проанализировал красочный слой миниатюр по альбому, а не по подлиннику, хотя последний был каждодневно в его распоряжении. Анализ привязан к летописному тексту Жития — источнику изображенного текста. При этом искусствовед упускает возможность заметить своеобразие стиля и независимость пластической манеры миниатюр от самого текста. Эта независимость сказывается в «дописывании» текста природным фоном, деталями одежды и вооружения воинов и князей, архитектурными композициями.

Неудобства читателя альбома возрастают, когда он обращается к текстам Жития Александра Невского двух редакций. Так, например, В. И. Охотникова переводит с древнерусского текст Жития Александра Невского по нашей реконструкции, но не ссылается на источник.[1] Н. Н. Розов, характеризуя особенности обоих текстов Жития, воспроизводимых в альбоме, не дает их полной характеристики как литературно-художественных памятников и вовсе не указывает источники Второй редакции и обстоятельства ее происхождения.[2]

Странным выглядит и перевод Охотниковой, которая, взяв за основу мой перевод,[3] к сожалению, местами его ухудшила.[4] К текстам обоих произведений об Александре Невском не приложен реально-исторический комментарий,[5] не отмечены цитаты из Священного Писания, полностью игнорируется святость Невского героя и не содержится никаких пояснений по поводу его признания Русской церковью, нет ничего о чудесах от его мощей и т. п. В результате текст альбома остается малоинформативным для читателя.

По странной случайности Н. Н. Розов, В. В. Охотникова и Л. А. Дмитриев хотя и отметили, что издают далеко не все миниатюры Лицевого летописного свода об Александре Невском, но не известили читателей о том, что ряд миниатюр с текстом Жития находится в Голицынском томе.[6] Последний был упомянут Н. Н. Розовым

как том, «содержащий изложение русской истории». Но какой истории — об Александре Невском или нет — ученый не написал.

Очевидно, авторы-составители альбома недостаточно знали историю текста Жития Александра Невского и не учли, что 2-я летописная редакция содержит отрывки текста под 1240—1263 гг. и что на 1242 г. этот текст не кончается: он продолжается в Голицынском своде, но фрагментарно.

Очевидно, что русская наука и культура нуждаются в новом, без пропусков и досадных ляпсусов, издании лицевого Жития святого благоверного великого князя Александра Ярославича по Лаптевскому и Голицынскому томам. Необходим также поиск недостающих миниатюр и летописного текста 2-й редакции Жития по другим томам Лицевого летописного свода. Весьма продуманно и полиграфически совершенно должно быть осуществлено воспроизведение подлинного красочного слоя шедевра древнерусской светской миниатюры. Это дело национальной чести и гордости.

---

[1] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 187—194.

[2] Ср. наши статьи в немецком и польском журналах (см. с. 170 настоящего сборника).

[3] Изборник: Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 328—343. То же см. в кн.: «Кто с мечом» (1975, 1977); «За землю Русскую!» (1981) и др.

[4] Ср., например:

Житие	у Охотниковой	*у Бегунова*
«худый»	«жалкий»	«ничтожный»
«домочадець и самовидець есмь възраста его»	«сам был свидетелем зрелого возраста его»	«сам был домочадцем и очевидцем жизни его»
«Но и възрасть его бе паче инехъ человекъ»	«И красив он был как никто другой»	«Но и ростом он был выше других людей» и т. д.

[5] Так, например, непроясненным осталось, кто такой «Пелгуй». В. И. Охотникова некритически следует за текстом Псковской 2-й летописи, где имя ижорского старейшины дано в искажении (вместо правильного «Пелгусий», происходящего от ижорского «Пелгусен», т. е. «одержимый страхом Божиим»). Подробнее см. нашу статью «Древнерусские источники об ижорце Пелгусии-Филиппе, участнике Невской битвы 1240 г.» // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 г. М., 1984. С. 76—85.

[6] Ркп. РНБ, F. IV. 225. Голицынский том Лицевого летописного свода XVI в. Л. 296 (посажение князя Александра на столе княжеском в Новгороде). Л. 346 (свадьба князя Александра в Торопце). Л. 377 (хождение князя Александра в Орду).

В альбоме оказались пропущенными одиннадцать миниатюр Лаптевского тома, а именно: ркп. РНБ, F. IV. 233. Л. 943 и об. (князь Александр воюет с литовцами). Л. 945 об. (смерть матери князя Александра). Л. 948 и об., 949 (князь Александр сражается с литовцами). Л. 982 (приезд князя Александра во Владимир-град, чтобы оплакивать отца, князя Ярослава). Л. 992 (возвращение князя Александра из Орды в 1247 г.). Л. 996 об. (встреча с митрополитом Владимирским Кириллом). Л. 997 об. (болезнь князя Александра). Л. 999 (посещение князем Александром ордынского хана Сартака после Неврюева нашествия).

ИСТОЧНИКИ И БИОГРАФИЯ

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ. 1280-е ГОДЫ

Реконструкция текста*

ПОВЕСТИ О ЖИТИИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВЕРНАГО И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ОЛЕКСАНДРА

О Господе нашем Исусе Христе, сыне Божии. Азъ худый и многогрешный, мало съмысля, покушаюся писати житие святого князя Олександра, сына Ярославля, а внука Всеволожа. Понеже слышах от отець своих, домочадець и самовидець есмь възраста его, радъ бых исповедалъ святое и честное и славное житие его. Но яко же Приточникъ рече: «Въ злохытру душю не внидеть премудрость: на высокыхъ бо краих есть, посреди же стезь стояше, при вратех же силных приседит».** Аще и грубъ есмь умомъ, но молитвою святыа Богородица и поспешениемь святого князя Олександра начатокъ положю.

Съи бе князь Олександръ Богомъ роженъ от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же и кротка, князя великаго Ярослава и от матере Феодосии. Яко же рече Исайя пророк: «Тако глаголеть Господь: „Князи азъ учиняю, священни бо суть, и азъ вожю я"».*** Воистинну бо без Божия повеления не бе княжение его. Но и възрастъ его бе паче инех человекъ, и глас его — акы труба в народе, лице же его — акы лице Иосифа, иже бе поставилъ его египетьскый царь и втораго царя въ Египте. Сила же бе его — часть от силы Самсоня. И далъ бе ему Богъ премудрость Соломоню, храборьство же его — акы царя римскаго Еуспасиана, иже бе пленилъ всю землю Иудейскую. Инегде исполчися къ граду Атапату приступити, и исшедше гражане, победиша плъкъ его, и остася единъ и възврати к граду силу ихъ къ вратом граднымъ, и посмеяся дружине своей, и укори я, рекъ: «Остависте мя единого». Тако же и сий князь Олександръ — побежая, а не победимъ.

---

* Текст Жития подготовлен Ю. К. Бегуновым на основе текстологического изучения всех сохранившихся списков. Текст воспроизводится по кн.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 187—194.

** Ср.: *Прем. Соломона I, 4; Прит. XIII, 2—3.*

*** Ср.: *Исайя XIII, 3.*

И сего ради некто силенъ от Западныя страны, иже нарицаются слугы Божия, от тех прииде, хотя видети дивный възрастъ его, яко же древле царица Ужская приходи к Соломону, хотящи слышати премудрость его. Тако и сей, именемъ Андреяшь, видевъ князя Олександра и, възвратися къ своимъ, рече: «Прошед страны и языки, не видехъ таковаго ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя».

Се же слышавъ король части Римьскыя от полунощныя страны таковое мужество князя Олександра, и помысли в собе: «Пойду и пленю землю Олександрову». И събра силу велию, и наполни кораблы многы полковъ своих, подвижеся в силе тяжце, пыхая духомъ ратным. И прииде в Неву, шатаяся безумиемъ, и посла слы своя, загордевся, в Новъгород, къ князю Олександру, глаголя: «Аще можеши противитися мне, то сем есмь уже зде, пленяя землю твою».

Олександр же, слышав словеса сии, разгореся сердцемъ, и вниде в церковъ святыя Софьи, и, пад на колену предъ олътаремъ, нача молитися съ слезами: «Боже, хвальный, праведный, Боже великый, крепкый, Боже превечный, сотворивый небо и землю и поставивый пределы языком, повеле жити, не преступая в чюжую часть».* Въсприимъ же псаломьскую песнь, рече: «Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щитъ, стани в помощь мне».** И, скончавъ молитву, въставъ, поклонися архиепископу. Архиепископъ же Спиридонъ благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утеръ слезы, нача крепити дружину свою, глаголя: «Не в силе Богъ, но въ правде. Помянемъ Песнотворца, иже рече: „Сии въ оружии, а сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовемь, тии спяти быша и падоша, мы же въстахом и прости быхом“»*** И си рек, пойде на ны в мале дружине, не съждався съ многою силою своею, но уповая на святую Троицу.

Жалостно же бе слышати, яко отець его, честный Ярославъ великый, не бе ведал таковаго въстания на сына своего милаго Олександра, ни оному бысть когда послати весть къ отцю: уже бо ратнии приближишася. Тем же и мнози новгородци не совокупилися бяху, понеже ускори князь поити.

И поиде на ня въ день въскресениа, иуля въ 15, на память святыхъ отець 600 и 30 бывшаго собора въ Халкидоне и святою мученику Кирика и Улиты, имеяше же веру велику къ святыма мученикома Бориса и Глеба.

И бе некто мужь старейшина в земли Ижерстей, именемъ Пелгусий. Поручена же бысть ему стража морьская. Въсприят же святое крещение и живяше посреди рода своего, погана суща. Наречено же бысть имя его въ святемъ кръщении Филипъ. И живяше богоугодно, в среду и в пяток пребываше въ алчбе. Тем же сподоби его Бог видети видение страшно в тъй день. Скажемъ вкратце.

Уведавъ силу ратных, иде противу князя Олександра, да скажетъ ему станы и обрытья ихъ. Стоящю же ему при краи моря, стрегущю обою пути, и пребысть всю нощь въ бдении. И яко же нача въсходити

* Ср.: *Второзакон. XXXII, 8; IV Царств XIX, 7—9, 15.*
** *Пс. XXXIV, 1—2.*
*** Ср.: *Пс. XIX, 8—9.*

солнце, слыша шюмъ страшенъ по морю и виде насадъ единъ гребущь, посреди же насада стояста святая мученика Бориса и Глеба, въ одеждах чръвленых, и беста руце держаста на раму. Гребци же седяху, акы мглою одени. Рече Борисъ: «Брате Глебе, вели грести, да поможемь сроднику своему Олександру». Видев же таковое видение и слышавъ таковый глас отъ мученику, стояше трепетенъ, дондеже насадъ отъиде от очию его.

Потомъ скоро поеха князь Олександръ. Он же, видевъ князя Олександра радостныма очима, исповеда ему единому видение. Князь же рече ему: «Сего не рцы никому же».

Оттоле потщався наеха на нь въ 6 час дне. И бысть сеча велика над Римляны, и изби их множество бесчислено от них, и самому королю възложи печать на лице острымь своим копиемь.

Зде же явишася въ полку Олександрове 6 мужь храбрыхъ, иже мужьствоваша с нимъ крепко.

Единъ — именемъ Гаврило Олексичь. Съй наеха на шнекъ и, видев королевича мча подъ руку, възеха по доске, по ней же въсхожаху, и до самого корабля. И втекоша пред ним в корабль, и пакы обратившеся, свергоша его з доски съ конемъ в Неву. Божиею милостию изыде оттоле невреждёнъ, и пакы наеха, и бися с самемъ воеводою посреде полку их.

Другий — новгородецъ, именем Збыславъ Якунович, наеха многажды на полкъ ихъ и бьяшется единем топоромъ, не имея страха в сердцы своем. И паде неколико от рукы его; и подивишася силе его и храбръству.

Третий — Ияковъ, полочанинъ, ловчий бе у князя. Съй наехавъ на полкъ с мечемъ и мужьствова, и похвали его князь.

Четвертый — новгородецъ, именем Миша. Съй пешь съ дружиною своею натече на корабли и погуби три корабли Римлянъ.

Пятый — от молодыхъ людей, именем Сава. Съй наехавъ на шатеръ великий, златоверхий и посече столпъ шатерный. Полцы же Олександрови, видевше падение шатерное, возрадовашася.

Шестый — от слугъ его, именем Ратмиръ. Съй бися пешъ, и обступиша его мнози. Он же от многых ранъ пад, скончася.

Си вся слышахомъ от господина своего Олександра и от инехъ, иже в то время обретошася в той сечи.

Бысть же в то время чюдо дивно, яко же въ древняа дни при Езекеи цари, егда прииде Сенахирим, царь асурийскъ, на Иерусалимъ, хотя пленити святы град, и внезаапу изыде аггелъ Господень и изби от полка асурийска сто восемьдесят пять тысящь. И въставше утро, обретоша вся трупия ихъ мертва. Тако же бысть и при победе Олександрови, егда победи короля обонъ полъ рекы Ижеры, иде же бе непроходно полку Олександрову. Зде же обретоша многое множество избьеныхъ отъ аггела Божия. Останокъ же их побеже, и трупиа мертвых своих наметаша корабля и потопиша в мори. Князь же Олександръ возвратися с победою, хваля и славя имя своего Творца.

Въ второе же лето по возвращении с победою князя Олександра приидоша пакы от Западныя страны и возградиша град въ отечьстве Олександрове. Князь же Олександро воскоре иде и изверже град их из основания, а самех извеша, а овех с собою поведе, а инех помиловавъ, отпусти: бе бо милостивъ паче меры.

По победе же Олександрове, яко же победи короля, в третий год, в зимнее время, поиде на землю Немецкую в велице силе, да не похвалятся, ркуще: «Укоримъ Словеньскый языкъ ниже себе».

Уже бо бяше град Плесковъ взят, и тиуни их посажени. Тех же князь Олександро изыма, град Плесковъ свободи от плена. А землю их повоева и пожже, и полона взя бес числа, а овех иссече. Инии же гради совокупишася немечьстии и реша: «Пойдемъ и победим Олександра и имемъ его рукама».

Егда же приближишася ратнии, и почюша я стражие Олександрови. Князь же Олександръ оплъчися и поидоша противу себе, и покриша озеро Чюдьское обои от множества вои. Отець еже его Ярославъ прислалъ бе ему брата меньшаго Ондрея на помощь въ множестве дружине. Тако же и у князя Олександра бяше множество храбрых, яко же древле у Давыда царя силнии, крепции. Тако и мужи Олександрови исполнишася духом ратнымъ: бяху бо сердца их, акы сердца лвомъ, и решя: «О, княже нашь честный! Ныне приспе время нам положити главы своя за тя». Князь же Олександро, воздевъ руце на небо, и рече: «Суди ми, Боже и разсуди прю мою от языка велеречна и помози ми, Боже, яко же древле Моисеови на Амалика и прадеду моему Ярославу на окааннаго Святополка».*

Бе же тогда субота, въсходящю солнцю, и съступишася обои. И бысть сеча зла и трускъ от копий ломления и звукъ от сечения мечнаго, яко же и езеру померзъшю двигнутися; и не бе видети леду; покры бо ся кровию.

Си же слышах от самовидца, иже рече ми, яко видех полкъ Божий на въздусе, пришедши на помощь Олександрови. И тако победи я помощию Божиею, и даша ратнии плеща своя и сечахуть я, гоняще, яки по аеру, и не бе камо утещи. Зде же прослави Богъ Олександра пред всеми полкы, яко же Исуса Навввина у Ерехона. А иже рече: «Имемъ Олександра рукама», сего дасть ему Богъ в руце его. И не обретеся противникъ ему въ брани никогда же.

И возвратися князь Олександръ с победою славною. И бяше множество много полоненых в полку его, и ведяхуть я босы подле коний, иже именують себе Божии ритори.

И яко же приближися князь къ граду Плескову, игумени же и попове в ризах со кресты и весь народ сретоша й пред градомъ, подающе хвалу Богови и славу господину князю Олександру, поюще песнь: «Пособивый, Господи, кроткому Давыду победити иноплеменьникы и верному князю нашему оружиемь крестнымъ, и свободити градъ Плесковъ от иноязычникъ рукою Олександровою».

О, невегласи плесковичи! Аще сего забудете и до правнучать Олександровых и уподобитеся Жидом, их же препита Господь в пустыни манною и крастелми печеными, и сихъ всех забыша и Бога своего, изведшаго я от работы изь Египта.

И нача слыти имя его по всемь странамъ и до моря Египетьскаго, и до гор Араратьскых, и обону страну моря Варяжьскаго, и до великаго Рима.

---

* *Исх. VI, 26; Пс. XXXIV, 1—2.*

В то же время умножися языка Литовьскаго и начаша пакостити волости Олександрове. Он же, выездя, и избиваше я. Единою ключися ему выехати, и победи 7 ратий единемъ выездомъ, множество князей их изби, а овех рукама изыма; слугы же его, ругающеся, вязяхуть я къ хвостомъ коней своихъ. И начаша оттоле блюстися имени его.

В то же время бе некто царь силенъ на Въсточней стране, ему же бе Богъ покорилъ языки многы, от въстока даже и до запада. Тъй же царь, слышавъ Олександра тако славна и храбра, посла к нему послы и рече: «Олександре, веси ли, яко Богъ покори ми многыя языки. Ты ли единъ не хощеши покоритеся силе моей? Но аще хощеши съблюсти землю свою, то скоро прииди къ мне, и да узриши честь царства моего».

Князь же Олександро прииде во Володимеръ по умертвии отца своего в силе велице. И бысть грозенъ приездъ его, и промчеся весть его и до устья Волгы. И начаша жены моавитьскыя полошати дети своя, ркуще: «Олександро князь едетъ!».

Съдумав же князь Олександръ, и благослови его епископъ Кирилъ, и поиде к цареви, въ Орду. И видевъ его царь Батый, и подивися, и рече велможамъ своим: «Воистинну ми сказасте, яко несть подобна сему князя». Почьстивъ же и́ честно, отпусти и́.

По сем же разгневася царь Батый на брата его меншаго, на Ондрея, и посла воеводу своего Невруя повоевати землю Суждальскую. По пленении же Невруеве князь великый Олександръ церкви въздвигну, грады испольни, люди распуженыа събра в домы своя. О таковых бо рече Исайа пророкъ: «Князь благъ въ странах — тих, уветливъ, кротокъ, съмеренъ, — по образу Божию есть, не внимая богатьства и не презря кровъ праведничю, сироте и вдовици въ правду судяй, милостилюбець, а не златолюбець, благъ домочадцемь своимъ и вънешнимъ от странъ приходящимь кормитель. На таковыя Богъ призирает на мир щедротами: Богъ бо мира не аггеломъ любит, но человекомъ си щедря ущедряеть, учитъ и показаеть на миръ милость свою».

Распространи же Богъ землю его богатьствомъ и славою, и удолъжи Богъ лета ему.

Некогда же приидоша къ нему послы от папы, из великаго Рима, ркуще: «Папа нашъ тако глаголет: „Слышахом тя князя честна и славна, и земля твоя велика. Сего ради прислахом к тобе от двоюнадесятъ кординалу два хитрейшая — Галда да и Гемонта, да послушаеши учения ихъ о законе Божии“».

Князь же Олександро, здумавъ съ мудреци своими, въсписа к нему и рече: «От Адама до потопа, от патопа до разделения языкъ, от разьмешениа языкъ до начяла Авраамля, от Аврааама до проитиа Иисраиля сквозе Чермное море, от исхода сыновъ Иисраилевъ до умертвия Давыда царя, от начала царствия Соломоня до Августа царя, от начала Августа и до Христова Рожества, от Рожества Христова до Страсти и Воскресения Господня, от Въскресения же его и до Возшествия на небеса, от Възшествиа на небеса до царства Константинова, от начала царства Константинова до перваго собора, от перваго собора до седмаго — сии вся добре съведаемъ, а от вас учения не приемлемъ». Они же възвратишася въсвояси.

И умножишася дни живота его в велице славе. Бе бо иереелюбець и мьнихолюбець, и нищая любя, митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки самого Христа.

Бе же тогда нужда велика от иноплеменникъ: и гоняхут христианъ, веляще с собою воинъствовати. Князь же великый Олександро поиде к цареви, дабы отмолити людии от беды тоя.

А сына своего Димитрия посла на Западныя страны, и вся полъкы своя посла с нима, и ближних своих домочадець, рекши к ним: «Служите сынови моему, акы самому мне, всемъ животомъ своим».

Поиде князь Димитрий в силе велице, и плени землю Немецкую, и взя град Юрьевъ, и възвратися к Новугороду съ многымъ полоном и с великою корыстию.

Отець же его князь великый Олександръ изыде от иноплеменникъ и доиде Новагорода Нижняго, и ту пребывъ мало здрав, и, дошед Городца, разболеся.

О, горе тобе, бедный человече! Како можеши написати кончину господина своего! Как не упадета ти зеници вкупе съ слезами! Како же не урвется сердце твое от корения! Отца бо оставити человекъ может, а добра господина не мощно оставити: аще бы лзе, а въ гробъ бы лезлъ с ним!

Пострада же Богови крепко, оставив же земное царство и бысть мних: бе бо желание его паче меры аггельскаго образа. Сподоби же его Богъ и болший чин приати — скиму. И так Богови дух свой предасть, с миромъ скончася месяца ноября въ 14 день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилъ глаголаше: «Чада моя, разумейте, яко уже заиде солнце земли Суждольской! Уже бо не обрящется таковый князь ни единъ в земли Суждальстей!» Иереи и диакони, черноризцы, нищии и богатии, и вси людие глаголааху: «Уже погыбаемъ!».

Святое же тело его понесоша къ граду Володимерю. Митрополитъ же с чином церковным, вкупе князи и бояре, и весь народ, малии и велиции, сретоша и въ Боголюбивемь съ свещами и с кандилы. Народи же съгнатахутся, хотяще прикоснутися честнемъ одре святого тела его. Бысть же вопль и кричание, и туга тяжка, якова же несть бывала, тако, яко и земли потрястися.

Положено же бысть тело его въ Рожестве святыя Богородица, въ Архимандритьи велицей, месяца ноября в 23 день, на память святого отца Амфилохия.

Бысть же тогда чюдо дивно и памяти достойно. Егда убо положено бысть святое тело его в раку, тогда Савастиянъ икономъ и Кирилъ митрополит хотеста розъяти ему руку, да вложита ему грамоту душевную. Он же самъ, акы живъ сущи, распростеръ руку свою и взят грамоту от руки митрополита. И приять же я ужасть, и едва отступиша от ракы его.

Се же бысть слышано всемъ от господина митрополита и от иконома его Савастияна.

Кто не удивится о семъ, яко телу бездушну сущю и везому от далних градъ в зимное время! И тако прослави Богъ угодника своего. Богу же нашему слава, прославльшему святая своя в веки векомъ. Аминь.

Перевод*

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

О Господе нашем Иисусе Христе, сыне Божьем, я, ничтожный и многогрешный, мало смысля, пытаюсь описать житие святого князя Александра,[1] сына Ярослава, внука Всеволода. Так как слышал от отцов своих и сам был домочадцем и очевидцем жизни его, то рад был поведать о святой и благородной и славной его жизни. Но как Приточник [2] говорит: «В лукавую душу не войдет премудрость: становится она на высоких местах, стоит же посреди дорог, у ворот могущественных мужей садится». Хотя и прост я умом, но молитвою святой Богородицы и помощью святого князя Александра начало положу.

Князь этот Александр по Божьей воле родился от отца милостилюбивого и человеколюбивого, и более того, кроткого князя великого Ярослава и от матери Феодосии.[3] Как говорит Исайя [4] пророк: «Так говорит Господь: я ставлю князей, ибо они священны, и я руковожу ими». Но и ростом он был выше других людей, и голос его — как труба в народе, лицо же его — как лицо Иосифа,[5] которого поставил египетский царь вторым после себя человеком в Египте. Сила же его была частью силы Самсона.[6] И дал ему Бог премудрость Соломона,[7] а храбрость его — как у царя римского Веспасиана,[8] который пленил всю землю Иудейскую. Некогда, во время осады города Иоатапаты,[9] вышли горожане и победили войско его, и остался Веспасиан один и прогнал к городу, к городским воротам, войско их и посмеялся над дружиной своей, и укорил ее, говоря: «Оставили меня одного». Также и этот князь Александр, побеждая, сам был непобедим.

Ради князя Александра и пришел некто знатный от Западной страны,[10] от тех, что зовут себя «слуги Божии», желая повидать его в расцвете сил, так же, как в древности царица Ужская [11] приходила к Соломону, желая наслушаться мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреяш,[12] увидел князя Александра, возвратился к своим и сказал: «Прошел я много стран и видел многие народы, но не встретил ни такого царя среди царей, ни князя среди князей».

Прослышав же о таком мужестве князя Александра, король римской веры [13] из Полуночной страны подумал: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал войско великое и наполнил многие корабли полками своими, устремился в силе великой, кипя духом ратным. И пришел к Неве, влекомый безумием, и послов своих, возгордившись, в Новгород, к князю Александру послал, говоря:

* Перевод выполнен Ю. К. Бегуновым. Печатается по кн.: Кто с мечом: Три произведения древнерусской литературы XIII—XV веков. Перевод с древнерусского. Гравюры Алексея Шмаринова. М., 1975. С. 75—81.

«Если можешь, то сопротивляйся мне, — я уже здесь и беру в плен землю твою».

Александр же, услышав слова эти, распалился сердцем, и вошел в церковь святой Софьи [14] и, упав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный Боже великий, крепкий, Боже превечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы народам, ты повелел жить, не вступая в чужие пределы!». И вспомнив псаломскую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящим меня и побори борющихся со мной, возьми оружие и щит, восстань на помощь мне». И окончив молитву, встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же Спиридон [15] благословил его и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы, начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе Бог, а в правде». Помянем Песнотворца,[16] который сказал: «Иные — с оружием, а иные — на конях, а мы имя Господа Бога нашего призовем, они поколебались и пали, мы же восстали и стоим прямо». И сказав это, пошел на них с небольшой дружиной, не дожидаясь многих войск своих, но уповая на святую Троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его, благородный Ярослав Великий, не знал о нападении на сына своего, милого Александра, не было у Александра времени послать весть к отцу, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться к нему: так спешил князь выступить.

И пошел на них в день воскресения, июля 15, в день памяти шестисот тридцати святых отцов бывшего в Халкидоне собора и святых мучеников Кирика и Улиты,[17] имея же веру великую во святых мучеников Бориса и Глеба.

И был некий муж, старейшина земли Ижорской, по имени Пелгусий.[18] Поручен же был ему морской дозор. Восприял же святое крещение и жил среди рода своего, который оставался в язычестве. Наречено же было имя ему в святом крещении Филипп. И жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу. Поэтому удостоил его Бог увидеть необыкновенное видение в тот день. Расскажем об этом вкратце.

Разведав о силе войска, он пошел навстречу князю Александру, чтобы рассказать князю о станах их и об укреплениях. Когда стоял Пелгусий на берегу моря и стерег оба пути, он не спал всю ночь. И когда же начало восходить солнце, он услышал на море страшный шум и увидел ладью, плывущую по морю, а посередине ладьи — святых мучеников Бориса и Глеба, стоящих в одеждах багряных и держащих руки на плечах друг друга. А гребцы сидели, словно окутаны облаком. И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру». Увидев такое видение и услышав слова мученика, стоял Пелгусий потрясенный, пока ладья не скрылась с глаз его.

Вскоре после этого приехал князь Александр. Пелгусий же взглянул радостно на князя Александра и поведал ему одному о видении. Князь же ему сказал: «Об этом не рассказывай никому».

После того решился напасть на них в шестом часу дня.[19] И была сеча великая с латинянами,[20] и перебил их бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем.[21]

Здесь же в полку Александровом отличились шесть мужей храбрых, которые крепко бились вместе с ним.

Один — по имени Гаврило Олексич. Этот напал на судно и, увидев королевича, которого тащили под руки, въехал по мосткам, по которым всходили, до самого корабля. И побежали все перед ним на корабль, затем обернулись и сбросили его с мостков с конем в Неву. Он же с Божьей помощью оттуда выбрался невредимым и снова напал на них, и бился крепко с самим воеводою, окруженным воинами.

Другой — новгородец, по имени Сбыслав Якунович, не раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в сердце своем. И многие пали от руки его и подивились силе его и храбрости.

Третий — Иаков, полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на врагов с мечом и мужественно бился, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Миша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля латинян.

Пятый — из младшей дружины, по имени Савва. Этот напал на большой, златоверхий шатер и подрубил столб шатерный. Воины же Александровы, увидев падение шатра, обрадовались.

Шестой — из слуг его, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и окружило его много врагов. Он же от многих ран упал и скончался.

Обо всем этом слышал я от господина своего Александра и от других, кто в то время участвовал в той сече.

Было же в то время чудо дивное, как в древние времена при Езекии царе,[22] когда пришел Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, стремясь захватить святой город, и внезапно появился ангел Господень и перебил 185 000 воинов ассирийских. И когда наступило утро, нашли их трупы. Так же было и после победы Александра, когда победил короля: на другом берегу реки Ижоры, где полки Александра не могли пройти, нашли множество врагов, перебитых ангелом Божиим. Оставшиеся бежали, а трупы погибших своих набросали в корабли и потопили в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца.

На следующий год после возвращения князя Александра с победой пришли опять те же от Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр немедля вышел и срыл город их до основания, а самих их — одних повесил, а других с собою повел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был он милостив свыше меры.

На третий год после победы Александра над королем в зимнее время пошел Александр на землю Немецкую с большим войском, чтобы не похвалялись они, говоря: «Подчиним себе словенский народ».

Ведь уже взяли город Псков и тиунов своих посадили.[23] Тиунов князь Александр схватил, город Псков освободил от пленения. А землю их разорил и пожег, и пленных взял без числа, а других порубил. Иные же немецкие города заключили союз и решили: «Пойдем и победим Александра и возьмем его руками».

Когда же приблизились враги, узнали об этом дозорные Александра. Князь же Александр построил полки и пошел навстречу, и покрылось озеро Чудское множеством воинов той и другой стороны. Отец же его Ярослав прислал к нему на помощь младшего брата Андрея с большой дружиной. У князя Александра было так же много храбрых мужей, как в древние времена у Давида царя было сильных и крепких воинов. Так и мужи Александровы исполнились духа ратного, ибо сердца их были, как у львов, и сказали они: «О княже наш славный! Ныне настало нам время положить свои головы за тебя». Князь же Александр, воздев руки к небу, воскликнул: «Суди меня, Боже, и рассуди распрю мою с народом велеречивым и помоги мне, Боже, как ты помог в древние времена Моисею [24] победить Амалика,[25] и прадеду моему Ярославу [26] победить окаянного Святополка».

Была же тогда суббота. Когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была злая сеча,[27] и раздавался такой треск от ломающихся копий и звон от мечей, будто замерзшее озеро двинулось, и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

И слышал я это от очевидца, который мне рассказал, что видел воинство Божье в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил их с помощью Божьей, и обратились враги в бегство, и гнали и секли их воины Александровы, словно неслись они по воздуху; и некуда было тем бежать. Здесь же прославил Бог Александра перед всеми полками, как Иисуса Навина [28] у Иерихона. А того, кто говорил: «Поймаем Александра руками», — предал Бог в руки. И не нашлось никого, кто мог бы воспротивиться ему в битве.

И возвратился князь Александр с победою славною. И шло многое множество пленных в войске его, вели босыми возле коней тех, кто называл себя «Божии рыцари».

И когда подошел князь к городу Пскову, игумены и попы в ризах с крестами и весь народ встретили его перед городом, воздавая хвалу Богу и славу господину князю Александру, воспевая песнь: «Помог ты, Господи, кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему силою креста освободить город Псков от иноязычных рукою Александровою».

О неразумные псковичи! Если забудете об этом и до правнуков Александровых, то уподобитесь тем иудеям, которых накормил Господь в пустыне манною и жареными перепелами и которые обо всем этом забыли, как забыли и Бога, освободившего их из египетской неволи.

И прославилось имя его по всем странам и до моря Египетского,[29] и до гор Араратских, и по обе стороны моря Варяжского,[30] и до великого Рима.

В то же время умножился народ литовский, и начали разорять волости Александровы. Он же, выехав на них, стал избивать их. Случилось ему однажды выехать на врагов, и побил он семь полков ратных за один выезд, множество князей их избил, а других взял в плен, слуги же его, издеваясь, привязывали литовцев к хвостам своих коней. И стали они с тех пор бояться имени его.

В то же время был некий сильный царь в Восточной стране,[31] которому Бог покорил многие народы от востока и до запада. Тот царь, прослышав, что Александр столь славен и храбр, послал к нему послов и приказал сказать: «Александр, разве ты не знаешь, что Бог покорил мне многие народы? Ты один не хочешь покориться силе моей! Но если хочешь уберечь землю свою, то немедля приходи ко мне, чтобы увидеть славу царства моего».

Князь же Александр пришел во Владимир после смерти отца своего с большим войском. И был грозен приезд его, и промчалась весть об этом до самого устья Волги. И стали жены моавитские [32] пугать детей своих, говоря: «Александр князь едет!».

Задумал же князь Александр поехать к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И увидев его, царь Батый подивился и сказал вельможам своим: «Правду мне говорили, что нет князя, подобного ему». Воздав же достойные почести ему, отпустил его.

Потом разгневался царь Батый на брата его младшего, на Андрея, и послал воеводу своего Неврюя [33] разорить землю Суздальскую. После Невруева нашествия князь великий Александр церкви восстановил, города отстроил, людей разбежавшихся собрал в дома их. О таких говорит Исайя пророк: «Князь хороший в странах — тих, приветлив, кроток, смирен и тем Богу подобен», не ищет богатства и не чуждается праведной жизни, сирот и вдовиц судит по правде, любит милость, а не злато, добр к домочадцам своим и гостепреимен к приходящим из других стран. Таковых Бог наделяет при жизни своими милостями, ибо Бог хочет благополучия не для ангелов, но для людей, которых так щедро награждает, учит и являет в мире милость свою.

Наделил же Бог землю его богатством и славою, и продлил Бог лета его. Некогда же пришли к нему послы от папы [34] из великого Рима, говоря: «Папа наш так сказал: „Слышал я, что ты князь достойный и славный и что земля твоя велика. Того ради прислал я к тебе от двенадцати кардиналов двух умнейших — Галда и Гемонта, чтобы ты послушал учение их о законе Божьем“».

Князь же Александр, посоветовавшись со своими мудрецами, написал ему, так говоря: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до Авраама,[35] от Авраама до прохода Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида царя, от начала царствования Соломона до Августа [36] царя, от власти Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова до Страдания и Воскресения Господня, от Воскресения же его и до Восшествия на небеса, от Восшествия на небеса до царствования Константинова,[37] от начала царствования Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого [38] — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не приемлем». Они же возвратились восвояси.

И приумножились дни жизни его в великой славе, так как князь Александр любил иереев, и монахов, и нищих, митрополита же и епископов чтил и слушался их, как самого Христа.

Было же тогда большое насилие от иноплеменников: сгоняли христиан, приказывая им ходить в походы. Князь же великий Александр поехал к царю, чтобы отмолить людей от той беды.

А сына своего Димитрия [39] послал на Западные страны, и все полки свои послал с ним, и ближних своих домочадцев, говоря им: «Служите сыну моему, как мне самому, всей жизнью своей!».

Пошел князь Димитрий с большим войском и пленил землю немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился к Новгороду со множеством пленников и с большой добычею.

Отец же его, великий князь Александр, возвращаясь от иноплеменников, остановился в Нижнем Новгороде и здесь был недолго здоров, а дойдя до Городца — разболелся.

О, горе тебе, бедный человек! Как сможешь описать ты кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не разорвется сердце твое от плача! Отца человек может покинуть, а доброго господина невозможно покинуть, если бы мог, и в гроб бы лег с ним!

Великий же князь Александр, ревнуя Господу крепко, оставил земное царство и стал монахом, ибо было его самым большим желанием принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и высший чин принять — схиму. И так Господу дух свой предав, с миром скончался месяца ноября в 14-й день, в день памяти святого апостола Филиппа.[40]

Митрополит же Кирилл [41] говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской! Уже не найдется ни один подобный ему князь в земле Суздальской!». Иереи и дьяконы, черноризцы, нищие и богатые, и все люди говорили: «Уже погибаем!».

Святое же тело его понесли к граду Владимиру. Митрополит же с чином церковным, вместе с князьями и боярами, и весь народ от мала до велика встретили тело в Боголюбове со свечами и кадилами. Народ же толпился, желая прикоснуться к честному одру, на котором лежало его святое тело. Был же крик и плач, и стон такой, какого еще никогда не бывало — так, что земля содрогнулась.

Положено же было тело его в церкви Рождества [42] святой Богородицы, в Архимандритье великой, месяца ноября в 23 день, в день памяти святого отца Амфилохия.[43]

Было же тогда чудо дивное, достойное памяти. Когда положено было святое тело в гроб, Севастьян эконом и Кирилл митрополит хотели разжать ему руку, чтобы вложить в нее духовную грамоту. Он же сам, как живой, протянул руку и взял грамоту из рук митрополита. И объял их ужас, и едва отступили от гробницы его.

Об этом все услышали от господина митрополита и от эконома его Севастьяна.[44]

Кто ли не удивится тому, если был он мертв и тело было привезено издалека в зимнее время! И так прославил Бог угодника своего. Богу же нашему слава, прославившему святых своих во веки веков. Аминь.

«Житие Александра Невского» создано в начале 80-х годов XIII в. Отобранные автором факты из жизни князя искусно объединены с помощью приемов, характерных для литературной юго-западной школы, хотя сам автор был, скорее всего, владимирским монахом, ранее принадлежавшим к числу домашних слуг князя. Автор стремился усилить церковную окраску Жития. Оно изобилует массой реминисценций и устойчивых формул, взятых из библейских книг, из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, из южнорусских летописей.

1 *Князь Александр.* Александр Невский (род. 30 V 1220 г. — дата условная, установлена по работам историков XVIII в. Г. Миллера и Екатерины II) был сыном князя Новгородского, Киевского и Владимиро-Суздальского Ярослава Всеволодовича и внуком великого князя Владимиро-Суздальского Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо. Прославился как выдающийся полководец. Одержанные им победы — на Неве 15 июля 1240 г. (после этой битвы Александра стали называть «Невским») и на льду Чудского озера 5 апреля 1242 г. — имели большое историческое значение для всей Руси. Александр стал, вероятно, почитаться как святой впервые в стенах Владимирского Рождественского монастыря, где он был похоронен в 1263 г. Затем монахи этого монастыря записали легенды о чудесах, происшедших посмертно, с целью добиться его местной канонизации. В дальнейшем, используя имя популярного в народе победителя немцев и шведов, монахи Рождественского монастыря сумели добиться для своей обители немало выгод.

2 *Приточник.* Предполагаемый автор ветхозаветной «Книги притчей Соломоновых», может быть, сам Соломон, иудейский царь.

3 *Феодосия.* Мать Александра Невского была дочерью рязанского князя Игоря Глебовича. Умерла в 1244 г. и была похоронена в Новгородском Юрьевом монастыре.

4 *Исайя.* Сын Амоса, библейский пророк VIII в. до н. э., которому приписывается составление ветхозаветной «Книги пророчеств» из 66 глав.

5 *Иосиф.* Согласно Библии, Иосиф Прекрасный разгадал сны фараона, после чего тот женил его на дочери жреца и сделал своим соправителем.

6 *Самсон.* Один из героев Ветхого завета — богатырь и судья израильского народа.

7 *Соломон.* Согласно Библии, сын Давида обладал великой мудростью, составил «Книгу притчей» и «Премудрости Соломона».

8 *Веспасиан.* Римский император (69—79), прославившийся как энергичный полководец, завоеватель Палестины.

9 *Иоатапата.* Крепость в Палестине.

10 *Западная страна.* Ливония.

11 *Царица Ужская.* Царица Савская из южной Аравии, XI—X вв. до н. э.

12 *Андреяш.* Андреас фон Фельвен, вице-магистр Ливонского Ордена.

13 *Король римской веры.* Здесь имеется в виду шведский король Эрик Эрикссон, по прозванию Леспе («Картавый»), католической веры. В 1240 г. шведское войско отправилось в поход под начальством ярла Ульфа Фаси.

14 *Церковь Софьи.* Собор святой Софии Премудрости Божии в Новгородском кремле, основан в 1050 г.

15 *Архиепископ Спиридон.* Новгородский архиепископ с 1229 по 1249 г.

16 *Песнотворец.* Имеется в виду Давид, иудейский царь.

17 *Кирик и Улита.* IV Вселенский собор в Халкидоне происходил 16 июля 451 года. Кирик и Улита — сын и мать, святые, христианские мученики (III—начало IV в.), их память 15 июля. Князья Борис и Глеб — сыновья князя Владимира, убитые 24 июля и 5 сентября 1015 г. по приказу своего старшего брата Святополка, получившего прозвище Окаянного. Канонизированные в 1072 г., Борис и Глеб считались святыми военными покровителями Русской земли, стражами феодального княжеского миропорядка.

18 *Пелгусий.* Ижорская земля находилась к югу от Невы, ижоряне давно были в подчинении у Новгорода, а их верхушка приняла христианство. Пелгусий-Филипп — родоначальник рода Пелконен.

19 *В шестом часу дня.* Невская битва произошла недалеко от впадения реки Ижоры в Неву 15 июля 1240 г. в 6 часов дня по древнерусскому счету времени, т. е. в 6 часов, считая от восхода солнца, — в 11 часов утра по современному счету.

20 *Латиняне (римляне).* В данном случае шведы, финны, норвежцы, находившиеся в войске шведского ледунга.

21 *Возложил печать на лицо.* Князь Александр ранил шведского ярла копьем в щеку. Автор Жития, рассказав об этом, одновременно намекает на обычай древних римлян ставить знак собственности — клеймо на лицо своего раба, и тем самым дает читателю понять, что предводитель «римлян» попал в положение раба.

22 *Езекия царь.* По Библии, 13-й иудейский царь; это событие произошло в 740 г. до н. э.

23 *Вот уже взяли.* Ливонские немцы захватили Псков в 1241 г. из-за измены некоторых псковских бояр во главе с посадником Твердилой Иванковичем. Тиуны — здесь немецкие фогты (судьи).

24 *Моисей.* Ветхозаветный пророк иудейского народа.

25 *Амалик.* Вождь амаликитян, занимавших страну между Палестиной и Египтом, оказавший сильное сопротивление иудеям.

26 *Ярослав.* Ярослав Владимирович Мудрый (1019—1054), великий князь Киевский, одержавший в 1019 г. победу на реке Альте над Святополком Окаянным.

27 *И была злая сеча.* Ледовое побоище 5 апреля 1242 г. Немецкий натиск на Восток был остановлен.

28 *Иисус Навин.* Ветхозаветный иудейский пророк, преемник Моисея. Иерихон — город и крепость в Палестине. По преданию, стены пали от звука труб Иисуса Навина.

29 *Море Египетское.* Часть Средиземного моря, омывающая Египет.

30 *Море Варяжское.* Балтийское море.

31 *Царь в Восточной стране.* Хан Большой орды Батый (1242—1255), у которого Александр был в 1249 г.

32 *Жены моавитские.* Моавитяне — племя, происходившее от Моава, сына Лота, и жившее на восток от Иордана и Мертвого моря. Этим библейским именем автор называет татар.

33 *Невруй.* Невруево нашествие на Владимиро-Суздальскую землю произошло в 1252 г. До Невруева нашествия князь Александр поехал в Сарай к ордынскому хану Сартаку и получил от него ярлык на великое княжение Владимирское.

34 *Послы от папы.* Вероятно, имеется в виду посольство от папы римского Иннокентия IV (1243—1254), посылавшего в 1248 г. к князю Александру Ярославичу в Новгород двух легатов — Галда и Гемонта с предложением перейти в католичество. Папским легатам пришлось ни с чем вернуться в Рим.

35 *Авраам.* Согласно Библии, праотец еврейского народа, живший в III тысячелетии до н. э. и переселившийся в Ханаан из месопотамского города Ура ок. 2215 г. до н. э.

36 *Август.* Римский император Октавиан Август (30 г. до н. э.—14 г. н. э.).

37 *Константин.* Константин Великий, властитель Западной и Восточной Римской империи (306—337), признавший христианство государственной религией.

38 *Первый собор.* Первый вселенский собор был в Никее в 325 г., седьмой — там же в 787 г.

39 *Сына своего Димитрия.* В 1262 г. князю Димитрию Александровичу было всего 9 лет, войском же командовали его дядя — князь Ярослав Ярославич Тверской, полоцкий князь Товтивил и смоленский князь Константин Ростиславич. Весь рассказ Жития о походе на Юрьев осенью 1262 г. составлен с явной тенденцией изобразить Димитрия достойным преемником великокняжеского стола своего отца в период его борьбы за власть с братом Андреем (1280-е годы).

40 *Апостол Филипп.* По преданию, это ученик Христа, проповедовавший в Скифии в I в. н. э.

41 *Митрополит Кирилл.* Митрополит Киевский и Владимирский (1243—1280).

42 *В церкви Рождества.* Рождественский Богородицкий монастырь во Владимире, основанный в 1191—1192 гг., считался (до 1561 г.) первым монастырем Руси, «архимандритьей великой».

43 *Амфилохий.* Святой епископ Иконийский (IV в.), жил в Малой Азии.

44 *Севастьян.* Весь рассказ о посмертном «чуде» с духовной грамотой — запись устной легенды, бытовавшей во Владимирском Рождественском монастыре. Митрополит Кирилл и его эконом Севастьян принимали участие в распространении легенды и были сопричастны созданию Жития Александра Невского (Первая редакция).

ЛЕТОПИСНЫЙ РАССКАЗ О СРАЖЕНИИ НА НЕВЕ

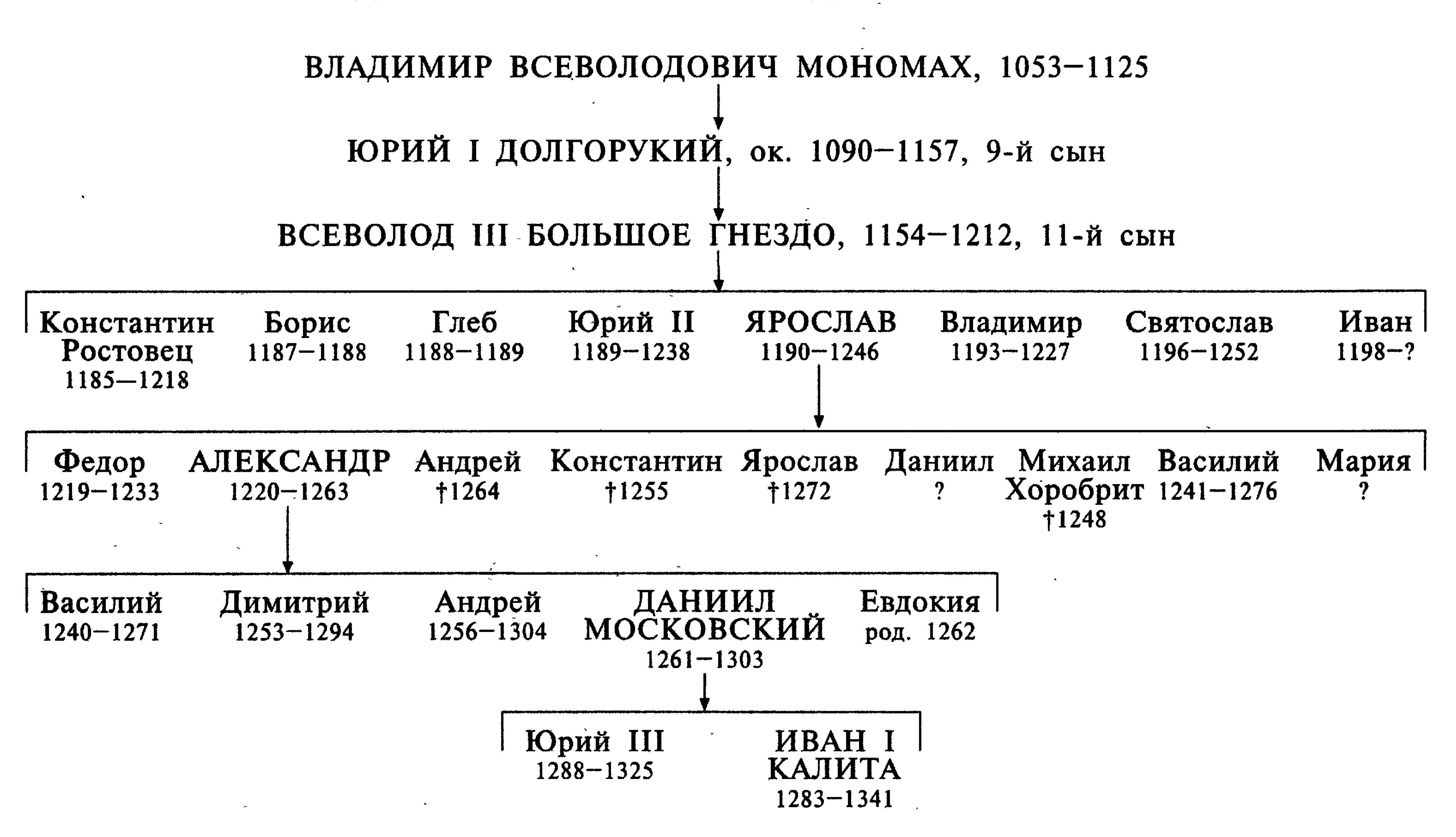
Из Синодального списка Новгородской Первой летописи старшего извода *

В лѣто 6748 (1240). Придоша Свѣи в силѣ велицѣ, и Мурмане, и Сумъ, и Ѣмь в кораблихъ множьство много зелѣ; Свѣи съ княземь и съ пискупы своими; и сташа в Невѣ устье Ижеры, хотяче восприяти Ладогу, просто же реку и Новъгородь и всю область Новгородьскую. Но еще преблагый, премилостивый человѣколюбець Богъ ублюде ны и защити от иноплеменьникь, яко всуе трудишася без Божия повелѣния: приде бо вѣсть в Новъгородъ, яко Свѣи идуть къ Ладозѣ. Князь же Олександръ не умедли нимало с новгородци и с ладожаны приде на ня, и побѣди я силою святыя Софья и молитвами владычица нашея Богородица и приснодѣвица Мария, мѣсяца июля въ 15, на память святого Кюрика и Улиты, в недѣлю на Сборъ святыхь отець 630, иже в Халкидонѣ; и ту бысть велика сѣча Свѣемъ. И ту убиенъ бысть воевода ихъ, именемъ Спиридонъ; а инии творяху, яко и пискупъ убьенъ бысть ту же; и множество много ихъ паде; и накладше корабля два вятшихъ мужь, преже себе пустиша й к морю; а прокъ ихъ, ископавше яму, вметаше в ню бещисла; а инии мнози язвьни быша; и в ту нощь, не дождавше свѣта понедѣльника, посрамлени отъидоша. Новгородець же ту паде: Костянтинъ Луготиницъ, Гюрята Пинещиничь, Намѣсть, Дрочило Нездыловъ, сынъ кожевника, а всѣхъ 20 мужь с ладожаны, или мне, Богъ вѣсть. Князь же Олександръ съ новгородци и с ладожаны придоша вси здрави въ своя си, схранени Богомъ и святою Софьею и молитвами всѣхъ святыхъ.

---

* Текст воспроизводится по кн.: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 77.

Известие это относится к Новгородскому архиепископскому летописанию того времени, когда оно велось при соборе святой Софии и дополнялось летописцами церкви святого Якова. Данное известие, не зависящее от Жития Александря Невского, — сильный аргумент в пользу действительности самого события, т. е. Невской битвы.

РОДОСЛОВИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
ВЛАДИМИР ВСЕВОЛОДОВИЧ МОНОМАХ, 1053–1125
ЮРИЙ I ДОЛГОРУКИЙ, ок. 1090–1157, 9-й сын
ВСЕВОЛОД III БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО, 1154–1212, 11-й сын
Константин Ростовец 1185–1218
Борис 1187–1188
Глеб 1188–1189
Юрий II 1189–1238
ЯРОСЛАВ 1190–1246
Владимир 1193–1227
Святослав 1196–1252
Иван 1198–?
Федор 1219–1233
АЛЕКСАНДР 1220–1263
Андрей †1264
Константин †1255
Ярослав †1272
Даниил ?
Михаил Хоробрит †1248
Василий 1241–1276
Мария ?
Василий 1240–1271
Димитрий 1253–1294
Андрей 1256–1304
ДАНИИЛ МОСКОВСКИЙ 1261–1303
Евдокия род. 1262
Юрий III 1288–1325
ИВАН I КАЛИТА 1283–1341

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО *

1220, мая 30. Родился в г. Переяславле-Залесском в семье переяславского князя Ярослава Всеволодовича, сына Всеволода III Большое Гнездо, внука Юрия Долгорукого, и княгини Феодосии Игоревны, дочери рязанского князя Игоря Глебовича. Александр в семье второй сын, первый — Федор (1219).

1223. Совершение обряда княжеского пострига епископом Симоном в Спасо-Преображенском соборе г. Переяславля.

1223, мая 31. Первая битва русских с татаро-монголами на реке Калке.

1228. Приезд Александра с отцом и братом в Новгород Великий. Ярослав вскоре уезжает, оставив своих сыновей княжичами-наместниками, дав им в помощь Федора Даниловича и тиуна Якима.

1229, февраля 20. Отъезд княжичей во Владимир ввиду боярского заговора.

1230, декабря 30. Возвращение из Переяславля в Новгород князя Ярослава вместе с сыновьями. Продолжение их наместничества.

1233, июня 10. Смерть брата Федора накануне его свадьбы.

1234, зима. Участие юного Александра в походе отца с войском на Дерпт и в «ледовой» битве на реке Омовже (Эмайыге) с ливонскими рыцарями.

1235. В г. Каракоруме (Монголия) на курултае (съезде) монгольская знать принимает решение послать на запад сильное войско с 12—14 ханами (140 тыс. человек) во главе с Бату-ханом, сыном Джучи, внуком Чингиз-хана, для расширения улуса Джучи «до последнего моря».

1236. Победа литовцев в битве с немецкими рыцарями Ордена Меченосцев при г. Шауляе и образование Литовского государства во главе с князем Миндовгом. Князь Ярослав Всеволодович отправляется в Киев добывать княжеский стол, а в Новгороде оставляет полноправным князем-наместником Александра.

1237, весна. Объединение Ордена Меченосцев Ливонии с Тевтонским Орденом Пруссии. Усиление немецкого владычества в Прибалтике.

1237, декабрь—1238, зима—весна. Татаро-монгольское нашествие на Северо-Восточную Русь.

1238, 4 марта. Битва с татарами на реке Сити и гибель великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича.

1238, лето. Князь Ярослав Всеволодович становится великим князем Владимирским, а князь Александр — князем-наместником Новгородским, князем Дмитровским и Тверским.

1239. Бракосочетание князя Александра с Александрой, дочерью полоцкого князя Брячислава, в г. Торопце, в храме св. Георгия. Продолжение свадебного пира в Новгороде. Строительство крепостей и оборонительной линии по реке Шелони и на юго-западной границе Новгородской республики.

---

* Составил Ю. К. Бегунов.

1240. Рождение в Новгороде сына-первенца князя Василия.

1240, июль. Крестовый поход шведов, норвежцев и финнов на Новгород с одобрения папы Римского Григория IX.

1240, июля 15. Битва Александра со шведами, чье войско возглавлял ярл Ульф Фаси, у впадения реки Ижоры в Неву. Победа и прозвание князя впоследствии именами «Храбрый» и «Невский».

1240, лето. Крестовый поход немецких рыцарей Ордена Меченосцев во главе с вице-магистром Андреасом фон Фельвеном на Псков и Новгород. Поражение псковского войска под Изборском. Взятие Изборска и Пскова немцами.

1240, ноябрь. Ссора князя Александра с новгородскими боярами и отъезд в Переяславль.

1240, декабря 6. Взятие Киева татаро-монголами под начальством Бату-хана.

1241, зима. Усиление набегов ливонских немцев на Новгородскую землю. Взятие городков Тесово, Сабли, построение крепости Копорье в Водской земле. Новгородцы посылают за помощью к князю Ярославу Всеволодовичу во Владимир и получают вначале дружину князя Андрея Ярославича, а потом и дружину Александра Невского после специального обращения к последнему архиепископа Новгородского Спиридона.

1241, весна—1242. Поход татаро-монголов под началом Бату-хана в Европу (Польша, Венгрия, Дакия, Словения, Хорватия, Босния) до «последнего моря», т. е. до Адриатического моря.

1241, осень. Изгнание новгородским войском под началом князя Александра немецких рыцарей из Копорья и срытие самой крепости.

1241, декабрь. Изгнание князем Александром и его войском немецких рыцарей из Пскова.

1242, апреля 5. «Ледовое побоище»: битва Александра Невского с немецкими рыцарями на льду Чудского озера. Победа и прекращение немецкого движения на восток.

1242, весна. Заключение мирного договора с Орденом Меченосцев, обмен пленными. Написание Псковской законодательной грамоты князем Александром для псковичей.

1242—1243. Возвращение татаро-монгольского войска из Европы в Кипчакскую степь и основание на нижней Волге ханом Бату государства Большая Орда (Ак-Орда) со столицей Сарай-Бату. Установление тяжелого татаро-монгольского ига над русскими княжествами.

1244, мая 5. Смерть матери Александра Невского Феодосии, предсмертное принятие схимы с именем Евфросиния, погребение в Юрьевом монастыре рядом с князем Федором.

1245. Литовские набеги на Смоленскую, Витебскую, Новгородскую и Псковскую земли. Отражение этих набегов войском князя Александра под Торжком, Торопцем, Бежичами, Витебском и Усвятом. Переезд малолетнего князя Василия из Витебска в Новгород.

1246, сентября 30. Смерть князя Ярослава Всеволодовича на обратном пути из Монголии на Русь. Есть предположение, что он был отравлен по приказанию великой ханши Туракин, вдовы Угедея, медленно действующим ядом.

1246, октябрь. Похороны отца во Владимире.

1247. От своего дяди великого князя Владимирского Святослава Всеволодовича князь Александр получает во владение города Переяславль, Зубцов, Нерехту, но возвращается в Новгород и там продолжает княжить.

1248, лето. Приход в Новгород легатов папы Римского Иннокентия IV к князю Александру с грамотой от папы и предложением союзного договора. Отказ князя Александра папским послам.

1249—1250. Первая поездка князя Александра в Сарай-Бату (Ак-Орда) и Каракорум (Монголия) по вызовам хана Бату и великой ханши Огуль-Гамиш. В результате князь Александр получает ярлык на «Кыев и всю Русьскую землю» с Новгородом, но без Владимиро-Суздальского княжества: в последнем великим князем был объявлен монголами Андрей Ярославич.

1250. Прибытие во Владимир Кирилла, бывшего печатника князя Даниила Галицкого, митрополита Киевского (с 1243 г.), впоследствии друга и сподвижника Александра Невского.

1250. Возвращение князя Александра во Владимир и Новгород.

1251. Отправление посольства из Новгорода в Норвегию, в Трондхейм, к королю Хакону с предложением заключить договор о дружбе и союзе. Тяжелая болезнь князя и его выздоровление. Смерть его первой жены княгини Александры (предположительно) в Новгороде.

Ок. 1252. Соперничество князей Андрея и Александра в борьбе за обладание Владимирским великокняжеским столом. Ссора с братом Ярославом Ярославичем Тверским.

1252, май—июль. Татаро-монгольское нашествие на Северо-Восточную Русь, взятие и сожжение войском под начальством ордынского царевича Неврюя Владимира и Переяславля. Бегство князя Андрея в Швецию (через Новгород).

1252, июнь—июль. Вторая поездка князя Александра в Сарай-Бату и жалоба последнего наследнику хана Сартака на князя Андрея.

1252, июль—август. Возвращение князя Александра из Орды во Владимир как великого князя Владимирского. Торжественная встреча во Владимире, организованная ему митрополитом Кириллом.

1252, осень. Женитьба на княжне Дарье Изяславне, дочери рязанского князя Изяслава Владимировича (впоследствии ее монашеское имя — Васса). Начало восстановления Владимиро-Суздальской земли после нашествия Неврюя. Посажение князя Василия Александровича наместником в Новгороде.

1253. Набег немецких рыцарей на Псков и их поражение. Переговоры князя Александра в Пскове и Новгороде с послами Ливонского Ордена. Подтверждение мирного договора 1242 г. Рождение во Владимире первого сына — Дмитрия — от второго брака, будущего князя Переяславского, Новгородского и великого князя Владимирского.

1254. Заключение мирного договора Новгорода с Норвегией («Разграничительная грамота»).

1255. Рождение во Владимире сына Андрея, будущего князя Городецкого и Нижегородского. Смерть хана Бату и воцарение хана Сартака в Орде. Восстание новгородцев против князя Василия Александровича. Князь Александр с войском спешит на выручку сына, подавляет восстание, казнит зачинщиков.

1256. Шведский ярл Биргер с войском пришел на реку Нарову и начал там строить свои городки. Князь Александр с дружиной и новгородское войско прогоняют шведов и срывают городки. Затем большое войско под начальством князя Александра идет в поход на тавастов (емь) в Южную Финляндию и покоряет их. Покидая Новгород, он снова вручает наместничество своему сыну Василию.

1257. Третья поездка князя Александра в Орду, в Сарай-Бату, к новому хану Улагчи. Принято решение о поголовной переписи татаро-монголами населения всей Руси.

1258. Известия о переписи достигают Новгорода. Народ под начальством воеводы Александра восстает против местных властей. К восставшим присоединяется и князь Василий. По призыву «больших бояр» в Новгород с войском приходит князь Александр и подавляет восстание, казнит зачинщиков. Князь Василий бежит в Псков, но потом возвращается. Отец накладывает на него опалу и больше не допускает к государственной деятельности.

1258, зима. Четвертая поездка князя Александра в Орду вместе с князем Андреем Ярославичем, Борисом Васильковичем Ростовским, Ярославом Ярославичем Тверским с целью добиться отмены переписи. Неудача.

1259, зима. Татарские чиновники Беркай и Касачик проводят перепись в Новгороде. Князь Александр с дружиной успокаивает волнующееся население, помогает «численникам».

1260. Князь Александр покидает Новгород и оставляет вместо себя наместником малолетнего князя Димитрия. Сам живет во Владимире. В это время литовцы решительно восстают против немецкого владычества в Литве.

1261. Рождение во Владимире младшего сына Даниила, будущего князя Московского, родоначальника московских великих князей, отца Юрия II и Ивана I Калиты.

1262. Заключение в Новгороде мирного союзного договора с Литовским государством. В переговорах участвуют князья Миндовг и Александр. Союз этот был направлен против агрессии Ливонского Ордена.

1262, осень. Русско-литовский поход против Ордена во главе с девятилетним князем Димитрием Александровичем на Дерпт. Взятие крепости и возвращение с победой в Новгород. Народные восстания во Владимире, Суздале, Ростове, Ярославле, Костроме, Великом Устюге против татарских баскаков, присланных ханом Хубилаем. Князь Александр не вмешивается, он раздает уделы сыновьям: Димитрию — Переяславль, Андрею — Городец. Заключение договора о мире и торговле с Ригой, Ливонским Орденом, Любеком, островом Готланд.

1262—1263. Пятая поездка князя Александра в Орду, в Сарай-Берке по вызову хана Берке, отделившего свое государство от Монгольской империи; тот готовится к войне с иранским ханом Хулагу и требует набора русских рекрутов. Князь отмолил русский народ от беды, сам заболел в Орде и тяжелобольной выехал на Русь.

1263, ноября 14. Смерть князя Александра в Городце, в Федоровском монастыре св. Богородицы. Перед смертью принял схиму с именем Алексия.

1263, ноября 23. Погребение тела князя Александра в церкви Рождества Богородицы во Владимирском Рождественском монастыре. Надгробная торжественная речь митрополита Кирилла. Чудо с духовной грамотой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИСЗР — Аграрная история Северо-Западной Руси.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подг. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, С. Н. Валк. М.; Л. 1949
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМПИ — Государственный музей палехского искусства. Палех
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская Национальная библиотека)
ГРМ — Государственный Русский музей
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
ИАО — Известия имп. Археологического общества. СПб.
ИЗ — Исторические записки. М.
ИОРЯС — Известия Отделения Русского языка и словесности имп. Академии наук СПб.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
НКаЛ — Новгородская Карамзинская летопись
НПЛ — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.
НІЛ — Новгородская 1-я летопись
НІІІЛ — Новгородская 3-я летопись
НIVЛ — Новгородская 4-я летопись
НПК — Новгородские писцовые книги, изданные имп. Археографической комиссией. СПб., 1859—1910. Т. 1—6
ПВЛ — Повесть временных лет. М.; Л. 1950. Ч. 1—2
ПДПиИ — Памятники древней письменности и искусства. СПб.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПІЛ — Псковская 1-я летопись
ПІІЛ — Псковская 2-я летопись
ПІІІЛ — Псковская 3-я летопись
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РНБ — Российская Национальная библиотека (прежде — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)
СА — Советская археология. М.
СІЛ — Софийская 1-я летопись
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.

BS — Byzantinoslavica. Praha
FMU — Finland Medeltidsurkunden. Helsinki
SO — Slavia Orientalis. Warszawa
WS — Die Welt der Slaven. Wiesbaden
ZS — Zeitschrift für Slawistik. Berlin

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Василий Федорович — заведующий Кафедрой истории России Новгородского государственного университета, доцент, кандидат исторических наук

Бегунов Юрий Константинович — ведущий научный сотрудник-консультант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор филологических наук Болгарии и России, член Союза писателей России, академик Международной Славянской, Петровской и Русской Академий наук

Белецкий Сергей Васильевич — старший научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук

Бланков Жан — профессор Брюссельского университета, доктор хабилитус

Братчикова Елена Константиновна — заместитель директора Государственного музея палехского искусства в г. Палех (Ивановская область)

Джаксон Татьяна Николаевна — старший научный сотрудник Института истории России РАН (Москва), кандидат исторических наук

Дубов Игорь Васильевич — директор Российского этнографического музея, профессор, доктор исторических наук

Зиборов Виктор Кузьмич — доцент Кафедры истории России С.-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук

Иоаннисян Олег Михайлович — заведующий Отделом архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

Кирпичников Анатолий Николаевич — заведующий Отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, профессор, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Международной Славянской и Петровской академий наук

Лебедев Глеб Сергеевич — старший научный сотрудник Института социально-экономических исследований С.-Петербургского государственного университета, доцент, доктор исторических наук

Линд Джон Говард — профессор Копенгагенского университета

Лихачев Дмитрий Сергеевич — заведующий Отделом древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, профессор, доктор филологических наук, академик РАН, иностранный член Болгарской, Венгерской, Сербской Академий наук, член-корреспондент Австрийской, Американской, Британской, Итальянской (Деи Линчеи), Геттингенской Академий наук, Научного Философского общества США, почетный доктор университетов — Будапештского, Карлова, Сиенского, Софийского, Торуньского, Оксфордского, Цюрихского и Эдинбургского, Герой Социалистического Труда, дважды Лауреат Государственных премий, лауреат Государственной премии Российской Федерации и многих международных премий и наград, орденоносец, Председатель Пушкинской комиссии РАН, член Союза писателей России

Матхаузерова Светла — профессор Карлова университета (Прага), доктор хабилитус

Моисеева Галина Николаевна — доктор филологических наук

Рябинин Евгений Александрович — ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук

Сакса Александр Иванович — научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, кандидат исторических наук

Сатырева Диана Николаевна — студентка философского факультета С.-Петербургского государственного университета

Собчак Анатолий Александрович — мэр С.-Петербурга, председатель правительства С.-Петербурга, профессор, доктор юридических наук, почетный доктор университетов Генуэзского, Мадридского, Портлендского, Санкт-Петербургского во Флориде, Таусонского, почетный профессор университета в г. Бордо, лауреат международных премий — им. сенатора Фулбрайта Национально-демократического института им. Гарримана, Национального центра университета Вашингтона, Фонда «Мемориал Д. Миттеран» и др.

Соколов Юрий Федорович — старший научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации (Москва), кандидат исторических наук

Томсинский Сергей Владимирович — научный сотрудник Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, кандидат исторических наук

Фроянов Игорь Яковлевич — декан Исторического факультета и заведующий Кафедрой истории России С.-Петербургского государственного университета, профессор, доктор исторических наук

Хёш Эдгар — директор Института восточной и юго-восточной европейской истории при Мюнхенском университете им. Людвига Максимилиана, профессор, доктор хабилитус

Цернак Клаус — профессор Института Восточной Европы при Свободном Берлинском университете, доктор хабилитус

Шаскольский Игорь Павлович — доктор исторических наук

Шишов Алексей Васильевич — капитан 1-го ранга, кандидат исторических наук

Янин Валентин Лаврентьевич — заведующий Кафедрой археологии Московского государственного университета им. Ломоносова, профессор, доктор исторических наук, академик РАН

СОДЕРЖАНИЕ

НЕВСКАЯ БИТВА И ЗАЩИТА РУССКОЙ ЗЕМЛИ

РУСЬ И ЕЕ СОСЕДИ ВРЕМЕНИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА РУСИ

РЕЦЕНЗИЯ

ИСТОЧНИКИ И БИОГРАФИЯ

Составитель — *Ю. К. Бегунов*

**КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
И ЕГО ЭПОХА**

Исследование и материалы

***Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Российской Академии наук***

**Редактор издательства И. П. Палкина
Художник Р. П. Костылев
Технический редактор Н. Ф. Соколова
Корректор А. Д. Буланина**

**ЛР № 061824 от 23.11.92.
Сдано в набор 13.03.95. Подписано к печати 14.08.95.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 13.5+2.5 п. л. вкл. Уч-изд. л. 16.
Тираж 3000. Заказ № 94.**

Издательство «Дмитрий Буланин»

**АО «Санкт-Петербургская типография № 6».
193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.**